АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (52)
2025

e-ISSN 2500-2856

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ **№ 2 (52) 2025**

Главный редактор
академик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:
член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**
доктор исторических наук **Ю.А. Зеленеев**
Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:
Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель)**, Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк –** Ph.D., профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:
А.Г. Ситдиков – академик АН РТ, доктор исторических наук
Д.К. Тулуш – кандидат исторических наук

Адрес редакции:
420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

Индекс ПП753,
электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"
Выходит 4 раза в год

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2025
© Журнал «Поволжская археология», 2025

Издательство «Фэн» Казань, Республика Татарстан

POVOLZHSKAYA ARKHEOLOGIYA e-ISSN 2500-2856
THE VOLGA RIVER REGION ARCHAEOLOGY № 2 (52) 2025

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:
B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D., Professor (Budapest, Hungary), **A.A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **M.M. Saidov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samarkand, Republic of Uzbekistan), **Sh.B. Shaidullaev** – Doctor of Historical Sciences, Republic of Professor (Termez, Uzbekistan)

Editorial Board:
A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A.A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue
A. G. Sitdikov – Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences
D. K. Tulush – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2025
© Mari State University, 2025
© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2025

Publishing House "Fän" Kazan, Republic of Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ*

Трансконтинентальные торговые маршруты в раннем железном веке и средневековье

Му Цзиньшань (Сиань, Китай)
Краткое изложение исследований пазырыкской культуры, сделанных китайскими учеными 8

Таиров А.Д. (Челябинск, Россия)
Караваны в степях Центральной Евразии: торговые пути 20

Овчаров Н.Д. (Свищов, Болгария), Станев М.Й. (Варна, Болгария)
Торговые отношения на Великом Волжском пути между Болгарским царством и Золотой Ордой в XIV веке....28

Субботин А.В. (Санкт-Петербург, Россия)
Трансформация погребальных традиций тагарской культуры 38

Лапшин А.С. (Москва, Россия), Лапшина И.Ю. (Волгоград, Россия)
Амулеты с надписями и «магическими квадратами» из находок на золотоордынских городищах....46

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. (Алматы, Казахстан), Хаванский А.И. (Москва, Россия)
Западный Казахстан как один из центров Улуса Джучи в XIII–XIV вв. 54

Сингатулин Р.А. (Саратов, Россия)
Анализ градостроительных технологий Укека с использованием нейронных сетей (предварительные результаты исследований)....70

Руденко К.А. (Казань, Россия)
Металлические зеркала Волжской Болгарии и Болгарской области Золотой Орды как межкультурный феномен 80

Лопан О.В., Волков И.В. (Казань, Россия)
Железные дуговые варганы золотоордынского времени в Поволжье 87

Урбушев А.У. (Казань, Россия)
Новые местонахождения наскальных изображений в долине реки Каракол (Центральный Алтай): к вопросу о редокументировании памятников наскального искусства 100

Митько О.А. (Новосибирск, Россия)
«Этот долгий девятый век»: енисейские кыргызы в Усинской котловине 109

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

История изучения археологии культур Степной Евразии: сохранение и музеефикация археологического наследия номадов Евразии

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. (Новосибирск, Россия)
История изучения раннесредневековых изваяний Алтая 120

Илюшин А.М. (Кемерово, Россия)
Металлические казаны в культуре кипчаков.....137

Усманова Э.Р., Жумашев Р.М. (Караганда, Казахстан), Кожахметов Б.С. (Жезказган, Казахстан), Тлеубергенов Т.А. (Караганда, Казахстан)
Знание и сохранение памяти о «кыпчакском» походе Амира Тимура 1391 года.....143

Йотов В. (Варна, Болгария)
Сабля или палаш – вклад степных конных воинов в одно технологическое новшество Евразии (VIII–X вв.) 154

Недашковский Л.Ф. (Казань, Россия)
Костяные изделия, предметы из неопределенных материалов и прочие источники с Увекского городища по архивным данным 165

Крумшин А.В. (Абакан, Россия)
История изучения археологических памятников в Боградском районе Республики Хакасия.....172

Пайзерова А.А. (Новосибирск, Россия), Баринов В.В. (Красноярск, Россия), Филатова М.О. (Новосибирск, Россия)
Анализ состояния сохранности и консервация дендрообразцов из археологических памятников Республики Хакасия.....181

Тишкин А.А. (Барнаул, Россия)
Находки периода раннего средневековья из юго-западной части Алейской степи: рентгенофлюоресцентный анализ и культурно-хронологическая идентификация (по материалам Краеведческого музея г. Рубцовска) 192

Тюрк А., Вилхелм А.Ш., Паку Ш. (Будапешт, Венгрия);
Изменения снаряжения лучника в Восточной Европе IX–X вв. в свете данных экспериментальной археологии. Дальнейшие перспективы изучения с помощью археологических исследований и наблюдений.....204

Chen Wei (Beijing, China)
The Supporting Skills of the Mongolia-Xinjiang Silk Tea Camel Road: with the Travel Notes of O. Lattimore as the Core 215

Енуков В.В. (Курск, Россия), Гоглов С.А. (Ковров, Россия)
Клад дирхемов X в. на р. Тускарь в Курской области 233

Список сокращений 248

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 250

CONTENT

Transcontinental trade routes in the Early Iron Age and Middle Ages

Mu Jinshan (Xi'an, China)
A Summary of Studies of the Pazyryk Culture by Chinese Scholars 8

Tairov A.D. (Chelyabinsk, Russian Federation)
Caravans in the Steppes of Central Eurasia: caravan routes.....20

Ovcharov N.D. (Svishchev, Bulgaria), Stanev M.Y. (Varna, Bulgaria)
Trade Along the Great Volga Road between the Bulgarian State and the Golden Horde in the XIV Century 28

Subbotin A.V. (Saint Petersburg, Russian Federation)
Transformation of Tagar Culture Burial Traditions 38

Lapshin A.S. (Moscow, Russian Federation),
Lapshina I.Yu. (Volgograd, Russian Federation)
Amulets with Inscriptions and «Magic Squares» at the Golden Horde Settlements 46

Bisembaev A.A., Akhatov G.A. (Almaty, Kazakhstan),
Khavansky A.I. (Moscow, Russian Federation)
Western Kazakhstan as One of the Centers of the Ulus of Jochi in the XIII–XIV Centuries 54

Singatulin R.A. (Saratov, Russian Federation)
Analysis of the Urban Development Technologies of Ukek using Neural Networks (preliminary research results) 70

Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation)
Metal Mirrors of the Volga Bolgaria and the Bolgar Region of the Golden Horde as an Intercultural Phenomenon.....80

Lopan O.V., Volkov I.V. (Kazan, Russian Federation)
Iron Jew's Harps of the Golden Horde Period in the Volga Region 87

Urbushev A.U. (Kazan, Russian Federation)
New Rock Art Sites in the Karakol Bassin (Central Altai): on the Issue of Redocumentation of Rock Art Sites 100

Mitko O.A. (Novosibirsk, Russian Federation)
«This Long Ninth Century»: Yenisei Kyrgyz in the Usinsk Basin 109

History of studying the archaeology of the cultures of Steppe Eurasia: preservation and museumification of the archaeological heritage of the nomads of Eurasia

Kubarev G.V., Kubarev V.D. (Novosibirsk, Russian Federation)
Historiography of Early Medieval Sculptures of Altai 120

Ilyushin A.M. (Kemerovo, Russian Federation)
Metal Cauldrons in the Kipchak Culture 137

Usmanova E.R., Zhumashev R.M. (Karaganda, Kazakhstan), Kozhakhmetov B.S. (Zhezkazgan, Kazakhstan), Tleubergenov T.A. (Karaganda, Kazakhstan)
Knowledge and Preservation of the Memory of Amir Timur's Campaign Against the Kipchaks in 1391.....143

Yotov V. (Varna, Bulgaria)
Saber or Backsword – the Contibution of Steppes Mounted Warriors in One Technological Innovation of Eurasia (8th – 10th centuries).....154

Nedashkovsky L.F. (Kazan, Russian Federation)
Bone Wares, Objects from Undetermined Materials and other Sources from the Uvek Site According to Archival Data 165

Krumshin A.V. (Abakan, Russian Federation)
Historiography of Archaeological Sites in the Bograd District of the Republic of Khakassia 172

Paizerova A.A. (Novosibirsk, Russian Federation), Barinov V.V. (Krasnoyarsk, Russian Federation), Filatova M.O. (Novosibirsk, Russian Federation)
Analysis of the Preservation and Conservation Treatment of Dendrochronological Samples from Archaeological Sites in the Republic of Khakassia 181

Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation);
Early Middle Ages Finds from the Southwestern Part of the Alei Steppe: X-ray fluorescence analysis and cultural and chronological identification (based on the materials of the Rubtsovsk museum of regional stidies).....192

Türk A., Wilhelm Á.S., Paku S. (Budapest, Hungary)
Changes in Archery Equipment in Eastern Europe of the IX-X Centuries According to Experimental Archaeology. Further Perspectives for Study through Archaeological Research and Observation 204

Chen Wei (Beijing, China)
The Supporting Skills of the Mongolia-Xinjiang Silk Tea Camel Road: with the Travel Notes of O. Lattimore as the Core 215

Enukov V.V. (Kursk, Russian Federation), Goglov S.A. (Kovrov, Russian Federation)
Hoard of Dirhams from the 10th Century on the River Tuskar in the Kursk Region 233

List of Abbreviations..... 248

Submissions 250

Секция 4. Трансконтинентальные торговые маршруты в раннем железном веке и средневековье*

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.8.19

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СДЕЛАННЫХ КИТАЙСКИМИ УЧЕНЫМИ[1]

© 2025 г. Ц. Му

Данная статья разделена на две части и рассматривает пазырыкскую культуру с точки зрения китайских исследователей. Первая часть включает в себя перевод и публикацию работ на иностранном языке, которые можно разделить на два этапа: под руководством правительства (период 1950–1980 гг.) и спонтанный перевод, сделанный китайскими научными сотрудниками в XXI веке. Вторая часть описывает непосредственно исследования китайских ученых по пазырыкской культуре. Китайские ученые проделали большую работу, но тем не менее остаются некоторые проблемы. Самая заметная из них заключается в том, что китайские ученые не вполне понимают пазырыкскую культуру. Причина кроется в том, что китайские исследователи недостаточно осведомлены о научных работах советских и российских ученых. Чтобы понять направление будущих изысканий, нам следует проанализировать процесс исследования пазырыкской культуры в Китае.

Ключевые слова: китайская археология, пазырыкская культура, Синьцзян, Алтай, культурный обмен между Востоком и Западом.

Введение

Пазырыкская культура – одна из самых известных археологических культур Евразийской степи, советские и российские ученые долгое время вели исследовательскую работу, которая принесла огромные результаты. В научной среде Китая о пазырыкской культуре известно уже давно: на Алтае, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе(新疆维吾尔自治区）КНР был раскопан ряд могильников пазырыкской культуры (Му, 2020), которые вызвали интерес ученых из Китая и России. Для российских ученых важность этого открытия заключается в том, что оно расширило границы распространения пазырыкской культуры и углубило её понимание, а также предоставило поле для новых исследований. Для китайских ученых наибольший интерес вызывает то, как использовать это открытие для лучшего понимания пазырыкской культуры, а также для изучения культурного взаимодействия между Алтаем и Синьцзяном в восточной части Евразийской степи. В связи с этим необходимо разобраться в исследованиях пазырыкской культуры китайскими учеными и определить направление и направленность дальнейших исследований.

Представление в Китае работ зарубежных ученых

Понимание пазырыкской культуры китайскими учеными началось с перевода исследований советских и российских археологов. Этот процесс можно условно разделить на два этапа.

Первый этап – с 1950-х по 1990-е годы. Ниже представлены основные переводы и публикации работ, связанных с пазырыкской культурой.

В 1957 г. в «Китайским археологическим журнале» Академии общественных наук КНР были представлены некоторые крупномасштабные

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук Китая (проект No21CKG015) и Национальная программа развития талантов в области археологии(проект No2024-267).

курганы пазырыкской культуры, раскопанные советскими учеными на Алтае (Руденко, 1957). На основании артефактов, найденных при раскопках, автор полагает, что Древний Китай и алтайские племена имеют взаимное влияние, поскольку были обнаружены традиционный китайский шелк, бронзовые зеркала, кареты и другие артефакты. Как показало исследование, все вышеперечисленные артефакты были привезены непосредственно из Китая. Большое количество артефактов со скифским орнаментом, найденных на Алтае и в северном Китае, также может указывать на влияние Алтая на древнекитайское искусство.

В 1960 году в журнале «Археология» была опубликована переведенная статья, в которой подробно описывались форма и структура Пазырыкского кургана, погребальные обряды, инвентарь и др. (Грязнов,1960).

В 1981 г. была официально опубликована монография «Древняя история Южной Сибири», которую написал советский археолог С.В. Киселёв (Киселёв, 1981). Во второй части этой книги Киселев разделил пазырыкскую культуру на две части: обычные курганы и гигантские курганы. По сравнению с предыдущими статьями, опубликованными в Китае, которые содержали материал о больших Пазырыкских курганах, эта книга является первой, исследующей обычные курганы пазырыкской культуры. Стоит отметить, что наибольший вклад этой книги заключается в формировании понимания китайскими учеными доисторической культурной основы Южной Сибири, которая имеет эпохальное значение в области археологических исследований Евразийской степи, сделанных в Китае. При построении доисторического культурного каркаса Южной Сибири в книге основное внимание уделяется Минусинской котловине. Минусинская котловина долгое время была местом, привлекающим внимание китайских археологов, изучающих Евразийские степи, и, по мнению некоторых китайских ученых, его даже можно назвать священным (Пан Линг, 2020).

Второй этап – с начала XXI века по настоящее время. В китайских археологических кругах были переведены и опубликованы следующие работы, связанные с пазырыкской культурой.

В 2004 году в Китае была опубликована статья американского ученого Б. Лоергрена «Древняя арфа пазырыка» (Лоергрен, 2004). Автор проводит подробный сравнительный анализ двух арф: одна была обнаружена на памятнике Закунлук в уезде Циемо, Синьцзян, а другая – в кургане пазырыкской культуры. Эти две арфы имеют много общего в форме и деталях. Автор считает, что Древний Китай и древние Евразийские степи тесно связаны и появление арфы в Китае может быть результатом культурного обмена.

В 2013 году в Китае была опубликована статья монгольского ученого Ц. Тэрбат (Тэрбат, 2013), в которой обобщается история открытия и исследования пазырыкской культуры на северо-западе Монголии с 2005 года, а также особенности географического распространения пазырыкской культуры в Монголии, погребальные обряды и характеристики человеческих костей, обнаруженных в курганах.

В 2016 году в Китае было опубликовано «Исследование маски лошади на раннем этапе пазырыкской культуры», написанное российским ученым Варварой Бусовой (Барбара, 2016). Из-за продолжительных морозов в могилах пазырыкской культуры на Горном Алтае сохранились маски для лошадей из органических материалов. На основе сохранившихся деревянных и кожаных масок лошадей автор попыталась восстановить способы соединения и крепления конского снаряжения, а также провела на-

учно-технологические испытания сохранившихся деревянных, кожаных, медных гвоздей и другого инвентаря для выяснения состава медных гвоздей и источника коркового материала.

В 2017 году по лекциям российского ученого Алексея Алексеевича Тишкина в Нанкинском университете магистр Нанкинского университета Му Цзиньшань составил и дополнил статью «Древние народы Алтая» (Тишкин, 2017). В статье кратко представлены культурные реликвии раннего железного века в Алтае, в том числе майэмирская культура, бийкенская культура и пазырыкская культура.

В 2018 году в Китае вышла статья русского ученого Алексея Алексевича Тишкина «Древняя китайская лаковая посуда, обнаруженная в курганах ранних алтайских кочевников» (Тишкин, 2018). В качестве материала в статье используется лаковая посуда, обнаруженная на могильнике Яломан-2. Используется многопрофильный метод изучения состава лаков и делается вывод о том, что эти лаковые изделия происходят из Китая. В своем исследовании автор также обратил внимание на лаковую посуду, обнаруженную в других могильниках пазырыкской культуры на Алтае, и выдвинул ряд новых задач в исследовании лаковой посуды и направлении будущих исследований.

В 2018 году в Китае была опубликована статья российского ученого Марии Очир-Горяевой (Горяева, 2018), в которой показаны расположение могильника пазырыкской культуры, локация и направление кургана и лошади, положение человеческих костей и инвентарь в кургане, устройство кургана, а также расположение некоторых помещений с восточной и западной стороны кургана. В статье утверждается, что устройство кургана в пазырыкской культуре соответствует определенным стандартам, отражающим семейную и социальную структуру народа Пазырыка, который рассматривает Восток как свою благородную веру.

В 2018 году в Китае была опубликована статья российского ученого Марины Очер-Горяевой «Воплощение мифических зверей: исследование пазырыкских культурных орнаментов на лошадях» (Горяева, 2018). Автор пытается восстановить прототип маски лошади пазырыкской культуры по материалам маски лошади, хранящейся в Эрмитаже. Маски для головных уборов лошадей автор делит на два типа: первая имитирует козу или оленя, а украшение покрывает всю морду лошади; второй вид украшения имитирует головы птиц и зверей. Автор считает, что украшение на голове лошади пазырыкской культуры связано с социальным статусом и может использоваться в ритуальных целях.

В 2020 году в Китае была опубликована статья русского ученого Алексея Алексевича Тишкина «The Social Complexity of the Pazyryk Culture in Altai, 550–200 BC» (Тишкин, 2020). В статье рассматриваются пространственно-территориально-географический фактор; численность и плотность населения; хозяйственно-культурные типы; ремесленная деятельность; наличие крупных центров консолидации населения; социальная стратификация, включая аппарат управления; налогообложение; внешнеполитические контакты; знаково-коммуникативная система; мировоззрение и другие аспекты помогают проанализировать этап социального развития пазырыкской культуры и указывают на то, что общество пазырыкской культуры находится на пути становления государства.

В 2022 году в Китае была опубликована статья российских археологов Н.А. Константинова и А.У. Урбушева «Потревоженные погребения пазырыкской культуры в юго-восточной части Алтая» (Константинов, Урбу-

шев, 2022). Авторы работы в ходе раскопок могильника Талдура-2, курган № 5, в Юго-Восточном Алтае, обнаружили феномен потревоженных погребений: наличие грабительской ямы, отделение черепа и туловища умершего, а также изменение места первоначального захоронения кости. Проведя сравнительный анализ с другими нарушенными погребениями пазырыкской культуры, авторы склоняются к мнению, что потревоженный курган № 5 в могильнике Талдура-2 относится к части погребальных ритуалов пазырыкской культуры.

Помимо опубликованных статей, российские ученые В.И. Молодин, А.А. Ковалев, Мария Очир-Горяева, американские ученые Карена С. Робинсон, Кэтрина М. Карлин и др. читали лекции о пазырыкской культуре в Китае. Содержание этих лекций опубликовано не полностью, поэтому я не буду их здесь представлять.

В целом китайские ученые переводят почти исключительно работы советских и российских ученых, поскольку на внедрение китайских ученых в советскую и российскую пазырыкскую культурологию сильно повлияла политическая ситуация. С 1950-х по 1960-е годы советско-китайские отношения были достаточно тесными, поэтому китайские ученые перевели большое количество работ советских археологов. С 1960-х по 1980-е годы китайско-советские отношения переживали не лучшие времена, поэтому исследование работ советских археологов резко прекратилось. Среди них «Древняя история Южной Сибири», которая была переведена в середине 1960-х годов, но только в 1981 году статью опубликовали (Ван Пэн, 2013). С 1980-х по 1990-е годы основным направлением китайской археологии стало исследование археологической культуры южного и северного Китая, при этом меньше внимания уделялось приграничным районам. Начиная с XXI века ученые, с одной стороны, могут свободно выбирать направления и темы исследований в соответствии со своими интересами. С другой стороны, была установлена археологическая культурная последовательность южного и северного Китая. Приграничный регион представляет собой огромный интерес для изучения, а археологическая культура приграничного региона и соседних стран тесно связаны. Естественно, что исследования китайских ученых, изучающих пограничную археологию, коснутся и соседних стран.

Пазырыкская культура в исследованиях китайских ученых

На сегодняшний день насчитывается примерно 30 исследований китайских ученых о пазырыкской культуре, включающих в себя статьи в журналах и диссертации[2]. Среди них наиболее важными на наш взгляд являются следующие.

В 2006 году аспирант Пекинского университета (北京大学) Ма Цзянь (马健) опубликовал статью «Саяно-Алтай в VIII–III веках до нашей эры: взаимодействие кочевых культур Восточной Евразии в раннем железном веке» (Ма Цзянь, 2006). Эта статья была написана на основе его магистерской диссертации. Автор систематизировал сведения о некоторых археологических находках раннего железного века, найденных на Алтае и Туве. В ходе исследования Ма Цзянь, ссылаясь на результаты российских ученых разных периодов, использовал типологические методы для того, чтобы заново классифицировать курганы и реликвии. Он рассматривал находки раннего железного века Алтая, в частности раскопанных в курганном могильнике Майэмир. Средний период представлен могильниками Пазырык и Туекта. Поздний период представлен могильниками Пазырык и Берель. Помимо этого, автор проанализировал взаимовлияние

Алтая и Тувы, а также влияние Алтая на археологическую культуру Китая в период Вёсен и Осеней (722–481 год до н. э.). В данной статье китайский ученый впервые попытался обобщить археологические материалы Алтая и Тувы, однако знание автором археологических материалов Алтая основано на английских и немецких публикациях (во время учебы автор провел год в Германии).

В 2008 году Ци Жунцин (齐溶青), магистрант Цзилиньского университета (吉林大学), защитил магистерскую диссертацию «Пазырыкская культура» (Ци Жунцин, 2008), в которой использовались типологические методы для систематической классификации кургана пазырыкской культуры и были сделаны попытки выяснить, какие факторы послужили формированию пазырыкской культуры, изучить этническую принадлежность и религиозные верования ее представителей. В статье используется расхожий в китайской науке способ исследования – типология, благодаря чему автору удалось дать четкое описание пазырыкской культуры (южный Алтай), опираясь на такие характеристики, как курган, насыпь, могила, погребальный обряд, погребальный инвентарь и др. При отображении он производит интуитивное впечатление. Эта работа также является единственной попыткой китайских ученых систематически представить пазырыкскую культуру.

В 2010 году автор отобрал нужный материал о малых и средних курганах из своей магистерской диссертации, обобщил информацию, касающуюся формы курганов, погребальных обрядов, и опубликовал статью «Исследования малых и средних курганов в пазырыкской культуре» (Ци Жунцин, 2010).

В 2014 году профессор Ян Цзяньхуа (杨建华) из Цзилиньского университета опубликовал статью «Ранняя кочевая культура в Тыве и на Алтае России» (Ян Цзяньхуа, 2014), в которой археологические и культурные памятники, обнаруженные на территории Республики Тыва и Алтая, датируемые периодом с IX до III века до нашей эры разделены на три этапа. Автор обобщил культурные особенности каждого этапа, отдельное внимание уделил культурному обмену и сложным социальным контактам между двумя регионами. Автор считает, что взаимное общение между разными археологическими культурами можно разделить на три вида: региональный, средний и большой диапазон дальности. Так, культурные обмены между Алтаем и Тувой в раннем железном веке носили региональный характер, а влияние Тувы на Алтай до VI века до н. э. было доминирующим. Затем, начиная с V и вплоть до III в. до н. э., влияние стало исходить от Алтая. Культурный обмен между Алтаем, Китаем и древней Персией относится к среднему и большому диапозону. Автор также считает, что общество пазырыкской культуры можно разделить на два уровня, первый – это больший пазырыкский курган, а второй – обычные курганы.

В 2016 году Чжан Лянжэнь (张良仁), профессор Северо-Западного университета (西北大学) Сианя, опубликовал статью «Археология раннего железного века в Турфане» (Чжан Лянжэнь, 2016). В этой статье систематически анализируются существующие археологические материалы раннего железного века, обнаруженные в Турфанской котловине (吐鲁番盆地) восточной части Синьцзяна, в которых упоминаются Алтай и Тыва в сочетании с данными ^{14}C. Культуру раннего железного века Турфанского бассейна автор исследования делит на три этапа. Первым и третьим этапами были период Янбулак (焉不拉克) и период хуннов. На втором этапе Чжан Лянжэнь сравнил пазырыкскую куль-

туру с археологическими материалами Турфана и выдвинул предположение, что в этот период часть жителей пазырыкской культуры переселилась в Турфан. Автор продемонстрировал взаимосвязь между пазырыкой культурой и культурой раннего железного века в Турфане и обнаружил, что следы перемещений представителей пазырыкской культуры ведут к восточной части Синьцзяна, что в свое время получило широкое признание среди китайских ученых.

В 2017 году профессор Шао Хуйцю (邵会秋) из Цзилиньского университета опубликовал статью «Расширение и влияние пазырыкской культуры в Синьцзяне» (Шао Хуйцю, 2017). В этой статье утверждается, что распространение и влияние пазырыкской культуры в Синьцзяне можно разделить на три части. Первая – это прямая миграция людей, влияние которой распространилось на территории округа Алтай в Синьцзянском автономном районе; вторая – это культурная интеграция, то есть среди некоторых могильников раннего железного века в Синьцзяне проглядывается сходство между формой могилы и предметами захоронения в пазырыкской культуре. Таких могильников есть два: могильник Ширензигоу（石人子沟） и могильник Байянхэ （白杨河）; третья – влияние культурных факторов. Керамика и образцы скифского звериного стиля в субэйсиской культуре（苏贝希文化） в восточной части Синьцзяна и Чжагунлуке（扎滚鲁克） на краю бассейна Тарим （塔里木） в западном Синьцзяне. Статья Шао Хуйцю является первой попыткой китайского ученого систематизировать и обобщить памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне. Аспирантская диссертация автора посвящена изучению культурных памятников Синьцзяна от бронзового века до раннего железного века, поэтому автор демонстрирует широкое упорядоченное видение о памятниках пазырыкской культуры Синьцзяна.

В 2017 году профессор Хан Цзянье（韩建业） из университета Жэньминь（人民大学）Китая опубликовал статью (Хан Цзянье, 2017), в которой глиняные кувшины, обнаруженные в Саяно-Алтайских горах и алтайских лесах и степях, были разделены на три локальных типа. Первый тип охватывает юго-западную часть Республики Тыва и северо-западную Монголию, второй – Республику Алтай России и Тачэн Синьцзяна, восточную часть Казахстана, а третья – Алтайский регион Синьцзяна. Автор считает, что распространение трех типов глиняных кувшинов можно в совокупности назвать пазырыкской культурой. Источником первого типа глиняных кувшинов является центральная Внутренняя Монголия, а источником второго типа глиняных кувшинов – восточные районы Синьцзяна, Ганьсу（甘肃）и Цинхай（青海）. Третий тип глиняных кувшинов происходит из бассейна реки Или（伊犁河谷）Синьцзяна. Особенность статьи в том, что в ней делается попытка решить проблему происхождения глиняных кувшинов пазырыкской культуры в широком контексте.

В 2017 году профессор Бао Шугуан（包曙光） из Университета Хэйлунцзян （黑龙江大学) опубликовал статью «Исследование площади пазырыкской культуры» (Бао Шугуан, 2017). В статье пазырыкская культура разделена на большие, средние и малые курганы, чтобы подробно изучить два различных способа захоронения лошадей. Кроме того, автор также разобрал способы жертвоприношения животных в Синьцзяне и северном Китае и указал, что феномен захоронения черепов животных в раннем железном веке на территории Алтая может брать начало из северного Китая.

В 2022 году Му Цзиньшань (牧金山) опубликовал статью «Пазы-

рыкская культура и доисторический Шелковый путь», в которой автор кратко рассмотрел историю раскопок памятников пазырыкской культуры, некоторые особенности пазырыкской культуры в сочетании с факторами географической среды, проанализировал связь между пазырыкской культурой и Шелковым путем (Му Цзиньшань, 2022). Автор считает, что пазырыкская культура оказала глубокое влияние на археологические культуры вдоль коридора Хэси – Тянь-Шань, присутствие артефактов из государств Цинь (秦) и Чу (楚), а также из древней Персии в пазырыкской культуре может указывать на то, что пазырыкская культура напрямую связывала Восток и Запад через коридор Хэси – Тянь-Шань, предвосхитив появление Великого Шелкового пути.

В 2023 году Му Цзиньшань и Ли Фэй (李菲) опубликовали статью «Обзор исследований керамических изделий пазырыкской культуры» (Му Цзиньшань, 2023). В статье автор разделил процесс исследований керамических изделий пазырыкской культуры советскими и российскими учеными на три этапа, обобщив вклад и недостатки каждого этапа. Затем автор обобщает имеющиеся достижения и недостатки исследований по темам (например, типологическое изучение, функции, производство и распространение, происхождение керамического изделия пазырыкской культуры и т. д.). Наконец, отмечается, что будущие исследования керамических изделий пазырыкской культуры должны развиваться в трех направлениях: всесторонней систематизации информации и данных, интернационализации сравнительных исследовании, диверсификации теоретического и методологического инструментария.

В 2024 году Му Цзиньшань и Чжан Цзяян (张佳杨) публикует статью «Исследование происхождения расписной керамики пазырыкской культуры и изучение связанных с ним вопросов» (Му Цзиньшань, Чжан Цзяян, в печати). В данной статье автор, во-первых, кратко описывает распространение, типы и характеристики расписной керамики пазырыкской культуры. Затем автор сравнивает расписную керамику пазырыкской культуры с расписной керамикой других археологических культур раннего железного века в Евразийской степи, выявляет тесную связь между расписной керамикой пазырыкской культуры и янбулакской культурой в восточном Синьцзяне с точки зрения типов сосудов и декора, а также проверяет связь между ними во времени и пространстве. Наконец, автор также анализирует, где и как расписная керамика янбуракской культуры повлияла на расписную керамику пазырыкской культуры, а именно: часть населения янбуракской культуры мигрировала в нижнее течение реки Катуни, принеся с собой технологию изготовления расписной керамики, а население пазырыкской культуры впитало и адаптировало расписную керамику в соответствии со своими особенностями и распространило ее на остальной территории Алтая.

В дополнение к вышеупомянутым статьям китайские ученые нередко ссылаются на другие исследования, посвященные пазырыкской культуры. Такие статьи обычно связаны с останками, которые относятся к пазырыкской культуре, которые были обнаружены на территории Синьцзяна или северного Китая. Например, исследование Го У (郭物) о памятнике Сандаохайцзы (三道海子) (Го У, 2005), исследование Шао Хуэйцю о скифском зверином стиле Синьцзяна (Шао Хуэйцю, 2020), исследование золотых изделий на могильнике Дунталэд (东塔勒德) Ю Цзяньцзюня (Ю Цзяньцзюнь, 2013). Мы насчитали более двадцати таких статьи, но предполагаем, что в действительности их больше.

Помимо внимания научных кругов, в народе наблюдается и «повальное увлечение» пазырыкской культурой. Так, 21 июня 2019 года в Музее Шелкового пути Китая открылась новая выставка: «Оглядывая Шелковый путь и рассказывая историю великой эпохи». Эта выставка объединяет более 500 экспонатов со всего мира, разделенных на три части: Шелковый путь степи, Шелковый путь пустыни и Морской Шелковый путь, рассказывающие истории о культурном обмене между различными этническими группами 13 разных эпох. В части степного Шелкового пути были представлены изысканные костюмы, комплекты конского снаряжения, оружия и украшения с могильника Пазырыка в Государственном Эрмитаже. Экспонаты были полностью отреставрированы в соотношении 1:1. Был представлен большой экипаж, раскопанный на могильнике Пазырыка. Чтобы лучше понять наследие пазырыкской культуры, Музей Шелкового пути Китая пригласил Го У выступить с публичной речью под названием «Открытие степи Шелкового пути – алтайские племена, соединяющие восточную и западную цивилизации» (Го У, 2019). Стоит отметить, что это не единственное публичное выступление Го У о пазырыкской культуре. Последнее состоялось 16 января 2021 года. Это выступление транслировалось в прямом эфире для широкой публики и привлекло более 600 000 зрителей, которые одновременно посмотрели его онлайн (Го У, 2021).

Из приведенного выше простого анализа можно увидеть, что исследования китайских ученых по пазырыкской культуре еще находятся на начальной стадии, а политическая организация, экономическая структура, социальная форма, духовные убеждения и другие вопросы еще недостаточно изучены. Анализ материалов показал, что многие положения и выводы заслуживают дальнейшего исследования. Например, Ма Цзянь в своей диссертации рассматривает культуру бийкенскую, майэмирскую и пазырыкскую культуру как непрерывный процесс развития. Краткое изложение пазырыкской культуры Ци Жунцином было основано на артефактах, обнаруженных на юго-востоке Алтая, тогда как центральный и северный Алтай не были освещены. Ян Цзяньхуа упростил сложность пазырыкской культуры и разделил курган пазырыкской культуры на два типа. Шао Хуэйцю продемонстрировал недостаточное понимание взаимосвязи между артефактами Синьцзяна и пазырыкской культуры в целом. Хан Цзянье разделил масштабы и местные типы пазырыкской культуры только по форме глиняного кувшина. Эти недостатки отражают то, что, хотя пазырыкская культура стала одним из главных объектов исследования китайских ученых, изучающих евразийские степи, широты и глубины понимания пазырыкской культуры у китайских ученых еще недостаточно.

Фактически Синьцзян, Северный Китай, Южный Китай и Алтай (пазырыкская культура) имеют разную степень взаимодействия. Это взаимодействие можно разделить на три уровня. Согласно современным археологическим материалам, одним из них является прямая миграция людей, которая, судя по всему, охватывала территорию Синьцзян. Второй – это влияние культурных факторов или распространение технологий, что находит свое отражение в большом количестве украшений со скифским звериным стилем и в погребальном обычае наклоняться боком в сельскохозяйственных и пастбищных зонах северного Китая. Шелковые и бронзовые зеркала, обнаруженные в курганах пазырыкской культуры, являются типичными артефактами Чуйского царства. Чу также богат

лаковой посудой. Возможно, лакированная посуда, обнаруженная в курганах пазырыкской культуры, также пришла из Чуйского царства. Третье – распространение идей, которое является наиболее быстрым и продолжительным. Например, структура кургана пазырыкской культуры может представлять мир умерших, что также интересовало правителя Империи Цинь. Деревянные погребальные орудия, использовавшиеся для могилы императоров пазырыкской культуры, впервые существовали во времена династии Цинь, около 500 г. до н. э. Во времена династии Западная Хань (西汉) большие деревянные погребальные орудия демонстрировали личность знати или императоров. Жители Государства Чу верят в призраков и богов и любят приносить себя в жертву. Они используют феникса в качестве своего символа. Люди пазырыкской культуры практикуют поклонение шаманам, и на реликвиях есть множество украшений в виде грифонов. В курганах пазырыкской культуры представлена особая обработка трупов умерших для обеспечения долговременной сохранности трупов. В курганах Чуйского государства также было обнаружено несколько специально обработанных мумий. Конечно, обмен исследовательскими идеями является наиболее трудным и сложным, но наличие сходства и параллелей неоспоримо.

Заключение

Пазырыкская культура является одной из наиболее изученных китайскими учеными-археологами, чьи работы посвящены Евразийской степи. Российские ученые, в свою очередь, проделали большую работу по изучению пазырыкской культуры, что достойно внимания китайских ученых. Однако из-за языкового барьера и жестких рамок направления исследования китайские ученые придерживаются некоторых консервативных взглядов на понимание пазырыкской культуры. Мы считаем, что сегодня для китайских исследователей важно полное понимание коннотации пазырыкской культуры. Например, таких аспектов, как разнообразие пазырыкской культуры, изучение этапов её развития. Памятники пазырыкской культуры демонстрируют взаимодействие между различными археологическими культурами Алтая и Синьцзяна согласно обнаруженным материальным останкам. В долгосрочной перспективе, после полного понимания пазырыкской культуры, общества, экономики, ремесленного производства, духовных верований и т. д., перед нами откроется перспектива сравнить древние китайские археологические останки, выявить сложные связи между Алтаем и различными областями Древнего Китая и исследовать формы общения и коммуникационную сеть между разными людьми на континенте в железном веке.

Примечание:

[2] В данной статье перечислены все научные работы на китайском языке, в нее не включены статьи на русском языке и отчеты, опубликованные китайскими учеными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бао Шугуан, Ван юйфу*. 包曙光, 王禹夫. 巴泽雷克文化葬马习俗研究 (Исследование площади Пазырыкской культуры) // 边疆考古研究 (Пограничные археологические исследования). 2019. № 2. С. 321–336 (на кит. яз.)

2. *Бусова В.* 巴泽雷克文化早期马面具复原研究 (Исследование маски лошади на ранним этапе Пазырыкской культуры) // 北方民族考古 (Археология северных этносов). 2016. № 3. С. 319–329 (на кит. яз.)

3. *Ван Пэн, Комиссаров С.А.* Распространение в Китае Советской и Российской археологической литературы // Вестник Новосибирского государственного университета, Серия: История, филология. 2013. № 12(4). С. 45–51.

4. *Го У.* 三道海子文化初论 (О Сандаохайцзыской культуре) // 欧亚学刊 (Международный журнал евразийских исследований). 2005. № 7. С. 29–59 (на кит. яз.)

*5. Го У.*游牧兴, 丝路通 (Кочевник расцвет, Пропуск по Великому шелковому пути) // 中国博物馆公开课 (Открытая лекция Китайского музея). 16. 01. 2021 г.
6. Го У. 草原丝绸启幕—沟通东西文明的阿尔泰部落 (Начало Великий шелковый путь степи - Алтайские племена, соединяющие восточную и западную цивилизации) // 丝路岁月系列讲座 (лекции из серии « Годы Великого шелкового пути »). 01. 09. 2019 г.
7. Грязнов М.П. 格里亚兹诺夫. 阿尔泰巴泽雷克的五座古冢 (Пять древних пазырыкских курганов на Алтае) // 考古 (Археология). 1960. № 7. С. 63–80 (на кит. яз.)
8. Киселёв С.В. 南西伯利亚古代史 (Древняя история Южной Сибири). Урумчи: синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1981 (на кит. яз.)
9. Константинов Н.А., Урбушев А.У. 阿尔泰东南的巴泽雷克扰乱葬 (Потревоженное погребение пазырыкской культуры) // 北方民族考古 (Археология северных этносов) 2022. № 14. С. 300–312 (на кит. яз.)
10. Лоергрен Б. 巴泽雷克的古代竖琴 (Древняя арфа Пазырыка) // 音乐研究 (Музыкальные исследования). 2004. № 2. С. 94–101 (на кит. яз.)
11. Ма Цзянь. 马健 公元前8～3世纪的萨彦－阿尔泰——早期铁器时代欧亚东部草原文化交流 (Саяно-Алтай в VIII-III веках до нашей эры: взаимодействие кочевых культур Восточной Евразии в раннем железном веке) // 欧亚学刊 (Международный журнал евразийских исследований). 2008. № 8. С. 38–84 (на кит. яз.)
12. Му Цзиньшань, Ли фэй. 巴泽雷克文化陶器研究综述(Обзор исследований керамической посуды пазырыкской культуры) // 边疆考古研究 (Пограничные археологические исследования). 2023. № 1. С. 345–356 (на кит. яз.)
13. Му Цзиньшань, Чжан цзяян. 巴泽雷克文化彩陶的来源研究及相关问题探讨 (Исследование происхождения расписной керамики пазырыкской культуры и изучение связанных с ним вопросов) // 考古与文物 (Археология и культурные реликвии). 2024. № 7. С. 82–90 (на кит. яз.)
14. Му Цзиньшань. Керамическая посуда из курганов Пазырыкской культуры Синьцзяна // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2. С. 138–147.
15. Му Цзиньшань. 巴泽雷克文化与史前丝绸之路 (Пазырыкская культура и доисторический Шелковый путь) // 大众考古 (популярная археология). 2022. № 7. С. 78–87 (на кит. яз.)
16. Очир-Горяева М.А. 神兽的化身：巴泽雷克文化马饰研究(Воплощение мифических зверей: исследование пазырыкских культурных орнаментов на лошадях) // 北方民族考古 (Археология северных этносов). 2018. № 6. С. 175–182 (на кит. яз.)
17. Очир-Горяева М.А. 马丽娜 • 奥切尔-嘎力雅耶娃 巴泽雷克墓葬的地理方位 (Географическое положение могильника Пазырыкской культуры) // 北方民族考古 (Археология северных этносов). 2018. № 6. С. 198–214 (на кит. яз.)
18. Пан Линг. 漫谈俄罗斯考古同行的中国情结 (Разговор о китайском комплексе русских археологов) 2020. URL : http: // kaogu.cssn.cn / zwb / kgyd / kgsb / 202011 / t20201112_5215716.html. Дата обращения 12.11.2020. (на кит. яз.)
19. Руденко С.И., Пан Менгтао. С.И. 论中国与古代阿尔泰部落的关系 (О взаимоотношениях Китая и древних алтайских племен) // 考古学报 (Китайский Археологический Журнал). 1957. № 2. С. 37–48 (на кит. яз.)
20. Тишкин А.А. 通往国家之路: 阿尔泰巴泽雷克人群社会发展水平评估 (О государственности "пазырыкцев") // 北方民族考古 (Археология северных этносов). 2020. Вып. № 10. С. 200–222 (на кит. яз.).
21. Тишкин А.А. 阿尔泰早期游牧民族墓葬出土的中国古代漆器 (Древняя китайская лаковая посуда, обнаруженная в курганах ранних алтайских кочевников) // 北方民族考古 (Археология северных этносов). 2018. № 5. С. 188–197 (на кит. яз.)
22. Тишкин А.А. 阿尔泰的古代民族 (Древние народы Алтая) // 大众考古 (Популярная археология). 2017. № 7. С. 72–83 (на кит. яз.)
23. Хань Цзянье. 先秦时期阿尔泰及以西地区陶壶的来源–兼论公元前一千纪后半叶阿尔泰及以西地区和阴山—天山地区的文化交流 (Происхождение глиняных кувшинов Западного Алтая в доцинский период: к дискуссии о культурных связях между Западным Алтаем и Иньшань-Тяньшанским регионом во второй половине первого тысячелетия до н.э.) // 西域研究 (Исследования западных регионов). 2017. № 2. С. 37–47(на кит. яз.)
24. Ц.Тэрбат, Тербайер. 蒙古国阿尔泰巴泽雷克墓葬的研究 (Исследование пазырыкских курганов Алтая в Монголии) // 草原文物 (Степные культурные реликвии). 2013. № 2. С. 133–140 (на кит. яз.)
25. Ци Жунцин. 论巴泽雷克文化 (Пазырыкская культура). 吉林大学硕士学位论文 (Дисс... магистр Цзилиньского Университета). Чанчунь, 2008. 97 с. (на кит. яз.)
26. Ци Жунцин. 巴泽雷克文化的中小型墓葬形制 (Исследования малых и средних курганов в Пазырыкской культуре) // 内蒙古师范大学学报 (Известия педагогического университета Внутренней Монголии). 2010. № 5. С. 76–85 (на кит. яз.)
27. Чжан Лянжэнь, Лу Энго, Чжан Юн. 吐鲁番地区早期铁器时代考古 (Археология раннего железного века в Турфане) // 早期中国研究 (Исследования Раннего Китая). 2016. С. 116–155 (на кит. яз.)

28. Шао Хуйцю. 巴泽雷克文化在新疆的扩张与影响 (Расширение и влияние Пазырыкской культуры в Синьцзяне) // 边疆考古研究 (Пограничные археологические исследования). 2017. № 1. С. 179–195 (на кит. яз.)

29. Шао Хуйцю.百兽率舞:商周时期中国北方动物纹装饰综合研究(Танец сотни животных: всестороннее исследование орнамента с животными в Северном Китае во времена династий Шан и Чжоу). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2020 (на кит. яз.)

30. Ю Цзяньцзюнь, *Ма Цзянь*. 新疆哈巴河东塔勒德墓地初步研究 (Предварительное исследование Могильника хабахэдунталэдэ, Синьцзян) // 文物 (Культурные реликвии). 2013. № 3. С. 53–57 (на кит. яз.)

31. Ян Цзяньхуа, Бао Шугуан. 俄罗斯图瓦和阿尔泰地区的早期游牧文化 (Ранняя кочевая культура в Тыве и на Алтае России) // 西域研究 (Исследования западных регионов). 2014. № 2. С. 75–84 (на кит. яз.)

Информация об авторе:

Му Цзиншань, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Центр исследований археологического сотрудничества Шелкового пути (г. Сиань, Китай); mujinshan@mail.ru

A SUMMARY OF STUDIES OF THE PAZYRYK CULTURE BY CHINESE SCHOLARS

Mu Jinshan

This article is divided into two parts and examines Pazyryk culture from the perspective of Chinese scholars. The first part includes the translation and publication of foreign language works, which can be divided into two phases: government-led (period 1950–1980) and spontaneous translation by Chinese scholars in the 21st century. The second part directly describes the research of Chinese scholars on the Pazyryk culture. Chinese scholars have done a lot of work, but some problems remain. The most important one is that Chinese researchers do not fully understand the Pazyryk culture. The reason for this is that Chinese researchers are not sufficiently know about scientific works of Soviet and Russian scientists. In order to understand the direction of future research, we should analyse the process of Pazyryk culture research in China

Keywords: Chinese archaeology, Pazyryk culture, Xinjiang, Altai, East-West cultural exchange.

REFERENCES

1. Bao, Shuguan, Van, yuyfu. 2019. In 边疆考古研究 *(Frontier Archaeological Research)* 2, 321–336 (in Chinese).
2. Busova, V. 2016. In 北方民族考古 *(Northern ethnic archaeology)* 3, 319–329 (in Chinese).
3. Van, Pen, Komissarov, S. A. 2013. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 12(4), 45–51 (in Russian).
4. Go, U. 2005. In 欧亚学刊 *(European Journal)* 7, 29–59 (in Chinese).
5. Go, U. 2021. 中国博物馆公开课 *(Otkrytaya lektsiya Kitayskogo muzeya)* (in Chinese).
6. Go, U. 2019. 丝路岁月系列讲座 *(Silk Road Years Lecture Series)*. (in Chinese).
7. Gryaznov, M. P. 1960. In 考古 (*Archaeology)* 7, 63–80 (in Chinese).
8. Kiselev, S. V. 1981. 南西伯利亚古代史 *(Ancient History of South Siberia)*. Urumchi: “sin'tszyan zhen'min' chuban'she” Publ. (in Chinese).
9. Konstantinov, N. A., Urbushev, A. U. 2022. In 北方民族考古 *(Archaeology of Northern Peoples)* 14, 300–312 (in Chinese).
10. Loergren, B. 2004. 音乐研究 *(Music studies)* 2, 94–101 (in Chinese).
11. Ma, Tszyan'. 2008. In 欧亚学刊 *(Eurasian Journal)* 8, 38–84 (in Chinese).
12. Mu, Tszin'shan', Li, fey. 2023. In 边疆考古研究 *(Frontier Archaeological Research)* 1, 345–356 (in Chinese).
13. Mu, Tszin'shan', Chzhan, tszyayan. 2024. In 考古与文物 *(Archaeology and cultural relics)* 7, 82–90 (in Chinese).
14. Mu, Tszin'shan'. 2020. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2, 138–147 (in Russian).
15. Mu, Tszin'shan'. 2022. In 大众考古 *(Popular archaeology)* 7, 78–87 (in Chinese).

The work was financially supported by the National Foundation for Social Sciences of China (project No21CKG015) and the National Talent Development Program in the Field of Archeology (project No2024-267).

16. Ochir-Goryaeva, M. A. 2018. In 北方民族考古 *(Archaeology of Northern Peoples)* 6, 175–182 (in Chinese).
17. Ochir-Goryaeva, M. A. 2018. 北方民族考古 *(Archaeology of Northern Peoples)* 6, 198–214 (in Chinese).
18. Pan Ling. 2020. 漫谈俄罗斯考古同行的中国情结 *(Talking about the Chinese complex of Russian archaeological colleagues).* URL : http: // kaogu.cssn.cn / zwb / kgyd / kgsb / 202011 / t20201112_5215716.html. Date of application 12.11.2020. (in Chinese).
19. Rudenko, S. I., Pan, Mengtao. 1957. In 考古学报 *(Journal of Archaeology)* 2, 37–48 (in Chinese).
20. Tishkin, A. A. 2020. In 北方民族考古 *(Archaeology of Northern Peoples)* 10, 200–222 (in Chinese).
21. Tishkin, A. A. 2018. In 北方民族考古 *(Archaeology of Northern Peoples)* 5, 188–197 (in Chinese).
22. Tishkin, A. A. 2017. In 大众考古 *(Popular archaeology)* 7, 72–83 (in Chinese).
23. Khan', Tszyan'e. 2017. In 西域研究 *(Western Studies)* 2, 37–47 (in Chinese).
24. Ts.,Terbat, Terbayer. 2013. In 草原文物 *(Grassland cultural relics)* 2, 133–140 (in Chinese).
25. Tsi, Zhuntsin. 2008. 论巴泽雷克文化 *(Pazyrykskaya kul'tura).* 吉林大学硕士学位论文 (Master's Thesis of Jilin University). Chanchun' (in Chinese).
26. Tsi, Zhuntsin. 2010. In 内蒙古师范大学学报 *(Journal of Inner Mongolia Normal University)* 5, 76–85 (in Chinese).
27. Chzhan, Lyanzhen', Lu, Engo, Chzhan, Yun. 2016. In 早期中国研究 *(Early Chinese Studies),* 116–155 (in Chinese).
28. Shao Khuytsyu. 2017. In 边疆考古研究 *(Frontier Archaeological Research)* 1. 179–195 (in Chinese).
29. Shao, Khuytsyu. 2020. 百兽率舞:商周时期中国北方动物纹装饰综合研究 *(Beasts lead the dance: A Comprehensive Study on Animal Pattern Decoration in Northern China during the Shang and Zhou Dynasties).* Shankhay: "Shankhay gutszi chuban'she" (in Chinese).
30. Yu, Tszyan'tszyun', Ma, Tszyan'. 2013. In 文物 *(Cultural relics)* 3, 53–57 (in Chinese).
31. Yan, Tszyan'khua, Bao, Shuguan. 2014. In 西域研究 *(Western Studies)* 2, 75–84 (in Chinese).

About the Author:

Mu Jinshan, Ph.D. in History, Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads. Xi'an, China; mujinshan@mail.ru

Статья принята в номер 10.09.2024 г.

УДК 904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.20.27

КАРАВАНЫ В СТЕПЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ: ТОРГОВЫЕ ПУТИ[1]

© 2025 г. А.Д. Таиров

Исследование предпринято с целью реконструкции караванных путей через степи Центральной Евразии, связывавших в древности и средневековье Центральную Азию с лесными и лесостепными районами Зауралья и Западной Сибири. Восстановление маршрутов караванных путей возможна при синтезе археологических, письменных, картографических источников, данных топонимики, географии. При этом необходимо учитывать два постоянных фактора: «естественные коридоры» через крупные природные препятствия и особенности вьючных животных, которые использовались для перевозки грузов. Исходной базой для этих реконструкций могут служить картографические материалы XVIII – начала XX в. Результатом работы стало восстановление маршрутов основных караванных путей через степи Центральной Евразии, которые могли использоваться в древности и средневековье.

Ключевые слова: археология, Центральная Евразия, Зауралье, Западная Сибирь, караванный путь.

Анализ письменных и археологических источников свидетельствует о том, что истоки караванной торговли Центральной Азии с лесными и лесостепными районами Зауралья и Западной Сибири уходят в середину I тыс. до н. э. Значительную роль в этом процессе сыграли кочевники степей Центральной Евразии. Очевидно, в этот период прокладываются наиболее удобные караванные пути, которые без значительных изменений просуществовали до конца XIX века.

Целью предпринятого исследования является реконструкция караванных путей, проходящих через степи Центральной Евразии и связывающих в поздней древности и Средневековье (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) Центральную Азию с Зауральем и Западной Сибирью, на основе данных археологии, письменных, картографических и иных источников.

Реконструкция древних и средневековых караванных путей представляет собой весьма сложную задачу, поскольку для I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. письменных источников по Зауралью и Западной Сибири практически нет. В источниках более позднего времени, вплоть до начала XVIII в., описания дорог крайне редки и неполны. Археологические материалы (Таиров, 1995, с. 22–32; 2013б), в силу своей неоднозначности не содержат прямых указаний на существование караванной торговли, тем более они не могут обозначать торговые пути. В некоторых случаях археологические находки не могут выступать в качестве прямых свидетельств существования торговых связей между регионами, где они найдены и где они были изготовлены (Скрипкин, 2003). Однако реконструкция основных караванных путей, проходящих через степи Центральной Евразии, вполне возможна.

Как писал в свое время В.М. Черемшанский, «…караванная дорога, хотя одна и та же для всех караванов, отправляющихся, например, из Бухары до Оренбурга или до Троицка, но караваны идут по разным ее направлениям, потому что по одним и тем же следам двум или трем караванам не всегда бывает возможно проходить – по причине истребления корма, – почему они большею частью принимают боковой путь и выходят на

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055/

собственно караванную дорогу только около колодцев…» (Черемшанский, 1859, с. 393–394), источников питьевой воды или бродов через реки. При выходе в пустыни караваны, как правило, идут по параллельным направлениям, если на маршруте есть ряды колодцев (Мейер, 1865, с. 52).

Ключевыми точками караванных дорог выступают «естественные коридоры» – наиболее удобные места прохода через природные препятствия: реки, болота, солончаки, горы, лесные массивы, песчаные или каменистые пустыни (Вискалин, 1992, с. 40–41; Матвеев, 2002, с. 58, 60). Основная масса «естественных коридоров» оставалась стабильной на протяжении столетий. Например, переправа через Волгу ниже Ульяновска «...начала функционировать еще в раннеболгарское время (VIII–IX вв.) и продолжала исправно нести свои функции не только в домонгольско-булгарское, но и в золотоордынское и даже казанское время» (Халиков, 1992, с. 17). Переправа через реку Черемшан (левый приток Волги), по которой в начале X века прошло посольство Ибн-Фадлана, действовала и в 1489 году, когда по ней проехало ногайское посольство (Гуркин, Вискалин, 2006, с. 126–127).

Для успешного движения караванов необходимо было иметь постоянные источники пресной (или хотя бы питьевой) воды и достаточно богатые пастбища для большого количества вьючных животных в местах, где они ночевали или останавливались на днёвки. При этом расстояние между такими местами не должно было превышать одного дня пути (не более 60 км, но, как правило, около 25 км).

Относительное постоянство этих факторов позволяет предположить, что некоторые караванные пути через степи Центральной Евразии, которые достаточно подробно описаны русскими учеными и путешественниками XVIII–XIX вв., действовали и раньше (см., например: Мейендорф, 1826, с. 162–163; Панков, 1927, с. 26; Ахинжанов, 1995, с. 174–177). В качестве примера может служить путь из Булгар в Киев, который шел по строго определенному маршруту, освоенному еще в эпоху энеолита (Халиков, 1992, с. 17; Моця, 1991, с. 127).

Указателями сухопутных путей могут выступать как крупные курганы и курганные группы (Болтрик, 1990, с. 34–39; 2000, с. 121–122), так и руины средневековых поселений, караван-сараев и в ряде случаев мавзолеи и могилы выдающихся личностей (Маргулан, 1949; Егоров, 1985, с. 125; Зиливинская, 2017; Кольцов, Кольцова, 2013; Кольцов и др., 2019). В полупустынях и пустынях узловыми пунктами дорог выступали колодцы (Зияев, 1983, с. 69–70). А.И. Левшин при описании пути «из Сарайчиковой крепости в Хиву» указывал, что «развалины строений, остатки укреплений и прочно устроенные колодцы показывают, что два пути сии проложены народами, жившими здесь прежде киргиз-казаков» (Левшин, 1996, с. 97).

На ключевые точки караванных путей могут указывать топонимические данные (Болтрик, 2000, с. 125, 127). Например, русским понятиям ‘брод, переправа’ в казахском языке соответствуют ‘аяқ өткел’, ‘өткел’(Бектаев, 1995, с. 514, 601). Одной из ключевых точек «уванасской» и «джеты-конурской» караванных дорог, проходящих через степи современного Центрального Казахстана, выступает брод Той-өткель на реке Чу. Через брод Кара-өткель на Ишиме, близ современной Астаны, следовало одно из ответвлений «уванасской» дороги. Отметим, что в 5 км от данного брода находится средневековое городище Бозок (Маргулан, 1949, с. 72–73, 76; Акишев, Хабдулина, 2011, с. 207).

Также следует обратить внимание на расположение первых русских крепостей в степях Центральной Евразии. Постройка Оренбургской крепости (нынешний Орск) при впадении реки Орь в Урал преследовала цель, как отмечал русский посол к казахскому хану Абулхаиру М. Тевкелев, защитить города Среднего Поволжья от набегов казахов, которые «ездят и переезжают реку Яик (Урал) на вышепоказанном месте [в устье Ори – А.Т.] и в других местах в близости оного, где имеет быть крепость» (Казахско-русские..., 1961, с. 100).

Одной из задач, стоящих перед капитаном Е.Е. Мейендорфом, участником посольства А.Ф. Негри 1820 года в Бухарию, было «…назначить места, удобные для крепостей вдоль по дорогам от крепостей Орской и Троицкой... до реки Сырдарьи», чтобы «обезопасить караванные пути в Бухарию и в Хиву» (Халфин, 1975, с. 7). По высочайшему повелению 1845 года место для строительства Оренбургского укрепления на реке Тургай было определено «между песками Тусум и верхним бродом Тайнаком» (Тонкайма) (Добросмыслов, 1902, с. 398), а для Уральского укрепления – при переправе Ярмулла через реку Иргиз (Кенесарин, 1992, с. 20). Рядом с бродами располагались и другие крепости, находившиеся не только по окраинам степи, но и в её глуби (Таиров, 2013, с. 70–71).

Для реконструкции прохождения древних и средневековых караванных путей в степной и полупустынной зонах перспективным представляется анализ аэрофото- и космоснимков. На них вполне отчетливо могут читаться старые колесные дороги (Болтрик, Каряка, 2012, с. 14; Кольцов и др., 2019, с. 14), которые, как правило, совпадают с караванными путями в их узловых точках. Конкретизация же прохождения конкретных дорог, несомненно, требует комплексных полевых исследований (Халиков, 1992, с. 12–22; Плетнева, 1996, с. 147).

Таким образом, реконструкция караванных путей в степях Центральной Евразии в древности и Средневековье возможна при синтезе источников различного происхождения – естественно-географических, письменных, картографических, археологических, данных топонимики, фольклора и других. Основой для таких реконструкций должны служить карты XVIII – начала XX в. Вот некоторые из наиболее значимых караванных дорог (рис. 1).

«Сарысуйский» караванный путь начинался в низовьях рек Сарысу и Чу и проходил через горы Улутау и Арганаты. Выйдя к Ишиму, дорога шла вдоль него до Петропавловска, от которого долинами Ишима и Иртыша – на север, к Тобольску и Тюмени (Маргулан, 1949, с. 74–76).

«Ханжол» («ханская дорога») шла от среднего течения Чу на север и северо-восток – через Бетпак-Дала к верховьям Сарысу. Далее долиной Нуры к броду Караоткель на Ишиме и вдоль него до Петропавловска. А уже отсюда в низовья Ишима, Тобола и Иртыша (Маргулан, 1949, с. 69–70; 1950, с. 62–63). В эпоху раннего Средневековья эта дорога связывала оазисы рек Таласа и Чу с кимаками Прииртышья, а в Новое время – с городами Западной Сибири.

Сузак в предгорьях Каратау с городами в низовьях Ишима и Тобола связывали две дороги, проходившие через центральноказахстанские степи – «уванасская» и «джеты-конурская», или «кендырлыкская» (Красовский, 1868, с. 241–242; о прохождении караванных дорог в лесостепной и лесной зонах Зауралья и Западной Сибири см: Матвеев, 2014).

Караванный путь длиной 1500 км, на прохождение которого требовалось 52 дня, связывал Бухару с южноуральским Троицком (Костенко, 1871,

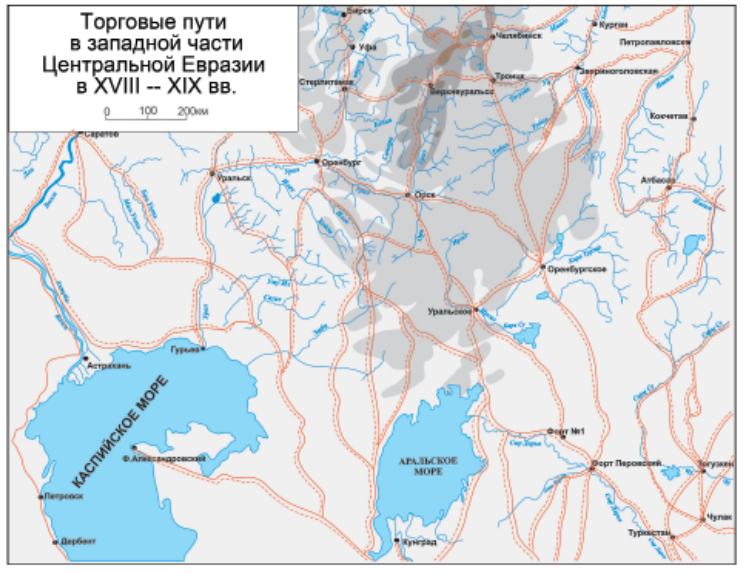


Рис. 1. Торговые пути в западной части Центральной Евразии в XVIII–XIX вв.
Fig. 1. Trade routes in the western part of Central Eurasia in the XVIII–XIX centuries.

с. 284, 306, 307, 315; Мейер, 1865, с. 51–52). От Троицка через Челябинск шли тракты до Екатеринбурга и Каменск-Уральского на Исети. Ответвления этого пути выводили к Тобольску или Тюмени (Мейер, 1865, с. 52; Бларамберг, 1848, с. 142).

Южноуральский Орск с Бухарой, Хивой и Ташкентом связывали две главные дороги. Одна шла через реку Иргиз, вдоль северо-восточного побережья Аральского моря к Казалинску. Другая, шедшая вначале вдоль правого берега Иргиза и Тургая, пересекала затем пески Муйнукум и выходила к Джусалам и Кзыл-Орде на Сырдарье (Мейер, 1865, с. 52–53; Бларамберг, 1848, с. 144–152).

Из Бухары в Оренбург можно было попасть караванной «дорогой кичкене-шектинцев» (Басин, Керимбаев, 1969, с. 57). Из Бухары она шла к Казалинску в низовьях Сырдарьи. Далее – через Приаральские Каракумы, пески Малые и Большие Барсуки к озеру Челкар. От Челкара дорога, пересекая Эмбу, подходила к верховьям Илека и далее шла к Оренбургу (Галкин, 1867, с. 307–309; Костенко, 1871, с. 283, 305–306; Мейер, 1865, с. 53).

Хиву и Оренбург связывала «дорога улы-шектинцев». От Хивы она шла левобережьем Амударьи к южному берегу залива Айбугир на Аральском море. Далее дорога, идя вдоль западного берега залива и самого моря, выходила к родникам Касарма, Акбулак и Актыканды, где разветвлялась. Основная ветка через реки Чеган и Эмба выходила на Илек, на караванный путь, соединяющий Бухару с Оренбургом (Галкин, 1867, с. 164–189, 307–312; Красовский, 1868, с. 314). Восточная ветка этой дороги через пески Большие Барсуки шла к озерам Тентексор и Копасор. Отсюда она выходила к восточным предгорьям Мугоджар, на дорогу «кичкене-шектинцев» (Бухара – Оренбург). Западная ветка «дороги улы-шектинцев» уходила к озеру Асмантай Матай на плато Устюрт, возле которого поворачивала на север. Спустившись с плато, дорога через пески Сарыкум выходила к среднему течению Эмбы. После переправы путь шёл на

северо-восток и выходил на дорогу «кичкене-шектинцев» в верховьях Темира.

Караванный путь с низовий Волги в Хиву, который проходил через низовья Урала у Сарайчика («хивинская» или «старая ногайская дорога»), довольно хорошо известен, и по нему существует достаточно обширная литература (см., например: Манылов, Юсупов, 1982, с. 170–182; Кольцов, Кольцова, 2013, с. 24–26).

В разные исторические периоды действовали не все, а только наиболее удобные и безопасные караванные трассы. Так, в XVI – первой половине XVII вв. «хивинская» дорога с низовий Волги была временно заброшена в связи с нестабильной ситуацией в Северном Прикаспии. Основные торговые пути из Хивы в Россию переместились на Среднюю Волгу (к Самаре или Казани). Хивинский хан Исфендиар писал в 1641 году царю Михаилу Федоровичу: «...а ныне учинилися меж нами калмыки и путь заперли, кочуют меж Эмбы и к Аратамаку» (Материалы по истории…, 1932, с. 167). Но, несмотря даже на изменения этнокультурной ситуации в степи Центральной Евразии, караванная торговля между югом и севером продолжала существовать на всем протяжении I и II тысячелетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. 260 с.

2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.

3. Басин В.Я., Керимбаев Т. Из истории приаральских и присырдарьинских казахов конца XVIII – начала XIX вв. // Известия Академии наук КазССР. Серия общественная. 1969. № 2. С. 51–62.

4. Бектаев К. Большой казахско-русский русско-казахский словарь. Алматы: Алтын казына, 1995. 705 с.

5. Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. 1990. № 4. С. 30–44.

6. Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли Киргиз-Кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте // Военно-статистический обзор Российской империи. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 3. 193 с.

7. Болтрик Ю.В. Основной торговый путь Ольвии в Днепровское лесостепное Правобережье // РА. 2000. № 1. С. 121–130.

8. Болтрик Ю.В., Каряка А.В. Попытка пространственного анализа памятников Днепро-Азовской степи // Археология и геоинформатика. Первая международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Колобов. М.: ИА РАН, 2012. С. 13–14.

9. Вискалин А.В. Самарский вариант переправы через Волгу на пути из Киева в Булгар // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 40–46.

10. Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1868. 336 с.

11. Гуркин В.А., Вискалин А.В. О ногайской дороге из Орды в Москву в конце XV в. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 126–127.

12. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отделения ИРГО. 1902. Вып. 17. 524 с.

13. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

14. Зиливинская Э.Д. Караван-сараи в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. № 10 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 168–187.

15. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Фан, 1983. 167 с.

16. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов) / Сост. Ф.Н. Киреев и др. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.

17. Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык: Биографические очерки. Алма-Ата: Жалын, 1992. 144 с.

18. Кольцов П.М., Байтанаев Б.А., Гаджиев М.С. Инфраструктура Северной ветви Великого Шелкового пути на участках: Западный Казахстан-Нижнее Поволжье-Подонье-Северный Кавказ // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 8–22.

19. Кольцов П.М., Кольцова К.П. Караван-сарай Таскешу как источник по изучению средневековых караванных путей на степных пространствах Евразии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 22–24.

20. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб.: Тип. В. Безобразова, 1871. 358 с.

21. Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 3. Спб.: Тип. Траншеля, Реттера и Шнейдера , 1868. 282 с.

22. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

23. Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сараи центрального Устюрта (в пределах Каракалпакской АССР) // СА. 1982. № 1. С. 170–182.

24. Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Вестник АН Казахской ССР. 1949. № 1. С. 68–79.

25. Маргулан А.Х. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы // Вестник АН Казахской ССР. 1950. № 6 (63). С. 61–72.

26. Матвеев А.В. Развитие системы дорог в древности // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, Н.А. Томилов. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 58–62.

27. Матвеев А.В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье – Новое время). Омск: Наука, 2014. 268 с.

28. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 504 с.

29. Мейендорф Е.К. О торговле Бухарии // Московский телеграф. 1826. Ч. XI. С. 161–184.

30. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь, Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 288 с.

31. Моця А.П., Халиков А.Х. Археологическое исследование пути из Булгара в Киев // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск, 1991. С. 125–127.

32. Панков А.В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI–XVII вв. // В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 20–47.

33. Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. 168 с.

34. Скрипкин А.С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 194–203.

35. Таиров А.Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1995. 43 с.

36. Таиров А.Д. Источники реконструкции древних караванных путей в степях Центральной Евразии // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 55. 2013а. № 12 (303). С. 68–73.

37. Таиров А.Д. Археологические источники по реконструкции древних торговых коммуникаций в Урало-Казахстанских степях // Наука ЮУрГУ: материалы 65-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук: в 2 т. Т. 1 / Отв. за вып. С.Д. Ваулин. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 211–214.

38. Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) // Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 12–22.

39. Халфин Н.А. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару // Мейендорф Г.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. С. 5–17.

40. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. Губернского Правления, 1859. 472 с.

Информация об авторе:

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований. Южно-Уральский государственный университет (Национальный Исследовательский Университет) (г. Челябинск, Россия); tairov55@mail.ru

CARAVANS IN THE STEPPES OF CENTRAL EURASIA: CARAVAN ROUTES

A.D. Tairov

The research aims to reconstruct caravan routes through the steppes of Central Eurasia. These caravan routes connect Central Asia with the forest and forest-steppe regions of the

The research was supported by the Russian Science Foundation (РНФ) grant No. 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055/

Trans-Urals and Western Siberia. Reconstruction of the main caravan routes is based on synthesis of archaeological, written, cartographic sources and toponymic and geographic data. In this case, it is necessary to consider two constant factors: "natural corridors" through large natural barriers and the characteristics of the pack animals that were used to transport goods. The initial basis for these reconstructions can be cartographic materials from the XVIII – early XX centuries. The result of the work was the reconstruction of the main caravan routes through the steppes of Central Eurasia, which could have been used in ancient times and the Middle Ages.

Keywords: archaeology, Central Eurasia, Trans-Urals, Western Siberia, caravan route.

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Khabdulina, M. K. 2011. *Drevnosti Astany: gorodishche Bozok (Antiquities of Astana: Bozok ancient settlement)*. Astana: L.N.Gumilyov Eurasian National University (in Russian).
2. Akhinzhanov, S. M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana (Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).
3. Basin, V. Ya., Kerimbaev, T. 1969. *Izvestiya Akademii nauk KazSSR. Seriya obshchestvennaya (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Series. Social sciences)* 2, 51–62 (in Russian).
4. Bektaev, K. 1995. *Bol'shoy kazakhsko-russkiy russko-kazakhskiy slovar' (Big Kazakh-Russian Russian-Kazakh dictionary)*. Almaty: "Altyn kazyna" Publ. (in Russian).
5. Boltrik, Yu. V. 1990. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 30–44 (in Russian).
6. Blaramberg, I. F. 1848. *Voenno-statisticheskoe obozrenie zemli Kirgiz-Kaysakov Vnutrenney (Bukeevskoy) i Zaural'skoy (Maloy) ordy Orenburgskogo vedomstva po rekognostsirovkam i materialam, sobrannym na meste (Military-statistical review of the land of the Kirghiz-Kaisaks of the Internal (Bukey) and Trans-Ural (Small) Hordes of the Orenburg Department based on reconnaissance and materials, collected on the site)*. Series: Voenno-statisticheskiy obzor Rossiyskoy imperii (Military statistical review of the Russian Empire) 14 (3). Saint-Petersburg (in Russian).
7. Boltrik, Yu. V. 2000. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 1, 121–130 (in Russian).
8. Boltrik, Yu. V., Karyaka, A. V. 2012. In Korobov, D. S. (ed.). *Arkheologiya i geoinformatika. Pervaya mezhdunarodnaya konferentsiya. Tezisy dokladov (Archaeology and Geoinformatics. First International Conference)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 13–14 (in Russian).
9. Viskalin, A. V. 1992. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Put' iz Bulgara v Kiev (The Way from Bulgar to Kiev)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 40–46 (in Russian).
10. Galkin, M. N. 1868. *Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu (Ethnographic and Historical Materials on Central Asia and Orenburg Region)*. Saint Petersburg: "Ya. A. Isakov Publ". (in Russian).
11. Gurkin, V. A., Viskalin, A. V. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian spase)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 126–127 (in Russian).
12. Dobrosmyslov, A. I. 1902. In *Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk (Turgay region. Historical sketch)*. Series: Izvestiya Orenburgskogo otdeleniya IRGO (Proceedings of the Orenburg Branch of the Imperial Russian Geographical Society) 17 (in Russian).
13. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* (*Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Zilivinskaya, E. D. 2017. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 10. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 168–187 (in Russian).
15. Ziyaev, Kh. Z. 1983. *Ekonomicheskie svyazi Sredney Azii s Sibir'yu v XVI–XIX vv. (Economic relations between Central Asia and Siberia in the 16th–19th centuries)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
16. In Kireev, F. N. (comp). 1961. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (Sbornik dokumentov i materialov) (Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries (Collected documents and materials))*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR Publ. (in Russian).
17. Kenesarin, A. 1992. *Sultany Kenesary i Syzdyk: Biograficheskie ocherki (Sultans Kenesary and Syzdyk: Biographical essays)*. Alma-Ata: "Zhalyn" Publ. (in Russian).
18. Kol'tsov, P. M., Baitanayev, B. A., Gadzhjiev, M. S. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 8–22 (in Russian).
19. Kol'tsov, P. M., Kol'tsova, K. P. 2013. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* 1, 22–24 (in Russian).
20. Kostenko, L. 1871. *Srednyaya Aziya i vodvorenie v ney russkoy grazhdanstvennosti (Central Asia and the establishment of Russian citizenship in it)*. Saint Petersburg: "V. Bezobrazov Tipography" (in Russian).

21. Krasovskiy, M. 1868. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov (Materials for the geography and statistics of Russia, collected by military officers of the General Staff. Region of Siberian Kirghiz)* 3. Saint Petersburg: "Tipografiya Transhelya, Rettera i Shneydera" Publ. (in Russian).
22. Levshin, A. I. 1996. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey (Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes)*. Almaty: "Sanat" Publ. (in Russian).
23. Manylov, Yu. P., Yusupov, N. Yu. 1982. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 170–182 (in Russian).
24. Margulan, A. Kh. 1949. In *Vestnik AN Kazakhskoy SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1, 68–79 (in Russian).
25. Margulan, A. Kh. 1950. In *Vestnik AN Kazakhskoy SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 6 (63), 61–72 (in Russian).
26. Matveev, A. V. 2002. In Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tomilov, N.A. (eds.). I*ntegratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Omsk, Hanty-Mansijsk: Omsk State Pedagogical University, 58–62 (in Russian).
27. Matveev, A. V. 2014. *Istoriya sukhoputnykh putey soobshcheniya Omskogo Priirtysh'ya (Srednevekov'e – Novoe vremya) (History of land routes of communication in the Omsk Irtysh region (Middle Ages - Modern times))*. Omsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
28. 1932. *Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenskoy SSR. Chast' I. Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Sredney Azii v XVI–XVII vv. (Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Part I. Trade with the Moscow state and the international position of Central Asia in the 16th–17th centuries)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
29. Meyendorf, E. K. 1826. In *Moskovskiy telegraf (Moscow Telegraph)* 11, 161–184 (in Russian).
30. Meyer, L. 1865. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step', Orenburgskogo vedomstva (Materials for the geography and statistics of Russia, collected by military officers of the General Staff. Kirgiz steppe, Orenburg department)*. Saint Petersburg (in Russian).
31. Motsya, A. P., Khalikov, A. Kh. 1991. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Izhevsk, 125–127 (in Russian).
32. Pankov, A. V. 1927. In *V.V. Bartol'du turkestanskie druz'ya, ucheniki i pochitateli (Turkestan friends, students and devoters to V.V. Bartold)*. Tashkent, 20–47 (in Russian).
33. Pletneva, S. A. 1996. *Sarkel i "shelkovyy put'" (Sarkel and the Silk Road)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).
34. Skripkin, A. S. 2003. In *Vestnik drevney istorii* (*Journal of Ancient History*) 3, 194–203 (in Russian).
35. Tairov, A. D. 1995. *Torgovye kommunikatsii v zapadnoi chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Trade Communications in the Western Part of the Ural and Irtysh Interfluves Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).
36. Tairov, A. D. 2013. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Vip. 55 (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series. Issue 55)* 12 (303), 68–73 (in Russian).
37. Tairov, A. D. 2013. In Vaulin, S. D. (ed.). *Nauka YuUrGU: materialy 65-i nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk (Science of South Ural State University: Proceedings of the 65th Scientific Conference. Social and Humanitarian Science Sections)* 2 (1). Chelyabinsk: South Ural State University, 211–214 (in Russian).
38. Khalikov, A. Kh. 1992. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Put' iz Bulgara v Kiev (The Way from Bulgar to Kiev)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 12–22 (in Russian).
39. Khalfin, N. A. 1975. In Meyendorf, G. K. *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu (Journey from Orenburg to Bukhara)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–17 (in Russian).
40. Cheremshanskiy, V. M. 1859. *Opisanie Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskom, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh (Description of the Orenburg province in economical, statistical, ethnographic and industrial relations)*. Ufa: "Tipografiya Orenburgurskogo Gubernskogo Pravleniya" (in Russian).

About the Author:

Tairov Aleksandr D. Doctor of Historical Sciences. South Ural State University (national research university). Lenina pr., 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; tairov55@mail.ru

Статья принята в номер 05.08.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.28.37

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВЕЛИКОМ ВОЛЖСКОМ ПУТИ МЕЖДУ БОЛГАРСКИМ ЦАРСТВОМ И ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ В XIV ВЕКЕ

© 2025 г. Н.Д. Овчаров, М.Й. Станев

Предметом данной статьи является уникальная для болгарских земель золотая монета, обнаруженная при раскопках крепости Кокалянски Урвич недалеко от Софии. Она была отчеканена по приказу индийского султана Мухаммада бин Туглука, правившего в Дели между 1325 и 1351 годами. На одной стороне начертаны панегирики аббасидскому халифу Аль-Хакиму II в Каире, номинальному лидеру всех мусульман мира в то время. Монета имеет высокий карат и необычно большой для наших стран вес – 11,05 г. Золотые монеты этого правителя называются динарами, танками или мухрами и считаются основным средством платежа. Монета из Урвича, по-видимому, является самой западной находкой известной на сегодняшний день золотой индийской монеты. Эти памятники проникают главным образом через государство Золотая Орда, с которым Болгария была связана на протяжении десятилетий в XIII в. Интересно подсчитать стоимость золотого индийского динара делийского султана Мухаммада бин Туглука на тогдашнем болгарском рынке. По золотому содержанию его можно было обменять более чем на шесть современных византийских иперпирей, что составляет около 120–130 серебряных аспри с первых двух чеканок царя Ивана Александра Асена. Находка показывает экономические связи Второго Болгарского царства со странами Азии в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: археология, Кокалянский Урвич, Мухаммад бин Туглука, Иван Александр, Делийский султанат, Второе Болгарское царство, Золотая Орда, динар.

Крепость Урвич возле села Кокаляне недалеко от Софии уже давно привлекает внимание ученых. Раскопки на холме у реки Искыр начались в 1960-х годах под руководством Димитра Овчарова. С многочисленными перерывами они продолжаются и по сей день, так как после смерти известного болгарского археолога ими руководили Николай Овчаров, Бонни Петрунова и Филипп Петрунов (рис. 1).

Сегодня уже известно, что средневековая крепость была построена на руинах позднеантичной крепости, охранявшей в римскую эпоху так называемую «дорогу Траяна», соединявшую Центральную и Восточную Европу. В XII–XIV вв. она была важным звеном в обороне Средики – нынешней столицы Болгарии Софии. Таким образом, она сыграла важную роль в последних битвах Второго Болгарского царства с османами в последней четверти XIV в. (Овчаров, 2016, с. 37–45). Об этом свидетельствуют обнаруженные при раскопках находки и особенно довольно многочисленное количество монет. Среди них особый интерес представляет коллективная находка из 18 серебряных монет царя Ивана Александра Асена, которые, вероятно, являются частью гораздо более крупного клада. По нашей гипотезе, деньги были отправлены непосредственно из столицы Тырновграда и предназначались для финансирования мероприятий, направленных на усиление Урвича перед решающей битвой с османами за Средец (Овчаров, Пеевский, 2016, с. 369–385).

С эпохой царя Ивана Александра Асена (1331–1371 гг.) связана уникальная монета, которая также была обнаружена в ходе очередных археологических изысканий 2014 года. Она была обнаружена на небольшой глубине, примерно в 4 м от апсиды крепостной церкви Св. Илии. С первого взгляда было видно, что монета изготовлена из высококаратного золота,

Рис. 1. Церковь Св. Илии в крепости Урвич и окружающий ее монастырь. Фото с воздуха.
Fig. 1. Church of St. Elijah in the Urvich fortress and the monastery. Aerial photo.

а надписи с обеих сторон выполнены арабской вязью (рис. 2).

После прочтения надписей специалистами было уточнено место чеканки монеты – Индия. Это золотой динар делийского султана Мухаммада бин Туглука (725–752 гг. хиджры, 1325–1351 гг. н. э.) от имени Аль-Хакима II, халифа Каира из династии Аббасидов в 1341–1352 гг. Как принято, аббревиатура отражает титулы и величие халифа, который является формальным правителем мусульман всего мира. От гурты до центра монеты сделан надрез для проведения теста на фуре. Она слегка изогнута, ее диаметр составляет 1,90/2,00 см. Вес монеты 11,05 г, толщина 0,25 см, содержание золота от 21 до 22 каратов.

Прежде всего, мне необходимо пояснить, где находится и какой была страна, откуда родом эта экзотическая монета (Алаев, 2006). Дели называют «столицей семи империй». Он расположен у берегов реки Джамны (Ямуна), правом притоке великого Ганга. Стратегическое положение Дели позволяло ему контролировать важные торговые пути с северо-востока к плодород-ной долине Ганга на юго-западе. Именно поэтому люди издревле селились в этих местах. По преданию, записанному в священном эпосе «Махабхарата», первый город здесь был основан династией Пандави в III тыс. до н. э. и носит имя Индрапрастха. Археологические исследования на территории более поздней кре-

Рис. 2. Золотой динар делийского султана Мухаммада бин Туглука, найденный в Урвиче (аверс и реверс).

Fig. 2. Gold dinar of the Delhi Sultan Muhammad bin Tughluq, found in Urvich (obverse and reverse).

пости Пурана-Кила датируют самое раннее поселение VIII–II вв. до н. э.

В последующие столетия земли вдоль Ямуны находились под властью царей династии Маурьев. Первые достоверные сведения о Дели относятся к началу VIII в., когда воинственные цари новой династии Томаров основали крепость Лал-Кот и успешно правили на протяжении последующих столетий. Процветание было прервано в 1011 году после захвата и разграбления города афганским султаном Махмудом Газневи.

Новая страница в истории Дели открылась в 1193 году с его завоеванием полководцем Кутб ад-дином Айбаком. Он создал исламский султанат Дели, просуществовавший до XVI в. Генерал основал первую «афганскую» династию, под властью которой Дели стал одним из богатейших городов Азии. Тогда же в южной части стали возводиться великолепные архитектурные ансамбли, такие как одна из крупнейших достопримечательностей нынешней столицы Индии – Кутб-Минар.

В 1288 году на смену первой династии Делийского султаната пришла семья Хильджи, во время которой были успешно отражены набеги монголов. В 1321 году к власти пришла третья династия, основанная тюрком Гийасом ад-дином Туглаком. Он возвел великолепный город Туглукабад, хорошо сохранившиеся руины которого можно увидеть и сегодня. При его сыне Мухаммаде бин Туглаке султанат разросся и охватил почти весь Индийский полуостров, а Дели стал его бесспорным торговым и ремесленным центром.

Именно под его руководством была отчеканена золотая монета, найденная в Урвиче. Мухаммад бин Туглак – фигура неоднозначная. Он приходит к власти после того, как организовал покушение на собственного отца, спровоцировав обрушение крыши в одном из дворцовых зданий. И действительно, он расширил султанат до самой южной точки Индийского субконтинента, но при этом потерпел ряд военных поражений. Он пытался провести сельскохозяйственную реформу, но из-за слишком высоких налогов и коррупции среди чиновников эта идея претерпела крах. Он перенес столицу из Дели в центральную часть Индии, но под влиянием столичной аристократии был вынужден вернуть ее обратно.

Его подданные не любили его за проявления жестокости. Он прославился применением различных орудий пыток и частыми казнями. Поэтому, когда 20 марта 1351 года Туглук неожиданно скончался, индийский летописец Зия уд-дин Барани с иронией заметил: «Правитель избавился от своего народа, а народ избавился от него».

Однако несомненно то, что именно он приказал отчеканить большое количество монет, многие из которых были золотыми. В нумизматике, помимо динаров, они обозначаются терминами танка и мухра. Для своей эпохи они были весьма стабильными монетами, узнаваемыми на Западе и Востоке. Из-за высокой пробы золота и значительного веса, около 11 г, их часто используют как своеобразные слитки для хранения и обслуживания ювелирных мастерских разных стран

Рис. 3. Серебряная аспра царя Ивана Александра Асена, найденная в Урвиче (аверс и реверс).

Fig. 3. Silver aspra of Tsar Ivan Alexander Asen, found in Urvich (obverse and reverse).

(Горон, Гоенка, 2001; Гончаров, 2008, с. 108–120).

В 725 году от хиджры (1325/1326) Мухаммад бин Туглук провел важную денежную реформу, которая вместе с облегчением таможенных пошлин еще больше усилила и без того серьезный экспорт золота. Это привело к еще большему расширению торговых связей между Индией и государством Золотой Орды и Восточной Европой, при этом особо важную роль играл так называемый Великий Волжский путь (Каллан, 2012, с. 78 –81).

Таким образом, индийские торговцы проникли на запад через Поволжье. В Дешт-и-Кипчаке обнаружены многочисленные единичные и коллективные находки индийских золотых монет. Именно там было обнаружено наибольшее количество золотых индийских динаров на территории Золотой Орды (Лебедев, Клоков, 2002, с. 263–273.)

Золотая Орда – это именно та страна, которая соединяет далекую Индию с Болгарией. В определенные времена она играла важную роль в болгарской истории. Золотая Орда образовалась в ходе крупных завоеваний, которые осуществил в первой половине XIII в. грозный монгольский правитель Чингисхан и его прямые наследники. Фактически в нее входили владения его сына Джучи, чрезвычайно расширенные его внуком Бату. В период своего наибольшего территориального расширения при ханах Узбеке (1312–1342) и его сыне Джанибеке (1342–1357) Золотая Орда включала в себя земли между Кавказом и рекой Днепр, вплоть до Сибири на востоке, а на юге граница шла по Черному морю и вдоль Кавказских гор.

Военная мощь позволяет правителям диктовать свои условия внешнему миру. В орбиту военных, политико-экономических и культурных связей и интересов татаро-монгольских правителей были вовлечены многие народы Евразии, в том числе и болгары. В 60-е годы XIII в. болгарские и золотоордынские войска под предводительством царя Константина Асена успешно атаковали Византию и едва не захватили в плен римского императора Михаила VIII Палеолога (Овчаров, 2018). Однако позже Болгарское царство попало в зависимость от Золотой Орды и к началу XIV в. неоднократно подвергалось опустошительным набегам татаро-монголов.

Но в первой половине этого столетия отношения между двумя странами были далеко не враждебными. При царе Теодоре Святославе (1300–1322 гг.) Болгария вернула себе территории вплоть до реки Днестр, где имела прямую границу с Золотой Ордой. Это связывает ее с вышеупомянутым Великим Волжским путем, который соединял Восточную Азию с Восточной Европой. Монгольское нашествие начала XIII в. на время нарушило связи, но затем они были восстановлены. Особенно важны были отношения с городами Северной Индии, которые в XIII–XIV вв. обязаны своим развитием именно этой торговле.

По этому маршруту с Востока на Запад перевозили пряности, различные ткани, слоновую кость, кораллы и т. д. Такие товары, как шкуры редких животных и льняные ткани, движутся в противоположном направлении. Особой отраслью торговли является

ввоз в Индию лошадей, поскольку влажный и жаркий климат полуострова препятствовал их разведению. Арабский путешественник и купец Ибн Баттута рассказывает, что во второй и третьей четверти XIV в. из степей Восточной Европы в Индию были перегнаны многочисленные табуны лошадей.

Огромную роль в выяснении точного маршрута Великого Волжского пути играют находки монет, особенно золотых динаров конца XIII – первой половины XIV вв. (Быков, 1969, с. 73–80; Пачкалов, 2004, с. 204–206, 2017, с. 49–64). Вполне естественно, что больше всего находок обнаружено на территории Золотой Орды. Основные места местонахождений – Татарстан, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Крым (Пачкалов, 2019).

Очень интересным моментом является то, что в Иране, Средней Азии и Закавказье золотые индийские динары почти не встречаются, хотя они и находятся на торговом пути из Индии в Восточную Европу. Это явление объясняется относительно низким соотношением цен на золото и серебро в Средней Азии и Иране по сравнению с землями Золотой Орды. Таким образом, индийские золотые монеты направлялись прямиком в европейские территории, контролируемые этими странами. На рынках Золотой Орды в них ценили металл, который в пересчете на серебряные дирхемы стоил в Восточной Европе дороже, чем, например, в Хорезме.

Распространение индийских золотых динаров на территории Золотой Орды неравномерно. В последнее время было опубликовано немало новых находок, проливающих новый свет на этот вопрос. Таким образом, если в начале 90-х годов прошлого века речь шла о 60 таких монетах, ведущих свое начало из европейской части Золотой Орды (Крамаровский, 1992, с. 37–39), то в 2019 г. уже можно говорить о не менее 200 экз. (Пачкалов, 2019).

Рекордсменом по найденным золотым индийским динарам пока является богатый средневековый город Маджар на Северном Кавказе, некогда контролировавший торговый путь из Закавказья в Поволжье и оттуда в Северное Причерноморье. До недавнего времени оттуда при раскопках и в частных коллекциях зарегистрировано 29 золотых индийских монет конца XIII – первой половины XIV вв. Это наибольшее количество из всех найденных на территории Золотой Орды. Например, в столице Сарае было обнаружено всего две монеты. От семи до десяти таких экземпляров было найдено в других важных городах, таких как Булгар и Царевское Городище.

Большое количество динаров с Северного Кавказа и Поволжья и сведения об их местонахождении позволяют вести статистику находок. Основная часть из них датируется периодом правления хана Узбека (59%). Всего 13% составляют монеты индийских правителей, предшествовавших его правлению в конце XIII – начале XIV вв. Наконец, 28% составляют монеты периода между царствованиями хана Джанибека и хана Тохтамуша (1385–1395 гг.), после чего они вовсе исчезают (Лебедев, Павленко, 2008, с. 441). Это означает, что пик обращения золотых индийских динаров и, соответственно, торговли по Великому Волжскому пути пришелся на времена делийских султанов Гияса ад-дина Туглука и Мухаммада бин Туглука.

Согласно «Летописи Кипчакской степи», конечная точка этого торгового пути из Индии находилась в Крыму (Зайончковский, 1969). Поэтому неудивительно, что там найдено немало индийских динаров. Так, в знаменитом Симферопольском кладе было обнаружено целых 10 золотых монет Мухаммада бин Туглука. В 1983 г.

археологическая экспедиция Эрмитажа раскрыла аналогичную находку in situ в помещении № 26 медресе XIV в. в крымском городе Солхат (Золотая Орда, 2019, с. 382).

Золотые индийские динары, хотя и значительно реже, встречаются и в других местах, но также проходят по Великому Волжскому пути. Например, такие денежные знаки встречались на русских, белорусских, украинских и даже литовских землях. Речь идет о Тверской, Минской, Львовской областях и др. (Гончаров, 2008, с. 108–120).

Очень интересным моментом является наличие псевдоиндийских фальшификатов. Это медные кружочки, покрытые тонким золотым напылением. Подобные экземпляры были найдены в окрестностях Владимира, Твери, Рязани и других древнерусских городов. В Селитренном городище Астраханской области была обнаружена бронзовая печать для чеканки настоящих золотых подделок «ад-Дихли» (Дели, Делийский султанат) (Пачкалов, 2019).

Вероятно, именно по этой причине на монете из Урвича был сделан срез для пробы по фуре. Видимо, нашим предкам были известны эти денежные знаки и попытки их подделки. И здесь возникает вопрос о том, каким образом золотой индийский динар оказался в крепости Урвич. А он связан с выяснением взаимоотношений Болгарского царства с западными улусами Золотой Орды.

Мы уже выяснили, что при царе Теодоре Святославе Болгария возвращает себе значительные территории в дельте реки Дуная, а граница с Золотой Ордой проходит по реке Днестр. Однако до этого существовала довольно долгая история отношений между двумя важными государствами европейского Юго-Востока (Павлов, Владимиров, 2009).

Начало было положено в 1241 г., когда Батый предпринял свой знаменитый поход против Европы вместе с легендарным полководцем Чингисхана Субетаем. Монгольские войска разгромили элитные части рыцарей многих стран, понеся лишь одну потерю. Согласно «Рифмованной хронике Франции» Филиппа Мускеса, болгарской армии удалось разгромить часть захватчиков. Скорее всего, это корпус, которым командовал Бучек, сын Чагатая и внук великого Чингисхана.

Однако на обратном пути из Центральной Европы полчища хана Бату опустошили Северную Болгарию (1242/1243 гг.). Затем в стране настал длительный политический и экономический кризис. Государство на протяжении десятилетий было вынуждено платить дань монголам и Золотой Орде, созданной наследниками сына Чингисхана – Джучи. Лишь при царе Константине Тихе Асене обстановка в стране стабилизировалась, и даже в союзе с татаро-монголами в 1265 г. был нанесен совместный тяжелый удар по Византии.

Однако затем появляется Ногай, который стал ключевым союзником византийцев и играл важную роль в последующие десятилетия. Как видный военачальник Золотой Орды, он получил титул «беклярибека» (главнокомандующего) и в последние два десятилетия XIII в. стал практически самостоятельным правителем западных улусов государства.

Еще в 1270–1274 годах ногайцы завоевали Нижнее Подунавье, отобрав его у Болгарии. Затем он завоевал болгарские города Облучица (Исакча), Вичина, Килия, Ликостомо и другие. Эти города являлись крупными торговыми центрами, где, согласно сохранившимся документам, встречались купцы Востока и Запада. Так, например, в Вичину стекались византийские, итальянские, арабские

и даже обращенные в христианство монгольские купцы, такие как Nicolaus filius Philipi Tartaro, Anthonius Tartarus и др. (Узелац, 2015, с. 140–141). Именно поэтому неслучайно то, что Ногай объявляет Облучицу своей столицей. В нем существовал монетный двор, где он чеканил собственные денежные знаки.

Используя этот плацдарм, бейлербей установил прочное господство в Болгарии при царях Георгии I Тертере (1280–1292), Смилце (1292–1298) и Иване IV Смилце (1298–1300). Тем временем сын Георгия I Тертера Теодор Святослав 15 лет удерживался заложником при дворе монгольского вождя в Облучице. Несомненно, что именно тогда он вошел в круги купеческого общества, которое, по мнению Пламена Павлова и Георгия Владимирова, играло огромную роль в окружении Ногая. Доказательством тому является тот факт, что будущий болгарский царь женился на Ефросине, дочери чрезвычайно влиятельного купца Пандолеона. По всей вероятности, это был грек из Крыма, поселившийся в важном черноморском порту Вичина.

Теодор занимает правильную сторону в борьбе за власть между Ногаем и золотоордынским ханом Токту. После смерти первого вместе с его сыном Чака он взял под свой контроль Тырновград, но позже запер последнего в темнице и убил. Это дает возможность Токту стать полноправным ханом Золотой Орды, и он щедро отблагодарил нового болгарского царя. Болгария получила приднестровские земли с крепостью Белград (Акерман, в наши дни Белгород-Днестровский в Украине). Таким образом было восстанавлено управление торговыми путями, проходящими через Крым с Востока.

Преемником Токту стал его племянник, неоднократно упоминавшийся хан Узбек. Согласно «Житию святителя Иоанна Нови», в 30-х годах XIV в. Белград все еще находился в границах Болгарского государства, но затем татаро-монголы отобрали его обратно. К 1337–1338 годам они захватили и Вичину в дельте реки Дуная, и именно там в последующие годы прошла граница между Болгарией и Золотой Ордой.

Однако эти изменения не повлияли на торговые пути между Востоком и Западом, проходящие через эти земли. Пламен Павлов и Георгий Владимиров приводят в пример арабских купцов Аль-Карабелая и Бедр-ад-дина Хасана ар-Руми, пересекших границу Золотой Орды и Болгарии в конце 30-х годов XIV в.

Все эти данные полностью совпадают с датировкой золотого динара из Урвича, и именно в этом направлении надо искать причину его появления там. Видимо, это самая западная находка золотой индийской монеты, известная на сегодняшний день. Без сомнения, она попала в крепость в годы правления царя Ивана Александра Асена, когда Болгария переживала свой «золотой век». «Золотой век» приходит в Болгарию после великой победы над византийской армией при Русокастро в 1332 году, которая обеспечила болгарскому государству мир на несколько десятилетий. Это обеспечивает процветание и экономическое благополучие страны. Об экономическом подъеме и усилении денежного обращения можно судить по чеканке монет, которая при Иване Александре достигла своего расцвета за всю историю средневекового Болгарского государства.

За все время его правления было отчеканено огромное количество медных и свыше 15 миллионов серебряных монет, известных как аспры (рис. 3). Из них основная часть приходится на первые два выпуска, изготовленные именно в 30–40-е годы XIV в. В то время монеты имели по-

стоянный вес 1,6–1,7 г и содержание 950/1000. Курс составляет 18–20 аспри за один золотой иперпир (на тот момент с содержанием 12–14 карат). Подобная экономическая политика делает аспер царя Ивана Александра востребованной денежной единицей не только в нашей стране, но и в соседних странах (Дочев, 2009, с. 127–128).

Экономический бум во времена царя Ивана Александра Асена восполнил казну. Косвенным свидетельством является тот факт, что в 1367 году он заплатил выкуп за своего сына Ивана Срацимира, попавшего в плен к венграм, и за возвращение Видина и его области в пределы его государства. Стоимость выкупа составила 180 000 золотых флоринов номинальным весом 625 кг серебра с содержанием 999–1000.

Основываясь на этих данных и при содействии известного нумизмата профессора Константина Дочева, я попытался подсчитать стоимость золотого индийского динара делийского султана Мухаммада бин Туглука на тогдашнем болгарском рынке. Оказывается, по содержанию золота его можно было обменять более чем на шесть современных византийских иперпир, что составляет около 120–130 серебряных аспри из первых двух чеканок царя Ивана Александра Асена. А это можно считать настоящим сокровищем среднего размера, позволяющим его владельцу совершать серьезные покупки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаев Л.Б.* Средневековая Индия. СПб.: Алетейя, 2003. 304 с.
2. *Быков А.А.* Находки средневековых индийских монет в Восточной Европы // Эпиграфика Востока. 1969. Т. XIX. С. 73–80.
3. *Гончаров Е.Ю.* Индийские золотые монеты на территории Золотой Орды. Новый взгляд // В Индию духа… Сборник статей, посвященный 70-летию Ростислава Борисовича Рыбакова / Сост. И.В. Зайцев, Г.М. Кузнецова, Т.В. Шаумян. М.: Восточная литература, 2008. С. 108–120.
4. *Дочев К.И.* Каталог на българските средновековни монети XIII–XIV в. Типове, варианти, цени. Велико Търново: Цетрекс, 2009, 320 с.
5. *Зайончовский А.В.* «Летопись Кипчакской Степи» (Теварих-и Деихт-и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. В 3-х т. Т. II / Ред. А.С. Тверетинова. М.: Наука, 1969. С. 10–28.
6. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 480 с.
7. *Калан Е.* Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Востока: вторая половина XIII-XIV вв. Дисс… канд. ист. наук. Казань, 2012. 208 с.
8. *Крамаровский М.Г.* Индийский динар из Солхата. К характеристике связей Золотой Орды с Индией // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 года» 25–28 февраля 1992 г. Государственный Эрмитаж. СПб, 1992. С. 37–39.
9. *Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Казань-Астрахань-Казань. 6-16 августа 2001 г. Ч. II / Отв. ред. Усманов М.А. Казань. С. 263–373.
10. *Лебедев В.П., Павленко В.М.* Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ, 2006. С. 415–487.
11. *Овчаров Н.Д.* Цар Иван Шишман – защитникът на Отечеството. София: Zacharij Stojanov, 2016. 157 с.
12. *Овчаров Н.Д.* Цар Константин Тих Асен – злочестият цар. София: Фабер, 2018. 156 с.
13. *Овчаров Н.Д., Пеевски Р.П.* Съдбата на крепостта Урвич в светлината на новооткритото сребърно монетно съкровище от XIV в. // Сборник в чест на Виолета Нешева / Гл. ред. М. Даскалов. София, 2016. С. 369–384.
14. *Павлов П.П., Владимиров Г.Д.* Златната Орда и българите. София, 2009. 176 с.
15. *Пачкалов А.В.* Связи Золотой Орды с Индией и Китаем в свете монетных находок // Евразия. Этнокультурные взаимодействия и исторические судьбы. Тезисы докладов научной конференции.Москва, 16–19 ноября 2004 г. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: РГГУ, 2004. С. 204–206.

16. Пачкалов А.В. Монетное обращение на территории Волжско-Камской Болгарии в XIII–XV вв. Москва: Русайнс, 2017. 207 с.

17. Пачкалов А.В. Материалы по истории денежного обращения Золотой Орды. Москва: КноРус, 2018. 224 с.

18. Goron S.D., Goenka J.P. The Coins of the Indian sultanates. Covering the Area of Present-day India, Pakistan and Bangladesh. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2001. 532 p.

Информация об авторах:

Овчаров Николай Димитров, доктор исторических наук, профессор. Стопанская академия „Димитр Ценов" (г. Свищов, Болгария); aia_ira@abv.bg

Станев Младен Йорданов, магистр, президент. Всемирная Ассоциация болгар - Assobulg (г. Варна, Болгария); ml.stanev@abv.bg

TRADE ALONG THE GREAT VOLGA ROAD BETWEEN THE BULGARIAN STATE AND THE GOLDEN HORDE IN THE XIV CENTURY

N.D. Ovcharov, M.Y. Stanev

The subject of this article is a gold coin, unique for the Bulgarian lands, unearthed during the excavations of the Kokalyane Urvich Fortress near Sofia. It was minted by order of the Indian Sultan Muhammad bin Tughluq, who reigned in Delhi between 1325 and 1351. On one of the sides inscribed are panegyrics to the Abbasid Caliph Al-Hakim II in Cairo, the nominal leader of all Muslims in the world at the time. The coin has a very high carat and is unusually heavy for our latitudes - 11.05 g. The gold coins of this ruler are called dinars, tanka or muhra and are valued as the main means of payment. The Urvich coin appears to be the westernmost find of an Indian gold coin known to date. These monuments spread largely through the Golden Horde state with which Bulgaria had ties for decades. It is interesting to try and work out the value of the gold Indian dinar of the Delhi Sultan Muhammad bin Tughluq on the Bulgarian market of the time. According to its gold content, it could have been exchanged for more than 6 contemporary Byzantine hyperpyra, which makes about 120-130 silver aspers of the first two coinages of Tsar Ivan Alexander Assen. It is obvious that the find from Urvich demonstrates the economic relationships of the Second Bulgarian Kingdom with the countries of Asia.

Keywords: archaeology, Tsar Ivan Alexander Assen, Sultan Muhammad bin Tughluq, Golden Horde, Kokalyane Urvich, Second Bulgarian Kingdom, Delhi Sultanate, dinar.

REFERENCES

1. Alaev, L. B. 2003. *Srednevekovaya Indiya (Medieval India)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
2. Bykov A.A. 1969. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Eipgraphy)* XIX, 73–80 (in Russian).
3. Goncharov, E. Yu. 2008. In Zaytsev, I. V., Kuznetsova, G. M. Shaumyan, T. V. (comp.). In *V Indiyu dukha… Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu Rostislava Borisovicha Rybakova (To India of the spirit... Collected articles, dedicated to the 70th anniversary of Rostislav Borisovich Rybakov)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 108–120 (in Russian).
4. Dochev, K. I. 2009. *Katalog na b"lgarskite srednovekovni moneti XIII–XIV v. Tipove, varianti, tseni (Catalogue of Bulgarian medieval coins of the 13th–14th centuries. Types, variants, prices)*. Veliko Tarnovo: "Tsetreks" Publ. (in Bulgarian).
5. Zayonchovskiy, A. V. 1969. In Tveretinova, A. S. (ed.). *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy. V 3-kh t. (Eastern sources on the history of the peoples of Southeastern and Central Europe)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 10–28 (in Russian).
6. 2019. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii. Katalog vystavki (The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Genghisid empire. Exhibition catalog).* Moscow: "Fond Mardzhani" Publ. (in Russian).
7. Kalan, E. 2012. *Torgovo-ekonomicheskie svyazi Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy) so stranami Vostoka: vtoraya polovina XIII-XIV vv. (Trade and economic relationship of the Ulus of Jochi (Golden Horde) with the countries of the East: second half of the XIII-XIV centuries)*. PhD Diss. Kazan (in Russian).
8. Kramarovskiy, M. G. 1992. *Kratkie tezisy dokladov numizmaticheskoy konferentsii «Itogi nauchno-issledovatel'skoy i khranitel'skoy deyatel'nosti za 1991 goda» 25–28 fevralya 1992 g. Gosudarstvennyy Ermitazh (Brief abstracts of the papers, presented at the numismatic conference "Results of research and preservation activities for 1991" February 25–28, 1992 State Hermitage Museum)*. Saint Petersburg, 37–39 (in Russian).

9. Lebedev, V. P., Klokov, V. B. 2001. In Usmanov, M. A. (ed.). *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (Great Volga Way: History of Development)* II. Kazan: "Master-Line" Publ., 263–373 (in Russian).

10. Lebedev, V. P., Pavlenko, V. M. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time).* Donetsk: Donetsk National University Publ., 415–487 (in Russian).

11. Ovcharov, N. D. 2016. *Tsar Ivan Shishman – zashchitnik"t na Otechestvoto (Tsar Ivan Shishman - the defender of the Fatherland)*. Sofiya: Zacharij Stojanov Publ. (in Bulgarian).

12. Ovcharov, N. D. 2018. *Tsar Konstantin Tikh Asen – zlochestiyat tsar (Tsar Constantine Tikh Asen – the unfortunate tsar)*. Sofiya: "Faber" Publ. (in Bulgarian).

13. Ovcharov, N. D., Peevski, R. P. 2016. In Daskalov, M. (ed.-in-chief). *Sbornik v chest na Violeta Nesheva (Collection in honor of Violeta Nesheva)*. Sofiya, 369–384 (in Bulgarian).

14. Pavlov, P. P., Vladimirov, G. D. 2009. *Zlatnata Orda i b"lgarite (The Golden Horde and the Bulgarians)*. Sofia (in Bulgarian).

15. Pachkalov, A. V. 2004. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Evraziya. Etnokul'turnye vzaimodeystviya i istoricheskie sud'by. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii. Moskva, 16–19 noyabrya 2004 g. (Eurasia. Ethnic and cultural interactions and historical destinies)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 204–206 (in Russian).

16. Pachkalov, A. V. 2017. *Monetnoe obrashchenie na territorii Volzhsko-Kamskoy Bolgarii v XIII–XV vv. (Coin circulation on the territory of Volga-Kama Bolgaria in the 13th–15th centuries)*. Moscow: "Rusayns" Publ. (in Russian).

17. Pachkalov, A. V. 2018. *Materialy po istorii denezhnogo obrashcheniya Zolotoy Ordy (Materials on the history of monetary circulation of the Golden Horde)*. Moscow: "KnoRus" Publ. (in Russian).

18. Goron, S. D., Goenka, J. P. 2001. In *Covering the Area of Present-day India, Pakistan and Bangladesh.* New Delhi: ed. "Munshiram Manoharlal" Publ.

About the Authors:

Ovcharov Nikolay D. The D. A. Tsenov Academy of Economics, Svishtov, Bulgaria; National Archaeological Institute with museum-BAS. STR. "Saborna" 2, 1000, Sofia, Bulgaria; aia_ira@abv.bg

Stanev, Mladen Y. Association of Bulgarians Around the World, ul. Vladimir Dimitrov, No.11, ap.3, 9000, Varna, Bulgaria; ml.stanev@abv.bg

Статья принята в номер 16.07.2024 г.

Секция 5. Единство и многообразие материальной культуры Степной Евразии: взаимодействие, трансформация культур, идей и технологий*

УДК 903.5 903’1 903’13 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.38.45

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

© 2025 г. А.В. Субботин

В середине I тыс. до н. э. фиксируется значительное увлажнение степей по сравнению с предшествующим сухим и более холодным периодом. Биопродуктивность степных и лесостепных территорий в это время стала очень высокой, что привело к значительному росту населения Минусинских котловин и стимулировало заселение тагарцами обширных лесостепных пространств Южной Сибири. Расширение на север области тагарского расселения привело к завершению изолированной, «тепличной» инкубации раннетагарских традиций, динамика трансформации которых (погребальных в том числе) в значительной степени детерминировалась как внешними факторами, так и внутренними процессами развития тагарского общества. Значительную роль в этом сыграли иные по сравнению с Минусинской котловиной геоморфологические условия новых для тагарской культуры территорий в лесостепи, а также кризис перенаселения. Кардинальное изменение погребального обряда: распространение коллективных могил – склепов, содержащих порой от нескольких десятков и до сотен захороненных в несколько слоев. Это были квадратные в плане большие погребальные камеры со срубами в несколько венцов и бревенчатым, в несколько накатов, перекрытием. Во многих поздних комплексах рост могил с кремацией. Решающее значение в процессе культурогенеза населения степей и лесостепей Южной Сибири в эпоху железа должно отводиться миграционным процессам – движущему фактору культурогенеза сменяющих друг друга социумов начиная с эпохи палеометалла Минусинских котловин.

Ключевые слова: археология, тагарская культура, лесостепь, увлажнение климата, кризис перенаселения, миграции, погребальные традиции, могилы-склепы, коллективные захоронения, кремация.

Побудительные причины радикальных изменений динамики тагарской культуры назрели к самому знаковому хронологическому рубежу её существования – V веку до н. э., то есть к середине всего времени её бытования в степных и лесостепных границах приенисейских и причулымских котловин Южной Сибири. Именно к этому времени на данной территории сложились некоторые внешние и внутренние условия, ставшие мотивацией – причиной и фактором назревших перемен, и стимулом – результатом ожидаемого и совершаемого действия.

К внешним предшествующим обстоятельствам относится увлажнение климата в эпохи поздней бронзы и раннего железного века. В сибирско-казахстанских степях оно длилось с VII по III вв. до н. э. (Таиров, 2003, с. 16). В это время наблюдается значительное увлажнение степей по сравнению с предшествующим сухим и более холодным периодом. «Благодаря оптимальным соотношениям температуры и влажности биопродуктивность степных и лесостепных комплексов в это время была очень высокой, что стимулирова-

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

[1] Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН "Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье" (FMZF-2025-0008).

ло заселение обширных пространств кочевниками…» (Дирксен и др., 2006, с. 198).

Нельзя не вспомнить еще Д.А. Клеменца, который писал, что «В Ачинском округе… мы встречаем… волнистые черноземные степи с березовыми и осиновыми рощами. Тот же характер носит и средняя часть соседнего, Мариинского округа», в то время как «…в Минусинском округе мы встречаем сухие степи, пересеченные невысокими горными хребтами, утесистыми и каменистыми…» (Клеменц, 1889, с. 8). Отсюда следует вывод, что «биопродуктивность» Минусинских котловин до начала увлажнения была относительно невысока. В связи с изменением климата сочетание тепла и влаги в период увлажнения было оптимальным для ранее аридной зоны, что выразилось в повышении продуктивности и биоразнообразия (Дирксен и др., 2007, с. 356).

Это, естественно, способствовало значительному увеличению населения Минусинских котловин. Следует уточнить, что это все три южные котловины и самый южный участок северной Назаровской котловины. Именно здесь раннетагарские курганные могильники занимают обширные поля с сотнями и тысячами курганов. М.П. Грязнов считает, что их даже «сотни тысяч» (Грязнов, 1968, с. 190). Однако, определяя территорию сложения культуры, автор подчеркивает, что процесс этот происходил лишь в пределах Минусинской и Чулымо-Енисейской котловин (Грязнов, 1968, с. 187). Тагарская ойкумена охватывала здесь все степи по долинам рек, озер, в ложбинах, на увалах, у подошв крутых склонов гряд, куэст, сопок, особенно имеющих скальные обнажения на обрывистых бортах гор.

Курганов с каменными оградами, расположенных на всех удобных для захоронения местах, в Минусинских котловинах много. Преобладающее их количество относится к подгорновскому времени. Далеко не полными разведками, активно проводимыми в 1960–1970-х годах XX века, было обнаружено не менее полутора тысяч могильников. Нередко эти могильники насчитывали до сотни и более курганов, содержащих одиночные и парные захоронения в прямоугольных могилах. Средняя площадь малых подгорновских оград составляет 20–40 м^2, а крупные достигают 150–250 и даже 700 м^2. В среднем каждый могильник занимает территорию в несколько гектаров и более (Вадецкая, 1986, с. 79–80). Количество могильников и занимаемые ими площади, как полагает автор, отражают имевшуюся в то время перенаселённость местных степей, повлекшую за собой экологический кризис (Вадецкая, 1986, с. 86–88). Этот кризис, по мнению Э.Б. Вадецкой, углублялся в процессе постоянного сокращения пастбищных угодий, которые последовательно переходили в сакральные территории все более увеличивающихся курганных могильников и даже полей курганов.

С последним утверждением следует не согласиться. Во-первых, потому, что утрата или значительное уменьшение материальной базы для привычной хозяйственной деятельности той или иной группы населения является не экологическим, а все-таки экономическим кризисом. Во-вторых, потому, что как бы ни были сакрализованы площади, занимаемые каменными оградами многочисленных курганов, выпас скота на них физически возможен. Другое дело если из хозяйственного использования исключаются значительные участки плодородных пойменных террас, используемых под земледелие, которые невозможно было вспахать, засеять и снять урожай, поскольку массивные каменные плиты оград погребального сооруже-

ния очень трудно, если не невозможно (причем по разным причинам) убрать. Вероятно, в данном случае тагарцы столкнулись с угрозой критической потери или существенного уменьшения базы для традиционного для сарагашенцев сбалансированного земледельческо-скотоводческого хозяйства, общеустановленное функционирование которого успешно привело к значительному росту населения. Это упомянутые выше внутренние обстоятельства.

О резком увеличении тагарского населения, плотности его расселения говорилось не раз (Грязнов, 1968, с. 190; Вадецкая, 1986, с. 86–88).

Так, А.И. Мартынов считает, что в это время произошел небывалый ранее в древней истории и не наблюдаемый после, вплоть да освоения Сибири русскими, демографический взрыв (Мартынов, 1979, с. 77, 149). А.В. Субботин на основании статистического подсчета количества погребенных в раскопанных примерно за 250 лет подгорновских и сарагашенских комплексах, рассматривая их в целом как представительную и объективную выборку, созданную исследованиями многих ученых в различных районах котловины, предположил радикальный рост численности населения, причем в разы, а не на проценты (Субботин, 1995, с. 140–142).

Во все времена давление избыточного для какой-либо территории населения самим этим населением решалось однозначно – заселением новых земель и расширением зоны хозяйственного освоения (Клейн, 1974, с. 132). Для тагарской культуры единственным способом увеличения территории, учитывая трудно проходимые горные границы с запада, востока и юга, являлось северное направление. Поэтому еще С.В. Киселев отмечал, что «в этих курганах мы имеем явное свидетельство о расширении области расселения южных племен» (Киселев, 1951, с. 287).

Именно процесс расширения области тагарского расселения привел к завершению изолированной, «тепличной» инкубации подгорновских традиций, динамика трансформации которых в значительной степени детерминировалась внутренними процессами развития тагарского общества. К эти процессам, безусловно, относится начало классового расслоения, формирование тагарского нобилитета. Этот процесс нашел отражение в увеличении размеров курганных сооружений, усложнении архитектурных канонов их возведения, появлении многокаменных насыпей, что в целом свидетельствует о своего рода «гонках престижа» – весьма важной составляющей зарождающегося социального неравенства (Акулов, 2018, с. 153–158).

Выплеснувшись в конце подгорновского времени за пределы межгорных Минусинских речных и озерных долин, переселенцы, тагарские пионеры, столкнулись с целым «букетом» новых, имеющих, как правило, внешний характер факторов, которые оказали существенное влияние на культуро- и этногенез тагарской культуры уже в самом начале и далее, на протяжении всего сарагашенского времени её существования и даже значительно позже.

Во-первых, сюда следует отнести фиксируемые почти всеми исследователями свидетельства западного, происходящего с территорий Алтая и Восточного Казахстана (Членова, 1992, с. 219) иммиграционного импульса, сила которого пока не определена. Возможны все сценарии – от инфильтрации отдельных небольших групп, через миграцию достаточно больших коллективов, вплоть до инвазии или экспансии, то есть массового нашествия, сопровождаемого покорением и подавлением местного населения военным путем. Последний вариант

все-таки маловероятен, так как сами тагарцы в своем движении из Минусинских степей, скорее всего, мирно (судя по крайне незначительному количеству оружия в могилах середины I тыс. до н. э. и позже) соединялись и смешивались с редким ирменским (Мартынов, 1979, с. 72, 81) и кулайским (Савинов, 2012, с. 42) населением лесостепей. Движение тагарских племен на запад, на территорию большереченской культуры, подтверждается местонахождением тагарских курганов, обнаруженных в междуречьях Чулыма и Томи и даже на левом берегу последней (Мартынов, 1961, с. 297). По мнению ряда специалистов, тагарцы первое время сохраняли свою культурную автономность, но в дальнейшем произошла ассимиляция с местными большереченскими племенами (Илюшин, Ковалевский, 1999, с. 60–64). В пользу этой версии свидетельствует и тот факт, что носители тагарской и большереченской археологических культур имели близкий тип комплексного хозяйства.

Эти массовые передвижения (миграции) племен из пределов бытования одной культурно-исторической общности в другую приводили в итоге к смешению традиций и широкому заимствованию инокультурной обрядовой погребальной практики, причем как в части, касающейся типов, состава и морфологии предметов сопроводительного погребального инвентаря, так и в части модификации над- и внутрикурганной архитектуры. Процесс смешения традиций, обрядов, типов инвентаря и пр. в науке называется демической диффузией[2]. Поэтапный, сложный характер этих передвижений сопровождался утратой старых и приобретенных новых черт в культуре в целом (Боковенко, 2007, с. 32–34) и конкретно в похоронных ритуалах (что, в частности, наблюдается в тагарских могилах и склепах V–II вв. до н. э.), хотя именно погребальный обряд является наиболее консервативным и резистентным элементом традиционной культуры (Соколова, 2015, с. 89).

Во-вторых, следует отметить, что радикальное изменение обряда захоронения в сарагашенское время обусловлено не только названными аспектами. Значительную роль в этом сыграли также иные по сравнению с Хакасско-Минусинской котловиной природно-климатические и геоморфологические условия новых для тагарской культуры территорий в лесостепи, а также, безусловно, экономические причины – упоминавшийся выше кризис перенаселения.

В лесостепном районе немало благоприятных для земледелия территорий, а также здесь, в отличие от Хакасско-Минусинской котловины, выпадает больше осадков, период вегетации длится 183 дня – срок значительный для условий Сибири (Кузнецов, 1949, с. 19, 58). Возрастание в сарагашенскую эпоху роли земледелия у тагарского населения лесостепи косвенно подтверждается двукратным увеличением поголовья крупного рогатого скота (51% – коровы) по сравнению с количеством коров в степной зоне бытования культуры (Мартынов, 1979, с. 103). Такой рост является надежным маркером домашнего, более оседлого способа ведения хозяйства с превалированием доли земледелия над скотоводством. Ценность свободных, пригодных для земледелия площадей в связи с «взрывным» ростом тагарского населения возрастает, что не может не повлиять на приоритеты их эксплуатации. Можно предположить, что одной из причин появления у тагарцев коллективных могил является до какой-то меры компромиссный способ выхода из тупика нерационального с хозяйственной точки зрения использования плодородных участков земель под бесконечно расширяющиеся сакральные площади

подгорновских могильников.

Возможно, что именно это обстоятельство явилось, наряду с другими составляющими, побудительным мотивом перехода к массовым коллективным захоронениям у тагарских коллективов, населявших не только лесостепь, но также и вообще все Минусинские котловины.

В-третьих, говоря об характере модификации над- и внутримогильной архитектуры, следует ещё раз обратиться к природно-географическим особенностям лесостепной территории северной части Назаровской котловины и далее на север – до Томской подтаежной зоны, близ среднего течения Чулыма, на запад до среднего течения рек Кия и Яя и на восток до Енисейского кряжа на правом берегу Енисея.

Естественное отсутствие в Ачинской и Мариинской лесостепях «невысоких утёсистых и каменистых горных хребтов» должно было создать своеобразную проблему для тагарского населения, осваивающего новые лесостепные просторы. Состояла она в том, каким образом можно было соблюсти канон сооружения массивных каменных оград с высокими угловыми и простеночными камнями над могилой при незначительной мощности залежей девонского песчаника, выходящих на поверхность лишь в редких береговых обнажениях высоких речных надпойменных террас лесостепного региона.

Не исключено, что именно по этой причине практика использования крупных каменных блоков и плит для ограды и покрытия могилы начинает редуцироваться уже в начале сарагашенского времени. В результате рудиментарные оградки, там, где они видны или просто наличествуют, и каменные покрытия самих могил начинают выкладываться мелкими плитками, которые, как правило, со временем закрывались оплывавшими за столетия более крупными и высокими (по сравнению с подгорновскими) насыпями сарагашенских курганов или были выпаханы распашкой.

Появление курганов с земляными, порой весьма высокими насыпями на всей территории бытования культуры связано с радикальным изменением в сарагашенское время погребального обряда: распространением коллективных могил – склепов, содержащих порой от нескольких десятков и до сотен захороненных в несколько слоев. Эти были квадратные в плане большие погребальные комплексы со срубами в несколько венцов и бревенчатым, в несколько накатов, перекрытием и песчаниковыми плитками покрытия, уложенными черепицеобразно. Сюда же относится широкое использование кусков и полотен бересты на покрытиях и на дне склепов, а также включение в погребальную практику (или погребальные действия) поджога могил, а в конце сарагашенского времени полное сожжение погребенных. Однако в лесостепи, за северными пределами межгорных Минусинских степных котловин, эти курганы, в полах которых иногда фиксируются каменные угловые плиты оград, являются практически единственным на обширной территории типом могильных сооружений тагарской культуры VI–I вв. до н. э.

Общий вывод из отмеченных особенностей погребальной практики в лесостепной зоне распространения культуры состоит в том, что те или иные природные условия вынуждают людей приспосабливаться к их особенностям, заставляют вырабатывать свои адекватные формы быта и погребальных традиций, которые становятся отличительными характеристиками этапов и динамики развития тагарской культуры.

Это стало весьма актуальным в связи с тем, что не так давно были опубликованы данные о результатах иссле-

дований большой краниологической серии из 25 тагарских могильников, которые убедительно показывают существенные различия между населением подгорновского и сарагашенского этапов культуры (Учанева и др., 2017, с. 84).

Если это так, то полное исчезновение носителей конкретных погребальных традиций раннетагарского населения (подгорновский этап), проникновение путем миграций в среду конкретной археологической культуры носителей пришлой (сарагашенский этап) археологической культуры (Алекшин, 2016, с. 174–175) существенно меняет подход исследователей к определению причин и сценария тех изменений и трансформаций (в частности конкретно погребальных традиций), которые имели место в процессе функционирования в Минусинских котловинах тагарской археологической общности.

С уверенностью можно полагать, что решающее значение в процессе культурогенеза населения степей и лесостепей Южной Сибири в эпоху железа должно отводиться миграционным процессам – движущему фактору культурогенеза сменяющих друг друга социумов начиная с эпохи палеометалла Минусинских котловин (Поляков, 2020, с. 7).

Примечание:

[2] Понятию биологической экспансии в демографии соответствует термин демическое распространение (демическая диффузия), означающий миграцию и расселение людей на территорию, необитаемую для них, но обжитую другими народами, путём проникновения на эту территорию отдельных групп людей (диффузные группы) и через них – вытеснение существующего населения вплоть до его замены или смешивание с ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акулов А.Г.* «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей / Труды ИИМК РАН. Т. 47. / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. С. 149–163.
2. *Алекшин В.А.* Информативные возможности археологических погребальных памятников // Археологические вести. Вып. 22 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 174–186.
3. *Боковенко Н.А.* К вопросу о миграциях номадов Евразии в скифскую эпоху // Birinci Uluslararasi Avrasya Arkeoloji Kogresi (The First International Congress of Evrasian Archaeology). Izmir: Anadolu Ve Avrasya Enstitüsü, 2007. p. 32–34.
4. *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 178 с.
5. *Грязнов М.П.* Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-и томах. Т. 1 / Отв. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1968. С. 187–196.
6. *Дирксен В.Г., Ван Гил Б., Боковенко Н.А., Чугунов К.В., Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Кук Г., Ван дер Плихт Х., Скотт М., Кулькова М.А., Лебедева Л.М., Бурова Н.Д.* Изменение природной среды в голоцене и динамика археологических культур в горных котловинах Южной Сибири // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях / Ред. Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН. С. 340–364.
7. *Дирксен В.Г., Кулькова М.А., B. van Geel, Боковенко Н.А., Чугунов К.В., Семенцов А.А., Зайцева Г.И., G. Cook, J. van der Plicht, M. Scott, Лебедева Л.М., Бурова Н.Д.* Изменение климата и растительности Южной Сибири в голоцене и динамика археологических культур // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 198–200.
8. *Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв.ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 1999. С. 60–64.
9. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. (второе издание). М.: АН СССР, 1951. 644 с.
10. *Клейн Л.С.* Генераторы народов // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4 / Отв. ред. В.Е.Ларичев. Новосибирск.: 1974. С. 126–134.
11. *Клеменц Д.А.* Глава из отчета о раскопках на р. Чулым Ачинского округа около с. Назаровского // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Дело № 23. 1889. С. 1–23.

12. Кузнецов К.А. Почвы юго-восточной части Западно-Сибирской равнины. Томск: тип. № 1 Полиграфиздата, 1949. 214 с.
13. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 207 с.
14. Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла минусинских котловин. Автореф. дисс…. докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2020. 53 с.
15. Соколова А.Д. Трансформация похоронного обряда и новые погребальные практики. // Религиоведческие исследования = Researches in Religious Studies. 2015. № 1 (11). С. 89–105.
16. Субботин А.В. Предварительный анализ периодизаций тагарской культуры. // Южная Сибирь в древности / Археологические изыскания. Т. 24 / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 136–142.
17. Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э. Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск.: Рифей, 2003. 68 с.
18. Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 78–87.
19. Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 206–224.

Информация об авторе:

Субботин Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); asubbotin@mail.ru

TRANSFORMATION OF TAGAR CULTURE BURIAL TRADITIONS

A.V. Subbotin

In the middle of the I millennium BC, a significant moistening of the steppes is recorded in contrast with the previous dry and cold period. The bioproductivity of the steppe and forest-steppe territories at this time became very high, which led to a significant increase in the population of the Minusinsk basins and stimulated the settling of the vast forest-steppe spaces of Southern Siberia by the Tagars. The expansion of the Tagar settlement area to the north led to the completion of the isolated “hothouse” incubation of early Tagar traditions (including burial traditions), the dynamics of transformation of which was largely determined by both external factors and internal development processes of Tagar society. A significant role in this was played by the different geomorphologic conditions of the new territories in the forest-steppe for the Tagar culture which were different compared to the Minusinsk basin, as well as the crisis of overpopulation. A fundamental change in the burial ceremonies was the spread of the collective gburials, i.e., vaults, sometimes containing several dozens to hundreds of buried in several layers. These were large square burial chambers with log cabins with a log overhead covers. In many later complexes, noted an increase of burials where cremation was used. Migration processes should be viewed as crucial in the process of cultural genesis of the population of the steppes and forest-steppes of Southern Siberia in the Iron Age. They are the driving factor in the cultural genesis of successive societies, starting from the palaeometal era of the Minusinsk basins.

Keywords: archaeology, Tagar culture, forest-steppe, climate wetting, overpopulation crisis, migration, burial traditions, burials-vaults, mass burials, cremation.

REFERENCES

1. Akulov, A. G. 2018. In Nosov, E. N. (ed.). *Drevnie nekropoli – pogrebal'no-pominal'naya obryadnost', pogrebal'naya arkhitektura i planirovka nekropoley (Ancient necropolises: burial and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises).* Series: Proceedings of IHMC RAS. Vol. XLVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, State Hermitage Museum Publ., 134–143 (in Russian).
2. Alekshin, V. A. 2016. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 22. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 174–186 (in Russian).
3. Bokovenko, N. A. 2007. In *Birinci Uluslararasi Avrasya Arkeoloji Kogresi (The First International Congress of Evrasian Archaeology).* Izmir: Anadolu Ve Avrasya Enstitüsü, 32–34 (in Russian).

The study was carried out as a part of the Fundamental scientific research of the state scientific academies (ФНИ ГАН) program "Peculiarities of the change of archaeological cultures among pastoralists Eurasia and the farmers of the Caucasus and Central Asia in the Neolithic – Early Middle Ages" (FMZF-2025-0008) (FMZF-2025-0008).

4. Vadetskaya, E. B. 1986. *Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya (Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei)* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Gryaznov, M. P. 1968. In Okladnikov, A. P. (ed.). *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. V 5-i tomakh (The history of Siberia from ancient times to the present day. In 5 volumes).* Vol. 1. Leningrad: "Nauka" Publ., 187–196 (in Russian).
6. Dirksen, V. G., van Geel, B., Bokovenko, N. A., Cook, G., van der Plicht, J., Scott, M., Kul'kova, M., Lebedeva, L. M., Burova, N. D. 2007. In Zaytseva, G. I., Kul'kova, M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh (Radiocarbon in Archaeology and Palaeoecology: Past, Present, Future)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 340–364 (in Russian).
7. Dirksen, V. G., Kul'kova, M. A., B. van Geel, Bokovenko, N. A., Chugunov, K. V., Sementsov, A. A., Zaytseva, G. I., Cook, G. J.van der Plicht, M. Scott, Lebedeva, L. M., Burova, N. D. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Current Issues of Archaeology of Russia)* I. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 198–200 (in Russian).
8. Ilyushin, A. M., Kovalevskiy, S. A. 1999. In Kiriushin, A. A., Tishkin, A. A. (eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University Publ., 60–64 (in Russian).
9. Kiselev, S. V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient history of Southern Siberia (second edition))* Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 99–108 (in Russian).
10. Kleyn, L. S. 1974. In Larichev, V. E. (ed.). *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri (The Bronze and Iron Ages in Siberia)* 4. Novosibirsk, 126–134 (in Russian).
11. Klements, D. A. 1889. *Glava iz otcheta o raskopkakh na r. Chulym Achinskogo okruga okolo s. Nazarovskogo (Chapter from the report on excavations on the Chulym river of the Achinsk district near the village of Nazarovsky).* Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. F. 1. D. 23, 1–23 (in Russian).
12. Kuznetsov, K. A. 1949. *Pochvy yugo-vostochnoy chasti Zapadno-Sibirskoy ravniny (Soils of the southeastern part of the West Siberian Plain).* Tomsk: "Poligrafizdat no. 1" Publ. (in Russian).
13. Martynov, A. I. 1979. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura (Forest-steppe Tagarian culture).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Polyakov, A. V. 2020. *Problemy khronologii i kul'turogeneza pamyatnikov epokhi paleometalla minusinskikh kotlovin (Problems of chronology and cultural genesis of monuments of the paleo-metal epoch of the Minusinsk basins)*. Doct. Diss. Thesis. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS (in Russian).
15. Sokolova, A. D. 2015. In *Religiovedcheskie issledovaniya (Researches in Religious Studies)* 1 (11), 89–105 (in Russian).
16. Subbotin, A. V. 1995. In Savinov, D. G. (ed.). *Iuzhnaia Sibir' v drevnosti (Southern Siberia in Antiquity)*. In Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys) 24. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 136–142 (in Russian).
17. Tairov, A. D. 2003. *Izmeneniya klimata stepey i lesostepey Tsentral'noy Evrazii vo II-I tys. do n. e. Materialy k istoricheskim rekonstruktsiyam (Climate changes in the steppes and forest-steppes of Central Eurasia in the II–I millennium BC. Materials for historical reconstructions)*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ. (in Russian).
18. Uchaneva, E. N., Kazarnitskiy, A. A., Gromov, A. V., Lazaretova, N. I. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 1 (36), 78–87 (in Russian).
19. Chlenova, N. L. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 206–224 (in Russian).

About the Author:

Subbotin Andrey V. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; asubbotin@mail.ru

Статья принята в номер 09.07.2024 г.

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.46.53

АМУЛЕТЫ С НАДПИСЯМИ И «МАГИЧЕСКИМИ КВАДРАТАМИ» ИЗ НАХОДОК НА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДИЩАХ

© 2025 г. А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина

В данной работе речь пойдет об одном редком типе находок на золотоордынских городищах. Это амулеты с «магическим квадратом» на одной стороне и арабографической надписью на другой. «Магический квадрат», изображенный на этом типе амулетов, является квадратом третьего порядка и отражает суфийские магические представления и способы общения со сверхъестественными силами методом числовой и буквенной шифровки. Вторая сторона амулетов содержит надписи, очевидно связанные с квадратом на обороте. На двух амулетах представлены две различные надписи, для каждой из которых предложены варианты перевода. Судя по их содержанию, они представляли собой охранительные молитвы-дуа. Наиболее вероятно, что данные находки на городищах связаны с распространением суфизма в городах Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Нижняя Волга, Водянское городище, Увекское городище, амулет, суфизм, молитва.

Металлические амулеты с прочерченным «магическим квадратом» на одной стороне и арабографической надписью на другой являются редкими находками на золотоордынских городищах, тем не менее уже имеется несколько предметов, которые могут быть отнесены к одному типу. Они морфологически и стилистически близки между собой.

Амулет 1 найден на Водянском городище в 2014 г. Волго-Ахтубинской археологической экспедицией (Лапшин, 2015) (рис. 1: 1).

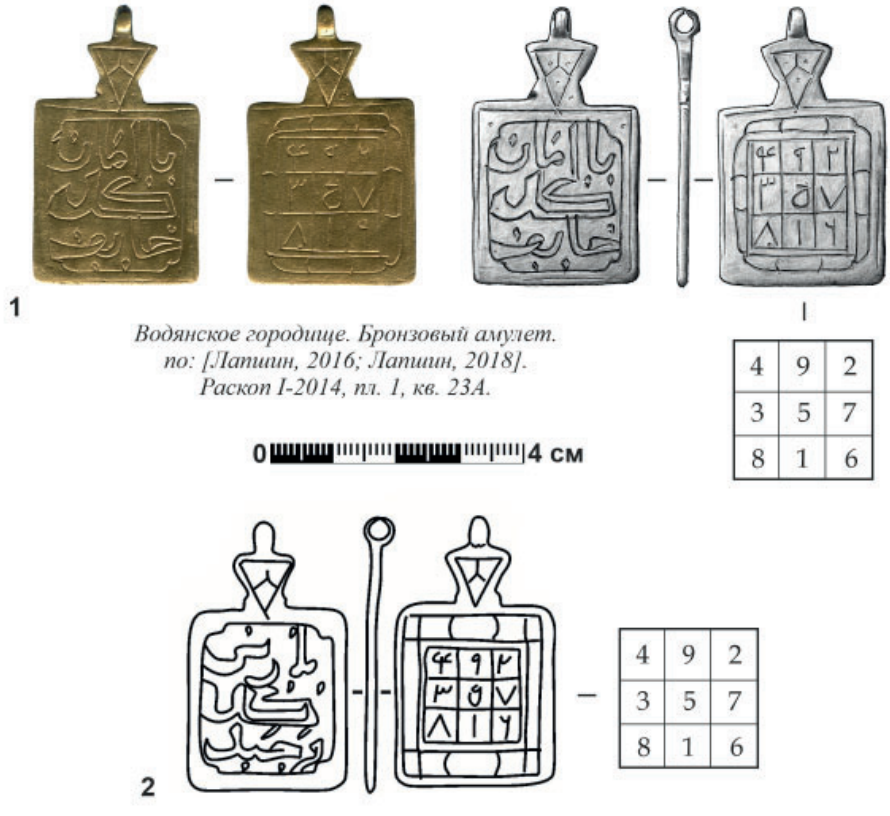
Амулет 2 является случайной находкой, найденной на Увекском городище (Кубанкин, 2019, с. 449) (рис. 1: 2).

Для амулета 1 имеется аналогия в виде случайной находки, происходящей, предположительно, с территории Царевского городища (по данным нашедшего). В 2016 г. удалось получить фотографии данного предмета, которые позднее были опубликованы на одном из электронных ресурсов, посвященном продаже, покупке и оценке антикварных изделий (Магический квадрат амулет).

Для амулета 2 также есть аналогия, фотографическое изображение данного предмета было размещено на электронном ресурсе «Исламская нумизматика» в 2010 г. (Амулет золотая орда (магический квадрат)). Предположительно, происходит с территории одного из нижневолжских золотоордынских городищ.

Амулеты изготовлены в виде прямоугольной пластины, с одной стороны которой имеется подтреугольный выступ, на нем находится округлая петелька для подвешивания (рис. 1). Амулеты 1 и 2 изготовлены из бронзового сплава. Для амулета, найденного на Водянском городище, был выполнен рентгенофлуоресцентный анализ на портативном РФА-спектрометре Brucker 5i Tracer[1] (неопубликованные данные предоставлены К.С. Ковалевой). Результаты показали, что он изготовлен из оловянно-цинковой бронзы или многокомпонентной бронзы (табл. 1).

На обеих сторонах амулетов имеются гравированные ручным способом изображения, нанесенные острым резцом. На одной стороне этих предметов изображен так называемый «магический квадрат» нечетного, третьего порядка. Это квадратная фигура, разделенная линиями на три ряда и девять полей, в каждом из которых есть один цифровой знак арабского начертания от 1 до 9. Линии по горизонтали заполнены цифрами в следу-



Водянское городище. Бронзовый амулет.
по: [Лапшин, 2016; Лапшин, 2018].
Раскоп I-2014, пл. 1, кв. 23А.

Увекское городище. Бронзовый амулет по: [Кубанкин, 2019]. Прибрежная часть.
Случ. находка 1893 г. Архив ИИМК Ф.1.
Императорская Археологическая комиссия (ИАК) (1859–1919). Д.107. Л.79
ГИМ, инв. №34162 Оп. 952. №55.

Рис. 1. Амулеты с надписями и «магическими квадратами», найденные на золотоордынских городищах.

Fig. 1. Amulets with inscriptions and “magic squares”, found at the Golden Horde sites.

ющем порядке: 4–9–2; 3–5–7; 8–1–6. Сумма трех чисел, расположенных по горизонтали, вертикали или диагонали квадрата, равна 15. Есть и другие комбинации, дающие константу: 5*3 ряда или 3 поля = 15. Сумма двух чисел, находящихся друг напротив друга от центра, тоже постоянная и равна 10 (рис. 1).

О практике применения различных магических культов и ритуалов, в том числе с использованием цифровой магии и «магического квадрата», хорошо известно на мусульманском Востоке. Здесь можно отметить работы В.Н. Басилова, Е.А. Резвана, В.Л. Огудина, в которых рассматривается специфика так называемой «законной» и «запретной» магии в исламе, дается характеристика представителей магических традиций и методов, которые они использовали (Резван, 1991; Басилов, 1992; Огудин, 2002). Как показывают этнографические материалы, в Средней Азии практика использования различных магических ритуалов, осуществляемых шаманами и целителями, сохраняется вплоть до конца XX в. (Огудин, 2002, с. 66).

В средневековых письменных источниках, относящихся к истории Золотой Орды до начала XIV в., упоминаются лица, наделенные магиче-

Таблица 1

Химический состав металла амулета, найденного на Водянском городище

№	Место хранения	Инв. Номер	Памятник	предмет	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Sb	Ag	Sn	Pb	Тип сплава (по Ениосовой и др. 2008)
149	ВОКМ	33947/1	гор. Водянское 2014	"магический квадрат"	0,05	0,04	0,07	86,13	5,32	0,62	0,4	0,12	6	1,25	оловянно-цинковая бронза или многокомпонентная бронза

скими способностями. В частности, источники неоднократно свидетельствуют, что хан Туда-Менгу окружил себя шейхами и факирами (СМИЗО, 1884, с. 105, 155, 405). В период правления Узбека, с началом активного процесса исламизации с первой трети XIV в., в источниках отмечены эпизоды преследования таких магов (Тизенгаузен, 1884, с. 174, 197). С распространением же мусульманской духовной и материальной культуры, особенно в золотоордынских городах XIV в., там появляются новые магические элементы и практики, уже адаптированные к этому времени самим исламом.

В частности, речь идет о находках на территории городов Золотой Орды предметов с изображением т. н. «магического квадрата», связанным с нумерологией и верой человека в мистическую символику самих чисел и их последовательности. Это предметы или амулеты в виде небольших пластин прямоугольной или округлой формы из бронзы, серебра, свинца, а также фрагменты красноглиняной керамики или, в одном случае, целый сосуд, на которых изображение магических квадратов нарисовано темной краской или процарапано.

Магические квадраты – это диаграммы, состоящие из цифр, расположенных в виде прямоугольника, где все его элементы (цифры, количество рядов и отдельные поля) взаимосвязаны между собой и имеют определенные свойства. Главное математическое свойство такого квадрата состоит в том, что сумма чисел в каждом столбце, каждой строке и в обеих диагоналях одинакова. Есть и ряд других арифметических комбинаций в расположении чисел, также дающих константу. Все это послужило тому, что такие математические ребусы наделялись необычными свойствами и за ними закрепилось название «магических».

Амулеты и другие артефакты с изображениями «магического квадрата» являются редкими, зачастую единичными находками, но зафиксированы на нескольких золотоордынских городищах XIV в. в Нижнем Поволжье, Подонье, Предкавказье (Селитренном, Царевском, Увекском, Азакском, Маджарском) (Федоров-Давыдов, 1974; Пигарев, Скисов, 2007; Шакиров, 2020). К настоящему времени известно всего около двух десятков таких находок, где имеется изображение «магического квадрата». Они изготовлены из разных материалов, имеют различные формы и содержание надписей. При этом в раскопках найдена примерно половина из них, остальные – известны по информации о случайных находках из частных коллекций.

Опубликовано несколько работ исследователей, посвященных описанию и интерпретации «магических квадратов» (Федоров-Давыдов, 1974; Полубояринова, 1980; Пигарев, Скисов, 2007), тогда как надписи на амулетах до недавнего времени не переводились. Итак, на другой стороне амулетов, которые рассматриваются в данной работе, располагаются трехстрочные надписи. Они выполнены резчиками с разным уровнем мастер-

ства и в отдельных случаях упрощением написания букв. На амулетах 1 и 2 расположены две различные надписи, сходные по своему стилистическому оформлению.

Интерпретация и перевод арабографической надписи, нанесенной на амулет 1, были предложены авторами на конференции «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д.Д. Васильева» в 2023 г. (Лапшин, Лапшина, 2023). Перевод надписей амулетов 1 и 2 был представлен в докладе И.В. Волкова на X международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве памяти Г.А. Федорова-Давыдова» в 2024 г. К сожалению, доклад не был опубликован, однако можно отметить, что смысловое значение перевода амулета 1 оказалось практически идентичным переводу одного из авторов данной статьи. В надписи на амулете 2 И.В. Волковым предложено иное толкование первой строки, что меняет общее понимание фразы.

Переходим к содержанию надписей. На амулете 1, найденном на Водянском городище, уверенно читаются следующие строки (рис. 1: 1):

يا أمان
كل
خايف

Слова в первой и третьей строках были переведены как «безопасность» и «испуганный» соответственно (перевод был предложен И.Ю. Лапшиной). Также с текстом и переводом надписи ознакомился В.С. Кулешов, который высказал предположение, что это может быть перифразой исламской охранительной молитвы-дуа. И в качестве рабочей версии перевода предложил следующее прочтение:

اللهم يا أمان الخائفين

«О Аллах, о безопасность [всех] испуганных [боящихся]!»

Вторая надпись содержится на амулете 2 (рис. 1: 2). Она видна не столь отчетливо и наибольшую трудность в прочтении представляет первая строка. Однако на имеющемся аналогичном предмете эта часть надписи нанесена более ясно, и именно она послужила основой для перевода (Амулет золотая орда (магический квадрат)). Стоит также отметить, что на фотографии амулета 2, с которой удалось ознакомиться авторам, хорошо заметен харф «م», не нашедший отражения на прорисовке амулета.

Вторая строка амулета 2 (слово «كل») аналогична надписи на амулете 1, а третья довольно хорошо читается (слово «وحيد» было предложено и в прочтении И.В. Волкова, но с другим значением в переводе).

Можно предположить, что мастер, наносивший надпись, воспроизвел второе слово первой строки стилизованно, и эту строку возможно читать как:

يا مونس

В целом всю фразу можно прочесть как:

يا مونس كل وحيد

«О, Друг [Спутник] каждого одинокого».

Фактически дословно похожие строки содержатся в шиитских сборниках молитв: например, в сборнике шейха Аббаса Куми «Мафатих альджинан» («Ключи от райских садов») есть дуа Машлюль («дуа парализованного»), которое также приводится в сборнике «Михадж ад-давать ва манхадж аль-инайат» Сейида Ибн Тавуса другого шиитского теолога и астролога, автора религиозной литературы первой половины XIII в. В последнем сборнике есть дуа-восхваление Аллаха от пророка Хидра, где снова повторяются эти строки (Мафатих альджинан, с. 329–330; Дуа-восхваление Аллаха от пророка Хидра).

Интересно, что амулет 1 был найден на Водянском городище на сопредельном участке от раскопа с общественным зданием, исследованным Е.П. Мыськовым в 2001 г., в 30 метрах

от указанной постройки. Некоторые признаки архитектурных особенностей исследованного сооружения (ориентировка, наличие на южной стене расписного алебастрового панно, располагавшегося на месте возможного михраба), а также находки фрагментов стеклянных ламп, крупного красноглиняного сосуда для воды при входе позволили первоначально предположить, что это небольшая квартальная мечеть города (Мыськов, 2001, с. 260). Однако на одной из стен было обнаружено несколько надписей и рисунков. Надписи представлены как коранических изречениями, так и строками рубаи лирического и философского содержания. Судя по их содержанию, здание могло служить местом, где собирались странствующие проповедники, паломники, знатоки персидской и арабской поэзии (Лапшин, 2019). В этой связи не исключено, что данное общественное здание было связано с деятельностью суфиев.

Во время правления ханов Узбека и Джанибека значение суфизма резко возрастает (Васильев, 2007, с. 29). Исследователями отмечается наличие различных суфийских братств на территории Золотой Орды (Сайфетдинова, 2012, с. 240–245). Неоднократные упоминания о деятельности подвижников, шейхов, факиров в Золотой Орде есть в письменных источниках, в частности у Ибн-Батутты (в Маджаре он остановился в ските шейха Мухаммеда Эльбатаихи из Ирака – богослова, правоведа шафиитского мазхаба, основателя одного из суфийских тарикатов – рифаия), а также Ибн-Халдуна, который сообщает и о более раннем времени (Берке принял ислам от ученика Наджм ад-дин Кубра – персидского мистика и богослова, автора многочисленных философских и богословских трактатов, суфийского шейха и поэта, основателя тариката Кубравия) (СМИЗО, 1884, с. 287, 379).

Таким образом, на амулетах, представленных в данной работе, на одной стороне изображен квадрат, используемый в качестве некой магической схемы. В XIII в. египетским (г. Мисра) суфийским шейхом Ахмадом аль-Буни была написана книга «Солнце познания и тонкости возвышенных вещей» («Шамс аль-ма‘ариф»), представляющая собой учебник по практической суфийской магии и способам общения с джинами, ангелами и духами. Несколько её глав посвящены магическим квадратам и всевозможным чудодейственным сочетаниям цифр и букв. В ней квадрат с таким расположением чисел соотносится с одним из ангелов – Азраилом (ангелом смерти) (Ахмад аль-Буни, с. 35). В то же время по этнографическим материалам XIX–XX вв., собранным В.Л. Огудиным в районе Ферганской долины, магические приёмы с использованием аналогичных квадратов практиковали шаманы и целители (бахши и дуоханы) (Огудин, 2002, с. 68–74). Использовались они для различных практических целей и нужд (для облегчения родов, вызывания дождя в засуху, удачного выпекания хлеба) (Огудин, 2002, с. 75, 77).

Надписи на другой стороне содержат молитвы-дуа, восхваление Аллаха, обращение к нему с просьбой о помощи и защите. Аналогичные молитвы имеются в шиитских сборниках, в том числе у Ибн Тавуса, чей труд был написан в XIII в.

Также интересно отметить, что на мусульманском Востоке широко использовалась система Абджад, тесно связанная с нумерологией. В отдельных числах и их суммах могут быть зашифрованы имена, фразы, даты (Огудин, с. 74). Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что обе стороны амулета долж-

ны быть связаны между собой по смыслу.

Практика использования таких предметов, обладающих магической действенной силой, очевидно, была связана с появлением и распространением в городах Золотой Орды суфизма. Наличие же однотипных изделий такого свойства (причем на достаточно близкой территории) позволяет сделать предположение о том, что эти вещи могли иметь некоторую степень серийности производства.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за оказанную помощь, консультации и предоставленные неопубликованные материалы: В.С. Кулешову (Институт истории материальной культуры РАН), В.Н. Настичу и Е.Ю. Гончарову (Институт Востоковедения РАН), К.С. Ковалевой (Лаборатория археологических исследований им. А.С. Скрипкина, ВолГУ).

Примечание:

[1] Исследование выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (г. Москва).

ЛИТЕРАТУРА

1. Амулет золотая орда (магический квадрат). URL: http: //rasmircoins.ucoz.ru/forum/25-5321-1. (дата обращения 01.06.2024).

2. *Ахмад аль-Буни*. Солнце познания и тонкости возвышенных вещей. https://archive.org/details/McGillLibrary-131812-5180/ (дата обращения 8.06.2024).

3. *Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 328 с.

4. *Васильев Д.В*. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 192 с.

5. Дуа-восхваление Аллаха от пророка Хидра. URL: https://shia.world/dua-voshvalenie-allaha-ot-proroka-hidra/ (дата обращения 01.03.2024).

6. *Кубанкин Д.А.* Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 443–462.

7. *Лапшин А.С.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией на Водянском городище у г. Дубовки Волгоградской области в 2014 году / Архив ВОКМ. № 319, 2015.

8. *Лапшин А.С.* Археологические исследования на Водянском городище // Археологические открытия 2014 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М: ИА РАН, 2016. С. 188–191.

9. *Лапшин А.С.* Подведение итогов работ Волго-Ахтубинской археологической экспедиции на Водянском городище // Проблемы археологии и музееведения: Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой (1955-2017) / Ред.: А.С. Скрипкин и др. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. С. 291–298.

10. *Лапшин А.С.* Археологические исследования Е.П. Мыськова на Водянском городище // Археология как жизнь – памяти Евгения Павловича Мыськова / Отв. ред. Е.В. Круглов, А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина. Волгоград: Сфера, 2019. С. 286–291.

11. *Лапшин А.С., Лапшина И.Ю.* Амулет с арабографической надписью XIV в. из раскопок на Водянском городище // Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д.Д. Васильева. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. С. 49–52.

12. Магический квадрат амулет. URL: https://www.akademforum.ru/viewtopic.php?t=10354&p=83112. (дата обращения 01.06.2024).

13. Мафатих аль-джинан. Ключи от райских садов. Шиитский молитвенник. Переводчик: Амин Рамин. URL: https://arsh313.com/mafatih-al-dzhinan-sbornik-dua-i-ziyaratov/ (дата обращения 01.06.2024).

14. *Мыськов Е.П.* Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4 / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 260–261.

15. *Огудин В.Л.* Магия в бытовом исламе // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 65–82.

16. *Пигарев Е.М., Скисов С.Ю.* Магический квадрат в городской культуре Золотой Орды // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 238–246.

17. *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 165–212.

18. Резван Е.А. Сихр // Ислам. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, 1991. С. 211.

19. Сайфетдинова Э.Г. Дифференциация суфизма в Золотой Орде (на примере произведения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис») // Ислам и власть в Золотой Орде / Под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 240–245.

20. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

21. Федоров-Давыдов Г.А. Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 130–131.

22. Шакиров З.Г. Еще раз об одном типе амулетов из Волжской Булгарии, иногда называемым антропоморфным изображением Тенгре // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь, 2020. С. 46–52.

Информация об авторах:

Лапшин Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, Институт Востоковедения РАН (г. Москва, Россия); alapsh@mail.ru

Лапшина Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Россия); ilapsh97@inbox.ru

AMULETS WITH INSCRIPTIONS AND «MAGIC SQUARES» AT THE GOLDEN HORDE SETTLEMENTS

A.S. Lapshin, I.Yu. Lapshina

We will talk about one rare type of finds at the Golden Horde settlements in this work. These are amulets with a «magic square» on one side and an Arabic inscription on the other. The «magic square» on such amulets is a square of the third order. It reflects Sufi magical ideas and a spirit communication by numeric and alphabetic ciphering. The second side of the amulets contains inscriptions associated with the «square» on the back. Amulets bear two inscriptions. Variants of translation are offered for each of them. As for their content they were protective prayers-dua. These finds at the settlements are connected with spread of Sufism in the cities of Golden Horde.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Lower Volga, Vodyansk settlement, Uvek settlement, amulet, Sufism, prayer.

REFERENCES

1. *Amulet zolotaya orda (magicheskiy kvadrat) (Amulet Golden Horde (magic square))*. URL: http://rasmircoins.ucoz.ru/forum/25-5321-1. (accessed 01.06.2024) (in Russian).
2. Akhmad al'-Buni. *Solntse poznaniya i tonkosti vozvyshennykh veshchey (The Sun of Gnosis and the Subtleties of Elevated Things)*. URL: https://archive.org/details/McGillLibrary-131812-5180/ (accessed 8.06.2024) (in Russian).
3. Basilov, V. N. 1992. *Shamanstvo u narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).
5. *Dua-voskhvalenie Allakha ot proroka Khidra (Dua-praise of Allah from Prophet Khidr)*. URL: https://shia.world/dua-voshvalenie-allaha-ot-proroka-hidra/ (accessed 01.03.2024) (in Russian).
6. Kubankin, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 443–462 (in Russian).
7. Lapshin, A. S. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Volgo-Akhtubinskoy arkheologicheskoy ekspeditsiey na Vodyanskom gorodishche u g. Dubovki Volgogradskoy oblasti v 2014 godu (Report on archaeological studies, conducted by Volga-Akhtuba archaeological expedition, on the Vodyanskoye settlement nearby Dubovka, Volgograd region in 2014)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 319 (in Russian).
8. Lapshin, A. S. 2016. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2014 g. (Archaeological Discoveries of 2014).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 188–191 (in Russian).
9. Lapshin, A. S. 2018. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy arkheologii i muzeevedeniya: Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati N.V. Khabarovoy (1955-2017) (Issues of archaeology and museology: Collected articles, dedicated to the memory of N.V. Khabarova (1955-2017))*. Volgograd: Volgograd State University Publ., 291–298 (in Russian). 291–298 (in Russian).

10. Lapshin, A. S. 2019. In Kruglov, E. V. Lapshin, A. S., Lapshina, I. Yu. (eds.). *Arkheologiya kak zhizn' – pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova (Archaeology as Life - In Memory of Evgeny Pavlovich Myskov)* Volgograd: "Sfera" Publ., 286–291 (in Russian).
11. Lapshin, A. S., Lapshina, I. Yu. 2023. In *Vostokovednye epigraficheskie chteniya pamyati D.D. Vasil'eva (Orientalist epigraphic readings in memory of D.D. Vasilyev)*. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 49–52 (in Russian).
12. Magicheskiy kvadrat amulet (Magic square amulet). URL: https://www.akademforum.ru/viewtopic.php?t=10354&p=83112 (accessed 01.06.2024) (in Russian).
13. Mafatikh al'-dzhinan. Klyuchi ot rayskikh sadov. Shiitskiy molitvennik (Mafatih al-jinan. Keys of paradises. Shia prayer book). Translator: Amin Ramin. URL: https://arsh313.com/mafatih-al-dzhinan-sbornik-dua-i-ziyaratov/ (accessed 01.06.2024) (in Russian).
14. Mys'kov, E. P. 2001. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7. Volgograd: Volgograd State University, 260–261 (in Russian).
15. Ogudin, V. L. 2002. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)*, 65–82 (in Russian).
16. Pigarev, E. M., Skisov, S. Yu. 2007. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 238–246 (in Russian).
17. Poluboyarinova, M. D. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes).* Moscow: "Nauka" Publ., 165–212 (in Russian).
18. Rezvan, E. A. 1991. In Prozorov, S. M. (ed.). *Islam. Entsiklopedicheskiy slovar' (Islam. Encyclopedic Dictionary)*. Moscow: "Nauka" Publ., 211 (in Russian).
19. Sayfetdinova, E. G. 2012. In Mirgaleev, I. M., Sayfetdinova, E. G. (ed.). *Islam i vlast' v Zolotoy Orde (Islam and Power in the Golden Horde).* Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 240–245 (in Russian).
20. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).
21. Fedorov-Davydov, G. A. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 130–131 (in Russian).
22. Shakirov, Z. G. 2020 In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*
23. (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) XVI. Perm, 46–52 (in Russian).

About the Authors:

Lapshin Andrey S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St., 12, Moscow, 107031, Russian Federation, alapsh@mail.ru

Lapshina Irina Yu. Candidate of Historical Sciences, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Lenin Av., 27, Volgograd, 400066, Russian Federation, ilapsh97@inbox.ru

Статья принята в номер 22.08.2024 г.

УДК 903 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.54.69

ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ УЛУСА ДЖУЧИ В XIII–XIV ВВ.

© 2025 г. А.А. Бисембаев, Г.А. Ахатов, А.И. Хаванский

Статья посвящена последним исследованиям памятников эпохи Улуса Джучи на территории Западного Казахстана. Исследование памятников развитого и позднего Средневековья проводилось по трем основным направлениям: обработка и анализ имеющихся материалов, полученных в результате исследований по территории области со второй половины XIX века по нынешнее время, проведение разведочных мероприятий по выявлению наиболее перспективных районов расположения золотоордынских памятников и рекогносцировочные раскопки. Обследование по Уило-Кобдинскому локальному микрорайону было связано с исследованием крупного некрополя и поселения Коптам, окрестностей культового мавзолея Абат Байтак. Расположенный на берегу Каргалинского водохранилища мавзолей Кызылтам также в позднем Средневековье был маркером центра крупной кочевой группы. На памятниках Улуса Джучи отчетливо прослеживаются этапы постепенной исламизации населения, когда погребальный обряд проходит «стандартизацию», а в комплектах инвентаря наблюдается распространение общей моды, так называемого «имперского» стиля. По погребальным памятникам прослеживается принудительная переселенческая политика монгольских ханов, присутствуют объекты, связанные с южносибирским населением.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, погребальный обряд, Золотая Орда, кочевые группы, монголы, кыпчаки, исламизация.

Значительный период времени археологических исследований, проводившихся после 1991 года, требует подведения определенных итогов не только по различным хронологическим этапам в развитии археологии Республики Казахстан, но и по определенным регионам, где эти исследования носили практически непрерывный характер, несмотря на разную экономическую ситуацию, за прошедший период.

К числу таких регионов со своеобразными памятниками эпохи Средневековья относится Актюбинская область, представляющая значительную часть более крупного региона – Западного Казахстана. Актюбинская область, оконтуренная с севера крупной магистральной рекой – Уралом и рассеченная с юга на север самым крупным левобережным притоком, Илеком, в период Средневековья представляла собой хорошо освоенный район. Обширная территория между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, Устюртом на юге и долиной р. Урал с севера на юг имеет весь набор географических зон, указанных выше. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище со сосредоточением лесных колков – Уркач (Оркаш) – уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори (Чибилев, 1987, с. 86–103). Широтная протяженность области составляет порядка 800 км и представлена несколькими природно-географическими зонами – лесостепью, степью, пустыней и полупустыней. Наличие этих зон, состояние гидросети, температурного режима, богатство флоры и фауны – все в комплексе определяет комфортность экологической ниши для человеческих коллективов и в конечном итоге оказывает влияние на количество, характер и размещение памятников археологии различных эпох.

Исследование памятников развитого и позднего Средневековья на территории Западного Казахстана проводилось по трем основным направлениям: обработка и анализ имеющихся материалов, полученных в результате исследований по территории области со второй половины XIX века по нынешнее время, проведение разведочных мероприятий по выявлению наиболее перспективных районов расположения золотоордынских памятников и рекогносцировочные раскопки.

Археологические памятники периода Улуса Джучи, или Золотой Орды, XIII–XIV веков на территории Западного Казахстана в количественном отношении превосходят памятники предыдущего периода, предмонгольского, кыпчакского, охватывающего середину XI – начало XIII вв. Если сравнивать с еще более ранним, огузо-печенежским периодом, датирующимся VIII – началом XI веков, ситуация понятна, так как связана с противоборством печенегов и огузов, участием в данных событиях крупных древневенгерских группировок, а также Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Киевской Руси, что хорошо изучено исследователями (Артамонов, 1962, с. 352–419; Плетнева, 1958). Археологические памятники кыпчакского, предмонгольского периода середины XI – начала XIII вв., хорошо отраженные в литературе, в основной своей массе присутствуют на территории Северного Причерноморья. Их происхождение связано с западной группировкой кыпчаков, известной в русских летописях как половцы. На территории Западного Казахстана памятники данного времени весьма малочисленны, их обнаружение носит случайный характер, так как погребения в подавляющем большинстве помещены в крупные курганы периодов бронзы или раннего железного века (Бисембаев и др., 2006, с. 409–413). Малочисленность памятников, зачастую не имеющих собственной курганной насыпи, а «впущенных» в насыпи курганов более ранних эпох, вероятно, связана с определенным «обезлюживанием» степи в первые века II тысячелетия и общей нестабильной ситуацией, вынуждающей население «прятать» погребения. Данный аспект, скорее всего, был связан с комплексом причин, из которых главными являются экологические и политические, взаимосвязанные между собой. Периодически сменяющиеся фазы аридности (усушения) и гумидности (увлажнения) степи оказывали значительное влияние на такой тонко настроенный экономический механизм, как кочевое скотоводство. Обширный пояс степей от Дуная до Ордоса, тянущийся более чем на десять тысяч километров, имеет различные условия по всей своей протяженности. В западной части он охватывает благодатные в природном отношении степи юга Украины, территорию степной части Крыма, Северное Предкавказье. В центральной части это Южное Приуралье и Западный Казахстан, в восточном направлении – от Сары-Арки до пределов Южной Сибири, Забайкалья и Западной Монголии. В этом своеобразном природно-климатическом районе сложилось культурно-историческое единство населения кочевого мира, повторявшееся с раннего железного века, далее в гуннскую и тюркскую эпохи. Освоение степей, начавшееся в хозяйственном отношении еще в эпоху бронзы, было активно продолжено кочевым населением в Средневековье.

К концу X – началу XI вв. в Центральном Казахстане начинает накапливать силы и формироваться новое объединение кочевников, выделившихся из кимакской конфедерации племен, традиционно локализуемых исследователями в Прииртышье (Кумеков, 1972, с. 43–47). В результате

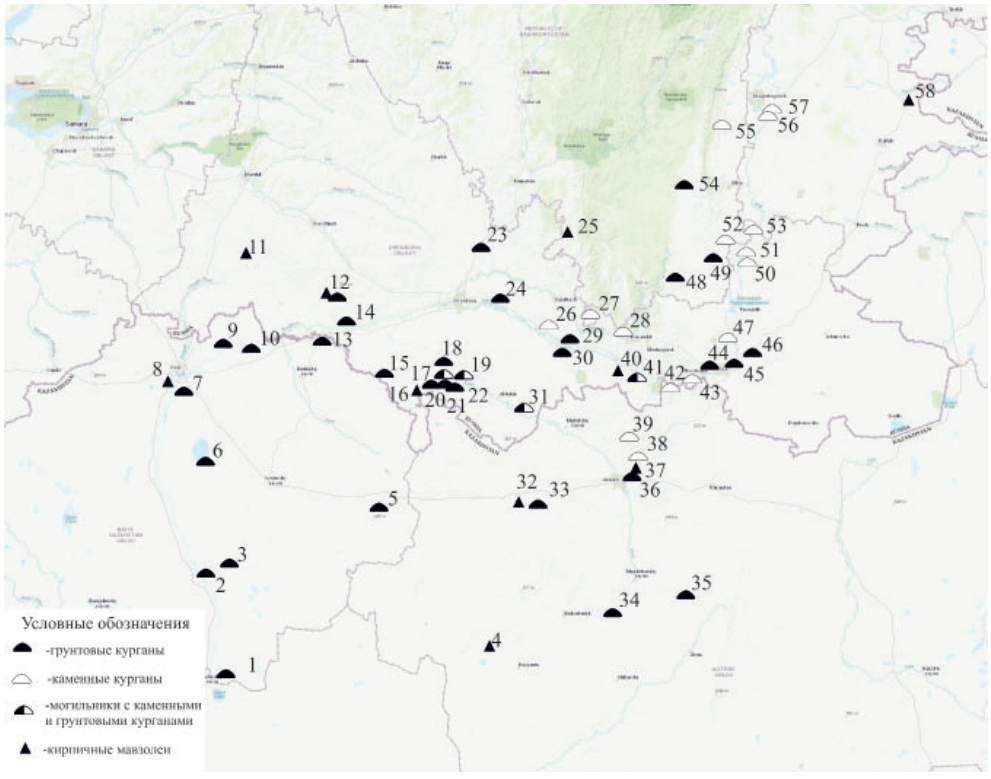


Рис. 1. Погребальные памятники Улуса Джучи степного Приуралья и Западного Казахстана. 1 –Мамбеталы; 2 – Базар-Тобе; 3 – Карасу; 4 –Коптам 1, Коптам 2; 5 – Лебедевский IV, Лебедевский VIII; 6 – Шалкар; 7 – Мамбетбай; 8 – Уральск (Свистун-Гора); 9 – Рубежка; 10 – Алебастрово; 11 – Тептяри; 12 – Мустаево V; 13 – Жарсуат; 14 – Рассыпное; 15 – Линевский; 16 – Изобильное; 17 – Пчельник; 18 – Казенная мельница; 19 – 2-я верста от Илецкой защиты; 20 – Ветлянка; 21 – Мертвецовский; 22 – Тамар-Уткуль; 23 – Имангулово; 24 – Каменноозерное; 25 – Бэндэбекэ; 26 – Новочеркасское; 27 – Андреевский; 28 – Тлявгулово; 29 – Алабайтал; 30 – Жанаталап; 31 – 1-ый аул Каратугайской волости; 32 – Абат-Байтак; 33 – Булак III; 34 – Таскудук; 35 – Уркач I; 36 – Жаман-Каргала; 37 – мавзолей Жаксы-Каргала; 38 – могильник Жаксы-Каргала; 39 – Шпаки; 40 – Жангыз-Агаш; 41 – Урал; 42 – Салтак I; 43 – Хабарное; 44 – Орск; 45 – Новокумакский; 46 – Новоорский; 47 – Колпаковский; 48 – Ивановский IV; 49 – Комсомольский VI; 50 – Покровка IV; 51 – Большевик; 52 – Целинное III; 53 – Березовский V; 54 – Тавлыкаевский; 55 – Ишкуловский II; 56 – Агаповский I и Агаповский II; 57 – Агаповские горы 10; 58 – Варна (Кесене).

Fig. 1. Burial monuments of the Jochi of Ulus of the steppe Urals and Western Kazakhstan.

крупной миграции племен в 30-х годах XI в. произошли коренные изменения на карте степной полосы Евразии. Начавшаяся волна перемещений кочевых объединений и группировок докатилась до Восточной Европы и границ Византийской империи. Эти перемещения привели к тому, что перестала существовать держава Сырдарьинских ябгу, началось Сельджукидское движение в Малую Азию, а степи Казахстана получили новое наименование – «Дешт-и Кыпчак» (Ахинжанов, 1980, с. 46–53). Именно исследования С.М. Ахинжанова дают ответ на вопрос о некотором «запустении» степной зоны в предмонгольский период. Скорее всего, самые многочисленные объединения кыпчаков под именем «половцы» вплотную придвинулись к границам Киевской Руси, оставив о себе многочисленные сообщения в русских летописях (ПСРЛ, 1962). А их восточная группа во внешней политике стала ориентироваться на государство Хорезмша-

хов, обосновавшись вдоль его границ и поставляя воинский контингент. И здесь кыпчаки попадают в поле зрения восточных авторов (Ахинжанов, 1973, с. 60–62; Ахинжанов, 1995). Массовое переселение племен в 30-х гг. XI в. положило начало новому периоду в истории средневековых кочевников. На огромных просторах степной полосы Евразии от Днепра до Алтая доминирующее положение занимает союз кыпчакских племен. Выход на широкую политическую арену и в зону активных контактов с оседло-земледельческими центрами привел к тому, что в нарративных источниках того периода, в европейских хрониках, сочинениях арабских, персидских авторов, китайских хронистов все чаще начинают появляться сообщения о кочевых народах, населяющих Великий пояс степей.

Археологические памятники Золотоордынского времени в степной зоне представлены двумя основными направлениями – памятники погребальные и памятники поселенческие. Этот факт был отмечен выдающимся исследователем кочевнических древностей Г.А. Федоровым-Давыдовым, подчеркивающим, что это было искусственное сосуществование кочевой степи и города, державшееся на объединяющей силе деспотии ханской власти (Федоров-Давыдов, 1976, с. 114).

Систематизация погребальных памятников XIII–XIV вв. наиболее основательно проводилась по территории Западного Казахстана, где в последние тридцать лет ведутся планомерные исследования и подведены итоги работам прежних лет (Бисембаев, 2010, с. 121–180; Марыксин, 2012, с. 243–248).

В целом на территории пояса степей Евразии от Горного Алтая до нижнего течения Дуная можно говорить о 3000 погребений эпохи Золотой Орды, из которых больше половины является золотоордынскими мусульманскими (Иванов, 2015, с. 17). Максимальное их количество приходится на административный центр Золотой Орды – Среднее и Нижнее Поволжье. Далее идут соседние регионы Южного Приуралья и Южного Зауралья.

Памятники второй половины XI – XIV вв. наиболее подробно описаны в археологической литературе. Данное явление объясняется массовостью материала этого периода, наличием значительного количества ярких памятников с широким кругом аналогий, появлением больших серий однотипных памятников в крупных могильниках. Становится гораздо меньше ограбленных погребений. Все это говорит о значительной стабилизации обстановки в степи в рассматриваемый период. В ряде могильников, эксплуатировавшихся длительное время, вырабатываются общие характерные черты, свидетельствующие о погребении на данном объекте близких в родственном отношении людей. Наличие могильников, содержащих несколько однотипных памятников, позволяет сравнивать такие курганные группы между собой по ряду признаков, выявляя определенные различия.

Сторона света, на которую ориентировано погребение, является важной частью погребального ритуала. Она несет в себе не только аспекты канонического характера – для мусульманских захоронений обязательной является юго-западная ориентировка погребенных, для языческого периода ориентировка содержит в себе информацию этнокультурного характера. Так, в частности, западная ориентировка присуща домонгольским кыпчакским группировкам. Появление ориентированных на север погребений является маркером монгольских групп. Подобная ситуация четко прослеживается в первые века нашей эры, обозначая проникновение гуннских групп в аланскую среду. В целом ори-

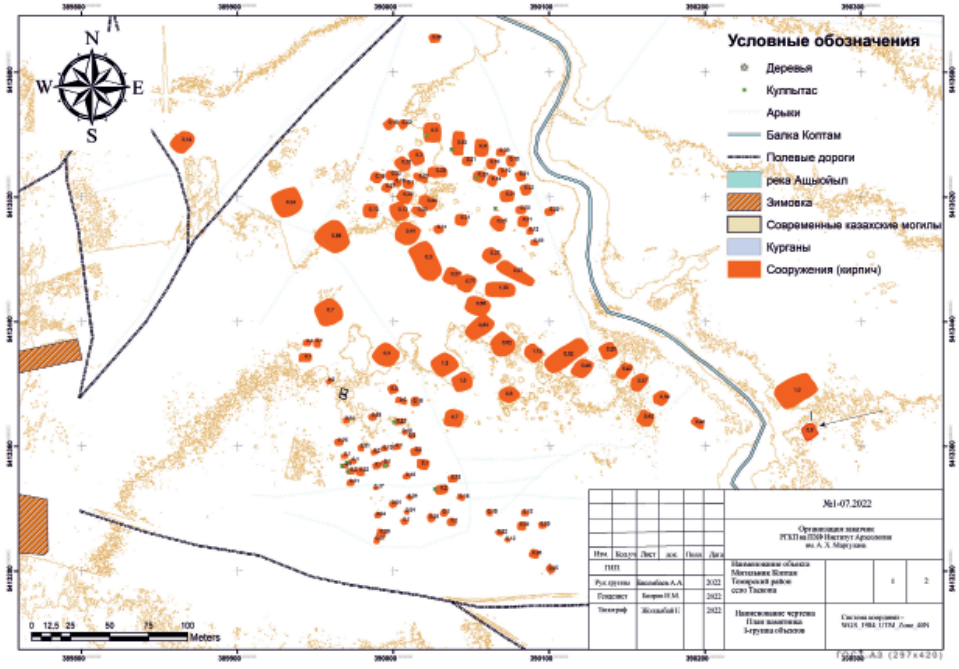


Рис. 2. Топографический план некрополя и поселения Коптам Темирского района.
Fig. 2. Topographic plan of the necropolis and the Coptam settlement of the Temir district.

ентировка скелетов различная – западная, южная с отклонениями к востоку или западу, северо-восточная, в небольшом количестве представлены северо-западная, восточная. Северная ориентировка погребенных представлена в десятой части от общего числа, что в принципе не противоречит общей картине. Тем более что последние исследования в Улытау, сакральном центре Средневековья, показали разницу в расположении погребений с северной ориентировкой, которые находятся в совершенно иных топографических нишах, нежели памятники предыдущего периода казахстанских степей (Усманова и др., 2020, с. 184–217).

Говоря о перспективных районах дальнейших исследований, следует отметить присутствие на территории Актюбинской области крупных мавзолеев золотоордынского времени – Абат Байтак, Кызылтам, Болгасын, которые в конце XIV века являлись маркерами размещения крупных кочевых групп. Возведение подобных грандиозных памятников невозможно без значительной концентрации людских ресурсов, наличия оседло-земледельческих групп, осведомленных об архитектурных приемах и методах, способных изготовить большое количество обожженного кирпича, и так далее.

Целенаправленные разведочные мероприятия по притокам Уила и Кобды привели к обнаружению крупного некрополя Коптам, расположенного на прежнем поселении эпохи Улуса Джучи. Некрополь и поселение Коптам расположены в 12,5 километра к юго-западу от пос. Таскопа Темирского района Актюбинской области, на обоих берегах крупного притока Ащиуила. На основной группе мавзолеев была выполнена топографическая съемка и составлен подробный план расположения объектов и ирригационных сооружений (рис. 2).

Рис. 3. Кирпичи с тамговыми знаками из мавзолеев некрополя Коптам.

Fig. 3. Bricks with tamga signs from the mausoleums of the Coptam necropolis.

Плотное расположение мавзолеев, сооруженных как из сырцового, так и обожженного кирпича золотоордынского формата 25×25×5 см, позволяет предположить обнаружение в будущем кирпичеобжигательного комплекса. Кирпич использовался на мавзолеях вторично. Он зачастую имеет тамговые знаки в виде различных линий, спиралевидных рисунков, выполненных по сырому кирпичу пальцами (рис. 3). Рекогносцировочные раскопки показали оригинальные архитектурные приемы при возведении данных сооружений (рис. 4). Некрополь, перекрывающий прежние жилые постройки, располагается по обоим берегам р. Ащиуил и его мелких притоков. Кроме того, вся местность изрезана искусственными каналами, водосборами и водоотводами, плотной системой ирригационных сооружений, возведенных в период активного функционирования поселения. Первичные исследования показали перспективность исследования данного поселения и его округи.

Рис. 4. Мавзолей некрополя Коптам после снятия насыпи. Вид с квадрокоптера.

Fig. 4. The mausoleum of the Coptam necropolis after the removal of the embankment. View from the quadcopter.

Разведочные мероприятия по территории Темиро-Эмбенского локального микрорайона, в бассейне среднего течения р. Темир и рекогносцировочные раскопки позволили получить оригинальное захоронение золотоордынского воина в небольшом кургане могильника Таскудук I, который находится в 4,8 км к юго-западу от населенного пункта Темир Актюбинской области. Могильник расположен на вершине платообразной, ориентированной по широте возвышенности, в междуречье р. Темир и его правого притока – Таскудука.

Небольшой курган № 2 находится на мысообразном выступе в западной части плато, его диаметр составляет 7 м, высота – 0,45 м. Насыпь – светло-коричневая супесь с примесью мелкого камня. Материк – светло-серая глина. Могильная яма выявлена в северной части кургана. Ориентирована по меридиану с небольшим отклонением к востоку. Форма ямы подпрямоугольная, расширяющаяся к северу. Длина ямы 210 см, ширина в южной части 74 см, в северной – 86 см. На глубине -90 см от уровня материка выявлено деревянное перекрытие из обработанных досок с выдолбленными пазами по краям и филенками в

Рис. 5. Могильник Таскудук I. Могильная яма. Общий вид.
Fig. 5. Taskuduk burial ground I. Grave pit. The general view.

средней части. По периметру ямы вырублена ступенька, образующая своеобразный грунтовый гроб. После снятия перекрытия выяснилось, что на ступеньку положены обработанные доски, являвшиеся частями двустворчатой двери юрты, с запекшимися петлями в выдолбленных пазах и т. п.

На дне ямы (-125 см от уровня материка) покоился пожилой мужчина, вытянуто на спине, головой на север с отклонением к востоку (рис. 4). Левая рука слегка согнута в локте, кисть на тазовых костях. Голова лежит на деревянной конструкции типа столика (присутствуют остатки ножек). Слева от черепа лопатка и трубчатые кости мелкого рогатого скота. Ниже их, слева от скелета – берестяной колчан с запекшимися железными наконечниками стрел (рис. 5). Под колчаном находился длинный Т-образный предмет со шляпкой. Ниже ребер (район солнечного сплетения) – остатки железного ножа в деревянном футляре. В районе затылочной части черепа – бронзовые конусообразные подвески (украшения шапки).

Расположение в бассейне Улы Кобды знакового, сакрального мавзолея Абат Байтак напрямую связано с обитанием крупной кочевой группировки, имевшей вес в системе Улуса Джучи. В данном случае имеет место перенос гидронима – в Западной Монголии течет р. Кобдо. По руслу р. Улы Кобда обнаруживаются следы поселений позднего Средневековья. Обнаружено большое количество обломков чигирных (водоподъемных) сосудов. Сама площадь вокруг мавзолея Абат Байтак заполнена мелкими погребальными конструкциями периода Золотой Орды (рис. 6). Обследование территории, прилегающей к мавзолею, затруднено тем, что идет интенсивное разрастание современного кладбища, перекрывающего своими сооружения древние захоронения.

В этом отношении отсутствие крупного населенного пункта (как возле Абат Байтак пос. Талдысай) недалеко от сильно разрушенного мавзолея Кызылтам в Каргалинском районе Актюбинской области позволило сохранить прилегающее к мавзолею пространство в том виде, в каком оно сформировалось на момент возведения мавзолея. К сожалению, мавзолей, расположенный на северо-запад-

Рис. 6. Могильник Таскудук I. Могильная яма. Деталь погребения, берестяной колчан.
Fig. 6. Taskuduk burial ground I. Grave pit. Burial detail, birch bark quiver.

ном берегу крупного Каргалинского водохранилища, в 14 км к юго-западу от с. Кос-Естек, на сегодняшний день сильно разрушен. Его первоначальное состояние можно только предполагать (рис. 7). Прилегающая территория, так же как и у Абат Байтака, заполнена мелкими погребальными сооружениями средневекового периода. Здесь играет свою роль природно-географический фактор – Кызылтам расположен на задернованном скальном возвышении, вся почва заполнена мелким щебнем, что затрудняет сооружение погребальных конструкций и рытье могильных ям, в отличие от места расположения Абат Байтака, на рыхлых песчаных почвах левого берега Улы Кобды.

Собственно, по территории Западного Казахстана на данный момент можно оперировать данными почти двух сотен погребальных комплексов, относящихся к периоду развитого и позднего Средневековья, которые объединяются в несколько групп. По оформлению надмогильных сооружений можно выделить грунтовые курганы, курганы с каменными сооружениями и кирпичные мавзолеи знати. Сами погребальные сооружения можно разделить на три группы: 1) погребения в простых ямах, без костей лошади; 2) погребения в ямах усложненного типа (с уступами, подбоями), с костями коня или без них; 3) погребения с чертами новой идеологии – сырцовыми оградами на погребенной почве и выкладками из кирпича в засыпях могильных ям, а также совершенные в мавзолеях из обожженного кирпича.

Археологические исследования памятников кочевого населения развитого и позднего Средневековья территории Казахстана ведутся порядка полутораста лет, начиная с середины XIX века. До сегодняшнего дня работы в этом направлении имели неясно выраженный характер. После 1991 года наступает современный (третий, после дореволюционного и советского) этап в истории изучения археологических памятников средневековых кочевников, совпавший с выделением Института археологии им. А.Х. Маргулана в самостоятельную научную структуру. Но даже при этом объем целенаправленных исследований памятников эпохи Улуса Джучи не уве-

Рис. 7. Некрополь Абат Байтак, Кобдинский район.
Работы по выявлению сопутствующих захоронений.
Fig. 7. Abat Baytak necropolis, Kobda district. Work on the identification of burials.

личился значительно. Исследования, к сожалению, по-прежнему носят эпизодический, отрывочный характер. Хотя в последние годы именно знаковым памятникам этого времени – мавзолею Джучи, Калбасунской башне, Болган ана – посвящены специализированные исследования (Усманова и др., 2022, с. 74–80).

Хронологическая группа памятников развитого и позднего Средневековья весьма репрезентативна. Общего объема материалов вполне достаточно для картографического и другого анализа. Ряд могильников, расположенных очень близко и имеющих одно общее название, но с различными числительными определениями – I, II, III, IV и т. д., на карте имеют одно обозначение, так как в большинстве случаев представляют один комплекс, разделенный на части авторами исследований. Общее размещение могильников по карте показывает их равномерное распределение по площади исследуемого региона. Некоторое скопление наблюдается в западной части в бассейне р. Урал. Полностью отсутствуют эти памятники в южной части в зоне пустыни. Однако это не говорит об абсолютном их отсутствии. Данный момент объясняется слабой изученностью южной части Западного Казахстана. Картографирование памятников домонгольского и золотоордынского времени, объединенных в хронологическую группу XI–XIV вв., показывает, что существующее в литературе распределение курганов с различными обрядовыми чертами на две локальные группы – курганы с земляными насыпями западной группы и курганы с каменными насыпями восточной группы, с границей между группами по меридиональной линии у г. Актобе – подтвердилось (Иванов, Кригер, 1988, с. 43; Иванов, Яминов, 1993, с. 154–160). Кроме того, значительно сокращается число впускных захоронений.

Важнейшим элементом, характеризующим культуру средневеко-

вого населения, является комплекс инвентаря, присущий периоду XIII–XIV вв. Ряд предметов имеет узкие хронологические рамки бытования, что сказывается на точности определения даты памятника. Некоторые категории имеют весьма широкие границы существования, в качестве хронологического репера могут привлекаться вспомогательно. Все предметы носят ярко выраженный кочевой характер, их количество и состав в захоронениях отражают половую принадлежность покойников, в какой-то мере показывают моменты социальной дифференциации в обществе.

Происходившие в XI–XIV вв. бурные политические события также получили свое отражение в археологическом материале, что позволило исследователям разделить памятники на три хронологические группы:

I) домонгольскую (XI – начало XIII вв.);

II) золотоордынскую, языческую (середина XIII – первая треть XIV вв.);

III) золотоордынскую мусульманскую (середина XIV – начало XV вв.). В основе данного хронологического разделения лежит разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым система датировки. Дополняют надежность датировки погребения с монетами. В литературе существует разработанная номенклатура с традиционной схемой деления на типы по имеющимся классификационным схемам, оправдавшая себя многолетней проверкой. Поэтому в разработке новой классификации нет необходимости (Федоров-Давыдов, 1966; Иванов, Кригер, 1988).

Сходство в чертах погребального обряда дополняется тем обстоятельством, что состав инвентаря, укладываемого в могилу, и его отдельные категории, такие как стремена, удила, наконечники стрел, зеркала, ножницы, серьги, проходят этап «стандартизации». Происходит некоторая унификация: в могилы со сходным обрядом укладывается определенный набор вещей, выполненных в типологическом сходстве. Опираясь на существующие в литературе хронологические разработки по вещевым комплексам с учетом географической локализации собственно западноказахстанских памятников, представляется возможной их хронологическая интерпретация и в какой-то мере энтокультурная.

Стремительное движение монголов, достигших пределов Западной Европы, в какой-то мере походило на гуннское полиэтническое нашествие IV–V вв., проходившее по тем же маршрутам. Сходство в данном случае выразилось еще и в том, что монголы при своем движении на запад вовлекали в орбиту нашествия племена кочевого круга, разбитые и покоренные. 1243 год, в котором Бату обосновался на Нижней Волге, стал начальной вехой в полуторасталетней истории государства под названием Золотая Орда. Этот же период – середина XIII в. – был временем наибольшего территориального охвата земель, входивших в состав Золотой Орды, от Пруто-Днестровского междуречья включительно до Иртыша и Балхаша. Естественной границей в этом случае служили переходные ландшафты. По сути дела, Золотая Орда вобрала в себя полностью территории, на которых до этого обосновались половцы-кыпчаки (Егоров, 1985, с. 31–47). Далее по времени географические тенденции шли в направлении сокращения территорий.

В литературе в ходу тезис из сообщения средневекового автора, приведенный В.Г. Тизенгаузеном о том, что Чингисхан выделил старшему сыну Джучи население, способное выставить в случае военной необходимости 4 тыс. воинов (Тизенгаузен, 1884, с. 33). Этот факт, пожалуй, может служить объяснением того, что

в археологическом плане монголы не выделяются в какую-либо специфическую группу, т. е. нельзя с достаточной долей уверенности идентифицировать какой-либо памятник и связать его напрямую с монголами. Хотя изменения, связанные с монгольским нашествием в памятниках, прослеживаются. Резко увеличивается число погребений с северным сектором ориентировки, что, вероятно, показывает продвижение племен с востока. Обнаружение на берегу р. Темир погребения с северной ориентировкой является наглядной тому иллюстрацией. Смещение ориентировки несет отпечаток этнических и религиозных изменений, выраженных в том, что культовой стороной света у монголов был юг.

В составе инвентаря появляются берестяные трубочки и вырезанные из листа металла (серебра, бронзы, меди и др.) фигурки человечков – онгоны. Если фигурки человечков распространены незначительно и компактно, в основном в районе Поволжья (Федоров-Давыдов, 1966, с. 275), то «бокка» – предмет весьма и весьма характерный для женских погребений XIII–XIV вв. В некоторой степени эту распространенность можно с большой долей условности объяснить как влияние «моды» в кочевом обществе, так же как и распространение в период XIII–XIV вв. орнаментированных костяных накладок на колчаны, не несущих существенных функций, кроме эстетических.

Еще одна черта в погребальном обряде выделена Г.А. Федоровым-Давыдовым как принесенная с востока – сооружение подбоев. Им подытоживаются и выделяются черты, значительно участившиеся и появившиеся в золотоордынский период, а именно северная ориентировка погребенных, без костей коня, каменные выкладки над могилами и подбои (Федоров-Давыдов, 1966, с. 160).

Золотоордынский период отмечен миграциями, идущими не только в западном, но и в восточном направлении, вызванными, вероятнее всего, не причинами природно-географического порядка, а насильственным переселением племен, проводимым монголами. Этот момент подтверждается появлением вновь в Поволжье ранних типов погребений, характерных для огузо-печенежского времени. Зато одновременно сокращается число подобных памятников в районах Поросья, Нижнего Дона, Приазовья. То есть фиксируется смешение различных типов погребений и категорий инвентаря, различной хронологической и географической принадлежности (Шнайдштейн, 1985, с. 78–81).

Конец XIII и начало XIV вв. ознаменовались кратковременным хозяйственным подъемом на покоренной территории, что связано с деятельностью отдельной группы монгольских феодалов, понимавшей, что перманентное ограбление приводит к обнищанию населения и является источником обогащения «одного дня». Для постоянной экономической эксплуатации необходимо воссоздание существовавшей ранее экономической инфраструктуры. Поэтому в период с конца XIII по 60-е гг. XIV вв. происходит восстановление старых экономических связей, и особенно выпукло восстановительный период отражается на градостроительстве на обширной территории Золотой Орды. Но построение городских центров в короткие сроки и с максимальным использованием согнанных людских ресурсов велось без учета историко-географических и экономических аспектов, что явилось основной причиной того, что после запустения не было попыток восстановления разрушенных золотоордынских городов и население не осваивало их снова. Города Золотой Орды в основной своей массе существовали непродолжитель-

ное время по сравнению с городскими центрами Семиречья и Южного Казахстана. Именно на период XIII–XIV вв., т. е. на время существования Золотой Орды, приходится наибольшее число погребений. По основным и наиболее явным признакам им можно разделить на две группы: 1) погребения, совершенные по языческому обряду и 2) погребения, несущие отпечаток ислама. Первая группа имеет широкий хронологический диапазон от начала XIII до начала XIV вв. и значительный «разброс» в чертах погребального обряда.

Золотоордынский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную. Курганные насыпи, как и в предшествующий период, сооружаются с применением камней, так же, как и раньше, прослеживаются следы тризны. Упрощается форма могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилу лошади. Вместо этого наблюдается его «символизация», выраженная в сопровождении покойника предметами конской сбруи. Часть населения огузо-печенежского происхождения, переселенная монголами из Восточной Европы, продолжает погребальную традицию помещения в могилы костей коня, но этот ритуал переживает деградацию, выраженную в размещении только копыт лошади возле покойного или в ногах. Деградация и исчезновение обряда помещения лошади в могилу, возможно, является прямым следствием монгольского нашествия, в значительной мере подорвавшего экономическую базу местного населения.

Кроме того, в золотоордынский период в различных регионах появляются погребения, эволюционно восходящие к датируемым несколько более ранним временем из Южной Сибири. Правда, известно их пока немного (Боталов, 1992, с. 230–239). Категории инвентаря, находимые в могилах этого хронологического периода, проходят этап унификации как в комплектации, так и в типологии. К числу особенностей следует отнести берестяную трубку, распространенную именно в это время в женских погребениях. Причем «стандартизация» инвентаря прослеживается на значительной территории – от южнорусских степей до Восточного Казахстана.

Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности начинают отчетливо проступать результаты исламизации кочевого общества. Часть населения, особенно локализовавшаяся около городских центров, начинает хоронить своих покойников максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря.

При этом по погребениям прослеживается половозрастная дифференциация – женские и детские захоронения совершаются по упрощенному ритуалу. Другая часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжает хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, ориентируя по прежним направлениям и продолжая укладывать в могилы инвентарь.

Таким образом, следует подчеркнуть, что крупные события в политической жизни кочевников степной полосы Евразии, получившие отражение в перестановках доминирующих племенных групп, приводили также к изменениям в этнокультурных процессах, что, в свою очередь, отразилось на археологическом материале. При всех изменениях общие тенденции погребальной обрядности поддаются реконструкции и позволяют прослеживать смену ритуальных моментов по хронологическим периодам. В настоящее время с учетом ведущихся

внешнеполитических дискуссий по поводу истоков государственности не только Республики Казахстан исследование одного из значимых микрорайонов сосредоточения памятников золотоордынского времени приобретает особую актуальность. Эпоха Золотой Орды в целом по Казахстану и западному региону в частности изучена довольно слабо, до настоящего времени нет комплексных исследований. Памятники первых веков II тысячелетия н. э. комплексно еще не исследовались, с разделением на хронологические этапы, с четким определением критериев их существования по периодам. В данном моменте необходимо учитывать следующие важные аспекты:

– во-первых, гидроним «Кобда» не имеет казахского происхождения и является перенесенным из Западной Монголии, отражая, таким образом, перемещение кочевых элитных групп, занимавших экониши, сходные с исторической родиной по природно-географическим факторам;

– во-вторых, в исследуемом локальном микрорайоне в среднем течении Улы Кобды расположен культовый памятник архитектуры – мавзолей Абат Байтак, воздвигнутый на месте захоронения кочевой элиты под влиянием новой идеологии. Данный памятник имеет «двойников» в степной зоне – это мавзолей Кесене в Челябинской области РФ и мавзолей Кызылтам на севере Актюбинской области. Для Западного Казахстана мавзолей Абат Байтак имеет такое же значение, как мавзолей Джучи для Улытау. Расположение мемориально-культовых сооружений на данных территориях маркирует места обитания кочевой элиты периода Золотой Орды (Улуса Джучи, в пределах Казахстана);

– в-третьих, на территории Уило-Кобдинского локального микрорайона было исследовано элитное женское погребение начала XIII века Булак I с престижными вещами, подчеркивающими неординарность и высокую социальную значимость погребенной;

– в-четвертых, в низовьях Улы Кобды расположено погребение знаковой фигуры казахской истории – Кобыланды батыра, что является еще одним весомым аргументом важности локального микрорайона в истории Улуса Джучи (Золотой Орды).

Наличие указанных аспектов говорит о значимости изучения отдельных локальных микрорайонов в контексте всего Западного Казахстана. Комплексное исследование памятников развитого и позднего Средневековья позволит выйти на уровень исторических реконструкций в вопросах изучения различных аспектов Золотой Орды (Улуса Джучи, для Казахстана) и значения отдельных территорий в средневековой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
2. *Ахинжанов С.М.* Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII вв. // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 59–70.
3. *Ахинжанов С.М.* Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46–53.
4. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 294 с.
5. *Бисембаев А.А.* Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: Изд-во ИП Жанадилов С.Т., 2010. 248 с.
6. *Бисембаев А.А., Усманова Э.Р., Боталов С.Г.* Памятники кыпчакско-половецкого этапа (XI–начало XIII века) // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов» / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 409–413.
7. *Боталов С.Г.* Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // РА. 1992. № 2. С. 230–239.

8. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
9. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. История, культура, религия. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.
10. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.
11. Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 154–161.
12. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
13. Марыксин Д.В. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 243–248.
14. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. М: Издательство восточной литературы, 1962. 580 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. Москва: Издательство восточной литературы, 1962. 87 с.
17. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
18. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
19. Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П. Этнокультурный код воинских формирований Улуса Джучи (по археологическим свидетельствам могильника Карасуыр, Ульгау, Центральный Казахстан) // Джучи: личность, эпоха, память. Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Алматы, 2020. С. 184–217.
20. Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожа М.Б., Панюшкина И.П., Соловьева Л.Н., Ахатов Г.А. Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды, обряд // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 74–80.
21. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
22. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
23. Чибилев А.А. Река Урал (Историко-географические и экологические очерки о бассейне реки Урала). Л.: Гидрометеоиздат, 1987. 168 с.
24. Шнайдштейн Е.В. Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 79–86.

Информация об авторах:

Бисембаев Арман Ауганович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); доцент. Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан), abissembaev@mail.ru

Ахатов Газиз Аманжолович, магистр истории, ТОО Институт прикладной археологии (г. Алматы, Казахстан); g_akhatov@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент. МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (г. Москва, Россия); старший преподаватель. Московский энергетический институт» (г. Москва, Россия); arkaim01@yandex.ru

WESTERN KAZAKHSTAN AS ONE OF THE CENTERS OF THE ULUS OF JOCHI IN THE XIII–XIV CENTURIES

A.A. Bisembaev, G.A. Akhatov, A.I. Khavansky

The article is devoted to the latest research of monuments of the Ulus of Jochi period in the territory of Western Kazakhstan. The study of monuments of the developed and late Middle Ages was carried out in three main directions – processing and analysis of available materials, obtained as a result of research on the territory of the region from the second half of the XIX century to the present time, conducting exploration activities to identify the most promising areas of the location of Golden Horde monuments and reconnaissance excavations. The survey of the Uil-Kobda local microdistrict was associated with the study of a large necropolis and settlement of Koptam, neighbourhood of the Abat Baytak cult mausoleum. Kyzyltam mausoleum, located on the Kargaly reservoir shore, was also a marker of the center of a large nomadic group in the Late Middle Ages. The stages of gradual adoption of Islam by the population are clearly visible on the monuments of the Ulus of Jochi, when the burial rites undergo "standardization", and the sets of inventory show the spread of a common

fashion, the so-called "imperial" style. The forced migration policy of the Mongolian khans is visible on the burial monuments, and there are objects associated with the Southern Siberia population.

Keywords: archaeology, Ulus Jochi, burial rite, Golden Horde, nomadic groups, Mongols, Kipchaks, adoption of Islam.

REFERENCES

1. Artamonov M. I. 1962. *Istoriia Khazar (History of the Khazars)*. Leningrad: The State Hermitage Museum (in Russian).
2. Akhinzhanov, S. M. 1973. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane (Archaeological Studies in Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 59–70 (in Russian).
3. Akhinzhanov, S. M. 1980. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological studies of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 46–53 (in Russian).
4. Akhinzhanov, S. M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana (Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
5. Bisembaev, A. A. 2010. *Kochevniki srednevekov'ya Zapadnogo Kazakhstana (Medieval nomads of Western Kazakhstan*). Aktobe: “IP Zhanadilov” S. T. Publ. (in Russian).
6. Bisembaev, A. A., Usmanova, E. R., Botalov, S. G. 2006. In Botalov, S. G. et al (eds.). *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problema kul'turogeneza) (Archaeology of the South Urals. The Steppe (Issue of Cultural Genesis)*. Series: Ethnic genesis of the Ural peoples. Chelyabinsk: “Riphey” Publ., 409–413 (in Russian).
7. Botalov, S. G. 1992. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 230–239 (in Russian).
8. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* (*Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoy Ordy. Istoriya, kul'tura, religiya (Nomads of the Golden Horde. History, culture, religion)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
10. Ivanov, V. A., Kriger, V. A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) (Barrows of the Kypchak Time in the Southern Urals (12th –14th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Ivanov, V. A., Yaminov, A. F. 1993. In Tairov, A. D. (ed.). *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes)* Ekaterinburg: “Nauka” Publ., 154–161 (in Russian).
12. Kumekov, B. E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam (Kimek state of the 9th–11th centuries according to Arabic sources)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
13. Maryksin, D. V. 2012. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 14 (3), 243–248 (in Russian).
14. Pletneva, S. A. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 151–226 (in Russian).
15. 1962. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 1. Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po akademicheskomu spisku (Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1. Laurentian Codex and Suzdalian Chronicle according to the academic list)*. Moscow: “Izdatel'stvo vostochnoy literatury” Publ., (in Russian).
16. 1962. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 2: Ipat'evskaya letopis' (Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Ipatiev Chronicle)*. Moscow: “Izdatel'stvo vostochnoy literatury” Publ. (in Russian).
17. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).
18. Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
19. Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P. 2020. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Dzhuchi: lichnost', epokha, pamyat'. Sbornik nauchnykh statey (Jochi: personality, era, memory. Collection of scientific articles)*. Almaty, 184–217 (in Russian).
20. Usmanova, E. R., Uskenbay, K. Z., Kozha, M. B., Panyushkina, I. P., Solov'eva, L. N., Akhatov, G. A. 2022. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 74–80 (in Russian).
21. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
22. Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (*Art of nomads and Golden Horde. Essays on*

Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

23. Chibilev, A. A. 1987. *Reka Ural (Istoriko-geograficheskie i ekologicheskie ocherki o basseyne reki Urala) (Ural River (Historical, geographical and ecological essays on the Ural River basin))*. Leningrad: "Gidrometeoizdat" Publ. (in Russian).

24. Shnaydshteyn, E. V. 1985. In Its, R. F. (ed.). *Istoricheskaya etnografiya (Historical ethnography)*. Leningrad: Leningrad State University, 79–86 (in Russian)..

About the Authors:

Bisembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Associate Professor. Aktobe Regional University named after K. Zhubanov. Aliya Moldagulova Ave., 34, Aktobe, 030000, Republic of Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Akhatov Gaziz A. Master of History, Institute of Applied Archaeology Ltd. Almaty, Republic of Kazakhstan; g_akhatov@mail.ru

Khavansky Alexey I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. The Bauman Moscow State Technical University, 2nd Baumanskaya str., 5, Moscow,105005, Russian Federation; National Research University "Moscow Energy Institute", Krasnokazarmennaya str., 14, p. 1; Lefortovo, 111250, Moscow, Russian Federation; arkaim01@yandex.ru

Статья принята в номер 07.08.2024 г.

УДК 902/904 + 004.032.26 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.70.79

АНАЛИЗ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УКЕКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2025 г. Р.А. Сингатулин

Рассматривается применение нейронных систем для анализа градостроительных технологий золотоордынского города Укека на основе строительных материалов – кирпича и керамических водопроводных труб. Показаны основные подходы, алгоритмы и методы обработки данных, включая методы геоинформационных систем (ГИС), алгоритмы кластеризации и оптимизации, а также различные типы нейронных сетей (свёрточные, рекуррентные и глубокие). Исследование базировалось на анализе исторических и археологических материалов Увекского городища. Выявлены сложные паттерны и ассоциации между археологическими, историческими и геологическими данными разных лет. Программные средства включали свёрточные нейронные сети для анализа изображений, рекуррентные для анализа временных последовательностей и глубокие нейронные сети для сложных задач классификации, моделирования и верификации. В результате анализа выявлены ключевые аспекты строительства и инфраструктуры Укека, такие как локализация мест добычи сырья, количество строительных площадок, объём произведённого кирпича, водопроводных линий и территориальное разграничение городской территории на основе цифровой модели рельефа (ЦМР). Рассмотрена хронология оползней и их влияние на развитие города. Результаты исследований подтверждает эффективность смешанных и разноуровневых нейронных сетей для анализа археологических данных, связанных с особенностями средневековых технологий, процессом концентрации производительных сил и средств производства.

Ключевые слова: Укек, Золотая Орда, логистика торгово-транспортных путей, градостроительство, строительные технологии, кирпич, водопровод, нейронная сеть.

Введение. Использование нейронных сетей в археологии открывает новые возможности, позволяет значительно ускорить процессы исследования, делает их более точными и расширяет возможности археологов в анализе и интерпретации археологических данных. Открывающиеся перспективы заключаются не только в планировании и организации новых исследований, но и в обработке ранее полученной информации. Поиск сложных паттернов и ассоциаций между археологическим данными разных лет с помощью нейронных сетей может привести к новым идеям и гипотезам относительно древних культур и обществ. Нейронные сети эффективно используются при автоматическом распознавании и классификации археологических находок (керамика, оружие, украшения, нумизматический материал и др.) (Bickler, 2021). В области генетики нейросети используется для анализа данных о древних ДНК при исследовании миграции народов, родственных связей и других генетических аспектах истории человечества (Loog, Larson, 2020). Анализ текстовых описаний археологических находок, древних текстов или документов с помощью нейронных сетей значительно облегчает извлечение значимой информации (Torres, Cantu, 2022). В области компьютерного зрения нейронные сети используются для реконструкции фрагментированных артефактов, реконструкции разрушенных структур или визуализации древних объектов (Singatulin, 2018; Zimmer-Dauphinee and ets., 2024). Доступен и анализ социальных сетей, когда нейронные сети помогают в анализе социокультурных изменений на протяжении последних 30 лет, выявляя ключевые моменты, тенденции в общественных мнениях, плагиате, заимствованиях и других аспектах

социокультурной эволюции обществ, организаций и отдельных исследователей (Wasserman, Faust, 1994). С использованием генеративных моделей, таких как GPT (Generative Pre-trained Transformer), появляется возможность создавать сценарии или тексты, соответствующие определённым историческим контекстам (Zhu, Luo, 2022).

Но, как показывает практика, нейронные сети применимы лишь к некоторым областям археологических знаний и в большинстве случаев пока не доступны широкому кругу исследователей из-за сложностей в обучении и практическом применении (особенно на этапе машинного обучения), отсутствия чёткой постановки целей и задач, непонимания их перспектив и возможностей. Развитие этого направления требует междисциплинарного подхода, включающего сотрудничество археологов, специалистов по машинному обучению и других экспертов. В данной ситуации важно направлять усилия на целостные решения, качественный сбор данных, развивать логическое мышление, изучать и пропагандировать нейронные технологии в археологических исследованиях. На примере золотоордынского города Укек (Баллод, 1923) можно проанализировать археологические данные и сравнить возможности свёрточных, рекуррентных и глубоких нейронных сетей с другими методами исследований (ГИС-технологии), демонстрируя тем самым потенциал данной технологии в археологии.

Постановка проблемы. Вопрос о городах как о градостроительном феномене Золотой Орды заслуживает отдельного рассмотрения (Федоров-Давыдов, 1994; Егоров, 2010). Их появление в XIII–XIV вв. диктовалось вполне определёнными политическими и экономическими аспектами развития нового евразийского государства (Егоров, 1969). Этот градостроительный феномен связывают с формированием особого технологического уклада (Кульпин, 2001, с. 75–87). Городов от Дуная до Иртыша в XIII–XIV вв. было возведено более 110 (Егоров, 2010). Это не только разрушенные и впоследствии восстановленные города (Булгар, Отрар и др.), но в своём большинстве абсолютно новые (Укек, Гулистан, Сарай и др.). Вопрос в другом: как на таком огромном пространстве использовались практически одинаковые градообразующие технологии и строительные материалы?

Массовое градостроительство требует как архитектурной, так и инженерно-строительной преемственности. Для прокладки линий водопровода, канализации, возведения кирпичных зданий с тепловым обогревом (канами), горнов для обжига керамики, металлургических печей и других сооружений необходим труд высококвалифицированных рабочих. Производство строительного кирпича требует формирования целой технологической цепочки, от разведанных источников качественного сырья, строительства печей для обжига, расчётной проектно-инженерной документации и квалифицированных кадров. Тот же керамический водопровод Золотой Орды – это, без преувеличения, высокотехнологичное сооружение, даже по современным меркам (Волкова, 1972, с. 41–76).

В отличие от других золотоордынских городов Укек был особенным. Это был один из первых градостроительных проектов Золотой Орды. Город строился одновременно с Сарай-Бату, одним из самых благоустроенных городов Золотой Орды, оснащённым водопроводной и канализационной системами.

Причину появления Укека связывают с удобной переправой на пересечении торгово-транспортных путей с востока на запад в Донской водораз-

дел (через реки Хопёр и Медведицу) и контролем Волжского торгового пути (Минх, 1881). Укек являлся одним из логистических центров и, возможно, был одним из первых административных хабов благодаря левобережному кочевью «Яйлак» (напротив Укека) хана Батыя. Укек был перевалочным пунктом для товаров в формирующейся торгово-транспортной системе Золотой Орды (Аблязов, 2023, с. 144–146; Ablyazov, 2015).

Современная теория градостроительства изучает планировочную организацию систем расселения и населённых мест, особенности их формирования, функционирования и развития во взаимосвязи с социально-экономическими и природными условиями (Основы теории..., 1986). Однако в исторических науках понятие «город, городская среда» со спецификой золотоордынского градостроительства несколько иное. Крепостные стены в городах как таковые отсутствуют (Егоров, 2010). Пространственная структура строений в городской планиграфии линейная, с квартально-уличной планировкой (Надырова, 2010, с. 30–33). В Укеке наблюдается схожая застройка, в которой здания ориентированы по географическим сторонам света (Минх, 1881).

Архитектура городов Золотой Орды также вызывает много вопросов у исследователей (Надырова, 2008; Зиливинская, 2016). Вместе с тем конфессиональные и ремесленно-производственные расслоения, а также окружающие природные условия огромного евразийского пространства способствовали разнообразию градостроительных решений, архитектуры и диалектики места: наличие особой горы, большой реки, особого рельефа местности. Если в западноевропейских государствах центром города становился собор и соборная площадь, но фактически центром городской жизни была рыночная площадь, иногда ратуша или здание магистрата, то формировалась двухцентровая система, типичная для средневековых городов (Гильдебранд, 1991, с. 146–158). В новостройках Золотой Орды было иначе, по крайней мере с Укеком.

Логическим очагом новостроек (градостроительства) в Укеке являлось место переправы. Здесь происходило перемещение значительных объёмов различного товара и скота. С вершины горы осуществлялся контроль за движением караванов, отслеживалась интенсивность товарооборота и покрытие открытых площадей грузом с товаром и скотом возле переправы. Удобная дугообразная бухта протяжённостью 1800–2000 м начиналась с Князевского косогора, проходя к устью впадающей в Волгу (Итиль) небольшой реки Назаровки (Увековки, Саранки) и далее к югу, к современному посёлку Увек. Именно на этот участок береговой полосы направлялся товар с восточного берега. Часть груза направлялась на запад вдоль реки Назаровки в донской водораздел. Другая часть товара направлялась вдоль правого берега Волги (Итили) на юг. По сути, решалась классическая задача распределения ресурсов из теории массового обслуживания. Затем возник небольшой посёлок, обслуживающий переправу. Обнаружение местных запасов (месторождений) качественной глины послужило началом гончарного производства в Укеке. С сооружением печей для обжига керамики ассортимент продукции расширялся. Объём произведённого кирпича и керамических водопроводных труб для городских строений был достаточным. Часть керамической продукции направлялась на внешний рынок. В дальнейшем это привело к формированию важнейшего урбанизированного центра – Укека.

Материалы и методы исследования. Без преувеличения, простран-

ственный рельеф в посёлке Увек Заводского района г. Саратова можно отнести к самым изученным природно-техногенным образованиям (Сингатулин, 2013, с. 34–35). С конца XIX в. и до первой половины XX в. на территории Увека формируется большой промышленно-транспортный центр. На всех этапах строительства проводятся тщательные проектно-изыскательские, инженерно-технические, геологоразведочные и геохимические исследования, вплоть до последствий катастрофического оползня 1934 г. (Коровкин, 1937; Иванов и др., 2005). В 50–60-х гг. XX в. проводятся противооползневые исследования гидрогеологического характера в связи с заполнением Волгоградского водохранилища (Дунаева, Рогозин, 1962). В 2002–2003 гг. проводятся подводные археологические разведки в акватории водохранилища вдоль береговой линии около железнодорожной станции Князевка и до станции Правобережный Увек (Сингатулин, 2005). Все эти материалы проектно-изыскательских, инженерно-технических работ в Увеке, Князевке, посёлке Нефтяной вошли в базу данных сбора первичной информации, её моделирования, обработки и формирования документов.

При исследовании строительных технологий Укека использовались следующие алгоритмы и методы:

• Методы геоинформационных систем (ГИС): Методологической основой метода является цифровое моделирование местности, объединяющее процессы сбора первичной информации, её моделирования, обработки и формирования документов (Макаров и др., 2001; Безвершенко и др., 2018). ГИС-технологии позволяют анализировать пространственные данные видимого диапазона спектра электромагнитных волн: расположение зданий, прослеживать следы строений (фундаментов), проездов, торговых площадей, водоёмов и других элементов городской инфраструктуры (Хренов, Егурцов, 1996). С их помощью можно проводить анализ приоритетной доступности к общественным и административным зданиям, сетевой анализ дорог для перемещения товара, а также оценивать доступность и связь различных частей города с учётом рельефа местности и времени года (Чибряков, 2012). Кроме того, известен фотограмметрический аэрокосмический метод получения объёмных тепловых снимков земной поверхности и глубинных недр из космоса со спутника за счёт применения аппаратуры высокого разрешения (Мухамедяров, Усошин, 2000). Базовыми компонентами данных для ГИС Увекского городища являлись стереофотограмметрические съёмки 1913 г. (Сингатулин, 2014) и мультиспектральные спутниковые и локальные стереосъёмки 1996–2001 гг. (Сингатулин и др., 2001).

• Алгоритм кластеризации: алгоритм использовался для идентификации различных областей или кластеров в Укеке на основе их схожести. Кластеры представляют различные типы территориального использования (торговый район, жилые районы, ремесленные зоны и т. д.).

• Алгоритмы оптимизации: Алгоритмы использовались для оптимизации различных аспектов градостроительства в Укеке, таких как размещение инфраструктуры (участки для сушки кирпича и готовой строительной продукции и пр.) и распределения ресурсов (линий водоснабжения), хранение товара в складских помещениях и его перемещение.

• Методы машинного обучения и нейронные сети: Методы использовались для реконструкции рельефа Укека, этапов градостроительства на основе имеющихся данных о его структуре и развитии, сопоставления с ближайшими территориями (Шеш-

нёв, 2012). Анализировались тенденции роста и убыли населения, оползневой ситуации, изменения границ территории Укека на разных хронологических отрезках и т. д. (Иванов, Яшков и др., 2017).

Предложенные алгоритмы и методы были использованы для анализа и моделирования градостроительных технологий Укека с целью понимания его планиграфии, функционирования и хронологии его развития. Обработка базы данных ГИС Увекского городища была осуществлена с помощью нейронных сетей. Отображалось состояние среды (модель знаний, информационные поля, окружения) путём обработки маркеров (сигналов) и изображений (ЦМР), а также воздействия на неё с помощью запросов (Девятков, 2001). В зависимости от поставленных целей и задач в исследованиях использовались сверточные, рекуррентные и глубокие нейронные сети.

Сверточная нейронная сеть, или CNN (Convolutional Neural Network), ориентирована на анализ изображений, идентификацию предметов, явлений, процессов с высокой точностью. Информация в сети не только анализируется, но и структурируется и классифицируется с целью распознавания и улучшения данных. Использовались следующие алгоритмы обработки данных: ResNet (Residual Networks), EfficientNet, U-Net.

Рекуррентная нейронная сеть, или RNN (Recurrent Neural Network), ориентирована на анализ временной последовательности, хронологию состояния среды (городская среда Укека, динамика движения оползня и пр.), которые можно было бы в последствии использовать для анализа текущих данных. Алгоритмы обработки данных: LSTM (Long Short-Term Memory), GRU (Gated Recurrent Unit).

Глубокая нейронная сеть, или DNN (Deep Neural Network), ориентирована на решение сложных задач классификации и прогнозирования с использованием глубокого обучения. Алгоритмы обработки: Transformer, BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers).

Значительное количество использованных алгоритмов для обработки данных по анализу градостроительных технологий Укека связано с апробацией различных подходов, неточностями (случайными ошибками) и достоверностью исходных данных (системными ошибками), а также сложностью проведения совместных исследований в режиме машинного обучения. Как показывает опыт, необходимо время для осмысления и адаптации некоторых спорных решений при анализе и классификации объектов, процессов и явлений.

В процессе обработки данных, с целью верификации данных на этапе машинного обучения с экспертом (на маркированных данных), были включены системные определения в понятие строительная технология и строительные материалы:

– под термином «строительная технология» понималась совокупность действий (строительный процесс), направленных посредством профессиональных исполнителей (высококвалифицированных рабочих) на обработку исходных природных и искусственных материалов, изменения их физического состояния, характеристик и положения в пространстве;

– под термином «строительные материалы» следует понимать материал, предназначенный для создания конструкций зданий (обожжённый кирпич) и внешних коммуникаций (керамическая труба водопровода).

«Обожжённый кирпич» и «керамическая труба водопровода» являются ключевыми маркерами в данных нейросетевых исследованиях.

Результаты исследований. В связи с ограничениями объёма и формата

представления материалов результаты обработки данных с помощью нейронной сети представлены в виде следующих пунктов с комментариями:

• Локализация места переправы.

Результат: прибрежная дугообразная полоса протяжённостью 1800–2000 м (между железнодорожными станциями Князевка и Увек).

• Первоначальное место строительства.

Результат: изначально у устья реки Назаровки, конструкции в виде деревянных навесов и юрт.

• Локализация мест добычи сырья (глина).

Результат: установлено три основных участка добычи сырья – правобережье реки Назаровки, глиняный карьер в северо-западной части вершины горы Увек, залежи многослойной глины в районе нижних террас.

• Печи для обжига керамики (гончарной посуды, водопроводных труб, изразцов).

Результат: возведение от трех до пяти печей для обжига керамики во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. (Баллод, 1923, с. 77–80).

• Количество строительных площадок для возведения зданий.

Результат: из-за особенностей сложного холмистого рельефа не более 38 строительных площадок общей (условной) площадью 15800 м^2 (планиграфия кирпичных строений уточняется);

выделенная площадь для формовки и технологической сушки строительного кирпича в основном располагалась на склонах верхних террас.

• Расчёт необходимого кирпича для возведения архитектурных сооружений, домов.

Результат: оценочное количество произведённого в Укеке строительного кирпича составляет не менее 3104600 штук (с 1261 по 1361 гг.)

• Анализ кирпичных сооружений (отличающаяся технология).

Результат: строительная технология возведения кирпичных зданий во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. отличается от технологии второй половины XIV в., при возведении зданий широко используется рифлёный кирпич (Сингатулин, 2021, с. 276).

• Анализ линий водопроводов и водоснабжения города.

Результат: прокладка самотёчного водовода из родников из керамических труб на глубинах 1,5–1,6 м (глубина непромерзаемого грунта для данной местности – 1,45 м); проложено не менее трех линий водопровода в центральной части общей протяжённостью не менее 900 м (изготовлено не менее 4500 звеньев керамических труб); построены две распределительные системы водоснабжения в центральной части и два искусственных водоёма.

• Формирование городской инфраструктуры (хронология).

Результат:

– I этап: вторая половина XIII в. – первая половина XIV в. – в данный период строятся мавзолеи в южной и восточной части Увека/Нефтяная (Кротков, 1915, с. 111–133), караван-сараи, жилые кирпичные дома, обсерватория, мечеть, большое здание (замок, дворец), общая площадь городской застройки не более 40 га;

– II этап: вторая половина XIV в. (Сингатулин, 2021, с. 274), площадь городской застройки менее 40 га;

– III этап: вторичное использование кирпича XV–XVII вв. для жилых построек, массовая выемка со второй половины XIX в. кирпича под бут для мостовых Саратова и использование золотоордынского кирпича для строительства дач по настоящее время.

• Территориальное разграничение городской территории Укека.

Результат:

– торговый район – первоначально базар (товара и скота) располагался на

Князевском косогоре, затем сформировался вещевой базар в районе Мамайки, рядом с монетным двором;

– административные и общественные зоны, мечеть, монетный двор, большое административное здание (дворец);

– отдельно стоящие мавзолеи (самые ранние, возведённые во второй половине XIII в. на юге и востоке);

– жилые районы, дома усадьбы, караван-сараи, бани, мавзолеи;

– ремесленные районы (внизу, ближе к Волге и на верхней террасе),

– район перевозчиков (плоты, лодки) – правая сторона реки Назаровки, позднее внизу от современной школы № 91 и до железнодорожной станции Увек.

• Оползни (хронология).

Результат:

– небольшие групповые оползни в первой половине XIV в.;

– крупный оползень и небольшие вторичные во второй половине XIV в. (предположительно, между 1361–1390 гг.);

– групповые оползни разной интенсивности с XV–XX вв. и по настоящее время.

Заключение. Актуализация исследований градостроительных технологий Золотой Орды с помощью нейронных сетей во многом способствует разрешению проблем, связанных с особенностями средневековых технологий, процессом концентрации производительных сил и средств производства, связанным с так называемым «феноменом» новых городов.

Использование ранее созданных археологических ГИС для городов и поселений, набор дополнительных тематических слоёв строительного материала: дефиниции физико-химических характеристик кирпича, труб водопровода, идентификации мест исходного сырья, производства и пр. – позволяют использовать собранный материал для дальнейшей, нейронной обработки данных. Анализ данных на основе свёрточных, рекуррентных и глубоких нейронных сетей позволяют обеспечить новые уровни понимания и взаимодействия с археологическим материалом, делая его более доступным и наглядным для широкого круга исследователей и общественности. Нейронные сетевые технологии стремительно развиваются и в ближайшее 3–4 года на смену одним алгоритмам придут более продвинутые – генеративные нейронные сети, или AI (Artificial Intelligence), которые произведут настоящую революцию в историческом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблязов К.А.* Технологии ГИС при реконструкции торгово-транспортной системы Золотой Орды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2023. Т. 23. Вып. 3. С. 144–146.
2. *Баллод Ф.В.* Приволжские "Помпеи": (опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М.; Пг.: Государственное изд-во (Госиздат), 1923. 131 с.
3. *Безвершенко Л.С., Данилов В.А., Фёдоров А.В.* Методика реконструкции палеорельефа Увекского массива в XIII в. с использованием ГИС-технологий // Современные проблемы территориального развития. 2018. № 3. Доступно по URL: https://terjournal.ru/wp-content/uploads/2018/07/ID48.pdf?ysclid=ly5xnxrbf7933301317
4. *Волкова Н.Г.* Маджары (из истории городов северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Вып. V / Отв. ред. В.К. Гарданов. М.: Наука, 1972. С. 41–66.
5. *Гильдебранд А.* К пониманию художественной связи архитектурных ситуаций // Проблема формы в изобразительном искусстве и собрание статей о Гансе фон Маре / Ред. А.В. Васнецов. М.: Изд-во МПИ, 1991. С. 146–158.
6. *Девятков В.В.* Системы искусственного интеллекта. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2001. 350 с.
7. *Дунаева Г.В., Рогозин И.С.* Оползни Саратовского Поволжья. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 162 с.

8. Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII–XIV вв. // История СССР. 1969. № 4. С. 39–49.

9. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

10. Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 44–67.

11. Иванов А.В., Браташова С.А., Сингатулин Р.А. Эколого-геологические аспекты гибели средневекового города Укека // Недра Поволжья и Прикаспия. 2005. № 41. С. 56–68.

12. Иванов А.В., Яшков И.А., Кузин А.Г., Кручинкина Ю.Д. Влияние оползневых процессов на землеустройство и градопланировочную структуру поселения (на примере посёлка верхняя Стрелковка города Саратова) // Урбанистика: опыт исследований, современные практики, стратегия развития городов / Отв. ред. А.В. Иванов. Саратов: СГТУ, 2017. С. 349–351.

13. Коровкин М.П. Увекский оползень // Разведка недр. 1938. № 13. С. 11–19.

14. Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Вып. 32. Саратов, 1915. С. 111–133.

15. Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 74–88.

16. Макаров В.З., Пролеткин И.В., Чумаченко А.Н. Применение ГИС-технологий в ландшафтно-экологическом изучении городской территории // Геодезия и картография. 2001. № 3. С. 16–20.

17. Минх А.Н. Набережный Увек // Саратовский сборник. Материал для изучения Саратовской губернии. Т. 1. Саратов: Статистический комитет, 1881. С. 211–238.

18. Мухамедяров Р.Д., Усошин В.А., Захаров А.В. Метод аэрокосмического макро- и микродиагностирования // Газовая промышленность. 2000. № 7. С. 23–26.

19. Надырова Х.Г. Архитектура городов Золотой Орды // Известия КазГАСУ. 2008. № 1 (9). С. 33–38.

20. Надырова Х.Г. Планировочные структуры и благоустройство поволжских городов Золотой Орды // Известия КазГАСУ. 2010. № 1 (13). С. 29–35.

21. Сингатулин Р.А. Археологические разведки на территории посёлка Увек и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища в 2002 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2005. С. 71–77.

22. Сингатулин Р.А. Увекское городище: подходы, разработка и ошибки исследований / Археология Восточно-европейской степи. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов. РИЦ СГУ. 2013. С. 32–38.

23. Сингатулин Р.А. История первых фотограмметрических исследований на Увекском городище в 1913 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (47). Ч. 1. С. 149–151.

24. Сингатулин Р.А. Технологии Золотой Орды: кирпич Укека // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 273–284.

25. Сингатулин Р.А., Плотников П.К., Рамзаев А.П. Структура и функционирование бесплатформенной инерциально-термофотограмметрической системы стереосъёмки и идентификации подземных археологических следов и остатков сооружений // VIII Санкт-Петербургская межд. конф. по интегрированным навигационным системам / Отв. ред. В.Г. Пешехонов. СПб.: ЦНИИ «Электроприбор», 2001. С. 133–135.

26. Чибряков Я.Ю. Картографический метод исследования обеспеченности территорий транспортной сетью // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъёмка. 2012. № 3. С. 64–70.

27. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

28. Хренов Н.Н., Егурцов С.А. Применение аэрокосмических методов для диагностики трубопроводных геотехнических систем и мониторинга окружающей среды. М.: ИРЦ Газпром, 1996. 180 с.

29. Шешнёв А.С. Антропогенные отложения и формы рельефа городских территорий: формирование, развитие, геоэкологическая роль (на примере Саратова). Саратов: СГТУ, 2012. 287 с.

30. Яргина З.Н., Косицкий Я.В., Владимиров В.В. и др. Основы теории градостроительства: Учеб. для архит. спец. вузов. М.: Стройиздат, 1986. 325 с.

31. Ablyazov K. Logistic of Trade Routes of the Golden Horde: Effective Adaptive System with Feedback. New York: Nova Science Publishers Inc., 2015. 46 p.

32. Bickler S.H. Machine Learning Arrives in Archaeology // Advances in Archaeological Practice. 2021. № 9 (2). P. 186–191.

33. Loog L., Larson G. Ancient DNA // Archaeological Science: An Introduction / Eds.: Richards M.P., Britton K. Cambridge University Press, 2020. P. 13–34.

34. Singatulin R.A. Reconstruction of Artifacts by their Fragments: to the Problem Statement // Computer science and information technology. Materials of the International Scientific Conference. 2018. P. 363–365.

35. Torres M., Cantú F. Learning to See: Convolutional Neural Networks for the Analysis of Social Science Data // Political Analysis. 2022. № 30 (1). P. 113–131.

36. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis in the Social and Behavioral Sciences // Social Network Analysis: Methods and Applications. Structural Analysis in the Social Sciences. Cambridge

University Press, 1994. P. 3–27.
37. Zhu Q., Luo J. Generative Pre-Trained Transformer for Design Concept Generation: An Exploration // Proceedings of the Design Society 2. 2022. P. 1825–1834.
38. Zimmer-Dauphinee J., VanValkenburgh P., Wernke S.A. Eyes of the machine: AI-assisted satellite archaeological survey in the Andes // Antiquity 98 (397). 2024. P. 245–259.

Информация об авторе:

Сингатулин Рустам Адыгамович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией информационных технологий. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия); labsgu@mail.ru

ANALYSIS OF THE URBAN DEVELOPMENT TECHNOLOGIES OF UKEK USING NEURAL NETWORKS (PRELIMINARY RESEARCH RESULTS)

R.A. Singatulin

The application of neural networks to analyze urban planning technologies in the Golden Horde city of Ukek, focusing on building materials such as bricks and ceramic water pipes, is explored. This study presents the main approaches, algorithms, and data processing methods, including geoinformation systems (GIS), clustering, optimization algorithms, and various types of neural networks such as convolutional, recurrent, and deep networks. The research is based on the analysis of historical and archaeological materials from the Uvek settlement. Complex patterns and associations between archaeological, historical, and geological data from different years were identified. The software tools included convolutional neural networks for image analysis, recurrent neural networks for time sequence analysis, and deep neural networks for complex classification, modeling, and verification tasks. Key aspects of the construction and infrastructure of the city of Ukek were identified through this analysis. These include the localization of raw material extraction sites, the number of construction sites, number of bricks produced, water lines, and the territorial delimitation of the urban area based on a digital elevation model (DEM). The chronology of landslides and their impact on the city's development was also examined. The research results confirm the effectiveness of mixed and multi-level neural networks for analyzing archaeological data related to the characteristics of medieval technologies, the process of concentrating productive forces, and means of production.

Keywords: Ukek, Golden Horde, logistics of trade and transport routes, urban development, construction technologies, brick, water supply, neural network.

REFERENCES

1. Ablyazov, K.A. 2023. In *IIzvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Nauki o Zemle (Proceedings of the Saratov University. New Series. Earth Sciences)* 23 (3), 144–146 (in Russian).
2. Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie "Pompei": (opyt khudozhestvenno-arkheologicheskogo obsledovaniya chasti pravoberezhnoy Saratovsko-Tsaritsynskoy privolzhskoy polosy).* M.; Pg.: „Gosudarstvennoe izd-vo“ („Gosizdat“) Publ. (in Russian).
3. Bezversheнko, L. S., Danilov, V. A., Fedorov, A. V. 2018. In *Sovremennye problemy territorial'nogo razvitiya (Current issues of spatial development)* 3 (in Russian).
4. Volkova, N. G. 1972. In Gardanov, V. K. (ed.). *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik (Caucasian Ethnographic Collection)* V. Moscow: “Nauka” Publ., 41–66 (in Russian).
5. Gil'debrand, A. 1991. In Vasnetsov, A. V. (ed.). *Problema formy v izobrazitel'nom iskusstve i sobranie statey o Ganse fon Mare (The problem of form in the fine arts and a collection of articles about Hans von Mar)*. Moscow: “MPI” Publ., 146–158 (in Russian).
6. Devyatkov, V. V. 1962. *Sistemy iskusstvennogo intellekta (Artificial Intelligence Systems).* Moscow: Moscow State Technical University named after N.E. Bauman Publ. (in Russian).
7. Dunaeva, G. V., Rogozin, I. S. 1962. *Opolzni Saratovskogo Povolzh'ya (Landslides of the Saratov Volga region)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
8. Egorov, V. L. 1969. *Prichiny vozniknoveniya gorodov u mongolov v XIII–XIV vv. (Reasons for the emergence of cities among the Mongols in the 13th–14th centuries)* 4, 39–49 (in Russian).
9. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* (*Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Zilivinskaia, E. D. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 44–67 (in Russian).
11. Ivanov, A. V., Bratashova, S. A., Singatulin, R. A. 2005. In *Nedra Povolzh'ya i Prikaspiya (Volga and Pricaspian Region Resources)* 41, 56–68 (in Russian).

12. Ivanov, A. V., Yashkov, I. A., Kuzin, A. G., Kruchinkina, Yu. D. 2017. In Ivanov, A. V. (ed.). *Urbanistika: opyt issledovaniy, sovremennye praktiki, strategiya razvitiya gorodov (Urban studies: research experience, modern practices, urban development strategy)*. Saratov: Saratov State Technical University Publ., 349–351 (in Russian).
13. Korovkin, M. P. 1938. In *Razvedka nedr (Subsoil exploration)* 13, 11–19 (in Russian).
14. Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission)* 32. Saratov, 111–133 (in Russian).
15. Kul'pin, E. S. 2001. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost' (Social sciences and contemporary world)* 3, 74–88 (in Russian).
16. Makarov, V. Z., Proletkin, I. V., Chumachenko, A. N. 2001. In *Geodeziya i kartografiya (Geodesy and cartography)* 3, 16–20 (in Russian).
17. Minkh, A. N. 1881. In *Saratovskiy sbornik. Material dlya izucheniya saratovskoy gubernii (Saratov collection. Material for studying the Saratov province)* 1. Saratov: Statisticheskiy komitet Publ., 211–238 (in Russian).
18. Mukhamedyarov, R. D., Usoshin, V. A., Zakharov, A. V. 2000. In *Gazovaya promyshlennost' (Gas Industry Journal)* 7, 23–26 (in Russian).
19. Nadyrova, Kh. G. 2008. In *Izvestiya KazGASU (News KSUAE)* 1 (9), 33–38 (in Russian).
20. Nadyrova, Kh. G. 2010. In *Izvestiya KazGASU (News of the Kazan State University of Architecture and Engineering)* 1 (13), 29–35 (in Russian).
21. Singatulin, R. A. 2005. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 6. Saratov: "Nauchnaya kniga" Publ., 71–77 (in Russian).
22. Singatulin, R. A. 2013. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Vostochno-evropeyskoy stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10. Saratov: Saratov State University Publ., 32–38 (in Russian).
23. Singatulin, R. A. 2014. In *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical and law sciences and study of art. Theory and practice issues)* 9 (47), 149–151 (in Russian).
24. Singatulin, R. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 273–284 (in Russian).
25. Singatulin, R. A., Plotnikov, P. K., Ramzaev, A. P. 2001. In Peshekhonov, V. G. (ed.). *VIII Sankt-Peterburgskaya mezhd. konf. po integrirovannym navigatsionnym sistemam (8th Saint Petersburg International Conference on Integrated Navigation Systems)*. Saint Petersburg: "Elektropribor" Publ., 133–135 (in Russian).
26. Chibryakov, Ya. Yu. 2012. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Geodeziya i aerofotos"emka (Izvestia Vuzov. Geodesy and Aerophotosurveying)* 3, 64–70 (in Russian).
27. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Cities in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
28. Khrenov, N. N., Egurtsov, S. A. 1996. *Primenenie aerokosmicheskikh metodov dlya diagnostiki truboprovodnykh geotekhnicheskikh sistem i monitoringa okruzhayushchey sredy (Application of aerospace methods for diagnostics of pipeline geotechnical systems and environmental monitoring)*. Moscow: „Gazprom" Publ. (in Russian).
29. Sheshnev, A. S. 2012. *Antropogennye otlozheniya i formy rel'efa gorodskikh territoriy: formirovanie, razvitie, geoekologicheskaya rol' (na primere Saratova) (Anthropogenic deposits and landforms of urban areas: formation, development, geoecological role (on the example of Saratov))*. Saratov: Saratov State Technical University Publ. (in Russian).
30. Yargina, Z. N., Kositskiy, Ya. V., Vladimirov, V. V. et. al. 1986. *Osnovy teorii gradostroitel'stva: Ucheb. dlya arkhit. spets. Vuzov (Fundamentals of urban planning theory)*. Moscow: "Stroyizdat" Publ. (in Russian).
31. Ablyazov, K. 2015. *Logistic of Trade Routes of the Golden Horde: Effective Adaptive System with Feedback*. New York: Nova Science Publishers Inc.
32. Bickler, S. H. 2021. In *Advances in Archaeological Practice* 9 (2), 186–191.
33. Loog, L, Larson, G. 2020. In Richards, M. P., Britton, K. (eds.). *Archaeological Science: An Introduction*. Cambridge University Press, 13–34.
34. Singatulin, R. A. 2018. In *Computer science and information technology. Materials of the International Scientific Conference*, 363–365.
35. Torres, M., Cantú, F. 2022. In *Political Analysis* 30 (1), 113–131.
36. Wasserman, S., Faust, K. 1994. In *Social Network Analysis: Methods and Applications. Structural Analysis in the Social Sciences*. Cambridge University Press, 3–27.
37. Zhu, Q., Luo, J. 2022. In *Proceedings of the Design Society* 2, 1825–1834.
38. Zimmer-Dauphinee, J., VanValkenburgh, P., Wernke, S. A. 2024. In *Antiquity* 98 (397), 245–259.

About the Author:

Singatulin Rustam A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Information Technology Laboratory. Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Astrakhan Str., 83, Saratov, 410012, Russian Federation; labsgu@mail.ru

Статья принята в номер 16.07.2024 г.

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.80.86

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ И БОЛГАРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ КАК МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2025 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются металлические зеркала, обнаруженные в Волжской Болгарии и Болгарской области Золотой Орды. Находятся они в фондах музеев Татарстана и личных коллекциях. Изучено 778 экземпляров металлических зеркал. Часть из них сохранилась полностью, часть артефактов – в виде фрагментов. Все они изготовлены из сплава цветных металлов. Автор в исследовании опирался на разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым классификацию средневековых металлических зеркал с дополнениями, основанную на сюжетах изображений на зеркалах. Отделы, в которые объединены зеркала по этому принципу, обозначены буквами русского алфавита. Систематизация этих артефактов показала, что зеркала, где имеются изображения двух рыб, тюльпанов и так называемых «мудрецов», использовались населением рассматриваемого региона чаще всего. У всех этих изделий различные культурные истоки. Это Китай, Дальний Восток, Иран. Тем не менее данные сюжеты органично включились в ментальное болгарское пространство. Автор утверждает, что широкое, феноменальное распространение их в эпоху Золотой Орды не связано с мусульманской традицией. Основу их составило традиционное использование металлических зеркал кочевниками, которые находились на территории Волжской Болгарии в домонгольское время и составляли существенную часть населения Болгарской области в эпоху Золотой Орды. Также очень небольшая вероятность, что металлические зеркала, за исключением тиражирования небольшого количества популярных типов, изготавливались в Болгаре. Основная их часть импортировалась, включая фрагменты зеркал.

Ключевые слова: археология, металлические зеркала, Болгар, Золотая Орда, кочевники, болгары, Болгарская область Золотой Орды, Средневековье.

Металлические зеркала Среднего Поволжья привлекали внимание исследователей еще в начале XIX в., однако научный подход к этой категории артефактов проявился только в XX столетии. В середине 1960-х гг. в археологии Восточной Европы типологическую классификацию металлических средневековых зеркал из кочевнических захоронений разработал Г.А. Федоров-Давыдов. В основе её – изображения на оборотной стороне зеркал (Федоров-Давыдов, 1966). Эта систематизация, с определёнными коррективами, используется во многих исследованиях и по сей день (Кригер, 2012, с. 33–35; Иванов, Кригер, 1988; Руденко, 2004; Руденко, 2023, с. 33, 43–50). В 1990-х гг. был опубликован новый подход к типологии металлических зеркал эпохи Средневековья, основанный на форме бортика (Полякова, 1996, с 223). Данное исследование, с реконструкциями орнаментальных мотивов, и сейчас является одним из проработанных и детальных по этой теме. Как источник Г.Ф. Полякова использовала обширную коллекцию целых и фрагментированных зеркал из сборов и раскопок Болгарского городища (879 экз.), хранящуюся в Казани (Национальный музей Татарстана) и Москве (ГИМ). Наиболее представительное собрание артефактов с этого памятника, которое привлекла для исследования Галина Федоровна, – это Национальный музей Татарстана. Отдельно, как индивидуальное собрание, этот материал в своем исследовании она не рассматривала, что было компенсировано общим обзором средневековых зеркал из Национального музея в статье К.А. Руденко (Руденко, 2004). Благодаря масштабным раскопкам последнего десятилетия стремительно

накапливается материала такого рода в фондах Болгарского музея-заповедника (БГИАМЗ).

Еще одним солидным исследованием средневековых металлических зеркал является монография Е.П. Мыськова, где он детально рассматривает эти артефакты из захоронений кочевников Волго-Донских степей эпохи Золотой Орды, обобщив огромный раскопочный материал, накопленный за вторую половину XX в. (Мыськов, 2015, с. 81–110). Важной для изучения средневековых металлических зеркал Южной и Восточной Сибири является публикация коллекции таких артефактов с археологических памятников Алтая с полным археологическим контекстом и анализами состава металла (Тишкин, Серегин, 2011).

Стоит добавить, что для анализа металлических зеркал Казанского Поволжья имеется сравнительный материал – например, систематизированное описание зеркал из Укека (Недашковский, 2000, с. 48–67). В большинстве своем, если речь идет о дальневосточных зеркалах, ученые опираются на исследование коллекции зеркал из Минусинской котловины, проведенное Е.И. Лубо-Лесниченко (Лубо-Лесниченко, 1975).

Обычно исследование этой категории артефактов сводится к поиску аналогий и выявлении культурных истоков тех или иных групп зеркал. Это направление перспективно. Учитывая существенный рост как самих находок, так и публикаций по этой теме, как отечественных, так и зарубежных, актуальность такого рода исследований становится очевидной. Это, например, показало изучение распространенных типов оригинальных китайских и чжурчженьских изделий, их периферийных вариантов, а также местных копий, обнаруженных в Среднем Поволжье, преимущественно на Болгарском городище. Всего было учтено 47 экз. таких изделий, что составило 6% от общего числа включенных в классификацию артефактов (Руденко, 2023, с. 52–97).

В целом нами систематизировано 778 экз. металлических зеркал из музеев Татарстана и частных коллекций (Руденко, 2023, с. 98). Однако количество учтенных нами экземпляров зеркал, целых, но чаще в фрагментах, с территории Ульяновского, Самарского Поволжья, Посурья и Прикамья насчитывает более 1500 единиц.

Вместе с тем источниковедческий потенциал металлических зеркал не ограничивается только атрибутивным аспектом. Их можно рассматривать в междисциплинарном формате, привлекая, например, данные состава металла зеркал. Не менее важно их изучение в этнокультурном плане как своего рода межкультурного феномена. В чем суть такой постановки вопроса. Очевидно, что такой артефакт, как металлическое зеркало, связан с определенным культурным кодом. Внедрение его искусственным путем возможно только в исключительных случаях. Как пример можно привести массовое использование зеркал в быту как сельского, так и городского населения Болгарской области Золотой Орды, хотя до монгольского нашествия их в Волжской Болгарии было немного. Очевидно, что это было следствием смены культурных парадигм у покоренного местного населения, а также заселением части болгарских земель кочевниками – носителями новых традиций. Трансплантация этой культурной инновации без какой-либо основы была бы невозможна.

Вариантов объяснения последнего тезиса несколько. Первый – заимствование болгарами-мусульманами металлических зеркал было подготовлено фактом бытования аналогичных артефактов в мусульманском мире, только иного дизайна. Второе – наличие групп населения (кочевников-по-

ловцев), проживавших на территории Волжской Болгарии в домонгольское время, которые уже ими пользовались. Третье – социальная или статусная мода на такие изделия в эпоху Золотой Орды.

Возникает закономерный вопрос, сами болгары когда-либо в домонгольский период использовали ли металлические зеркала. Если обратиться к раннеболгарскому языческому периоду, то окажется, что находки таких артефактов в захоронениях самых крупных могильников VIII–X в. – Танкеевского и Большетарханского – единичны и не являлись обязательной частью погребального ритуала болгар (Руденко, 2019, с. 176, 177). Причем, казалось бы, постоянно приводимые прямые параллели раннеболгарских материалов с салтовскими древностями, где зеркала являются очень распространенной категорией погребального инвентаря (Плетнева, 1967, рис. 36, 37; Плетнева, 1989, с. 98, 100–104, рис. 49; 51–53), здесь не проявляются. Имеющиеся экземпляры относятся к иному кругу изделий, за исключением двух миниатюрных зеркал-амулетов, но не из раннеболгарских могильников, а из сборов с территории Болгарского городища (Руденко, 2004, с. 136, рис. 1: *3*). Пока не обнаружены они в большом количестве на болгарских поселениях домонгольского времени. Впрочем, полностью исключать их из материальной культуры Волжской Болгарии XI–XII вв. нет оснований. Это связано с относительно небольшой изученностью болгарских селищ и многослойностью большинства городищ, подвергшихся масштабным исследованиям, где встречаются артефакты X–XIV вв. А поселения южной периферии Волжской Болгарии, на пограничье с землями кочевников, практически не раскапывались. Вместе с тем находки фрагментов металлических зеркал на домонгольских поселениях известны. Это, например, Старокуйбышевское IV селище и городище, Лаишевское селище, Семеновский археологический комплекс.

Несмотря на популярность металлических зеркал в странах мусульманского Востока, в болгарских древностях они не встречены. Даже если допустить такую возможность, то в Болгарию в домонгольское время они попадали в очень ограниченном количестве. «Мусульманские» зеркала стали бытовать в Болгарской области Золотой Орды уже в ордынское время. Привозились они, вероятно, из Хорезма и из Хулагуидского Ирана. Они, как правило, довольно крупные по размерам: диаметр в среднем 15–18 см; популярнейший мотив – т. н. «гон животных» (Руденко, 2023, с. 48, табл. IV, *6*, отдел Ч). Использовались они, как правило, стационарно, на специальных подставках.

Факт присутствия кочевников: гузов, половцев, возможно, печенегов – на территории Волжской Болгарии в домонгольское время можно считать доказанным. Они проживали как в сельской местности, так и в городах, например в Биляре, возможно в Болгаре. Об этом, в частности, свидетельствуют находки лазуритовых украшений – бус и подвесок (Руденко, 2014), птицевидных нашивок, каплевидных привесок и т. п., характерных для кочевнических древностей домонгольского времени (Круглов и др., 2024, рис. 19–21). Помимо этого, такие влияния определили и использование новых «степных» типов стремян и удил, а также ряда железных наконечников стрел, не встречавшихся ранее. Кочевой элемент в болгарской материальной культуре существенно возрос в первой трети XIII в. Таким образом, использование зеркал какой-то частью болгарского населения в домонгольский период закономерно. К ним относятся зеркала отдела Ж с крестовидно-арочным орнаментом (Руденко, 2023, с. 44, 46, табл. II, 17, 18, отдел

Ж). Они встречаются у кочевников как минимум с XI в. Бытуют они и в ордынское время (Мыськов, 2015, 89, табл. XI? Отдел БII). Также бытовали зеркала отдела А – без орнамента, с имитационными ручками и без них. Датировать их сложно, поскольку время бытования таких изделий охватывает как домонгольский, так и ордынский периоды.

В эпоху Золотой Орды металлические зеркала были частью бытовой и погребальной культуры кочевого населения, проживавшего на территории Болгарской области Золотой Орды со второй половины XIII и до начала XV в. В городской среде владельцы зеркал подчеркивали ими свой статус. Возможно, что это диктовалась требованиями к социальным маркерам со стороны монгольской администрации. Вопрос этот мало разработан и требует дальнейшего изучения.

В этой связи закономерен вопрос о месте производства зеркал в Болгарской области Золотой Орды. Г.Ф. Полякова, касаясь этого вопроса, отмечала, что часть зеркал местного производства, указывая, например, на зеркала с драконами. Однако эта версия ошибочна. Даже судя по количеству находок таких зеркал, символика эта не нашла спроса у болгар. Аналогичная ситуация и с изображением фениксов. Другим аргументом Галины Федоровны служили находки в Болгаре литейных форм для отливок зеркал. Их немного. В основном это формы для изготовления зеркал небольшого диаметра – около 4–5 см в диаметре, без орнамента. Еще несколько фрагментов каменных литейных форм были предназначены для отливки малораспространенных типов таких артефактов. Больше оснований считать, что копировали зеркала путем отливки в опоке. Главным вопросом в этом отношении является не сама литейная форма, а источник сырья для изготовления таких предметов. На болгарских землях нет месторождений полиметаллических руд, которые нужны для литья зеркал, а состав зеркального слава достаточно специфичен и в зависимости от ситуации, профессиональных знаний и навыков мог варьироваться.

Очевидно, что бóльшая часть металлических зеркал в Болгарской области была импортной. Более того, исходя из характера имеющегося материала, можно предположить, что в Болгар импортировали и фрагменты зеркал, а также производился сбор лома этих изделий у населения для использования их в качестве легирующей добавки для производства предметов из цветного металла. Тем не менее идея о том, что Волжская Болгария была главным производителем металлических зеркал в ордынское время, сохраняется в литературе (Кригер, 2012, с. 34, 35).

Рассмотрев предпосылки феномена «болгарских» зеркал как явления культуры, обратим внимание на те группы артефактов, которые были наиболее массовыми и вариабельными. Если взять статистику учтенных экземпляров, то наиболее массовые по количеству единиц это зеркала отдела А (неорнаментированные) – 186 экз., 24% от общего числа учтенных находок, Б (с геометрическим рисунком) – 43 экз., 5,5%; Ж (арочный орнамент) – 39 экз., 5%; К (с изображением т. н. «мудрецов») – 62 экз., 8%; Н (с изображением пары рыб) – 54 экз., 7%; Ц (с изображением цветов (тюльпанов)) – 49 экз., 6,2%; Ш (с изображением пары сфинксов) – 43 экз., 5,5%.

По количеству вторыми после отдела А выступают зеркала отдела К, на обратной стороне которых имеются аморфные выступающие бугорки, расположенные по кругу и напоминающие сидячие антропоморфные фигуры, получившие наименование «мудрецов». Установить изначальный сюжет зеркал этого отдела уже

практически невозможно, поскольку сохранившиеся изделия, в основном целые формы, имеют очень нечеткий рисунок из-за многочисленных копирований. По сути, на момент копирования это исключительно декоративный мотив, без выраженной семантической нагрузки (Руденко, 2023, с. 98). Такая ситуация с распространением зеркал характерна как для болгарских поселений, золотоордынских нижневолжских городищ, так и погребений ордынских кочевников.

Еще один такой же устойчивый сюжет – изображение тюльпанов, покрывающих полностью поверхность обратной стороны зеркал. В коллекции есть фрагменты достаточно крупных экземпляров с широким объемным бортиком и очень четким рисунком, очевидно от оригинального изделия. Но большая часть худшего качества со стершимся изображением и вертикальным тонким бортиком. Последние чаще всего и обнаруживаются как на поселениях, так и в кочевнических захоронениях. Бытуют они до начала XV в. Скорее всего, они явились результатом культурного симбиоза, о котором писала специалист в этой области Ю. Кадои (Руденко, 2023, с. 100, 101).

Другая ситуация с чжурчженьско-китайским сюжетом с парными рыбами. В Болгарской области Золотой Орды он воспроизводился достаточно стандартно, как правило в сунском варианте. А в кочевнических древностях вариативность этого сюжета очень высока – от достаточно реалистической переработки вида рыб до совершенной стилизации, где рыбы угадываются не особо явно (Руденко, 2015, с. 143, рис. 2;3).

Еще один пример связан с зеркалами с изображением парных сфинксов (Руденко, Оборин, 2017). В отличие от множества таких зеркал в Иране, Центральной и Малой Азии, где они датируются XI–XIV вв., у болгар в XIV в. преобладал вариант этого сюжета в т. н. «седьджукской» версии при сохранении общей композиции и благопожелательной надписи (Руденко, 2023, с. 99–106).

Исходя из анализа болгарских зеркал XI–XIV вв. можно констатировать, что их распространение не связано с мусульманской традицией. Более вероятно, что это воздействие степного мира кочевников, сначала в домонгольское время в лице половцев, а после завоевания – нижневолжских кочевников, в том числе и тех, кто осел в пределах Болгарской области Золотой Орды. Популярность той или иной сюжетики на болгарских металлических зеркалах либо связана с семантикой изображения, как, например, цветочный мотив – тюльпаны, либо же с каким-то своим осмыслением его, как изображение пары рыб, либо это устойчивый элемент дизайна. Экзотические сюжеты типа драконов, фениксов, сфинксов находили малый отклик у потребителей в Болгаре, отсюда и отсутствие производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

2. *Кригер В.А.* Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: Евразийский союз ученых, 2012. 200 с.

3. *Круглов Е.В. Котеньков С.А., Тимофеев А.А., Соловьёв Д.С.* Огузы в Нижнем Поволжье в середине X – начале XI в. (по материалам работ археологической экспедиции Астраханского государственного педагогического института в 1981 и 1984 годах) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 17 / Ред. Ю.А. Прокопенко, С.Н. Малахова. Ставрополь: Печатный Двор, 2024. С. 159–224.

4. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 170 с.

5. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

6. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

7. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

8. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.

9. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.

10. Руденко К.А. Украшения из лазурита XI–XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии. Сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.И. Соенова / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. № 7 (19). С. 224–244.

11. Руденко К.А. Трансформация китайских и чжурчженьских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды (сюжет с рыбами) // Средневековые древности Приморья / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 135–152.

12. Руденко К.А. Металлические зеркала хазарского времени из погребальных памятников Среднего Поволжья // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова / Ред. Е.В. Круглов, А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина. Волгоград: Сфера, 2019. С. 174–180.

13. Руденко К.А. Булгар и Великий шелковый путь (металлические зеркала). Казань: Школа, 2023. 196 с.

14. Руденко К.А., Оборин Ю.В. Зеркала с фантастическими животными из Булгара и их аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. № 8 (20) / Отв. ред. В.Е. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. С. 143–159.

15. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

16. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

METAL MIRRORS OF THE VOLGA BOLGARIA AND THE BOLGAR REGION OF THE GOLDEN HORDE AS AN INTERCULTURAL PHENOMENON

K.A. Rudenko

The article deals with the metal mirrors, found in the Volga Bolgaria and the Bolgar region of the Golden Horde. They are kept in the funds of Tatarstan museums and personal collections. 778 pieces of metal mirrors have been studied. Some of them have been preserved fully, some of the artifacts are in the form of fragments. All of them are made of non-ferrous metal alloy. The author in his study relied on the classification of medieval metal mirrors, developed by G.A. Fedorov-Davydov, with additions based on the subjects of the images on the mirrors. The groups into which mirrors are combined according to this principle are indicated by letters of the Russian alphabet. The systematization of these artifacts showed that mirrors with images of two fishes, tulips, and the so-called "wise men" were used most often by the population of the region under consideration. All of these products have different cultural origins: China, the Far East, Iran. Nevertheless, these plots were organically included in the Bolgar mental space. The author claims that their widespread during the Golden Horde period is not associated with the Muslim tradition. They were based on the traditional use of metal mirrors by nomads who were on the territory of Volga Bolgaria in pre-Mongol times and made up a significant part of the population of the Bolgar region during the Golden Horde period. Also, there is a very unlikely that metal mirrors, except for the replication of a small number of popular types, were made in Bulgar. Most of them were imported, including fragments of mirrors.

Keywords: metal mirrors, Bolgar, Golden Horde, nomads, Bolgars, Bolgar region of the Golden Horde, Middle Ages.

REFERENCES

1. Ivanov, V. A., Kriger, V. A. 1988. Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) *(Barrows of the Kypchak Time in the Southern Urals (12th –14th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. Kriger, V. A. 2012. *Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredel'nykh territorii v srednie veka (X–XIV vv.) (Nomads of Western Kazakhstan and the Neighbouring Territories in the Middle Ages (10th –14th centuries))*. Ural'sk: “Evraziiskii soiuz uchenykh” Publ. (in Russian).

3. Kruglov, E. V. Koten'kov, S. A., Timofeev, A. A., Solov'ev, D. S. 2024. In Prokopenko Yu. A., Malakhova, S. N. (eds.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the North Caucasus peoples)* 17. Stavropol: “Pechatnyy Dvor” Publ., 159–224 (in Russian).

4. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1975. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri (Imported Mirrors of the Minusinsk Basin. The Issue of External Relations of the Ancient Population of South Siberia*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

5. Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: “RANKhiGS” Publ. (in Russian).

6. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

7. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul’tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology) 142. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

8. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

9. Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (12–13), 111–156 (in Russian).

10. Rudenko, K. A. 2014. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 19 (7). Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ., 224–244 (in Russian).

11. Rudenko, K. A. 2015. In Artem’eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor’ia (Medieval Antiquities of Primorye)*. Vladivostok: “Dal’nauka” Publ., 135–152 (in Russian).

12. Rudenko, K. A. 2019. In Kruglov, E. V. Lapshin, A. S., Lapshina, I. Yu. (eds.). *Arkheologiya kak zhizn'. Pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova (Archaeology as Life. In Memory of Evgeny Pavlovich Myskov)*. Volgograd: “Sfera” Publ., 174–180 (in Russian).

13. Rudenko, K. A. 2023. *Bulgar i Velikiy shelkovyy put' (metallicheskie zerkala) (Bulgar and the Great Silk Road (metal mirrors))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

14. Rudenko, K. A. 2013. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 8 (20). 143–159 (in Russian).

15. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta) (Metallic mirrors as sources for ancient and medieval history of Altay (on materials of Museum of archaeology and ethnology of Altay of Altay State University))*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).

16. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast’iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde’s Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State Institute of Culture, st. Orenburg tract, 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья принята в номер 22.07.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.87.99

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДУГОВЫЕ ВАРГАНЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОВОЛЖЬЕ

© 2025 г. О.В. Лопан, И.В. Волков

Все учтенные нами дуговые варганы золотоордынского Поволжья имеют корпус формы, которую ведущий специалист по европейским варганам Г. Коллтвейт охарактеризовал как «hairpin-shaped» (в форме шпильки для волос). Поволжские находки, вероятно, принадлежат к выделенному Г. Коллтвейтом типу Kuusisto, хотя не всегда мы располагаем их полными характеристиками для уверенной типологизации. Они датированы общими рамками 2-й пол. XIII – XIV в. (в одном случае XIV–XV вв.), а в двух случаях еще более узко – 2-й третью XIV в. К настоящему моменту уже ясно, что все самые ранние находки дуговых варганов происходят из Азии, где они датируются последними веками I-го тыс. н. э., и что именно инструменты в виде «шпильки» являются там самой древней формой дуговых варганов, которая продолжает существовать и во II-м тыс. н. э.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Поволжье, средневековые музыкальные инструменты, дуговые варганы.

Музыковеды-инструментоведы и этнографы выделяют две основные разновидности варганов: пластинчатые – с язычком, вырезанным на пластине, изготовленные как из органических материалов (кость, дерево, бамбук), так и из металла, и металлические дугообразные (дуговые) стержневые варганы с прикрепленным язычком (Галайская, 1973, с. 328; Яковлев, 2001, с. 169–171, рис. 13: 1–3; Варган, 1990, с. 95; Варган, 2006, с. 599). Корпус дугового варгана представляет собою изогнутую металлическую рамку, к основанию которой крепится язычок. Изгиб в основании корпуса инструмента обычно называют дугой, иногда – кольцом. Также бывает, что прямые концы инструмента именуют деками – как отмечает А.Н. Каменский, это название происходит из среды исполнителей варганной музыки и мастеров, занимающихся изготовлением варганов (Каменский, 2019, с. 178).

К наиболее ранним формам варганов, известных в Прикамье и Приуралье, принадлежат костяные и бронзовые пластинчатые инструменты, отдельные экземпляры которых появляются еще в 1-й пол. I тыс. н. э., а наибольшее распространение в регионе они получают в последней четв. I – 1-й четв. II тыс. н. э., встречаясь в том числе и на волжско-булгарских памятниках домонгольского времени (Казаков, 1977; Иванов, Голубкова, 1997; Емельянова, 2019; Моряхина, 2020). Лишь на одном памятнике домонгольского времени в регионе известна находка дугового железного варгана. Инструмент происходит из подъемного материала с береговой осыпи волжско-булгарского Остолоповского селища, расположенного на левобережье р. Камы в Алексеевском районе Республики Татарстан (Руденко, 2002, рис. 7: 40; Яковлев, 2007, с. 51, № 23). Этот варган с дугой подтреугольной формы будет подробно рассмотрен ниже.

Уже в последующий период железные дуговые кованые варганы становятся характерными для золотоордынского Поволжья, хотя их находки и составляют здесь значительную редкость. Отчасти этому способствует и то обстоятельство, что встреченные среди массового археологического железа обломки дуговых варганов не всегда бывают правильно идентифицированы. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что для идентификации изделий плохой сохранности и с отсутствующими язычками важную роль играет такой яркий

и легко заметный признак, как ромбовидное сечение концов.

Все находки дуговых железных кубызов в регионе происходят с памятников городского типа, преимущественно с крупных городищ, и лишь один варган был встречен на Хмелевском I селище, которое исследователь памятника Л.Ф. Недашковский характеризует как малый город (Материальная культура, 2024, с. 9, 18).

Обломок одного инструмента с корпусом формы, которую ведущий специалист по европейским варганам Г. Коллтвейт охарактеризовал как «hairpin-shaped» (в форме шпильки для волос), был найден в 2013 г. на раскопе CXCIV в юго-восточной части Болгарского городища при исследовании остатков каменного здания, расположенного к югу от Ханской усыпальницы и Малого минарета (рис. 1: 2). На участке были прослежены археологические напластования и комплексы золотоордынского времени, относящиеся к нескольким строительным периодам (Волков и др., 2023). Каменный дом с системой отопления в виде кана, судя по найденным монетам, был возведен здесь в 1340-х гг. Это здание функционировало до 1360-х гг.: младшая монета, связанная с этим сооружением, – пул хана Хызра с надчеканкой. Варган был встречен в заполнении предпечной ямы кана каменного здания (яма 16, кан № 1). Обломок (длиною 57 мм) дугового железного варгана пребывал в агрессивной для металла среде – заполнение ямы содержало большое количество извести из развала стен здания, поэтому инструмент насквозь корродирован и мощная ржавчина, в которую оказались включены комочки извести и кусочки дерева, искажает его истинные размеры. Язычок и концы варгана буквально скипелись вместе – лишь видимые на изломе внешние скосы граней на «деках» показывают, что в этом месте инструмент некогда имел ромбовидное сечение.

Дуговой железный кованый варган с корпусом аналогичной формы был найден на правобережье Волги, в Горномарийском районе Республики Марий Эл, при раскопках в 1983 г. на Важнагерском (Мало-Сундырском) городище XIV–XV вв. (Никитина, Михеева, 2006, с. 132, рис. 59) (рис. 1: 4).

Похожий железный инструмент (длиною 8,6 см) происходит с Водянского городища, где он был встречен в яме, содержавшей монеты 30–50-х гг. XIV в. (Лапшин, Мыськов, 2013, с. 83–84, рис. 105: 9; табл. 9: № 62–65) (рис. 1: 3). Язычок отсутствовал, и в публикации инструмент не был атрибутирован, но характерная форма корпуса и ромбовидное сечение концов исключают сомнения.

Еще более крупных размеров (10 см) железный варган с корпусом-«шпилькой», упомянутый выше, происходит из сборов, произведенных Л.Ф. Недашковским на золотоордынском Хмелевском I селище (Материальная культура, 2024, с. 50, рис. 17: 4; Госкаталог РФ, № 10433590) (рис. 1: 5).

Подобной же формы железный кованый кубыз также был найден в 2018 г. на раскопе CCXXXI в центральной части Болгара, в яме-погребе, заполнение которой включало как поздние материалы русского села (в т. ч. донышко стеклянной бутыли с обозначенной на нем датой «1863»), так и переотложенные предметы золотоордынского времени (рис. 1: 1). Авторы выражают признательность руководителю работ А.В. Беляеву за предоставленную возможность использовать материалы из его раскопок. Варган с раскопа CCXXXI имеет длину 7,2 см при максимальном расширении корпуса до 1,8 см в месте его изгиба. Ширина пластинчатого язычка составляет около 5 мм. Сход-

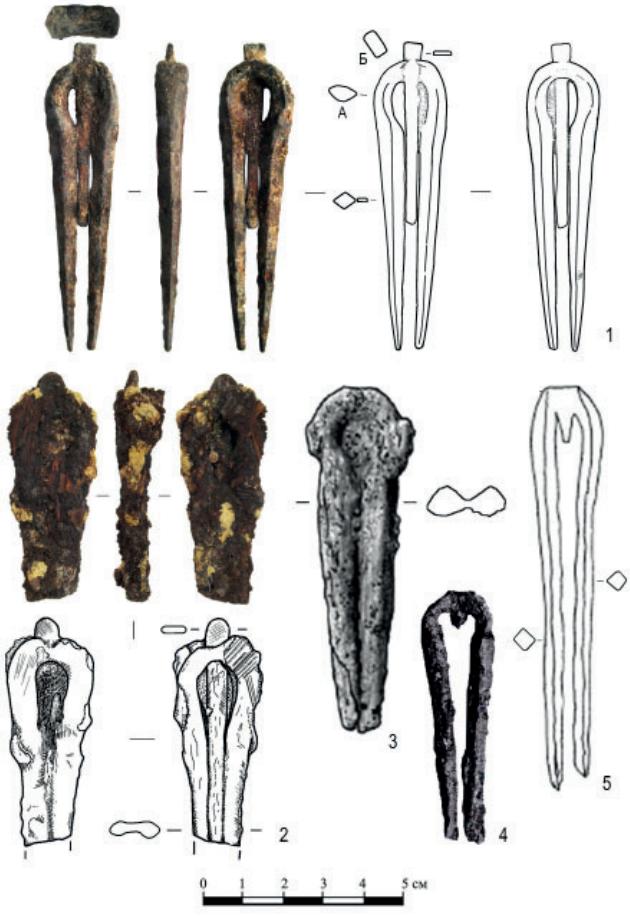


Рис. 1. Железные дуговые варганы с территории Поволжья:
1 – Болгарское городище, раскоп CCXXXI на (руководитель работ А.В. Беляев); 2 – Болгарское городище, раскоп CXCIV; 3 – Водянское городище (по: Лапшин, Мыськов, 2013); 4 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище (по: Никитина, Михеева, 2006); 5 – Хмелевское I селище (по: Недашковский и др., 2024).

Fig. 1. Iron arc harps from the territory of the Volga region.

ство этого инструмента с поволжскими варганами XIV в., найденными на раскопе CXCIV в Болгаре и на Водянском городище, а также с кубызами золотоордынского времени, происходящими с Хмелевского I селища и с Важнагерского городища, позволяет относить варган с раскопа CCXXXI к этому же периоду. Язычок инструмента был закреплен ковкой. В этой связи здесь следует сделать отступление о том, что Г. Коллтвейт выделяет два способа крепления язычков – ковкой и клином (Kolltveit, 2006, fig. 2.11, p. 28). При использовании способа «ковкой» на лицевой поверхности верхней части дуги делался паз, куда вкладывался язычок; а затем края паза проковывались с «напуском» металла на язычок, и в результате в этом месте на дуге присутствует характерное углубление.

Два подобных варгана известны на Руси. Очень крупный (10,7 см) инструмент с закрепленным ковкой язычком найден в переотложенном слое на Ростиславльском городище в Поочье (Коваль, 2011, т. I, л. 11–13; т. II, илл. 322: 51; Госкаталог РФ, № 13137529), а другой происходит с подмосковного селища Мякинино-1, из ямы XIII–XIV вв. (Энговатова, Коваль, 2004, т. 1, л. 124; т. 2, л. 238: 47; Госкаталог РФ, № 44023814).

Оба кубыза из Болгара, варган с Хмелевского I селища и инструменты с Водянского, Важнагерского и Ростиславльского городищ имеют корпусы формы «hairpin-shaped» и более всего напоминают инструменты типа

Kuusisto по типологии Г. Коллтвейта (Kolltveit, 2006, fig. 3.16, 3.30, p. 61–62), хотя в ряде случаев из-за отсутствия сечений на иллюстрациях или же по фотографиям невозможно установить такие признаки типа, как форма сечения дуги и способ закрепления язычка.

Кубыз с раскопа ССХХХI может быть безоговорочно отнесен к типу Kuusisto: он имеет характерную для данного типа уплощенно-шестиугольную форму поперечного сечения дуги (hexagonal A, по терминологии Г. Коллтвейта) (Kolltveit, 2006, fig. 3.2), а его язычок закреплен на дуге ковкой (рис. 1: 1). Насколько можно судить по фотографиям, уплощенно-шестиугольное сечение дуги имеет также варган с Ростиславльского городища.

Здесь придется сделать отступление, касающееся такого важного для типологии Г. Коллтвейта признака, как форма поперечного сечения дуги, которая, по сути, отражает последовательность операций при изготовлении варгана. Конкретно в случае с инструментами типа Kuusisto сначала выковывался четырехгранный стержень (основа рамки), после чего его центр (в месте будущей дуги) расковывался до уплощенного состояния, что и давало характерную для варганов данного типа уплощенно-шестиугольную форму ее сечения, а затем стержень сгибался, образуя тело инструмента. Закрепление же язычка методом ковки приводило к очередному изменению формы сечения дуги в месте крепления язычка и около него, где она могла существенно отличаться от формы сечения дуги ниже. Эти различия формы сечения дуги в разных ее местах хорошо видны на примере варгана с раскопа ССХХХI в Болгаре, где А – уплощенно-шестиугольное сечение, отражающее собственно форму дуги (рис. 1: 1, А), и Б – подпрямоугольное сечение, отражающее последующую деформацию дуги при закреплении язычка ковкой (рис. 1: 1, Б). По этой причине Г. Коллтвейт подчеркивает, что наилучшее место для фиксации реальной формы поперечного сечения варганных дуг располагается на боковых сторонах дуги – «на полпути» между точкой крепления язычка и началом дек (Kolltveit, 2006, p. 43–44) (рис. 1: 1, А).

Таким образом, можно констатировать, что для золотоордынского Поволжья характерны кубызы в форме «шпильки» – находки инструментов с дугами иной формы в данный период здесь пока нам не известны.

На территории Древней Руси варганы формы «hairpin-shaped» встречаются реже. Корпусом близким к «шпильке» обладает датированный XIV в. варган с Кировского раскопа в Новгороде, но этот инструмент выделяется по ряду уникальных характеристик и был отнесен Г. Коллтвейтом к не типологизируемым (Колчин, 1979, с. 186–187; Колчин, Рыбина, 1982, с. 232–233, рис. 47; Kolltveit, 2006, p. 62, p. 169, fig. 3.31; № 295; Каменский, 2019, с. 180, рис. 1: 8). Что же касается находки варгана из Ростиславля Рязанского, следует отметить, что на памятнике встречено значительное количество золотоордынских импортов, что позволило В.Ю. Ковалю предполагать присутствие в городе представителей золотоордынской администрации (Коваль, 2022). В подобном контексте находку варгана, характерного для золотоордынского Поволжья облика, даже несмотря на то, что инструмент был встречен в переотложенном слое, вполне вероятно, можно рассматривать в качестве импорта с территории Золотой Орды. На подмосковном селище Мякинино-1, откуда происходит аналогичный варган из ямы, которую авторы раскопок относят к XIII–XIV вв., было также встречено некоторое число предметов золотоордынского происхождения, в

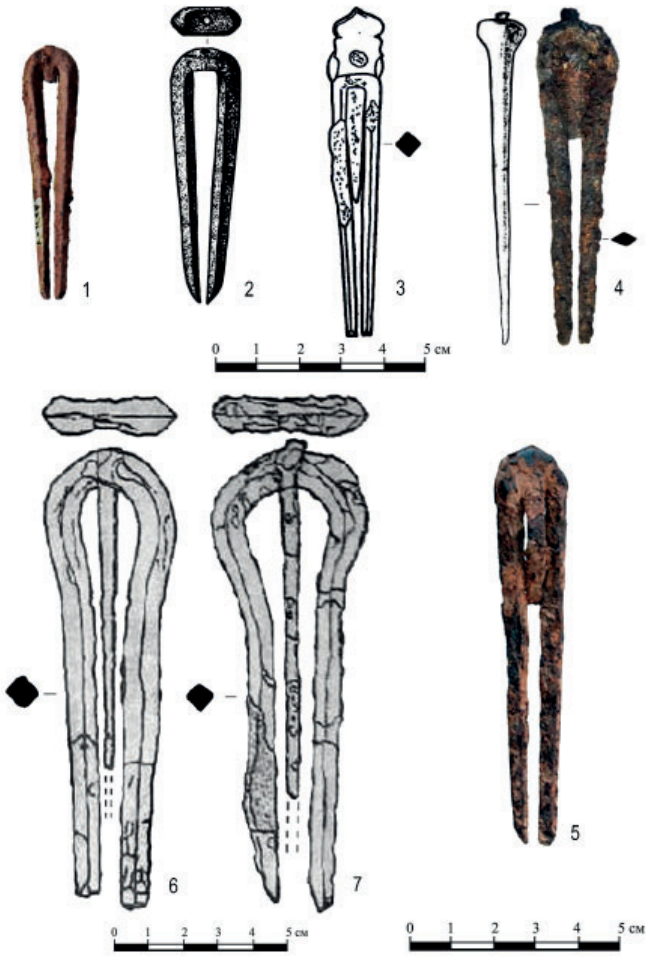


Рис. 2. Железные (1, 3–7) и бронзовый (2) дуговые варганы из Азии: 1 – городище Адрианов ключ (по: Лещенко, Прокопец, 2015); 2 – Шайгинское городище (по: Шавкунов, 1989; 1990); 3 – Есаульская курганная группа (по: Кузнецов, 2005); 4 – Николаевское-I городище (по: Лещенко, Прокопец, 2015); 5 – Смольнинское городище (по: Лещенко, Прокопец, 2015); 6, 7 – г. Омия, храм Хикава (по: Тадагава, 1996).

Fig. 2. Iron (1, 3–7) and bronze (2) arc harps from Asia.

том числе и найденный поблизости от ямы железный уздечный султанодержатель (Энговатова, Коваль, 2004, т. 1, л. 124; т. 2, л. 238: 47; 213: 33; 214: 57; 237: 26; 246: 41, 45, 46).

Самые общие рамки бытования варганов-«шпилек» в Поволжье могут быть пока ограничены 2-й пол. XIII – XIV в., допуская в качестве верхней границы XV в. (Важнагерское городище), но находки инструментов, имеющих узкие датировки по контексту обнаружения, относятся ко 2-й трети XIV в. (Болгарское городище, раскоп CXCIV; Водянское городище). В свою очередь, в Зарубежной Европе самые ранние находки варганов типа Kuusisto имеют интервальные датировки 1150–1350 гг. и 1270– 1350 гг. (Kolltveit, 2006, p. 62, № 613, 614, 637, 638, 222). Еще один нетипологизированный инструмент из Швеции (Уппсала) с корпусом-«шпилькой» датируется XIII в. (Kolltveit, 2006, p. 62, fig. 3.31.A, № 122). Достоверный же период распространения варганов типа Kuusisto, согласно типо-хронологической схеме Г. Коллтвейта, охватывает XIV–XV вв., а самая поздняя находка из Финляндии датируется концом XV – нач. XVI в. (Kolltveit, 2006, fig. 3.16, p. 62; № 287).

В качестве наиболее вероятного объяснения появления дуговых варганов в Европе такие исследователи, как М. Райт и Г. Коллтвейт, рассматривали возможность их проникновения из Азии (Wright, 2004, p. 54; Kolltveit,

2006, p. 36–37, 81–82). Г. Коллтвейт в качестве одного из решающих аргументов ссылается также на находки двух инструментов X в. из г. Омия в Японии, информация о которых уже была известна к тому моменту (Kolltveit, 2006, p. 37; Тадагава, 1996). К настоящему же времени имеется уже значительный ряд датированных находок, которые показывают, что наиболее ранние экземпляры дуговых варганов представлены металлическими инструментами с корпусом шпилькообразной формы – все они происходят из Азии и относятся к последним векам I тыс. н. э. или к первым векам тысячелетия следующего.

Варганы с корпусом в форме «шпильки» встречены на средневековых памятниках Приморья: на многослойном Николаевском-I городище (в публикации находка отнесена к бохайскому времени – VIII–X вв.) (Лещенко, Прокопец, 2015, с. 224, 233) (рис. 2: 4) и на Смольнинском городище IX–XI вв. (В.Э. Шавкунов полагает, что датировать смольнинскую культуру следует VIII–XI вв.) (Лещенко, Прокопец, 2015, с. 225, табл. I: 1; II:1; Шавкунов, 2015) (рис. 2: 5), а также на Шайгинском чжурчжэньском городище XII – нач. XIII в., где был найден бронзовый варган (Шавкунов, 1989, рис. 7; 1990, табл. 52: 3; Шавкунов, 2015, с. 88; Лещенко, Прокопец, с. 225) (рис. 2: 2).

Вполне вероятно, что дуговые варганы в Приморье могли появиться еще ранее – к этому подводит находка железного инструмента с корпусом-«шпилькой» при шурфовке на городище Адрианов ключ (Лещенко, Прокопец, 2015, с. 225, табл. II: 2) (рис. 2: 1). Однако датировка памятника только мохэским временем (V–VI вв.) носит предварительный характер, и имеется мнение, что городище могло продолжить существовать и позднее, учитывая встреченные здесь изделия из железа, что, как подчеркивают Н.В. Лещенко и Н.Д. Прокопец, «… является редкостью для памятников мохэской культуры…» (Лещенко, Прокопец, 2015, с. 225).

За пределами Приморского региона самая ранняя находка дугового варгана происходит из погребения 1 кургана 2 Есаульской курганной группы (Новокузнецкий р-н Кемеровской обл.). Здесь был встречен необычный варган с корпусом-«шпилькой» и со скрепленной с язычком оригинальной фигурной пластиной (Кузнецов, 2005, рис. 9: 1) (рис. 2: 3). Н.А. Кузнецов относит погребения Есаульской курганной группы к кемеровскому варианту верхнеобской культуры на ее заключительном юрт-акбалыкском этапе и датирует их VIII–IX вв. (Кузнецов, 2005, с. 49, 55).

Сразу несколько дуговых варганов конца I тыс. н. э. происходит из Японии (префектуры Сайтама и Тиба). Два очень больших инструмента (12,4 см и 12,8 см) были встречены при раскопках вблизи храма Хикава в г. Омия, в комплексах, датируемых 1-й пол. X в. (рис. 2: 6, 7). Один из этих варганов имеет форму «шпильки», а у другого основание корпуса несколько более округло-расширенное (Тадагава, 1996, с. 27, 33; Tadagawa, 2021, с. 220). Оба инструмента, по мнению Л. Тадагавы, имеют местное происхождение (Tadagawa, 2021, с. 221). Позднее в той же префектуре Сайтама (г. Ханью) был выявлен еще один очень больших размеров (14,8 см) варган, имеющий «идентичную форму с находками из Омии», который по сопутствующей керамике датирован 1-й четв. X в. (Tadagawa, 2021, с. 220). В том же регионе (префектура Тиба) известен еще один столь же крупный инструмент (14,8 см), найденный в Кисарадзу (Tadagawa, 2021, с. 221), но найти изображения последних двух инструментов нам не удалось. Показательно, что древнейшие находки из Приморья и относящиеся к 1-й пол.

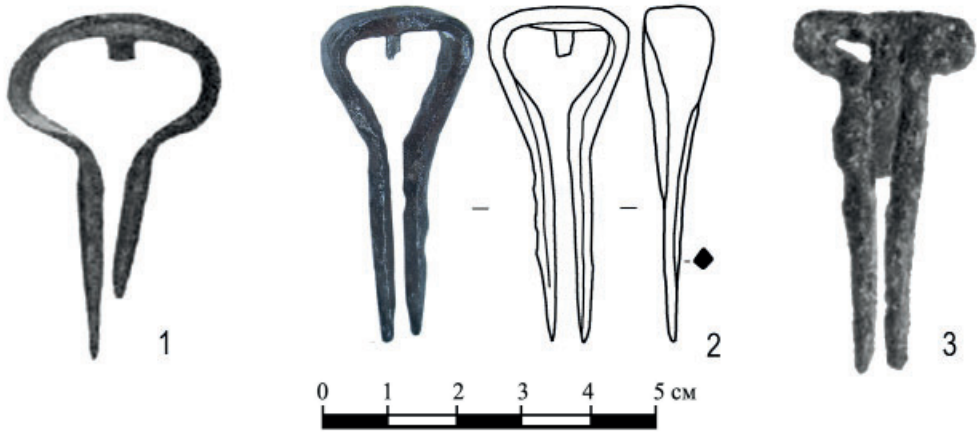


Рис. 3. Железные дуговые варганы с территории Восточной Европы:
1 – Екимауцкое городище (по: Федоров, 1954); 2 – Остолоповское селище (по: Руденко, 2002; Яковлев, 2007); 3 – Друцк (по: Алексеев, 1966).
Fig. 3. Iron arc harps from the territory of Eastern Europe.

X в. варганы из Омии имеют простую форму в виде шпильки или довольно близкую к ней. Существовавшие между Японией и государством Бохай дипломатические и торговые отношения, а также имевший место к IX в. культурный обмен между этими государствами (Асташенкова, Пискарева, 2016, с. 51) служат наиболее подходящим объяснением для появления дуговых варганов в Японии (Шейкин, 2002, с. 130; Tadagawa, 2021, с. 221).

На данном этапе изучения проблемы Приморский регион может претендовать на роль древнейшей зоны формирования дуговых варганов, а находка из Кемеровской области (Есаульская курганная группа) существенно расширяет границы раннего ареала. Вероятно, находку варгана из Есаульской курганной группы следует связывать с фиксируемым археологически продвижением на территорию верхнеобской культуры групп тюркских и тунгусо-маньчжурских племен (Плетнева, 2001, с. 42–43). Такие инструменты, как варганы с Николаевского-I городища и из Есаульской курганной группы, демонстрируют, что в VIII–IX вв. шел процесс активных экспериментов со способами крепления язычков к рамке (в том числе с применением дополнительных пластин), хотя сами корпусы инструментов имеют стабильную шпилькообразную форму. К сожалению, крайне ограниченной является информация о дуговых варганах Китая (Лещенко, Прокопец, 2015, с. 226), но, по сообщению коллеги из Пекина Чэнь Цзинцзин, в фондах Столичного музея дуговые варганы не представлены.

В свете описанных выше древнейших находок дуговых варганов из Азии мнение М. Райта и Г. Коллтвейта о проникновении варганов в Европу с востока выглядит вполне обоснованным. Также, на наш взгляд, старейшие азиатские находки служат весьма выразительным указанием на то, что древнейшей формой дуговых варганов являлись инструменты простой шпилькообразной формы. Тем не менее в Европе ситуация выглядит не столь прямолинейной: согласно типо-хронологической схеме Г. Коллтвейта, появлению здесь дуговых варганов-«шпилек» несколько предшествуют инструменты с дугами овальной и подтреугольной формы (Kolltveit, 2006, fig. 3.16). Наиболее

ранние находки инструментов типов Kransen и Horsens были рассмотрены в исследовании Г. Коллтвейта. Здесь же мы остановимся на нескольких не учтенных в его каталоге находках с территории Восточной Европы, тем более что датировки некоторых из них вызывают сомнения.

Не находит подтверждения ставшая почти археологической легендой информация о «варгане XII в. из Друцка» (Назина, 1979, с. 34; рис. 15; Поветкин, 1997, с. 185) (рис. 3: 3), поскольку прямых указаний на то, что данный варган следует относить именно к этому времени, в работах автора раскопок Л.В. Алексеева нам выявить не удалось (Алексеев, 1966, с. 161; Алексеев, 1973), а в его статье 2002 г., напротив, указано, что этот инструмент происходит из верхних слоев детинца, которые автор датирует XIV–XV вв. (Алексеев, 2002, рис. 7: 5). Последняя датировка для друцкого варгана выглядит абсолютно убедительной, поскольку согласуется также и с позицией Г. Коллтвейта, по оценкам которого основной период распространения инструментов типа Billingsgate с основанием корпуса в форме «узкого овала» (narrow oval) приходится на XIV в. (Kolltveit, 2006, p. 57).

Выше уже упоминался варган из подъемного материала с береговой осыпи (что снижает надежность даты) волжско-булгарского Остолоповского селища, материалы которого К.А. Руденко на основании нумизматических находок, радиоуглеродного анализа и по вещевым аналогиям отнес к XI–XII вв.: «после этого данное место не обживалось и не распахивалось, что сохранило сформировавшийся культурный слой без существенных повреждений» (Руденко, 2017, с. 296; Руденко, 2021). Этот небольшой (длиною 5 см) кованый железный инструмент имеет подтреугольную дугу уплощенного сечения (Руденко, 2002, рис. 7: 40; Яковлев, 2007, с. 51, № 23) (рис. 3: 2). Размерные характеристики и пропорции этого инструмента несколько отличаются от параметров, описанных Г. Коллтвейтом для старейшего типа средневековых европейских варганов с треугольной дугой, именуемого Kransen, самые ранние известные экземпляры которого датируются XIII веком (№ 417) и «примерно 1200 годом…, если верить датировке» (№ 612) (Kolltveit, 2006, p. 55–56). Варганы типа Kransen такого маленького размера крайне редки – обычная длина этих инструментов составляет 55–60 мм (Kolltveit, 2006, p. 56). Инструмент с Остолоповского селища имеет более узкую (всего 2 см в отличие от учтенных Г. Коллтвейтом варганов Kransen, чья ширина колеблется от 25 до 30 мм) и несколько более высокую дугу, за счет которой концы варгана более короткие и занимают менее 70% длины инструмента.

У представленного в Госкаталоге варгана с Мукмин-Каратаевского селища в Татарстане источник поступления не указан (Госкаталог РФ, № 10493879). Памятник официально не обследовался и, скорее всего, находки поступили в музей из частных сборов, что, наряду с наличием в этой коллекции ряда предметов золотоордынского времени, лишает заявленную на сайте датировку для варгана XI–XIII вв. достоверности.

В зале № 9 «Древнерусский город. XI – первая половина XIII в.» Государственного исторического музея экспонируется варган из Вщижа, разорение которого, отмеченное слоем пожарища, автор раскопок Б.А. Рыбаков связал с походом Батыя (Рыбаков, 1953). Этот кованый железный инструмент имеет закрепленный ковкой язычок и поперечно-овальную дугу уплощенного сечения (длина концов более 70%), что позволяет предполагать его принадлежность к типу Horsens, наиболее ранние находки экземпляров

которого в Зарубежной Европе датируются рубежом XII–XIII вв. и XIII – нач. XIV в. (Kolltveit, 2006, p. 59, № 493, 811, 508).

Нельзя обойти вниманием и, наверное, самый загадочный дуговой варган Европы со славянского Екимауцкого городища в Молдавии, которое автор раскопок Г.Б. Федоров датировал IX – 1-й пол. XI в. (Федоров, 1953, с. 138–139; Федоров, 1954, с. 18. рис. 7: 1) (рис. 3: 1). Найденный здесь инструмент совершенно не вписывается в хронологию типов Г. Коллтвейта, в каталоге которого этот варган представлен под № 301 (Kolltveit, 2006, p. 36). На значительный хронологический отрыв данного инструмента также обращал внимание А.Н. Каменский, указав в общих чертах, что «такая датировка совершенно выбивается из общей хронологии европейских варганов» (Каменский, 2019, с. 177). К сожалению, судить о форме екимауцкого варгана можно только по фотографии, которая сделана в специфичном ракурсе, несколько искажающем истинные пропорции предмета. Этот железный варган имеет основание корпуса в форме поперечного овала, который (даже если делать поправку на искажающий ракурс фотографии) выглядит довольно крупным в ширину, а также в высоту по отношению к концам, что, по наблюдениям Г. Коллтвейта, в общем не характерно для варганов ранее XV в. (Kolltveit, 2006, p. 53, fig. 3.11). В этой связи немаловажно и то, что Г. Коллтвейт, посвятивший более чем кто-либо сил изучению европейских варганов, отнес екимауцкий инструмент к нетипологизируемым и особо подчеркнул его сходство с этнографическим молдавским инструментом XX в., изображение которого также приведено в статье Г.Б. Федорова (Kolltveit, 2006, p. 36, № 301). Ситуация выглядит противоречивой настолько, что возникает соблазн предположить какое-то нарушение чистоты археологического контекста, но, по информации опубликованной Г.Б. Федоровым, инструмент был найден на полу постройки-полуземлянки (Федоров, 1953, с. 143; Федоров, 1963, с. 90). Поэтому пока остается лишь относиться к варгану с Екимауцкого городища как к некоему археологическому казусу, не имеющему внятных объяснений.

Объем сведений, которыми мы располагаем о ранних находках дуговых варганов как в Европе, так и в Азии, на данный момент весьма ограничен, но уже позволяет с уверенностью говорить о проникновении дуговых инструментов в Европу из Азии. Но если в Азии самые ранние известные инструменты имеют простую форму «hairpin-shaped» или очень близкую к ней, то у европейских инструментов наблюдается большее разнообразие форм варганных дуг уже на раннем этапе существования здесь этих инструментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии). М.: Наука, 1966. 296 с.
2. *Алексеев Л.В.* Старажытны Друцк // Помнікі гісторыіі культуры Беларусі. 1973. № 3. С. 16–22.
3. *Алексеев Л.В.* Друцк в XII – XVI вв. (общие вопросы истории памятника) // РА. 2002. № 2. С. 81–98.
4. *Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е.* Свидетельства контактов государства Бохай и Японии в раннем средневековье // Ойкумена. 2016. № 1. С. 50–56.
5. Варган // Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 95.
6. Варган // Большая Российская энциклопедия. Т. 4 / Отв. ред. С.Л. Кравец. М: Московские учебники и Картолитография, 2006. С. 599.

7. Вертков К.А., Благодатов Г.И., Язовицкая Э.Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР / Отв. ред. К.А. Вертков. М.: Музыка, 1975. 400 с.
8. Волков И.В., Лопан О.В., Ситдиков А.Г. Исследования на раскопе CXCIV в юго-восточной части Болгарского городища // Поволжская археология. 2023. № 2. С. 189–208.
9. Галайская Р. Варган у народов Советского союза (к вопросу об архаизмах в народном музыкальном инструментарии) // Проблемы музыкального фольклора народов СССР / Сост. и ред. И.И. Земцовский. М.: Музыка, 1973. С. 328–348.
10. Емельянова А.Ю. Находки варганов из Нижнебогатырского I поселения // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2(7). С. 49–54.
11. Иванов А.Г., Голубкова А.Н. Древние варганы Прикамья // Вестник Удмуртского университета. 1997. № 8. С. 93–107.
12. Казаков Е.П. Древние язычковые музыкальные инструменты Прикамья и Приуралья // СЭ. 1977. № 1. С. 107–109.
13. Каменский А.Н. Варганы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXII научной конференции, посвященной памяти Н.Н. Гринева. Вып. 32 / Отв. ред. Е.Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2019. С. 176–184.
14. Коваль В.Ю. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2011 году // Архив ИА РАН. Р-1, №№ 29889, 29890.
15. Коваль В.Ю. Дворец золотоордынского времени в цитадели Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации // Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова / Отв. ред. И.Ю. Стрикалов. М.: ИА РАН, 2022. С. 217–248.
16. Колчин Б.А. Коллекция музыкальных инструментов древнего Новгорода // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность, искусство, археология 1978. Л: Наука, 1979. С. 174–187.
17. Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на ул. Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 178–239.
18. Кузнецов Н.А. Есаульская курганная группа // Кузнецкая старина. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.В. Ширин. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2005. С. 46–76.
19. Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. Волгоград: Перо, 2013. 216 с.
20. Лещенко Н.В., Прокопец С.Д. Средневековые музыкальные инструменты (по материалам памятников Приморья) // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 222–235.
21. Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б., Аськеев И.В., Егорьков А.Н., Кочанова М.Д., Семыкин Ю.А., Спиридонова Е.А., Шаймуратова Д.Н. Материальная культура золотоордынских селищ центральной части Саратовского Поволжья: коллективная монография. М.: Наука, 2024. 239 с.
22. Моряхина К.В. Находки варганов из средневековых могильников Пермского Предуралья // Актуальная археология 5. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. К.В. Конончук. СПб: ИИМК РАН; Невская типография, 2020. С. 333–336.
23. Назина И.Д. Белорусские народные музыкальные инструменты: Самозвучащие, ударные, духовые. Минск: Наука и техника, 1979. 144 с: ил.
24. Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.
25. Плетнёва Л.М. Верхнеобская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 41–43.
26. Поветкин В.И. Музыкальные инструменты // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 179–185.
27. Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Ч. II. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Казань – Астрахань – Казань, 6–16 августа 2001 г. / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2002. С. 31–52.
28. Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 296–319.
29. Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 65–79.
30. Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь / Отв. ред. Г.Б. Федоров. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1953. С. 75–120.
31. Тадагава Л. О японских варганах тысячелетней давности // Хомус. 1996. № 1. С. 24–35.
32. Федоров Г.Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь / Отв. ред. Г.Б. Федоров. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1953. С. 121–156.
33. Федоров Г.Б. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии // КСИИМК. Вып. 56 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 8–23.
34. Федоров Г.Б. Найдены поселения тиверцев – племени, за которым многие века был закреплен эпитет «загадочное» // Наука и жизнь. 1963. № 9. С. 90–94.

35. Шавкунов Э.В. Некоторые аспекты культурогенеза чжурчжэней в свете новейших археологических исследований // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 5–11.

36. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1991. 283 с.

37. Шавкунов В.Э. Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут) // Азиатско-Тихоокеанский регион: Археология. Этнография. История. Вып. 4. / Науч. ред. проф. О.В. Дьякова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 164 с.

38. Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Восточная литература, 2002. 728 с.

39. Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на Мякининском комплексе памятников в Красногорском районе Московской области в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1, №№ 26185, 26186.

40. Яковлев В.И. Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья: Историко-этнографическое исследование. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2001. 320 с.

41. Яковлев В.И. Музыкальные инструменты Национального музея Республики Татарстан. Каталог. Казань: Заман, 2007. 192 с.

42. Kolltveit G. Jew's Harps in European Archaeology / British Archaeological Reports. International Series. 1500. Oxford: Archaeopress, 2006. 264 p.: ill., maps.

43. Tadagawa L. Iron jew's harps excavated in Japan // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации [Электронный ресурс]: / Редкол. Прокопьева А.К., и др. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2021. С. 218–222.

44. Wright M. The Search for the Origins of the Jew's Harp // The silk road. Vol. 2. Num. 2 (December 2004). P. 49–55.

Информация об авторах:

Лопан Оксана Витальевна, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); zumbeispiel-1970@mail.ru

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

IRON JEW'S HARPS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE VOLGA REGION

O.V. Lopan, I.V. Volkov

All of the jew's harps of the Golden Horde Volga region that we have accounted for have a body of the shape, that G. Kollthwaite, the leading expert on European jew's harps, described as «hairpin-shaped». The finds in the Volga region probably belong to the Kuusisto type, identified by G. Kollthwaite, although we do not always have their complete characteristics for confident typologization. They are dated by the limits of the 2nd half of the XIII – XIV century (in one case, the XIV–XV centuries), and in two cases there is a narrow date – the second third of the XIV century. By now it is already clear that all the earliest finds of jew's harps originate from Asia, where they date back to the last centuries of the I millennium AD, and that it is «hairpin-shaped» instruments, that are the oldest form of jew's harps there, continues to exist in the II millennium AD.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Volga region, medieval musical instruments, jew's harps.

REFERENCES

1. Alekseev, L. V. 1966. *Polotskaya zemlya v IX–XIII vv. (Ocherki istorii Severnoy Belorussii) (Polotsk land in the IX–XIII centuries. (Essays on the history of Northern Belarus)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

2. Alekseev, L. V. 1973. In *Pomniki gistoryii kul'tury Belarusi (Monuments of the history of culture of Belarus)* 3, 16–22 (in Russian).

3. Alekseev, L. V. 2002. In *Rossiyskaya arkheologiya* (*Russian Archaeology*) 2, 81–98 (in Russian).

4. Astashenkova, E. V., Piskareva, Ya. E. 2016. In *Oykumena (Ojkumena)* 1, 50–56 (in Russian).

5. In Keldysh, G. V. (ed.). 1990. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar' (Musical Encyclopedic Dictionary).* Moscow: "Sovetskaya entsiklopediya" Publ., 95 (in Russian).

6. In Kravets, S. L. (ed.). 2006. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. T. 4.* Moscow: "Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya" Publ., 599 (in Russian).

7. Vertkov, K. A., Blagodatov, G. I., Yazovitskaya, E. E. 1975. In Vertkov. K. A. (ed.). *Atlas muzykal'nykh instrumentov narodov SSSR (Atlas of musical instruments of the USSR peoples)*. Moscow: "Muzyka" Publ. (in Russian).

8. Volkov, I. V., Lopan, O. V., Sitdikov, A. G. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 44 (2), 189–208 (in Russian).
9. Galayskaya, R. 1973. In Zemtsovskiy, I. I. (ed.). *Problemy muzykal'nogo fol'klora narodov SSSR (Issues of musical folklore of the USSR peoples).* Moscow: "Muzyka" Publ., 328–348 (in Russian).
10. Emel'yanova, A. Yu. 2019. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya (Historical and cultural heritage of the Ural-Volga region peoples)* 2(7), 49–54 (in Russian).
11. Ivanov, A. G., Golubkova, A. N. 1997. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* (8), 93–107 (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 1977. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 107–109 (in Russian).
13. Kamenskiy, A. N. 2019. In Nosov, E. N. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 32. Novgorod: "Novgorodskiy muzey-zapovednik" Publ., 176–184 (in Russian).
14. Koval', V. Yu. 2011. *Otchet o rabotakh Rostislavl'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2011 godu (Report on the Activities of Rostislavl Archaeological Expedition in 2011)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. Dossier 29889, 29890 (in Russian).
15. Koval', V. Yu. 2022. In Strikalov, I. Yu. (ed.). *Russkiy srednevekovyy gorod. Arkheologiya. Kul'tura. K yubileyu Alekseya Vladimirovicha Chernetsova (Russian Medieval Town. Archeology. Culture. To the anniversary of Alexei Vladimirovich Chernetsov).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 217–248 (in Russian).
16. Kolchin, B. A. 1979. In Likhachev, D. S. (ed.). *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiya 1978 (Monuments of culture. New discoveries: Writing, Art, Archaeology 1978).* Leningrad: "Nauka" Publ., 174–187 (in Russian).
17. Kolchin, B. A., Rybina, E. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: "Nauka" Publ., 178–239 (in Russian).
18. Kuznetsov, N. A. 2005. In Shirin, Yu. V. (ed.). *Kuznetskaya starina (Kuznetsk Antiquity* 7. Novokuznetsk: "Kuznetskaya krepost'" Publ., 46–76 (in Russian).
19. Lapshin, A. S., Mys'kov, E. P., 2013. *Issledovaniya na Vodyanskom gorodishche v 2011–2012 gg. (Research on the Vodyansk settlement in 2011–2012)* Volgograd: "Pero" Publ. (in Russian).
20. Leshchenko, N. V., Prokopets, S. D. 2015. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 3, 222–235 (in Russian).
21. Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B., Askeyev, I. V., Egorkov, A. N., Kochanova, M. D., Semykin, Yu. A., Spiridonova, E. A., Shaymuratova, D. N. 2004. *Material'naya kul'tura zolotoordynskikh selishch tsentral'noy chasti Saratovskogo Povolzh'ya (Material culture of the Golden Horde settlements of the central part of the Saratov Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Moryakhina, K. V. 2020. In Kononchuk, K. V. (ed.). *Aktual'naya arkheologiya (Current Archaeology)* 5. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, "Nevskaya tipografiya" Publ., 333–336 (in Russian).
23. Nazina, I. D. 1979. *Belorusskie narodnye muzykal'nye instrumenty: Samozvuchashchie, udarnye, dukhovye (Belarusian folk instruments: idiophonic, percussion, wind instruments).* Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
24. Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
25. Pletneva, L. M. 2001. In Chernyak, E. I. (ed.). *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya: Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti (Peoples and cultures of the Tomsk-Narym Ob region: Materials for the encyclopedia of the Tomsk region)*. Tomsk: Tomsk State University Publ., 41–43 (in Russian).
26. Povetkin, V. I. 1997. In Kolchin, B. A., Makarova, T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 179–185 (in Russian).
27. Rudenko, K. A. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Velikiy Volzhskiy put': istoriya formirovaniya i razvitiya (Great Volga Way: History of Development)* II. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 31–52 (in Russian).
28. Rudenko, K. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 296–319 (in Russian).
29. Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 65–79 (in Russian).
30. Rybakov, B. A. 1953. In Fedorov, G. B. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus' (Following in the footsteps of ancient cultures. Old Rus)*. Moscow: "Gos. izd-vo kul'turno-prosvetitel'noy literatury" Publ., 75–120 (in Russian).
31. Tadagava, L. 1996. In *Khomus* 1, 24–35 (in Russian).
32. Fedorov, G. B. 1953. In Fedorov, G. B. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus' (Following in the footsteps of ancient cultures. Old Rus)*. Moscow: "Gos. izd-vo kul'turno-prosvetitel'noy literatury" Publ., 121–156 (in Russian).

33. Fedorov, G. B. 1954. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 56. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 8–23 (in Russian).
34. Fedorov, G. B. 1963. In *Nauka i Zhizn (Science and Life)* (9), 90–94 (in Russian).
35. Shavkunov, E. V. 1989. In Shavkunov, E. V. (ed.). *Novye materialy po srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR (New materials on medieval archaeology of the Far East USSR).* Vladivostok: "DVO RAN" Publ., 5–11 (in Russian).
36. Shavkunov, E. V. 1991. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of the Jurchen-Udige in the 12th –13th cc, and the Issues of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
37. Shavkunov, V. E. 2015. In D'yakova, O. V. (ed.). *Pamyatniki smol'ninskoy kul'tury Primor'ya (po materialam raskopok gorodishch Smol'ninskoe i Shayga-Redut) (The sites of Smol'ninskaya culture of Primory region (on materials of Smol'ninskoye and Shiga-Redoubt ancient towns)).* Series: *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: Arkheologiya. Etnografiya. Istoriya (Asian-Pacific region: archaeology, ethnography, history)* 4. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).
38. Sheykin, Yu. I. 2002. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie (The history of musical culture of the peoples of Siberia: a comparative historical study)* / Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
39. Engovatova, A. V., Koval, V. Yu. 2004. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na Myakininskom komplekse pamyatnikov v Krasnogorskom rayone Moskovskoy oblasti v 2004 godu (Report on archaeological protective excavations at the Myakininsky monument complex in the Krasnogorsk district of the Moscow region in 2004)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. Dossier 26185, 26186 (in Russian).
40. Yakovlev, V. I. 2001. *Traditsionnye muzykal'nye instrumenty Volgo-Ural'ya: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (Traditional musical instruments of the Volga-Ural Region: A Historical and ethnographic study).*Kazan: Kazan State University Publ. (in Russian).
41. Yakovlev, V. I. 2007. *Muzykal'nye instrumenty Natsional'nogo muzeya Respubliki Tatarstan. Katalog (Musical instruments of the National Museum of the Republic of Tatarstan. Catalog)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
42. Kolltveit, G. 2006. *Jew's Harps in European Archaeology. British Archaeological Reports. International Series.* 1500. Oxford: Archaeopress.
43. Museum-online.moscow/entity/OBJECT/397266. URL: https://mm.museum-online.moscow/entity/OBJECT/397266?index=52&paginator=entity-set&entityType=EXHIBITION&entityId=2629715&attribute=objects (accessed: 12.06.2024).
44. Wright, M. 2004. *The silk road.* Vol. 2. Num. 2, 49–55.

About the Authors:

Lopan Oxana V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zumbeispiel-1970@mail.ru

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Статья принята в номер 23.07.2024 г.

УДК 903.27 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.100.108

НОВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ КАРАКОЛ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ): К ВОПРОСУ О РЕДОКУМЕНТИРОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА[1]

© 2025 г. А.У. Урбушев

В работе вновь затрагивается актуальность проведения работ по редокументированию на памятниках наскального искусства Горного Алтая. Несмотря на длительную историю изучения таких памятников, многие опубликованные материалы содержат неточности, в частности из-за методов копирования, которые не позволяли точно воспроизводить изображения. Приведены частные примеры неточного копирования изображений, относящихся к раннему средневековью, и полученные на основании этих копий не совсем верные интерпретации семантического и хронологического характера. Автором проведена редокументация некоторых уже известных памятников наскального искусства в Караколькой долине (Центральный Алтай), в ходе которой были уточнены некоторые изображения и зафиксированы новые на таких памятниках, как Талда и Дьаан-Кобы. Изображения, выполненные гравированными линиями, по сюжетно-стилистическим особенностям и приведенным реалиям отнесены к VI–VII и VII–VIII вв. н. э. соответственно.

Ключевые слова: археология, Алтай, наскальное искусство, раннее средневековье, редокументирование, Каракольская долина, Талда, Дьаан-Кобы.

Введение

Долина р. Каракол является одним из самых археологически насыщенных микрорайонов в Горном Алтае. Среди множества памятников в этой долине, благодаря вечной мерзлоте, сохранившей высокохудожественные предметы из органики, бóльшую известность имеют башадарские курганы, которые исследовал еще в середине прошлого века С.И. Руденко (Руденко, 1960, с. 22–41). Не менее известны петроглифы Бичикту-Бома, находящиеся в 2 км к юго-западу – западу от устья реки, где она впадет в р. Урсул. Впервые они были зафиксированы алтайским художником Г.И. Чорос-Гуркиным в 1930 г. (Еркинова, Кубарев, 2004, с. 88). Первые же научные работы на памятнике осуществились спустя 20 лет А.И. Минор ским (Минорский, 1951, с. 55–56), чуть позже памятник посетил А.Л. Сперанский (Сперанский, 1974, с. 171). Эти работы ограничились лишь краткими описаниями и схематичными зарисовками нескольких изображений. Более масштабные работы начались в 1960-х гг. Алтайским отрядом археологической экспедиции отдела гуманитарных исследований СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова и в 1980-х гг. экспедицией КемГУ под руководством А.И. Мартынова (Кубарев, Маточкин, 1992, с. 4, 11, 20). В рамках этих исследований проводилось сплошное копирование наскальных рисунков, результатом которых стало лишь одно монографическое издание и серия небольших публикаций (Мартынов и др., 2006; Мартынов, 1984; Мартынов, 1985; Martynov, 1993; Мартынов, 1995; и др.). С того момента и до сегодняшнего дня на Бичикту-Боме в частности и в указанной долине в целом полевые исследования памятников наскального искусства проводились в разные годы горноалтайскими и кемеровскими специалистами,

[1] Исследование проведено в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2025 годы)» (Подтема 2.6.1. Памятники ранних тюрок Саяно-Алтая).

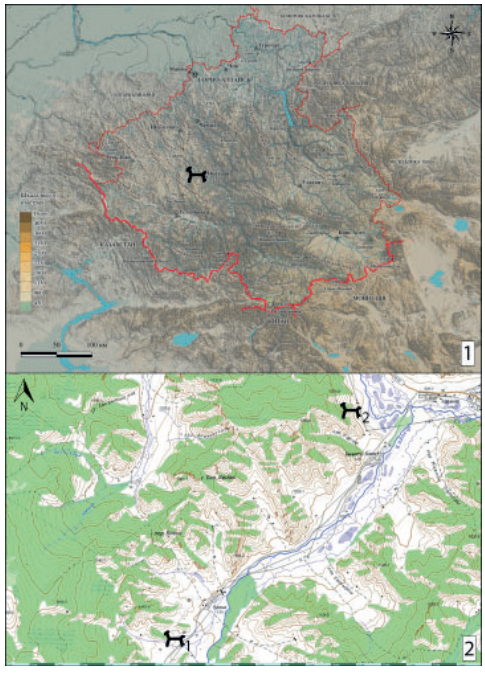


Рис. 1. Новые местонахождения наскальных изображений: 1 – район местонахождении на карте Республики Алтай; 2 – местонахождения на карте части Каркольской долины.

Fig. 1. New locations of rock art.

но носили эпизодический характер (Ямаева, 2010, с. 12–14; Миклашевич, Бове, 2010, с. 229–233; Мартынов и др., 2013, с. 13–139; и др.). Одной из недавних работ являются исследования автора настоящей работы в 2022–2023 гг., результаты которого частично были представлены ранее (Урбушев, 2023) и приводятся сейчас (рис. 1).

Постановка проблемы

Как видно из вышеописанного, памятники наскального искусства в каракольской долине имели довольно длительную историю изучения. Тем не менее основная часть проходила в советское время. Опубликованные материалы тех лет ввиду специфики документирования контактным способом имеют немало неточностей. Результаты копирования некоторых петроглифов тех же исследователей на других памятниках в научной литературе современными авторами считаются бесперспективными для использования в аналитических исследованиях (Черемисин, Плетс, 2012, с 290). Методика копирования того времени не позволяла с высокой точностью копировать выбитые рисунки, не говоря уже о гравированных. Также отмечается, что большинство крупных местонахождений памятников наскального искусства, представленных в публикациях, зафиксированы «быстрым» методом документации, при котором в научный оборот вводятся наиболее «представительные» изображения и при котором исследователь пытается «закрепить свой приоритет за памятником» (Миклашевич, 2011, с. 91). При неточном копировании изображений становится «бесперспективным» не только их использование в аналитических исследованиях, но и их историко-культурная атрибуция.

На сегодняшний день имеется множество примеров неточного копирования изображений на таких крупных памятниках, как Еланагаш, Калбак-Таш I и Бичикту-Бом, о которых писали исследователи (Черемисин, Плетс, 2012, с. 290; Кубарев, 2010, с. 46–47; Миклашевич, 2006а, с. 120–121; Черемисин, 2004, с. 40). Это известные примеры только на одних из самых изучаемых памятниках Алтая. Из частных случаев следует отметить раннесредневековую сцену из Калбак-Таша II, которую впервые опубликовал В.Д. Кубарев (Кубарев, 2010, рис. IV-5). В публикации представлена охотничья сцена из шести фигур: лучник с луком с натянутой тетивой верхом на лошади и четыре оленя, показанные бегущими от охотника. На крупе лошади прослеживается изображение округлой формы (рис. 2: 3), идентифицированное специалистами как тамга. Таким образом сделано предположение о том, что в указанной сцене представлен знатный воин (Соенов, Константи-

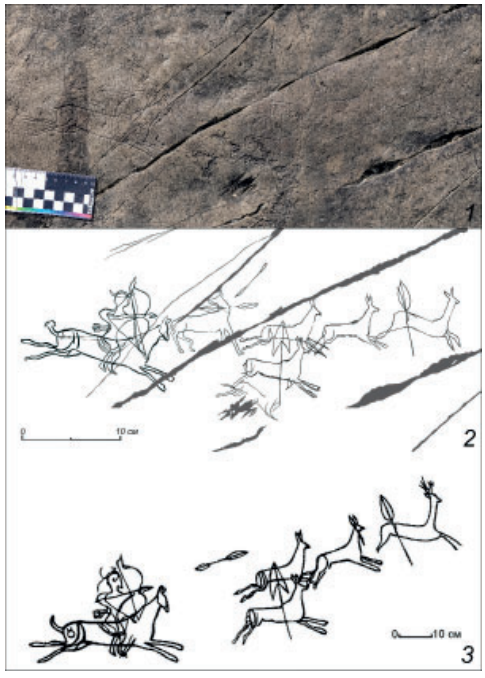


Рис. 2. Сцена охоты на памятнике Калбак-Таш II: 1 – фото сцены; 2 – прорисовка сцены; 3 – прорисовка сцены 2010 г. (по: Кубарев, 2010, рис. IV-5).

Fig. 2. Scene of hunting at Kalbak-Tash II site.

нов, 2014, с. 156). В результате пересмотра этой сцены непосредственно на памятнике в процессе редокументирования, выяснилось, что на крупе изображена даже не тамгообразная фигура, а подхвостник (один из типичных атрибутов коня в древнетюркском наскальном искусстве). Помимо этого, обнаружились еще две фигуры оленей: одна чуть ниже общей группы, другая, с развернутой назад головой, находится прямо перед лошадью охотника, на голове лучника показан головной убор (рис. 2: 1, 2), находящий аналогии в сценах охоты на алтайских памятниках Кургак (Кубарев, 2001, рис. 3) и Туекта (Миклашевич, 2006б, рис. 5).

Скопированные с высокой точностью, изображения позволяют датировать их по стилистическим особенностям, которые могут быть «упущены» ввиду упрощения рисунков в процессе документирования. К примеру, по мнению В.Д. Черемисина, некоторые изображения Бичикту-Бома А.И. Мартыновым были отнесены к Средневековью «зачастую лишь на основании того, что изображения выполнены в технике граффити, другие аргументы в пользу подобной атрибуции не приводятся» (Черемисин, 2004, с. 40). Это не совсем верно, так как Анатолий Иванович ясно пишет, что «в основном в этих сценах можно проследить хронологические различия по графическим изображениям наконечников стрел, форме лука и другим атрибутам» (Мартынов, 1995, с. 178). При этом, действительно, некоторые приведенные рисунки по изображенным реалиям и стилистическим критериям следует отнести к этнографическому времени.

Таким образом, уже давно стало очевидно, что многие памятники наскального искусства, особенно содержащие в себе гравированные изображения, документированные контактным способом и введенные таким образом в научный оборот, сле-

Рис. 3. Плоскости с гравированными изображениями Талда.

Fig. 3. Plane with rock engravings of Talda.

Рис. 4. Прорисовка изображений Талды.
Fig. 4. Drawing of the Talda images.

дует редокументировать. В настоящей работе ниже приводятся очередные примеры актуальности обозначенной проблемы и вводятся новые материалы по наскальному искусству раннего средневековья Горного Алтая.

Описание местонахождений и их связь с прошлыми исследованиями

Талда. Одноименный холм получил свое название от протекающей в 50 м к югу от нее небольшой речки. Находится посреди ровного поля в 1,6 км к юго-западу от с. Боочи. Холм является несвязанным окончанием южного отрога Айгулакского хребта (рис. 1: 2).

Первые работы по копированию петроглифов на нем были проведены в 1982 г. экспедицией Кемеровского государственного университета (КемГУ) под руководством А.И. Мартынова. Работы продолжены в 2008–2011 гг. Ими зафиксировано около 100 рисунков на 22 плоскостях. Копии, сделанные на прозрачный полиэтилен и микалентную бумагу, хранятся в Музее археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ (Мартынов и др., 2013, с. 140–143). Плоскости с рисунками расположены на южном и восточном склонах холма.

Приводимые в настоящей работе материалы были частично зафиксированы кемеровскими исследователями. По их индексации на плоскость 19 нанесено девять изображений. Также самое нижнее изображение человека было интерпретировано как «человек с длинными волосами и символом ловчей птицы в руке» (там же, с. 159–160, рис. 16) (рис. 5: 1). После проведенной редокументации выясни-

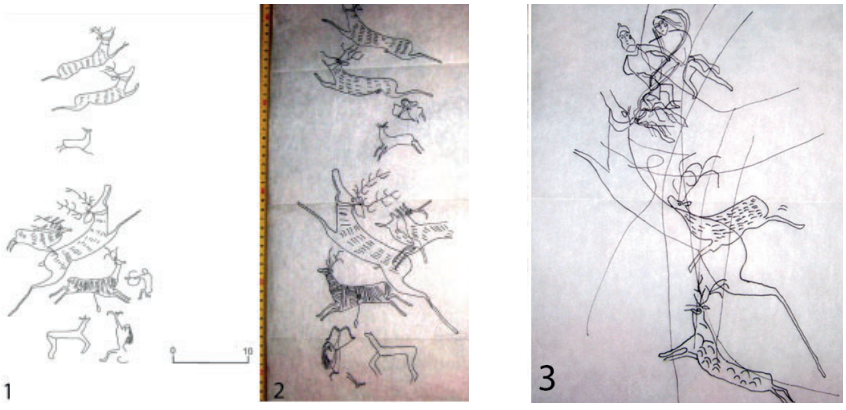


Рис. 5. Прошлые прорисовки изображений Талды: 1 – прорисовка по А.И. Мартынову (Мартынов и др., 2013, с. 159-160, рис. 16); 2, 3 – прорисовки по Е.Е. Ямаевой (Ямаева, 2010, с. 16, 40, рис. 2, 3).
Fig. 5. Previous drawings of the Talda images.

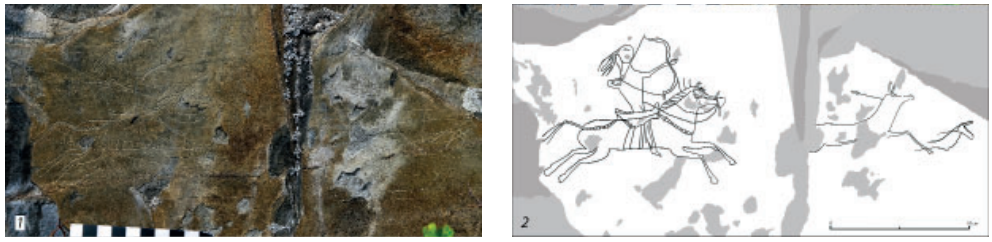


Рис. 6. Плоскость 1 с гравированными изображениями Дьаан-Кобы:
1 – фото плоскости; 2 – прорисовка изображений.
Fig. 6. Plane 1 with rock engravings of D'aan-Koby.

лось, что на плоскости имеется десять фигур. Была упущена одна гравированная фигура лучника, а самый нижний рисунок человека изображен не с «символом ловчей птицы в руке», а с луком с натянутой тетивой. Помимо этого, буквально на смежной плоскости, с правой стороны от описанной, находится плоскость с гравировками, не обнаруженными ими ранее. На ней прослеживается шесть фигуративных изображений: четыре бегущих оленя, один из которых пронзен стрелой в область груди, и два человека. У одной фигуры человека на голове изображен трехрогий головной убор (рис. 3, 4). Прорисовка предыдущей и этой плоскости представлена в монографии Е.Е. Ямаевой, выполненная с неточностями и почему-то еще и отраженная зеркально по горизонтали (рис. 5: 2, 3). Интерпретирована сцена как «два охотника и восемь бегущих оленей» (Ямаева, 2010, с. 16, 40, рис. 2, 3).

Дьаан-Кобы. Название переводится с алтайского как «Большой лог». Урочище имеет достаточно большую площадь, располагается к северу от с. Бичикту-Бом. Их разделяет небольшой перевал, который образован одним из отрогов Теректинского хребта (рис. 1: 2).

Петроглифы Дьаан-Кобы исследовались, вероятно, попутно во время работ по копированию изображений Бичикту-Бома одной из экспедиций КемГУ. Ими зафиксированы на этом памятнике схематичные гравированные и выбитые фигуры животных в небольшом количестве (Мартынов и др., 2013, с. 13–16, рис. 1–9), но они не приводятся в данной статье. О них автор получил сведения от местного краеведа и художника Б.М. Киндикова.

Зафиксированные автором настоящей работы изображения находятся в средней части урочища, у самого крупного лога, между двумя отрогами хребта. Рисунки выполнены в технике гравирования, нанесены на три компактно располагающиеся рядом плоскости. На небольшой первой плоскости изображена сцена охоты, в которой всадник натягивает тетиву со стрелой и нацелен на оленя (рис. 6). Чуть выше по склону находится следующая небольшая плоскость, на которой нанесены четыре фигуры (рис. 7). В верхней части плоскости крупная фигура человека с копьем, на конце которого прослеживается знамя (?). В средней части показан олень, смотрящий назад. В нижней части два лучника, один из которых натягивает тетиву со стрелой, а другой, в совершенно редкой манере для репертуара раннесредневекового наскального искусства, держит лук в опущенных руках, в районе таза. Фигура оленя и лучника с опущенным луком заполнены штриховкой.

Третья плоскость – самая насыщенная изображениями, количество которых достигает 60 (рис. 8). Располагается чуть выше по склону от

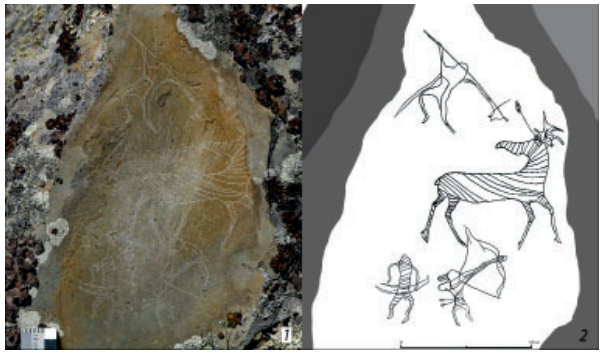


Рис. 7. Плоскость 2 с гравированными изображениями Дьаан-Кобы: 1 – фото плоскости; 2 – прорисовка изображений.

Fig. 7. Plane 2 with rock engravings of D'aan-Koby.

предыдущей плоскости. В нижней и средней частях плоскости показаны сцены загонной охоты, в которой участвуют три загонщика на лошадях, один лучник позади оленей, три лучника перед ними. Последние, вероятно, сидели в засаде, выйдя из которой, поражают стрелами добычу. Многие фигуры животных незавершенные. В верхней части показана всадник и пеший лучник, направившие луки друг на друга. Вероятно, последняя сцена является батальной.

Выводы и заключение

Приведенные изображения, зафиксированные автором, но не задокументированные ранее при проведении работ по копированию петроглифов предыдущими исследователями на тех же памятниках, в качественном плане дополняют источниковую базу для изучения раннесредневековой истории Горного Алтая. Так, обнаруженное парное изображение фигур людей из Талды, один из которых показан с трехрогим головным убором, находит прямые аналогии с изображениями на памятнике Апшиякта. Г.В. Кубаревым были изучены те рисунки, в ходе которых удалось определить историко-культурный контекст и отнести к узкому хронологическому периоду VI–VII вв. н. э. (Кубарев, 2011, с. 170–171).

Гравировки с Дьаан-Кобы отличаются композиционной многофигурностью, демонстрирующей способы ведения охоты, в частности загонным методом. В них отражены мастерские качества лучников, способные своей меткой стрельбой поразить множество целей. Стилистические особенности и приведенные изображения реалий позволяют отнести композицию к VII–VIII вв. н. э. Здесь у пяти всадников четко показаны прямые псалии с отогнутыми вперед верхними концами, которые характерны для указанного периода тюркской культуры (Гаврилова, 1965, табл. VII-1; Могильников, 1981, с. 40).

Не менее интересными представляется наличие двух т. н. лунок на первой плоскости Дьаан-Кобы. Одна

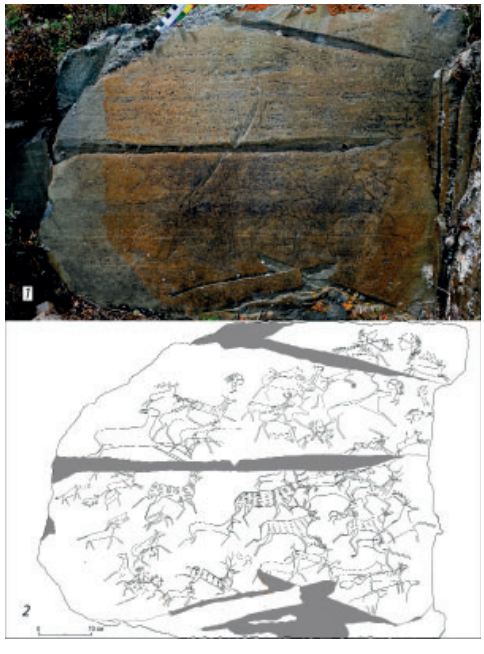


Рис. 8. Плоскость 3 с гравированными изображениями Дьаан-Кобы: 1 – фото плоскости; 2 – прорисовка изображений.

Fig. 8. Plane 3 with rock engravings of D'aan-Koby.

лунка находится чуть выше головы всадника, вторая в области его лица. Они имеют округлую форму. Подобные лунки ромбической, треугольной и округлой формы зафиксированы на одной из плоскостей (так же вертикальной) с изображениями на памятнике Калбак-Таш II (Кубарев, 2015, с. 290–291, рис. 1). Вероятно, это могут быть следы от наконечников стрел и таким образом лучники тренировались в стрельбе из лука.

Потребность в редокументировании памятников наскального искусства назрела уже давно. Актуальность заключается в уточнении уже известных изображений и выявлении новых на известных памятниках. Многие введенные в научный оборот памятники наскального искусства эпохи раннего средневековья, отдельные изображения и сцены которых сегодня стали эталонными и опорными при изучении культур обозначенного времени, приведены в публикациях достаточно схематично и неточно. Из-за этого получаются не совсем верные семантические и хронологические выводы. Некоторые изображения и вовсе были пропущены исследователями. При этом нисколько не умаляются их результаты, особенно приводимые в рамках настоящей работы. Возможности документирования рисунков, выполненных тонкими гравированными линиями, были ограничены имевшимися на тот момент методами копирования. Сегодня современные средства полевого изучения и лабораторной обработки позволяют выявить новые изображения и уточнить известные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
2. *Еркинова Р.М., Кубарев Г.В.* Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск, 2004. С. 88–97.
3. *Кубарев В.Д.* Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. 2001. Вып. 4. С. 8–11.
4. *Кубарев В.Д.* История изучения святлища Калбак-Таш (Республика Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 43–58.
5. *Кубарев Г.В.* Исследования на Калбак-Таше II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. 2015. С. 289–292.
6. *Кубарев Г.В.* Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты и его историко-культурный контекст // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. С. 170–179.
7. *Мартынов А.И.* Исследование петроглифов в долине Каракола // АО 1982 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 218.
8. *Мартынов А.И.* О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1985. С. 80–87.
9. *Мартынов А.И.* Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: Сб. статей / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 178–185.
10. *Мартынов А.И., Базайченко А.В., Дворников Э.П., Мамыева Н.А., Штанов Е.С.* Священные горы Каракольской долины (левобережная часть). Кемерово, 2013. 239 с.
11. *Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М.* Бичикту-Боом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. 346 с.
12. *Миклашевич Е.А.* Памятники древнего искусства у села Озёрного (Горный Алтай) // Археология южной Сибири Вып. 24 / Ред. В.В. Бобров. Кемерово: Летопись, 2006а. С. 102–127.
13. *Миклашевич Е.А.* Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2006б. Вып. 3-4. С. 219–235.
14. *Миклашевич Е.А.* Выявление новых изображений на изученных памятниках наскального искусства. Неизвестные петроглифы Суханихи // Археология Южной Сибири. Вып. 25 / Отв. ред. Л.Н. Ермоленко. Кемерово: КГУ, 2011. С. 91–106.

15. Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование петроглифов горы Торгун в Онгудайском районе Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 229–233.
16. Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 184–188.
17. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. тома С.А. Плетнёва. Москва: Наука, 1981. С. 29–43.
18. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.
19. Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н. э. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 310 с.
20. Сперанский А.Л. Новые находки наскальных рисунков в Горном Алтае // Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 1974. С. 167–173.
21. Урбушев А.У. Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай) // Археология Евразийский степей. 2022. №6. С. 218–226.
22. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, антропология и этнография Евразии. 2004. Т. 1, № 17. С. 40–51.
23. Черемисин Д.В., Плетс Г. Исследование петроглифических памятников в долине р. Елангаш и Чаган на юго-востоке Российского Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1 / Ред. В.А. Алёкшин и др. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 289–293.
24. Ямаева Е.Е. Петроглифы долины Каракол. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. 75 с.
25. Martynov A.I. Rock drawings on the Bichiktu-Bom hill // I.N.O.R.A. 1993. № 4. P. 20–24.

Информация об авторе:

Урбушев Айдын Урматович, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); aidurbushev@yandex.ru

NEW ROCK ART SITES IN THE KARAKOL BASSIN (CENTRAL ALTAI): ON THE ISSUE OF REDOCUMENTATION OF ROCK ART SITES

A.U. Urbushev

The paper touches upon once again the need of conducting redocumentation works at rock art sites in the Altai Mountains. Despite the long history of studying such monuments, many published materials contain inaccuracies, particularly due to the methods of copying that did not allow accurately reproducing images. Private examples of inaccurate copying of images related to early medieval times and not quite correct interpretations of semantic and chronological nature got based on these copies are given. The author has carried out redocumentation of some already known rock art monuments in the Karakol Basin (Central Altai), during which some images were clarified and new ones were recorded at sites such as Talda and D'aan-Koby. Images made with engraved lines, according to plot and stylistic features and presented realities are attributed to the VI–VII and VII–VIII centuries AD, respectively.

Keywords: archaeology, Altai, rock art, early medieval times, redocumentation, Karakol Basin, Talda, D'aan-Koby.

REFERENCES

1. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Erkinova, R. M., Kubarev, G. V. 2004. In Soenov, V. I. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Altaya (Archaeology and Ethnography of Altay)* 2. Gorno-Altaysk, 88–97 (in Russian).
3. Kubarev, V. D. 2001. In *Vestnik Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva (Bulletin of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers)* 4, 8–11 (in Russian).

The study was conducted within the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people (2020-2025)" (Subtopic 2.6.1. Monuments of the Early Turkic population of the Altai-Sayan region).

4. Kubarev, V. D. 2010. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 15 (3). Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ. (in Russian). 43–58 (in Russian).

5. Kubarev, G. V. 2015. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 21. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 289–292 (in Russian).

6. Kubarev, G. V. 2021. In *Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii: k 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy (Prehistoric art in the context of cultural and historical processes of Eurasia: to the 300th anniversary of the scientific discovery of the Tomskaya Pisanitsa)* . Kemerovo: Publishing House of Kuzbass Regional Institute for Professional Development and Retraining of Education Workers, 170–179 (in Russian).

7. Martynov, A. I. 1982. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1982 goda (Archaeological Discoveries 1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 218 (in Russian).

8. Martynov, A. I. 1985. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 80–87 (in Russian).

9. Martynov, A. I. 1995. In Ilyushin, A. M. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaia arkheologiia Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 178–185 (in Russian).

10. Martynov. A. I., Bazaychenko. A. V., Dvornikov. E. P., Mamyeva. N. A., Shtanov. E. S. 2013. *Sacred mountain Karakol valley (left Bank part)*. Kemerovo (in Russian).

11. Martynov, A. I., Elin, V. N., Erkinova, R. M. 2006. *Bichiktu-Boom – svyatilishche Gornogo Altaya (Bichiktu-Boom - sanctuary of the Altai Mountains)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ. (in Russian).

12. Miklashevich, E. A. 2006. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 24. Kemerovo: "Letopis'" Publ., 102–127 (in Russian).

13. Miklashevich, E. A. 2006. In Soenov, V. I. (ed.). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediia narodov Iuzhnoi Sibiri (Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia)* 3-4. Gorno-Altaisk: "AKIN" Publ., 219–235 (in Russian).

14. Miklashevich, E. A. 2011. In Ermolenko, L. N. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 25. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 91–106 (in Russian).

15. Miklashevich, E. A., Bove, L. L. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Etnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 229–233 (in Russian).

16. Minorskiy, A. I. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 184–188 (in Russian).

17. Mogil'nikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 29–43 (in Russian).

18. Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

19. Soenov, V. I., Konstantinov, N. A. 2014. *Okhotnich'ya deyatel'nost' naseleniya Altaya v I tys. n. e. (Hunting of the population of Altai in the I millennium AD)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ. (in Russian).

20. Speranskiy, A. L. 1974. In Larichev, V. E. (ed.). *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri (The Bronze and Iron Ages in Siberia)* 4. Novosibirsk, 167–173 (in Russian).

21. Urbushev, A. U. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 218–226 (in Russian).

22. Cheremisin, D. V. 2004. In *Arkheologiia, ėtnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 1 (17), 40–51 (in Russian).

23. Cheremisin, D. V., Plets, G. 2012. In Alekshin, V. A. et al (eds.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 1. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 289–293 (in Russian).

24. Yamaeva, E. E. 2010. *Petroglify doliny Karakol (Petroglyphs of the Karakol Valley)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ. (in Russian).

25. Martynov, A. I. 1993. In *I.N.O.R.A.* 4, 20–24.

About the Author:

Urbushev Aidyn U. Institute of Archeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Scinces. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; aidurbushev@yandex.ru

Статья принята в номер 05.08.2024 г.

УДК 903' 15 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.109.119

«ЭТОТ ДОЛГИЙ ДЕВЯТЫЙ ВЕК»: ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ В УСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ[1]

© 2025 г. О.А. Митько

Статья посвящена анализу проблем периодизации и локальных вариантов культуры енисейских кыргызов на территории Южной Сибири. Концепт «долгий девятый век» использован применительно к истории и археологии средневекового населения, занявшего после 840 г. Усинскую котловину в Западных Саянах. Под ним понимается целостность ключевых элементов культуры усинских кыргызов, ее хронологическая непрерывность и инерционность, позволявшая сохранять эволюционный характер развития в течение нескольких столетий. К настоящему времени раскопано около 16 средневековых археологических памятников – стоянок и погребально-поминальных комплексов, содержащих захоронения, совершенные по обряду трупосожжения на стороне. Топография крупных могильников Мутная I и Эйдиктыр-кыр имеет такие же особенности, что и у памятников I варианта культуры кыргызов, расположенных в Центральной Туве и Енисейском каньоне. Металлические наборы снаряжения всадника и верхового коня из погребений с кремациями также составляют единый предметный комплекс. Своеобразием отличается лишь орнаментация керамических сосудов.

Выдвинута гипотеза о вхождении усинских кыргызов в одно из «шести подразделений» в составе области Кэм-Кэмджиут и создании ими в последующее время известного по письменным источникам самостоятельного социально-политического образования «область Усы». Верхняя дата завершения «долгого девятого века» – 1293 г. – определяется переселением монголами усинских кыргызов за пределы Саяно-Алтайского нагорья.

Ключевые слова: археология, Южная Сибирь, Средневековье, кыргызы, уйгуры, кремация, курган, погребальный инвентарь.

Хронологические периодизации позволяют выявить тенденции в развитии исторического процесса и систематизировать объем знаний о прошлом человеческого общества. Методологическим основанием для разделения на этапы древней истории крупных территориальных и общественных образований служат самые различные социально-экономические доктрины – от формационных и цивилизационных теорий до модернистских концепций. Для относительно небольших географических регионов продуктивными являются периодизации, учитывающие локальную специфику и историческое своеобразие. Они базируются на различных основаниях (социально-экономических критериях, хронологических дефиницих, этнокультурных параметрах, этнополитическом подходе), однако все в равной степени самодостаточны, поскольку освещают разные стороны развития общества и культуры (Савинов, 1984, с. 5–6). И все же при решении задач, связанных с анализом средневековых археологических культур, ощущается недостаток понятий, необходимых для поэтапной фиксации изменений сложно организованных многоуровневых исторических образований.

Так, в средневековой истории и археологии Минусинской котловины выделены отдельные культуры по наиболее яркому типу погребальных памятников – чаатасам VI–VIII вв. и вещам тюхтятского типа IX–X вв. (Кызласов Л.Р., 1981а, с. 46–52; 1981б,

[1] Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)".

54–55, Кызласов И.Л., 1981, с. 200). Ю.С. Худяков, обозначив эти же временные отрезки термином «эпоха», взял для двух из них в качестве критерия ведущие типы погребальных памятников (курганы чаатас и сууктэр), а для двух других эпох («великодержавия» и монгольской) – социально-политические. Отмечалось, что, как для всей Минусинской котловины, так и для ее отдельных микрорегионов, изменение типов погребальных сооружений соотносится с общей динамикой смены исторических эпох (Худяков, 1982, с. 207).

Что касается периодизации сформировавшихся на периферии и за пределами котловины локальных вариантов тюхтятской культуры енисейских кыргызов IX–X вв., то она имеет ряд ограничений. В свое время Д.Г. Савинов выделил пять локальных вариантов (Савинов, 1984, с. 89–97). Обращает на себя внимание, что основной, культурообразующий минусинский вариант (тюхтятская культура – по Л.Р. Кызласову, эпоха «великодержавия» – по Ю.С. Худякову) состоит из крайне небольшого числа памятников. Причем материалы базового для минусинского варианта могильника у ст. Минусинск полностью не опубликованы (Николаев, 1972), а функционально-типологическое определение эпонимного памятника («тюхтятского» клада) также вызывает вопросы (Длужневская, 2002).

Другой вариант тюхтятской культуры – восточно-казахстанский, охватывающий территорию Прииртышья, также насчитывает крайне малое число погребений. В контексте выделения локального варианта культуры их этническое определение слабо аргументировано (Трифонов, 1989, с. 209).

На территории горного и предгорного Алтая количество погребальных памятников, принадлежность которых к енисейским кыргызам у исследователей не вызывает сомнений, известно не много. Тем не менее предложено разделить этот исторический период на два этапа: яконурский и ак-ташский. Причем второй – ак-ташский – выходит за хронологические рамки тюхтятской культуры (Дашковский, 2015, с. 9, 111–120, рис. 1).

Анализ материалов некрополя XI–XIV вв. Проспихинская Шивера IV на Ангаре позволил отметить несколько «условных» хронологических этапов и отнести могильник не к красноярско-канскому варианту, а включить в лесосибирскую археологическую культуру (Мандрыка, Сенотрусова, 2022, с. 269–278).

Неоднозначная ситуация сложилась и с определением еще одного варианта – среднечулымского, памятники которого считались тождественными кыргызским эпохи сууктэр в Минусинской котловине. Однако О.Б. Беликова отметила, что отсутствие полного единства в вопросах периодизации конца I – начала II тыс. н. э. не позволяет принять одну из существующих хронологических моделей. Опираясь на выявленные аналогии, она предложила разделить среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов на три этапа, выходящие за хронологические рамки X в. (Беликова, 1996, с. 96–101, 150).

Единственный локальный вариант, в котором присутствуют все основные признаки культуры енисейских кыргызов, является тувинский вариант. Количественные и качественные показатели позволяют пересмотреть его место в существующей систематике и выделить в качестве отдельной группы памятников, которая сама по себе достаточно вариабельна (Овчинникова, Длужневская, 2000, с. 3, рис. 1). Г.В. Длужневская предложила объединить археологические памятники VI–XII вв. на территории Тувы и Минусинской котловины в единую культуру енисейских кыргызов и разделить тувинскую группу памятников

IX–X вв. на пять локальных вариантов. В I локальный вариант вошли могильники Центральной Тувы и Саянского каньона р. Енисей, отличающиеся особой планиграфией (близкое расположение и «пристраиваемость» сооружений одно к другому), дающей возможность установления внутренней хронологии памятников. Курганы, исследованные на правобережье Енисея и в Северной Туве, объединены во II локальный вариант культуры. Они представлены объектами поминального характера с положением мясной пищи в грунтовых ямах и отдельными предметами, среди которых выделяются кувшинчики на поддонах и черешковые листовидные кинжалы небольших размеров. В III локальный вариант выделены памятники долины р. Элегест, с объектами, отличающимися сложной погребально-поминальной обрядностью. IV локальный вариант занимал Западную Туву. Подавляющее большинство памятников этого района относится к X – началу XI вв. и маркирует вероятное направление перемещения населения. В V локальный вариант объединены погребальные комплексы юго-восточной Тувы с остатками деревянных надкурганных конструкций (Длужневская, 1985, с. 13).

В то же время в предложенную ей схему локальных вариантов культуры енисейских кыргызов в пределах Саяно-Алтайского нагорья не была включена территория Усинской котловины. Изолированная с севера и юга Куртушибинским и Мирским горными хребтами, Саянским каньоном с запада и горным массивом Ергаки с востока, она отличается рядом уникальных культурно-исторических и природно-географических особенностей, включая крупные равнинные участки. Ярко выраженные природные границы, сочетание различные ландшафтных зон, оказавших влияние на формирование культурно-хронологических комплексов в речных долинах, позволяет выделить Усинский археологический микрорайон в качестве отдельного историко-культурного образования.

Как отмечал В.В. Бартольд, котловина являлась своеобразным «коридором» между южносибирскими и центральноазиатскими степями (Бартольд, 1963, с. 484–485). Из долины р. Ус конные тропы вели в долины рек центральнотувинской котловины – Эйлиг-Хем и Демир-Суг, впадающих в Енисей по правому и левому берегу. Несмотря на свою труднодоступность, эти горные пути были освоены еще в древности. Наиболее ранние свидетельства пребывания в котловине охотничьих коллективов относятся к периоду позднего палеолита и неолита (Астахов, 1981, с. 165; Он же, 1982, с. 184; Васильев, 1992, с. 10). Эпоха бронзы представлена выполненными охрой сценами охоты на лосей, личин окуневского типа (Боковенко, 1995, 2018) и захоронением с украшениями из камня (Митько, 2006). В раннем железном веке в Усинской котловине проживало скифское население, оставившее могильники, к которым приурочены оленные камни (Боковенко, 2014; Митько, 2016).

Дискретность историко-археологического процесса фиксируется для первой половины I тыс. н. э. Ни шурмакские, ни кокэльские захоронения к настоящему времени не зафиксированы, равно как и погребения, совершенные по обряду трупоположения с конем. Обнаружены лишь отдельные погребения, которые можно отнести к раннему Средневековью. Приток нового населения в Усинскую котловину отмечается лишь с окончанием острой фазы уйгуро-кыргызского противостояния (Амзараков и др., 2015; Митько, 2015).

В настоящее время в степной части долины р. Ус известно около 16 местонахождений стоянок и погребально-поминальных комплексов, со-

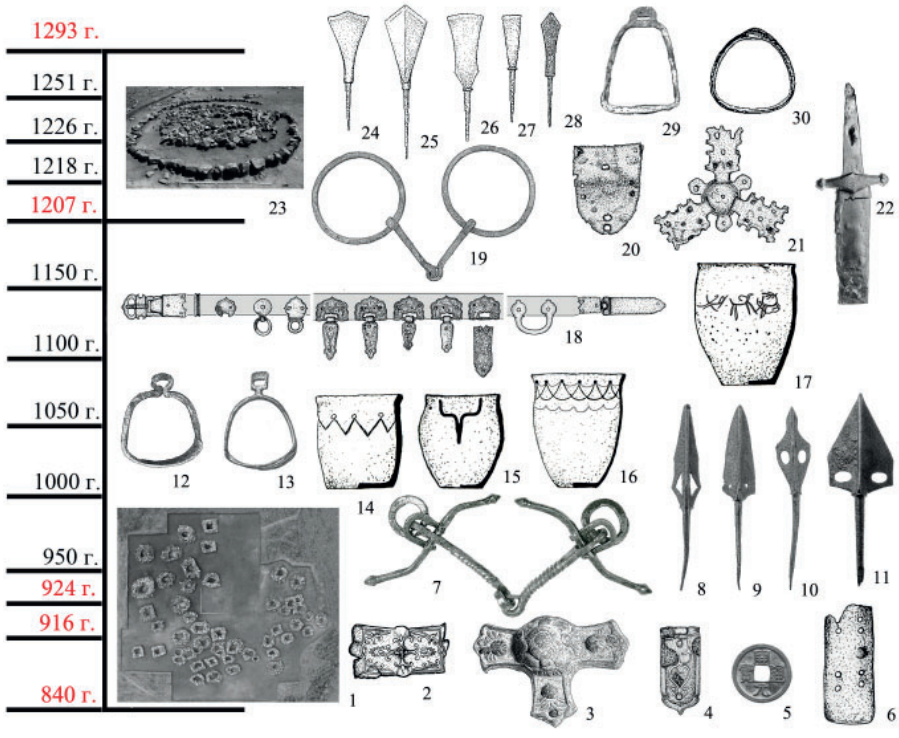


Табл. 1. Культурно-хронологический комплекс «долгого века» усинских кыргызов на шкале исторических дат.

Tabl. 1. Cultural and chronological complex of the «long century» of the Usinsk Kyrgyz o n the historical date scale.

держащих захоронения, совершенные по обряду трупосожжения на стороне. На правобережной части памятники расположены на горных отрогах на высоте 12–15 м от поймы р. Ус, на левобережье они занимают равнинные участки вдоль р. Иджим. Могильники насчитывают от 2–7 до нескольких десятков каменных сооружений. Башнеобразные конструкции подквадратной и округлой в плане формы, диаметром от 3 до 5 м, высота отдельных сооружений достигает 0,8 м. Они сложены из аккуратно подогнанных продолговатых плит, внешние стороны стенок выровнены. Другой тип надмогильных сооружений представлен округлыми уплощенными насыпями с крепидой в основании или без нее.

Для крупных могильников, таких как Мутная I (19 курганов) и Эйдиктыр-кыр (60 курганов), характерной особенностью является близкое расположение погребальных объектов относительно друг друга. Развалы верхних рядов стенок сливаются, образуя сплошное каменное перекрытие, внешне напоминающее кокэльские курганы-кладбища. Кальцинированные кости помещались в могильные ямы в центральной части курганов на уровне древней дневной поверхности или в неглубоких ямках без каменных перекрытий (внекурганные захоронения).

Особая топография могильников Мутная I и Эйдиктыр-кыр, проявляющаяся в соседстве сооружений (табл. 1: 1), сближает их с памятниками I локального варианта тувинской группы, охватывающей Центральную Туву и Саянское ущелье (Хемчик-Бом II, Сарыг-Хая, Аймырлыг и др.). Установлено, что с территории Тувы

глубина проникновения в каньон курганов этого варианта доходила до 90 км и достигала устья р. Ус (Длужневская, 1983, с. 41). Помимо топографических параллелей и устройства наземных сооружений близость с I локальным вариантом тувинской группы проявляется в предметных комплексах.

Что касается устройства курганов долины р. Иджим, то в конструктивном отношении они отличаются от правобережных памятников. Округлые в плане каменные выкладки и наброски неопределенной формы находят соответствия среди поминально-погребальных сооружений на территории распространения всех пяти локальных вариантов тувинской группы (табл. 1: 23). Металлические наборы снаряжения всадника и верхового коня из могильников Сухорослово 1–3, Куярт-1, Маральское-2, Саяны-Пограничное 1, 3, 4, 6–8 также составляют единый предметный комплекс, типичный для культуры енисейских кыргызов (Соловьева, 2015).

Стремена с прямыми и полукруглыми подножками демонстрируют развитие их формы от более ранних (восьмерковидных и с выделенной пластиной для путлища) до поздних (с отверстием в дужке). Удила однокольчатые и двухкольчатые, с небольшими и крупными в диаметре кольцами, с гладкими и витыми грызлами. Псалии вертикальные, прямые стрежневые и эсовидные, без фигурных завершений и с листовидными, сапожковидными завершениями концов, с простыми и накладными скобами, с приемниками нащечных ремней (табл. 1: 7, 12, 13, 19, 29, 30).

Бронзовые и железные пряжки округлой и четырехугольной формы, с подвижным и неподвижным щитком, крупные овальные пряжки с язычком на вертлюге. Литые бронзовые фигурные бляхи и тройники тюхтятского облика с богатым растительным орнаментом, зооморфными, орнитоморфными и антропоморфными фигурами. Типологически разнообразные элементы железной поясной гарнитуры покрыты орнаментом, выполненным в технике таушированияя серебром: накладные бляхи с прорезью и без прорези, с подвесными кольцами и наконечниками подвесных ремешков, удлиненные пластины с различным оформлением (табл. 1: 2–4, 18, 21). Ножи, тесла «без плечиков» и «с плечиками», пряслица, мусаты, пластинчатые кресала, китайские монеты (табл. 1: 5) входили в стандартный набор мужских и женских захоронений.

Оружие дальнего боя представлено всеми типами железных черешковых наконечников стрел и колчанными крюками. Для ближнего боя использовались слабоизогнутые сабли, с обоймой на лезвии и ладьевидной гардой в виде уплощенного ромба и фигурными концами. О существовании защитного вооружения свидетельствуют находки панцирных пластин различной формы и размеров (табл. 1: 8–11, 22, 24–28).

Практически весь состав предметов из усинских погребальных памятников находит полное соответствие с погребальным инвентарем тувинской группы (Длужневская, 1994), что позволяет говорить об их хронологической синхронности. В свою очередь, анализируя бронзовые и железные изделия, Г.В. Длужневская отметила, что они имеют прямые аналогии среди находок из Пенджикента, датируемых временем ранее середины – третьей четверти VII в., а типы этих вещей продолжают существовать и в IX–X вв.

При этом наблюдаемое сходство с материалами из купольных гробниц киданьской знати периода Ляо (916–1125 гг.) позволило включить основные категории кыргызского инвентаря в хронологические рамки 975–1025 гг., а поздние комплексы вынести

за пределы временного отрезка 1000–1050 гг. (Длужневская, 1994, с. 40). Очевидно, что смена облика металлических изделий в культуре тувинской группы енисейских кыргызов заходит за хронологические границы тюхтятской культуры и охватывает XI в.

Эта же особенность характеризует и усинский предметный комплекс. Более того, отмечены случаи, когда на одном небольшом участке крупных могильников соседствуют курганы, однотипные по конструкции, но содержащие инвентарь разного времени (IX–X и XI–XIII вв.) или совмещающие тюхтятские и аскизские предметы. Схожая картина наблюдается и на могильниках Саянского каньона. Б.Б. Овчинникова отметила, что материалы кыргызских памятников Аймырлыг 2, группы I–III, демонстрируют «переходный период от тюхтятской к аскизской культурной общности» (Овчинникова, 2018, с. 154).

Отдельно стоит вопрос о немногочисленной, но выразительной группе керамической посуды, которую принято рассматривать как культурный индикатор. Всего на могильниках Мутная 1, Эйдиктыр-кыр и Маральское-2 обнаружено около 27 сосудов, включая семь археологически целых и не менее 20 фрагментированных (табл. 1: 14–17). Они небольших размеров, плоскодонные, серо-коричневого цвета, довольно грубо изготовлены ручным способом из неплотного глиняного теста с примесью песка и дресвы, поверхность тулова плохо заглажена. По форме их можно разделить на две типологически близкие группы: баночные и горшковидные. При этом практически для каждого сосуда можно отметить ряд индивидуальных черт, проявляющихся в декорировании двумя способами – налепным и прочерченным по сырой глине орнаментом.

Баночные сосуды с прямой формой венчика и слабопрофилированным туловом орнаментированы под венчиком и на плечиках гребенчатым орнаментом, нанесенным орнаментиром с близкорасположенными зубцами. Другой вариант представлен комбинацией двух декоративных элементов: вдавлениями и прочерченными зигзагообразными линиями.

Горшковидные сосуды представлены двумя типами. Тип I – с выделенной придонной частью, профилированным туловом, плечиками и широким горлом. Выделяются два сосуда: с налепным орнаментом в виде полуокружий с опущенными вниз усиками и с прочерченным орнаментом, также состоящим из полуокружий, отходящих от неглубоких ямок. Отдельно стоит отметить сосуд со стилизованными изображениями фигур оленей. Тип II – сосуды с выделенной придонной частью, профилированным туловом, плечиками, широким горлом и двумя небольшими, расположенными под венчиком «ручками» и сосковидными налепами.

Горшковидная форма усинских сосудов находит соответствия среди керамических наборов средневековых памятников второй половины I тыс. н. э. Минусинской котловины, в первую очередь в чаатасах и погребениях с конем. Что касается тувинской группы енисейских кыргызов, то в их погребальном инвентаре керамика не составляет массового материала. По морфологическим характеристикам усинская и тувинская керамика близки, но орнаментация не находит аналогий ни среди кыргызской, ни среди более ранней кокэльской и шурмакской серии сосудов.

На наш взгляд, орнамент на керамике из погребений Усинской котловины близок к украшениям сосудов двух регионов – Прибайкалья и северо-западных предгорий Алтая, причем не из захоронений с кремациями, а совершенных по обряду трупоположения с конем и со сбруей без коня.

Композиции типа зигзага (ломаной линии), решетки и дугообразной линии нанесены на горшковидные сосуды, обнаруженные на памятниках IX–XI вв. Гилево VI, VIII, XI. Среди них отметим сосуд из кургана 11 могильника Корболиха с фигурой верблюда (Могильников, 2002, с. 121, рис. 195: 7; 214: 3, 5, 6, 7).

В Прибайкалье, на памятниках Приольхонья, на р. Унге и на Ангарских островах (Лесное, Сосновое, Унгинское, Шохтой, Манхай, Улан-Бор), датируемых IX–XIV и XII–XIV вв., на плоскодонных баночных сосудах курумчинского типа встречаются близкие усинским композиции орнамента, выполненного в прочерченной технике (Номоконова, 2005, с. 226, табл. 2).

В целом усинский археологический материал, включая керамические сосуды, слабо дифференцируется на отдельные хронологические периоды. Крупномасштабные последствия изменений морфологии предметов и их стилистического оформления заметны лишь на более продолжительном, чем «звездный час кыргызской истории», отрезке времени.

В европейской историографии утвердилось понятие «долгий век», которым обозначают не календарные, а исторические периоды, протяженность которых выходила за рамки столетия. Так, в истории Франции период между революцией 1789 г. и началом Первой мировой войны в 1914 г., после которой распалось большинство империй, получил название «долгий девятнадцатый век». Свой «долгий век» был в истории и других стран (Долгий XIX век).

На наш взгляд, понятие «долгий девятый век» можно применить к истории усинских кыргызов, если под ним понимать целостность ключевых элементов культуры, ее хронологическую непрерывность и инерционность, позволявшую сохранять эволюционный характер развития. Толчком для него послужили события кыргызско-уйгурских войн 820–840 годов, определившие весь ход этнической и политической истории региона. В археологическом отношении «долгий девятый век» охватывает тюхтятскую и аскизскую культуры и приходится на IX–XIII вв. (в календарных датах 840–1293 гг.). Отметим и возможные параллели с периодизацией китайского Средневековья (Тан, Сун и Юань), в которой разделение исторического процесса связано со сменами правящих династий. Даты, приходящиеся на «долгий век усинских кыргызов» (табл. 1), – это не абстрактные отметки на временной шкале. Они отмечают включенность усинцев в качестве объекта и субъекта истории в важнейшие для Южной Сибири и Центральной Азии события.

Вопрос о начале «долгого века» не ограничивается лишь датой – 840 год. Говоря о синхронности с материалами тувинской группы, отметим любопытное и, скорее всего, основанное на субъективных ощущениях наблюдение Г.В. Длужневской. Она писала, «что погребально-поминальные сооружения на правом берегу Енисея возводились, начиная с двадцатых годов IX века, в период позиционной войны, когда кыргызы заняли данную территорию, преодолев Саяны восточными проходами» (Длужневская, 1994, с. 40).

К правобережной части Енисея относится Усинская котловина, которая могла служить плацдармом для концентрации вооруженных сил. Не исключено, что первые воинские захоронения на ее территории могут датироваться временем ранее 840 г. Точно также не исключено, что первые погребальные сооружения могут относиться к первой четверти X в., когда под давлением киданей кыргызы покинули территорию Монголии в 916 и 924 гг. и часть из них заняла котловину.

Следующей ключевой датой стал 1207 г., когда отряд монголов во главе с сыном Чингисхана Джучи совершил поход в долину р. Енисея, покорив по пути лесные племена. Включая и население Усинской долины, известное в источниках как урсуты (Hambis, 1957, p. 25). Позднее, после восстания 1218 г., котловина р. Ус, как и весь Саяно-Алтай, «в качестве улуса и юрта» вошли в состав владений Джучи-хана. С 1226 г. урсуты попали под власть Тулуя, младшего сына Чингисхана, затем его вдовы Соркуктанибеги, а с 1251 г., как и другие народы Саяно-Алтая, оказались втянутыми в междоусобную борьбу чингизидов. В результате «лесные племена» вошли в состав империи Юань, власти которой поделили бассейн Верхнего и Среднего Енисея на пять административных единиц, среди которых была «область Усы». В Юань-ши содержится краткое описание религиозных представлений усинцев (Кычанов, 1963, с. 64). Завершается «долгий девятый век» усинских кыргызов в 1293 г., когда армия во главе с полководцем Хубилая кыпчаком Тутухой «полностью овладела народом пяти племен». Из Саяно-Алтая в Маньчжурию были переселены племена енисейских кыргызов, ханасов и усуханей (юаньсуханей). Последние, по мнению Л. Амби, являются все тем же племенем усинцев (Hambis, 1957, p. 25–26).

В заключение отметим, что при всей очевидной искусственности «долгий девятый век» – это не просто удобный для восприятия конструкт, а отрезок времени, имеющий не столько археологическое, сколько историческое культурно-хронологическое наполнение. В истории усинских кыргызов по меньшей мере 360 лет (с 840 по 1207 гг.) пришлось на «мирное сожительство» без войн и резких политических изменений, когда они вместе с другими обитателями Саяно-Алтайского нагорья входили в одно из «шести подразделений» (багов) в составе области Кэм-Кэмджиут (Кызласов, 1969, с. 129). К XIII в. из локального варианта выросло самостоятельное территориальное и социально-политическое образование «область Усы», равнозначное другим областям: Кыргыз, Ханьхэна, Кянь-чжоу и Иланьчжоу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Митько О.А., Поляков А.В.* Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.
2. *Астахов С.Н.* Новые памятники каменного века на Енисее // Археологические открытия 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 165.
3. *Астахов С.Н.* Работы Третьего отряда Саяно-тувинской экспедиции // Археологические открытия 1981 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 184–185.
4. *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 471–543.
5. *Беликова О.Б.* Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 1996. 272 с.
6. *Боковенко Н.А.* Новые петроглифы личин окуневского типа в Центральной Азии // Проблемы изучения окуневской культуры / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб., 1995. С. 32–37.
7. *Боковенко Н.А.* Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, окончательное воззрение. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Труды ИИМК РАН. Т. XLII / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб: ИИМК РАН; Арт-экспресс, 2014. С. 372–392.
8. *Боковенко Н.А.* Новые памятники наскального искусства в Усинской долине в контексте культур Центральной Азии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1 (21). С. 23–30.
9. *Васильев С.А.* Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна // СА. 1992. № 1. С. 5–12.

10. Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015б. 224 с.
11. Длужневская Г.В. Средневековые погребения с трупосожжением в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС // Древние культуры евразийских степей / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1983. С. 41–45.
12. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве: (IX–XII вв.): Автореф. дисс…. канд. ист. наук. Л., 1985. 18 с.
13. Длужневская Г.В. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв. н.э.) // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. VI. Editors A. Abramowicz, T. Poklewski, J. Szymczak. Lodz, 1993. С. 21–43.
14. Длужневская Г.В. Является ли кладом «Тюхтятский клад»? // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 234–239.
15. Долгий XIX век. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Долгий_XIX_век. (дата обращения 15.05.2024).
16. Дорога длиной в тысячелетия… / Отв. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: Любавич, 2015. 196 с.
17. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 200–207.
18. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
19. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981а. С. 46–52.
20. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981б. С. 54–59.
21. Кычанов Е.И. Сведения в «Юань – ши» о переселении киргизов в XIII веке (публикация источников) // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. V. Вып. 1. Фрунзе, 1963. С. 59–65.
22. Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера IV на Ангаре / Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 364 с.
23. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., Наука, 2002. 361 с.
24. Митько О.А. Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западные Саяны) // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол. Д.Г. Савинов и др. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 283–291.
25. Митько О.А. Усинский фронтир: кыргызско-усинский пограничный рубеж в центре Западных Саян // Кыргызский и Караханидский каганаты: Благодатные знания и государство. Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, посвященной 1000-летию Жусупа Баласагына, великого мыслителя и поэта эпохи Караханидов. Бишкек: Maxprint, 2015. С. 229–231.
26. Митько О.А. Оленный камень из долины р. Ус (Западные Саяны) // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 143–151.
27. Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. 1972. № 2. С. 198–205.
28. Номоконова Т.Ю. Орнамент средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 221–229.
29. Овчинникова Б.Б. Могильник Аймырлыг 2 – наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 149–155.
30. Овчинникова Б.Б., Длужневская Г.В. «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы. (По материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2000. 50 с.
31. Савинов Д.Г. Народы древнетюркской эпохи в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984. 176 с.
32. Трифонов Ю.И. О средневековых погребениях с трупосожжениями Верхнего Прииртышья // Маргулановские чтения / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алма-Ата, 1989. С. 204–209.
33. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. 240 с.
34. Hambis L. Notes sur la trois tribus de l`Ienissei superieur les us, qapqanas et Tälängüt (Заметки о трех племенах Верхнего Енисея: ус, капканы и теленгиты) // Journal Asiatique. T. CCXLV. № 1. 1957. P. 25–30 (на фр. яз.)

Информация об авторе

Митько Олег Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); omitis@gf.nsu.ru

«THIS LONG NINTH CENTURY»: YENISEI KYRGYZ IN THE USINSK BASIN

O.A. Mitko

The article is dedicated to the analysis of the issues of periodization and local variants of the Yenisei Kyrgyz culture in the Southern Siberia. The concept of the «long ninth century» is used in relation to the history and archaeology of the medieval population that occupied the Usinsk Basin in the Western Sayan Mountains after 840 AD. It is understood as the integrity of the key elements of the Usinsk Kyrgyz culture, its chronological continuity and inertia, which allowed maintaining the evolutionary nature of development for several centuries.

By now, about 16 medieval archaeological sites have been excavated – campsites and burial and memorial complexes containing burials made according to the rite of cremation on the side. The topography of the large burial grounds of Mutnaya I and Eidiktyr-kyr has the same features as the monuments of the first variant of the Kyrgyz culture, located in Central Tuva and the Yenisei Canyon. Metal sets of horseman's and riding horse's equipment from cremation burials also form a single object complex. Only the ornamentation of ceramic vessels is unique. A hypothesis about the entry of the Usinsk Kyrgyz into one of the «six divisions» within the Kem-Kemdzhiut region and their creation of an independent social and political formation – the «Us region», known from written sources, has been put forward. The upper date for the end of the «long ninth century» – 1293 – is determined by the resettlement of the Usinsk Kyrgyz by the Mongols outside the Sayan-Altai Plateau.

Keywords: archaeology, Southern Siberia, Middle Ages, Kyrgyz, Uighurs, cremation, barrow, burial set

REFERENCES

1. Amzarakov, P. B., Lazaretov, I. P., Mit'ko, O. A., Polyakov, A. V. 2015. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 14 (7), 151–164 (in Russian).
2. Astakhov, S. N. 1981. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda (Archaeological Discoveries 1980)*. Moscow: "Nauka" Publ., 165 (in Russian).
3. Astakhov, S. N. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1981 goda (Archaeological Discoveries 1981)*. Moscow: "Nauka" Publ., 184–185 (in Russian).
4. Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Compositions)* 2, part 1. Moscow: "Nauka" Publ., 471–543 (in Russian).
5. Belikova, O. B. 1996. *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. (Middle Chulym River Area in the 10th–13th cc.)* Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).
6. Bokovenko, N. A. 1995. In Savinov, D. G. (ed.). *Problemy izucheniya okunevskoy kul'tury (Issues of studying Okunev culture)*. Saint Petersburg, 32–37 (in Russian).
7. Bokovenko, N. A. 2014. In Alekshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiya, kul'turogenez, okonchatel'noe vozzrenie. Pamyati Vadima Mikhaylovicha Massona (03.05.1929–19.02.2010) (Archaeology of ancient societies of Eurasia: chronology, cultural genesis, final view. In memory of Vadim Mikhailovich Masson (05/03/1929–02/19/2010))*. Series: Proceedings of IHMC RAS. Vol. XLII. St. Petersburg: IHMC RAS; "Art-Express" Publ., 372–392 (in Russian).
8. Bokovenko, N. A. 2018. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia* (*Sayan-Altai Scientific Review*) 1 (21), 23–30 (in Russian).
9. Vasil'ev, S. A. 1992. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 5–12 (in Russian).
10. Dashkovskiy, P. K. 2015. *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noi Azii (Kyrgyz people in Altai in the Context of Ethnic and Cultural Processes in Central Asia*). Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).
11. Dluzhnevskaya, G. V. 1983. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie kultury evraziiskih stepei (Ancient Cultures of Eurasian Steppes).* Leningrad: "Nauka" Publ., 41–45 (in Russian).
12. Dluzhnevskaya, G. V. 1985. *Pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov v Tuve: (IX–XII vv.) (The Yenisei Kyrgyz sites in Tuva: (IX–XII centuries))*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
13. Dluzhnevskaya, G. V. 1993. In Abramowicz, A., Poklewski, P., Szymczak J. (eds.). *Fasciculi Archaeologiae Historicae* VI. Lodz, 21–43 (in Russian).
14. Dluzhnevskaya, G. V. 2002. In Savinov, D. G. (ed.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Hoards: composition, chronology, interpretation. Proceedings of thematic scientific conference).* St. Petersburg: St. Petersburg State University, 234–239 (in Russian).

The study was conducted as part of the implementation of the State Assignment of the Ministry of Education and Science RF in the field of scientific activity (project No. FSUS-2025-0009).

15. Dolgiy XIX vek (The long 19th century). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Долгий_XIX_век (accessed 13.01.2016) (in Russian).
16. In
17. Kyzlasov, I. L. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 200–207 (in Russian).
18. Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriya Tuvy v srednie veka (The history of Tuva in the Middle Ages)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
19. Kyzlasov, L. R. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 46–52 (in Russian).
20. Kyzlasov, L. R. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 54–59 (in Russian).
21. Kychanov, E. I. 1963. In *Izvestiya AN Kirgizskoy SSR. Seriya obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kirghiz SSR. Series. Social Sciences)* 5 (1). Frunze, 59–65 (in Russian).
22. Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2022. *Srednevekovyy mogil'nik Prospikhinskaya Shivera IV na Angare (Medieval Prospikhinskaya Shivera IV burial ground on the Angara)*. Series: Trudy Boguchanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Boguchany archaeological expedition). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
23. Mogil'nikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh (Nomads of the northwestern foothills of Altai in the 9th–11th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Mit'ko, O. A. 2006. In Savinov, D. G. (ed.). *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie (Okunev collection 2. Culture and its environment)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 283–291 (in Russian).
25. Mit'ko, O. A. 2015. In *Kyrgyzskiy i Karakhanidskiy kaganaty: Blagodatnye znaniya i gosudarstvo. Sbornik materialov IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 1000-letiyu Zhusupa Balasagyna, velikogo myslitelya i poeta epokhi Karakhanidov (Kyrgyz and Kara-Khanid khaganats: Blessed knowledge and the state. Collected papers of the IV international scientific and practical conference, dedicated to the 1000th anniversary of Yūsuf Balasaguni, the great thinker and poet of the Kara-Khanid period)*. Bishkek: "Maxprint" Publ., 229–231 (in Russian).
26. Mit'ko, O. A. 2016. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.) *Altay v krugu evraziiskih drevnostei (Altay in the Circle of Eurasian Antiquities).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 143–151 (in Russian).
27. Nikolaev, R. V. 1972. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 198–205 (in Russian).
28. Nomokonova, T. Yu. 2005. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 3. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 221–229 (in Russian).
29. Ovchinnikova, B. B. 2018. In Smirnov, N. Yu. *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamyati Galiny Vatslavny Dluzhnevskoy) (Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 149–155 (in Russian).
30. Ovchinnikova, B. B., Dluzhnevskaya, G. V. 2000. *"Druzhinnoe zakhoronenie" eniseyskikh kyrgyzov v tsentre Tuvy. (Po materialam mogil'nika Aymyrlyg 2) ("Burial of warriors" of the Yenisei Kyrgyz in the center of Tuva. (Based on the materials of the burial ground Aimyrlyg 2))*. Ekaterinburg: "Bank kul'turnoi informatsii" Publ. (in Russian).
31. Savinov, D. G. 1984. *Narody drevnetyurkskoy epokhi v drevnetyurkskuyu epokhu (Peoples of the ancient Turkic era in the ancient Turkic era)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
32. Trifonov, Yu. I. 1989. In Baypakov, K. M. (ed.). *Margulanovskie chteniya (Margulan Readings).* Alma-Ata, 204–209 (in Russian).
33. Khudyakov, Yu. S. 1982. *Kyrgyzy na Tabate (Kyrgyz on Tabat)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Hambis, L. 1957. In *Journal Asiatique* CCXLV (1), 25–30.

About the Author:

Mitko Oleg A. Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk State University. Pirogova st., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; omitis@gf.nsu.ru

Статья принята в номер 22.08.2024 г.

История изучения археологии культур Степной Евразии: сохранение и музеефикация археологического наследия номадов Евразии*

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.120.136

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗВАЯНИЙ АЛТАЯ[1]

© 2025 г. Г.В. Кубарев, В.Д. Кубарев

Авторы статьи рассматривают историю изучения раннесредневековых изваяний Алтая, которая насчитывает больше двухсот лет. Они условно выделяют три периода в их изучении: 1 – начало XVIII – 60-е гг. XIX вв.; 2 – 1860-е – 1920-е гг.; 3 – 1920-е гг. – по настоящее время. Если в течение первого периода участники рудно-поисковых партий и первых естественно-научных экспедиций просто фиксировали каменные изваяния, то второй период отмечен первыми археологическими раскопками поминальных оградок, зарисовкой и публикаций изваяний. Третий, современный этап характеризуется проведением широкомасштабных и планомерных археологических работ, их государственным финансированием, созданием научно-исследовательских организаций. Именно в этот период было обнаружено наибольшее количество изваяний, число которых в настоящий момент составляет 320 экземпляров. Несмотря на длительную историю изучения изваяний Алтая, необходимо продолжить работу над различными аспектами в интерпретации раннесредневековых изваяний и поминальных сооружений: их семантикой, костюмом тюркоязычных кочевников, выделением женских изваяний, традицией помещения вотивных, нефункциональных вещей в поминальные оградки и др.

Ключевые слова: археология, каменные изваяния, Алтай, эпоха раннего Средневековья, история изучения.

С момента издания первого и единственного свода каменных тюркских изваяний Алтая одним из авторов данной статьи, В.Д. Кубаревым, прошло сорок лет (Кубарев, 1984). Во введении к монографии он кратко рассмотрел историю изучения этой яркой разновидности раннесредневековых археологических памятников региона. Однако за прошедшее с тех пор время было обнаружено значительное количество новых изваяний, часть из которых является уникальными, опубликованы ранее недоступные архивные материалы исследователей, художников, краеведов, касающиеся монументальной скульптуры Алтая, получена серия радиоуглеродных датировок материалов из поминальных оградок, сопровождаемых изваяниями. Все это позволяет на качественно новом уровне осветить историю изучения монументальных раннесредневековых памятников Алтая, выделить этапы их изучения, высказаться о принадлежности части изваяний женщинам, об особенностях наиболее ранних изваяний и других исследовательских проблемах. Новые материалы подчеркивают актуальность обращения к историографическому обзору в рамках данной темы[2].

История изучения раннесредневековых каменных изваяний Алтая насчитывает более двух столетий. Первые краткие сведения о каменных изваяниях Алтая содержатся в сообщениях русских рудознатцев, исследовавших алтайские горы в поисках руд в начале XVIII века. Вслед за ними

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

[1] Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 24-28-01323, https://rscf.ru/project/24-28-01323/

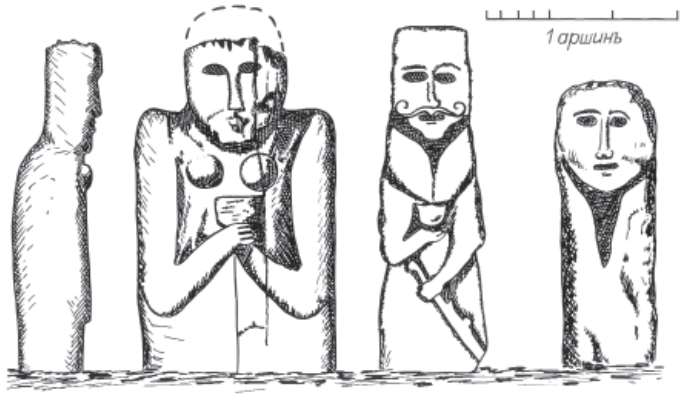


Рис. 1. Древние надгробные памятники из Алтайских гор (по: Спасский, 1819, табл. 8).
Fig. 1. Ancient gravestones from the Altai Mountains (according to Spassky, 1819, table 8).

на Алтай отправляются комплексные научные экспедиции. Первая такая экспедиция, возглавляемая Петром Шелегиным, была послана русским правительством в 1745 г. в район Телецкого озера и бассейна Чулышмана. Лаврентий Феденев и Никита Шангин, участники рудно-поисковой партии 1786 г., обнаружили и впервые зарисовали «древних народов статую» в устье р. Каменки (левый приток р. Катуни) (Кубарев, 1984, с. 4). Упоминаются каменные изваяния и в путевых записях академика П.С. Палласа, руководителя двух экспедиций на Алтай (Паллас, 1786, с. 197–198). Правда, в последнем случае речь идет о долине р. Иртыш на территории современного Казахского Алтая.

Значительную роль в археологическом изучении края сыграл Г.И. Спасский, который более восьми лет прожил и проработал на Алтае (1809–1817 гг.). В одной из его публикаций помещены рисунки «древних надгробных памятников из Алтайских гор» (рис. 1) (Спасский, 1819, табл. 8). Причем одно из этих изваяний (центральное) позднее оказалось в Барнаульском музее и было зарисовано И.Р. Аспелиным в конце XIX века (рис. 2: 2). Нельзя, впрочем, исключать, что какие-то из этих изваяний могли происходить с территории Восточного Казахстана, прилегающего к Алтаю.

В 1826 г. известный естествоиспытатель, профессор Дерптского университета К.Ф. Ледебур организовал экспедицию на Алтай. В «Алтайских сопках» им осмотрены древние могилы, на которых были воздвигнуты сланцевые плиты с изображением человеческих фигур (Ледебур, 1827, с. 254–278). В долине р. Чарыш и ее притоков (Кана, Ябогана, Кырлыка и др.) К.Ф. Ледебур отмечал и раннесредневековые поминальные оградки, называя их «…погребениями, окаймленными сланцевыми плитами, вкопанными в землю вертикально впритык одна к другой…», с каменными насыпями внутри (Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 98). Каменные изваяния и в дальнейшем привлекали внимание исследователей. Отдельные заметки и записи о них можно встретить в трудах 40-х гг. XIX в. П.А. Чихачева, А.И. Шренка, Г.Е. Шуровского и П.И. Небольсина.

Известный языковед-тюрколог, этнограф и археолог В.В. Радлов олицетворяет собой новый период в алтайской археологии. 1860, 1865 и 1870 годы отмечены его поездками на Алтай. В путевых заметках и отчетах ученого постоянно упоминаются «грубые каменные изображения лю-

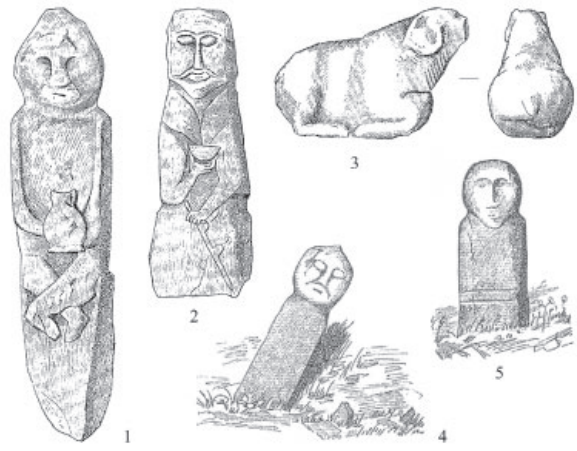


Рис. 2. Раннесредневековые изваяния из Барнаульского музея (1–3), междуречья Башкауса и Улагана (4), долины р. Айлагуш (5), зафиксированные в ходе экспедиции И.Р. Аспелина в 1887 году. 1,2,4,5, – антропоморфные скульптуры, 3 – скульптура барана (по: Alt-Altaische, 1931, Abb. 316, 317, 340–342).

Fig. 2. Early medieval sculptures from the Barnaul Museum (1-3), the interfluves of Bashkaus and Ulagan (4), the Ailagush River valley (5), recorded during the expedition, led by I.R. Aspelin in 1887.

дей (бабы)», приводятся их рисунки (Радлов, 1895, с. 172; 1989, с. 431). В.В. Радлов пишет о том, что ему известны две каменные скульптуры с Алтая, хранившиеся до 1870-х гг. в Барнаульском музее (Радлов, 1989, с. 434). Обе держат «урны для праха», т. е. сосудики на уровне груди. По его мнению, одна из них, с усами и бородой, изображает мужчину, вторая, безусая – женщину (Радлов, 1989, с. 434). На территории Алтая, в окрестностях Онгудая, Уймона и в долине р. Чуи В.В. Радлов кроме круглых каменных погребений отмечал поминальные оградки – огороженные камнями прямоугольники, расположенные рядами. Какое-то количество поминальных оградок в этих районах он раскопал и отмечал: «…Сколько таких прямоугольников я не обследовал, ни в одном из них я не обнаружил могилы, так что вполне могу считать все эти прямоугольники местами жертвоприношений» (Радлов, 1989, с. 414).

Среди местных исследователей древностей Алтая нельзя не выделить видных краеведов С.И. и Н.С. Гуляевых. Занимаясь в основном фольклором Сибири, С.И. Гуляев посвящал также много времени сбору сведений об археологических памятниках. По его заключению, все курганы Западной Сибири имели земляные насыпи, тогда как курганы Алтая сооружались из камня. Нередко на таких могилах стоят каменные столбы или изваяния в виде человеческой фигуры. Все данные о памятниках С.И. Гуляев обобщил в рукописных статьях: «Заметки о чудских буграх», «О буграх или курганах в Сибири» и др. Н.С. Гуляев продолжил сбор археологических находок и учет различных памятников древности (Демин, 1989, с. 66–74). По его сведениям, целая группа каменных изваяний («идолов») прежде стояла на курганах по дороге из с. Батурово в дер. Идолово (от чего и происходит название деревни).

Известный исследователь Центральной Азии Г.Н. Потанин по пути в Монголию в 1879 году описал местонахождение некоторых алтайских изваяний и опубликовал их рисунки (Потанин, 1885, с. 50–57; Тишкина, 2010, рис. 18, 19). Н.М. Ядринцев, побывавший в 1878–1880 гг. в самых отдаленных уголках Алтая, достаточно основательно и полно описал разнообразные археологические памятники. Его внимание было обращено прежде всего к загадочным «Коже-Таши» – каменным бабам, которых он встречал на протяжении своего маршрута по долинам рек Чулышман, Башкаус, Чуя и Коксу. Он не только самым тщательным образом обработал каменные изваяния, сделав рисунки и сняв размеры, но и опубликовал несколько

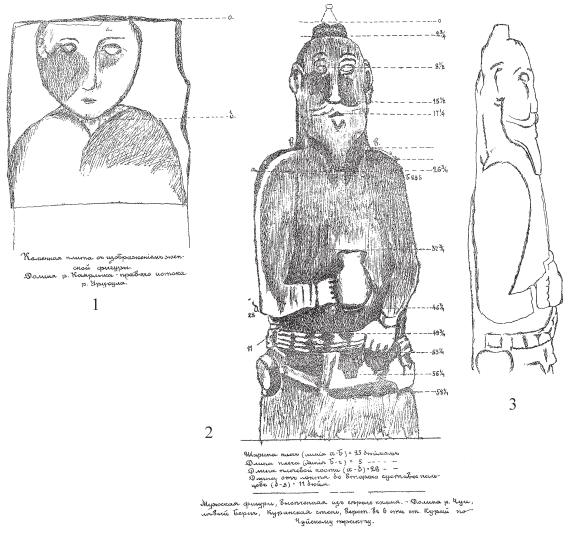


Рис. 3. Каменные изваяния Алтая, зарисованные участниками экспедиции С.П. Швецова в 1897 году. 1 – скульптура в долине р. Каярлык, 2 – «Кезер» в местности Тётё (по: Швецова, 1898, с. 3, рис. 1–3).

Fig. 3. Stone statues from the Altai, drawn by members of the expedition, led by S.P. Shvetsov in 1897.

из них в своей статье (Ядринцев, 1883 с. 181–205; Тишкина, 2010, рис. 14, *3*; 15, *5*; 16). По его наблюдениям, часть курганов (оградок – Г.К.) сопровождалась каменными изваяниями, от которых в восточном направлении иногда отходил ряд из вертикально установленных балбалов. В долине р. Башкаус он раскопал основание одного из изваяний и зафиксировал две массивные плиты. Н.М. Ядринцев абсолютно правильно подметил поминальный характер этих сооружений, сопровождаемых каменными изваяниями, и отнес их к периоду фетишизма, в котором существовало «обожание» мертвых и приношение им жертв (Демин, 1989, с. 86). Собранные Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым материалы оказались весьма ценными для археологической науки, так как одни из этих каменных «баб» уже утрачены, другие – плохо сохранились.

А.В. Адрианов прошел по следам Н.М. Ядринцева во время своего путешествия 1881 года. Он обследовал древние памятники речных долин Чулышмана, Яан-Улагана и Башкауса (Адрианов, 1888, с. 222, 228, 229, 381–421). При этом он ещё раз описал и зарисовал отдельные каменные фигуры, открытые Н.М. Ядринцевым.

К концу XIX века в археологической коллекции Барнаульского музея насчитывалось три раннесредневековых каменных изваяния с Алтая – два антропоморфных и одна скульптура барана (Демин, 1989, с. 60). Они были осмотрены и зарисованы в ходе экспедиции финским профессором И.Р. Аспелиным в 1887 году и позднее опубликованы О.Х. Аппельгрен-Кивало (рис. 2: 1–3) (Alt-Altaische, 1931, Abb. 340–342). Их первоначальное место установки остается неизвестным: они могли быть привезены как с территории Алтая, так и Восточного Казахстана или даже Семиречья. Во всяком случае, скульптура, воспроизводящая фигуру человека с сосудом в руках и со скрещенными ногами (рис. 2: 1), по иконографии больше соответствует среднеазиатской традиции. Тогда как изваяние, изображающее мужчину-воина в канонической позе – с сосудом в правой руке, с левой рукой, опущенной на рукоять клинкового оружия, вполне могло происходить с территории Алтая (рис. 2: 2). Хотя сосуд в его руке в виде чаши-пиалы также более характерен для среднеазиатских монументальных памятников. В следующем, 1888 году в долине рек Башкаус и Улаган, а также в местности Көшөлю (Köschölu) в долине р. Айлагуш на Алтае членами этой экспедиции были зарисованы еще два раннесредневековых изваяния (рис. 2: 4, 5) (Alt-Altaische, 1931, Abb. 316, 317). Они хорошо узнаваемы и позже

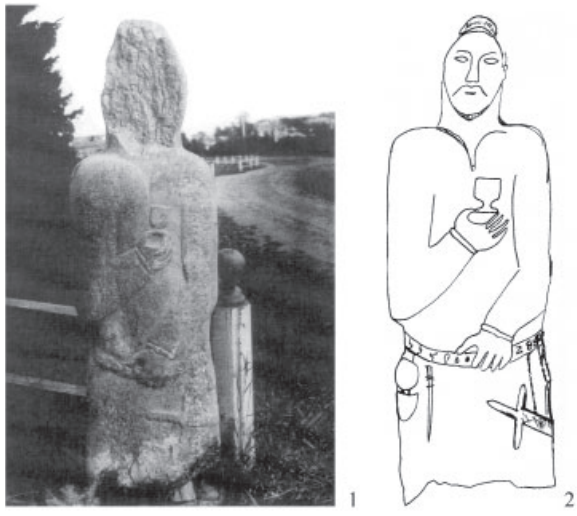


Рис. 4. Тюркское изваяние из Белого Ануя. 1 – фото в Томске. 1902 г.; 2 – рисунок изваяния до скалывания лица (по: Ожередов, 2014, рис. 3, 4).
Fig. 4. Turkic statue from Bely Anuy.

вошли в обобщающую монографию В.Д. Кубарева.

Летом 1897 года Главное управление Алтайского округа поручило С.П. Швецову провести статистико-экономическое исследование т. н. калмыцких стойбищ. М.В. Швецова, участвовавшая в этой экспедиции, собирала также сведения о культуре, быте, костюме, верованиях алтайцев, что нашло отражение в её статье (1898). Кроме этого, участники экспедиции фиксировали древние памятники (курганы, каменные изваяния, наскальные рисунки). Так, отмечены многочисленные курганы, оставленные «чудью», в долине р. Урсул, в Центральном Алтае (Швецова, 1898, с. 3). В своей статье М.В. Швецова описывает и приводит рисунки двух каменных изваяний, выполненных другими членами этой экспедиции – П.М. Юхневым и Н.Я. Никифоровым (рис. 3) (Швецова, 1898, рис. 1–3). В частности, одно из них было зафиксировано в долине р. Каярлык в Центральном Алтае и представляло собой «погрудное изображение женщины», установленное посередине круга из камней (?) (рис. 3: 1) (Швецова, 1898, с. 4). По-видимому, М.В. Швецова права в определении этого, не сохранившегося до наших дней изваяния как женского. Она приводит сведения об еще одном похожем изваянии из долины р. Урсул, которое ей не удалось осмотреть (там же).

В Курайской степи, в местности Тётё, участниками экспедиции впервые было зафиксировано и введено в научный оборот, пожалуй, самое известное и реалистически выполненное изваяние Алтая – «Кезер» (рис. 3: 2, 3) (Швецова, 1898, рис. 2, 3). Обращает на себя внимание та тщательность, с которой сделаны зарисовки (в случае с «Кезером» – в анфас и профиль) и приведены размеры изваяний. На прорисовке «Кезера», со ссылкой на свидетельства местных жителей, прорисовано даже конусовидное навершие с шишкой. Однако такое продолжение обломанной верхней части головного убора или прически представляется крайне маловероятным.

Разрозненные сведения об отдельных каменных изваяниях Алтая встречаются в отчетах чиновников, рапортах и сообщениях местных жителей. В 1899 г. крестьянин Г.В. Конев нашел каменное изваяние, лежавшее под слоем земли, в долине р. Белый Ануй. Как оказалось, оно является одним из лучших образцов тюркской скульптуры на Алтае. В тот же год сельский староста Егоров сообщил о находке в статистическое бюро при Главном управлении Алтайского округа. Через некоторое время изваяние было вывезено в г. Томск, правда в поврежденном виде – со сколотым лицом (рис. 4). Позднее перипетии находки этого изваяния, его транспортировки и передачи в музей Томского университета на основании архив-

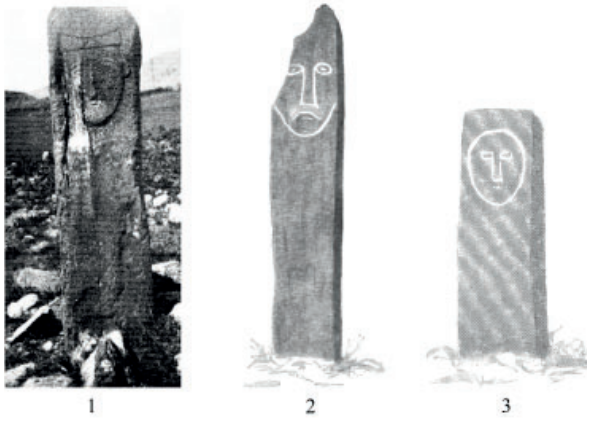


Рис. 5. Изваяния в долине р. Теньги, зарисованные и сфотографированные Й.Г. Гранё в 1907 г. (по: Granö, 1909, fig. 26–29).

Fig. 5. Sculptures in the valley of the Tenga River, drawn and photographed by J.G. Granö in 1907 (according to Granö, 1909, fig. 26–29).

ных документов были подробно описаны и проанализированы в статье Ю.И. Ожередова (2014).

Весьма интересными оказались поездки ботаника В.И. Верещагина, преподавателя Барнаульского реального училища, совершенные им в юго-восточные районы Алтая в 1908 г. по заданию Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Он упоминает об уже известных «каменных бабах» ниже устья р. Ян-Улаган, на правом берегу р. Башкаус (Узун-Язы), о «чудских могилах, вертикальных рядах камней и каменной бабе» в долине р. Ясатер (Джазатер) выше Карадуша (Верещагин, 1910, с. 24, 36).

Известный финский географ Й.Г. Гранё в 1907 г., следуя из г. Бийска до с. Кош-Агач и далее в Монголию, у с. Теньги сфотографировал и зарисовал три лицевых раннесредневековых изваяния (рис. 5) (Granö, 1909, fig. 26–29), одно из которых, возможно, воспроизводит женщину в трехрогом головном уборе (рис. 5: 1). Иллюстрации, опубликованные в работе Й.Г. Гранё, остаются единственным свидетельством об этих монументальных памятниках, т. к. до сих пор они не обнаружены и, вероятно, утрачены.

Известный алтайский художник Г.И. Чорос-Гуркин в период 1902–1930 гг. совершил несколько длительных путешествий на Алтай, во время которых делал многочисленные зарисовки предметов быта, жилищ, шаманских атрибутов, портретов и костюма алтайцев. В поле его зрения попали также древние памятники: раннесредневековые каменные изваяния и петроглифы. В 1912 году Г.И. Чорос-Гуркин зарисовал знаменитое изваяние Алтая – Кезер Таш в Курайской степи (Киреев, 2020, рис. 3). Позднее С.М. Киреев в своей статье подробно рассмотрел историю открытия, изучения и экспонирования, пожалуй, самого реалистичного и мастерски выполненного изваяния Алтая – «Кезера» (2020). В 1930 году художник принял участие в Алтайской этнографической экспедиции «Общества изучения Сибири и её производительных сил», включавшей сотрудников Ойротского музея и этнографов Ленинграда. Он не просто включал раннесредневековые каменные изваяния в свои художественные полотна и зарисовки (Этнографические рисунки, 2014, с. 87; и др.), но и, по сути, документально зафиксировал несколько из них в виде набросков. В такой манере он зарисовал как минимум шесть изваяний (Этнографические рисунки, 2014, с. 190; и др.). Тщательно прорисованы детали поясов, костюма, оружия, указаны размеры изваяний и место их обнаружения (рис. 6). Эти изваяния происходят из Каракольской долины и окрестностей с. Кулады (Этнографические рисунки, 2014, с. 8, 22, 189, 190). Все они хорошо узнаваемы, сохранились до наших дней и позднее были опубликованы в археологиче-

Рис. 6. Эскизы раннесредневековых изваяний, сделанные Г.И. Чорос-Гуркиным в 1930-м году в долине Каракола (по: Этнографические, 2014, с. 190).

Fig. 6. Sketches of early medieval sculptures made by G.I. Choros-Gurkin in 1930 in the Karakol Valley (according to: Ethnographic, 2014, p. 190).

ской литературе. Кроме того, Г.И. Чорос-Гуркин схематично зарисовывал расположение курганов, стел и поминальных оградок с отходящими от них балбалами (рис. 7) (Этнографические рисунки, 2014, с. 22, 189).

Г.И. Чорос-Гуркина в путешествиях по Алтаю сопровождал молодой художник из Бийска и его ученик Д.И. Кузнецов. До нас дошел небольшой этюд этого художника, написанный во время экспедиции 1930 года и воспроизводящий тюркское изваяние близ с. Кулада, установленное в его природном и археологическом окружении (Ожередов, 2020, рис. 1). В настоящий момент это изваяние экспонируется в музее с. Кулада.

Наиболее интенсивными периодами археологических исследований в первой половине XX в. являются 1924–1927 гг. и 1935–1937 гг. Одной из первых была Алтайская экспедиция 1924–1925 гг., организованная бывшим этнографическим отделом Государственного Русского музея, под руководством С.И. Руденко. Отряды этой экспедиции уделяли большое внимание поискам и картографированию еще неизвестных науке археологических памятников в труднодоступных районах Алтая. В 1924 г. участник экспедиции А.Н. Глухов обследовал памятники в Сайлюгемской степи. На р. Бугузун им были раскопаны три раннесредневековые оградки, у одной из которых было установлено каменное изваяние. В том же 1924 г. С.И. Руденко вскрыл одну оградку на р. Кукури (Кокоря) и открыл ряд каменных изваяний, которые он описал и сфотографировал.

Отдельный отряд Алтайской экспедиции обследовал также приустьевую часть р. Чулышман и берега Телецкого озера. Именно в этом районе – на юго-восточном берегу Телецкого озера – в 1925 г. А.Н. Глухов обнаружил каменное изваяние у с. Беле. Большая группа курганов древнетюркского периода была раскопана С.И. Руденко и А.Н. Глуховым в 1924–1925 гг. на правом берегу р. Чулышман, в урочище Кудыргэ (Руденко, Глухов, 1927). В могиле 16 был найден продолговатый валун, представляющий собой небольшое изваяние. На одной из широких его плоскостей нанесено изображение мужского лица, на обратной стороне – «сцена коленопреклонения» (Гаврилова, 1965, с. 19, табл. VI), интерпретация которой до сих пор является предметом дискуссии специалистов.

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция, возглавляемая С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой, обследовала в 1934–1935, 1937 гг. многие районы Алтая в зоне строительства Чуйского тракта. Среди десятков исследованных разновременных памятников была раскопана серия тюркских каменных оградок с изваяниями и без них (Евтюхова, Киселев, 1941). При этом большой вклад в изучение происхождения, хронологии и семантики

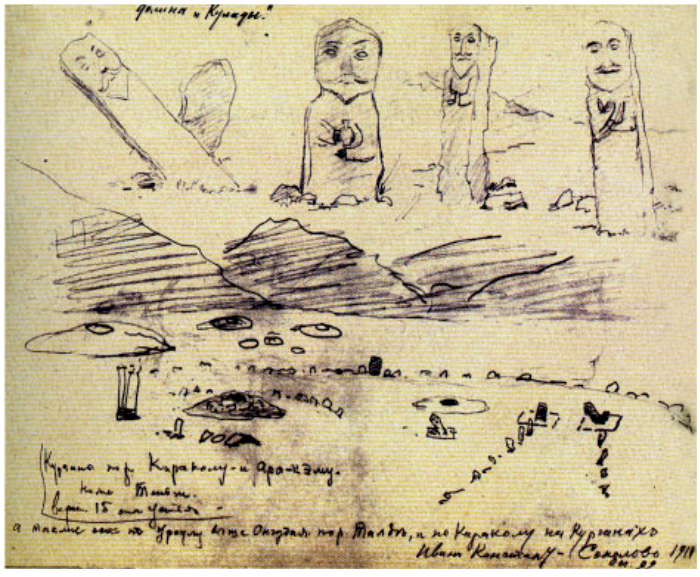


Рис. 7. Схема расположения курганов, поминальных оградок с балбалами, наброски каменных изваяний, сделанные Г.И. Чорос-Гуркиным в 1910-м году в долине Каракола и Урсула (по: Этнографические, 2014, с. 22).

Fig. 7. Layout plan of barrows, memorial enclosures with balbals, sketches of stone statues made by G.I. Choros-Gurkin in 1910 in the Karakol and Ursul valleys (according to Ethnographic, 2014, p. 22).

тюркских каменных изваяний внесла Л.А. Евтюхова. Уже с первых лет работы экспедиции она начала систематический сбор материалов по каменным изваяниям Алтая (Евтюхова, 1941). Итогом этой работы явилась обобщающая статья о каменных изваяниях Южной Сибири и Монголии, в которую была включена и большая группа из 28 алтайских скульптур (Евтюхова, 1952, с. 72–77, рис. 1–7, 71). Среди современных ей исследователей она одной из первых пришла к выводу о поминальном характере оградок с изваяниями, которые воспроизводили умершего человека (Евтюхова, 1952, с. 114–116). Исследовательница отметила характерные отличительные особенности каменных изваяний на территории Алтая, Тувы, Хакассии и Монголии. А.А. Гаврилова выделила два типа алтайских поминальных оградок: кудыргинские V–VI вв. – смежные, с лицевыми изваяниями, и яконурские VII–VIII вв. с реалистичными изваяниями (1965, с. 99–103).

В 1964–1966 г. на Алтае работала Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа во главе с С.С. Сорокиным. Проводились раскопки курганов в долинах рек Джазатер, Аргут и Коксу. Открыто четыре каменных изваяния, два из которых находились близ с. Джазатер (Сорокин, 1968, с. 260, 261). Ещё две скульптуры в устье р. Аюты входили в поминальный комплекс с валом и рвом и принадлежали к числу самых реалистичных тюркских монументальных памятников Алтая (Сорокин, 1968, с. 262, 262, рис. 2, *1, 2*).

Целенаправленные поиски и исследование раннесредневековых изваяний и поминальных оградок на Алтае проводил один из авторов данной статьи – В.Д. Кубарев, возглавлявший Восточноалтайский отряд Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР (рис. 8). Результатам этих работ посвящены отдельные статьи и небольшие заметки в археологической литературе и периодической печати (Кубарев, 1978; Кубарев, Бакшт, 1978; и др.). Он же опубликовал первую обобщающую монографию по раннесредневековым каменным изваяниям Алтая (Кубарев, 1984). Она явилась результатом более чем десятилетних целенаправленных работ с конца 1960-х по начало 1980-х гг., в ходе которых ему удалось обнаружить более половины из известных

Рис. 8. В.Д. Кубарев у одного из найденных изваяний в местности Кеме-Кечу на р. Аргут, 1981 г.

Fig. 8. V.D. Kubarev at one of the found statues in the area of Keme-Ketchu on the Argut River, 1981.

на тот момент 256 изваяний. Кроме того, за этот период он раскопал 46 поминальных оградок, у 26 из которых были установлены изваяния (рис. 9). В.Д. Кубарев расширил типологию раннесредневековых оградок Российского Алтая, предложенную А.А. Гавриловой, до пяти типов: 1. *кудыргинский*; 2. *яконурский*; 3. *аютинский*; 4. *юстыдский*; 5. *уландрыкский* (Кубарев, 1984, с. 50, 51). На сегодняшний день на Алтае раскопано около 350 поминальных оградок.

Раннесредневековые монументальные памятники и сопровождающие их ритуальные комплексы оставались в сфере научных интересов В.Д. Кубарева и в последующие годы и привели к находкам новых каменных изваяний (Кубарев, Кочеев, 1988; Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д., 2003; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009; Эбель и др., 2010). Исследователь также опубликовал научно-популярный каталог и фотоальбом по раннесредневековым каменным изваяниям Алтая (Кубарев, 1997; Каменные изваяния, 2007), а также книгу, посвященную поминальным сооружениям и каменным изваяниям Алтая, на корейском языке (Кубарев, 1999). Авторы данной статьи опубликовали каталог раннесредневековых изваяний Южной Сибири, хранящихся в фондах музеев ИАЭТ СО РАН (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2013). Он включает информацию об уникальной коллекции из 55 каменных скульптур с территории Алтая и Тувы. Этими же исследователями в соавторстве с К.Ш. Табалдиевым был опубликован большой раздел коллективной монографии по каменным изваяниям и поминальным сооружениям Алтая и Тянь-Шаня (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., Табалдиев К.Ш., 2023).

Почти каждый полевой сезон ведет к открытию новых монументальных памятников древнетюркской эпохи, и на сегодняшний день насчитывается около 320 скульптур. Они были обнаружены как в ходе экспедиционных работ различных академических и учебных заведений на Алтае: ГАНИИИЯЛ, ИА РАН (Могильников, Елин, 1983, с. 130–132, рис. 11, 15; др.), ЛГУ (Савинов, 1983), ИАЭТ СО РАН (Худяков, Бородовский, 1993, рис. 1,2; Бородовский, 2001, рис. 1, *2*; Кубарев Г.В. и др., 2002; Кубарев, 2005, 2022; Полосьмак, Богданов, Кубарев, 2010; и др.), АлтГУ (Горбунов, Тишкин, 2007; Кирюшин и др., 2013; Серегин, Леонов, 2018; и др.), так и усилиями местных жителей и отдельных ученых-энтузиастов (Маточкин, 2007; Ленская, 2009; Худяков, Белинская, 2012; и др.). Необходимо отметить специальные публикации, посвященные различным аспектам в изучении тюркских изваяний и поминальных сооружений: их семантике, костюму

Рис. 9. Вид на зачищенную поминальную оградку с установленными перед ней мужским изваянием и основанием обломанного женского изваяния. Актру. Раскопки В.Д. Кубарева, 1982 г. (фото В.Д. Кубарева).

Fig. 9. View of the excavated memorial fence with a male statue and the base of a broken female stone figure installed in front of it. Aktru. Excavations by V.D. Kubarev, 1982 (photo by V.D. Kubarev).

тюркоязычных кочевников, выделению женских изваяний, традиции помещения вотивных, нефункциональных вещей в тюркские поминальные оградки (Кубарев, 2007, 2017; Худяков, Белинская, 2012; и др.).

С территории Алтая происходят уникальные раннесредневековые изваяния – это уже упомянутый кудыргинский валун и изваяния из Апшиякты. Последние не имеют аналогов не только на Алтае, но и в сопредельных регионах. На них на одной и той же грани друг под другом воспроизведены два лица: сверху – мужское, снизу – женское (рис. 10). Последнее маркируется трёхрогим головным убором. По нашему убеждению, данные персонажи воплощали собой не богиню Умай или шаманку, а знатных женщин древнетюркской эпохи (2017, с. 101). Можно утверждать, что на изваяниях из Апшиякты воспроизведены муж, воин-батыр, и его жена, катун. Вопреки устоявшимся в научной литературе представлениям о том, что каменные изваяния на территории Российского Алтая и сопредельных регионов изображали исключительно мужчин-воинов, мы пришли к выводу о том, что часть каменных изваяний принадлежала женщинам, а поминальные оградки зачастую посвящались родственникам.

Вопреки расхожему мнению о том, что бóльшая часть изваяний Алтая вывезена в музеи, можно констатировать, что только примерно одна треть от 320 изваяний этого региона перемещена в музеи. Преимущественно в музеи г. Горно-Алтайска и Новосибирска, а также Бийска, Барнаула, Томска и Санкт-Петербурга. Основная же их часть находится в местах первоначальной установки, в глухих и труднодоступных урочищах Алтая, либо в местных, сельских музеях.

Назначение тюркских оградок в своё время вызвало оживленную дискуссию среди исследователей. Гипотеза об оградках как погребальных памятниках, содержащих трупосожжения, выдвинутая в работах Л.П. Потапова, Л.Н. Гумилева, М.П. Грязнова, А.С. Суразакова, не нашла подтверждения в ходе археологических раскопок. Гипотезу о раннесредневековых поминальных оградках как о «поминальных кенотафах» (Серегин, Шелепова, 2015, с. 97–103; и т.д.) можно считать умозрительной. Наиболее обоснованной и убедительной является точка зрения подавляющего большинства исследователей (В.В. Радлов, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, А.Д. Грач, Я.А. Шер, Л.Р. Кызласов, В.Д. и Г.В. Кубаревы, Д. Баяр и др.), пришедших к выводу о поминальном характере тюркских оградок. Поминальный комплекс – оградка-изваяние – символизировал собой временное жилище, место обитания и общения с душой умершего, своеобразное последнее пристанище

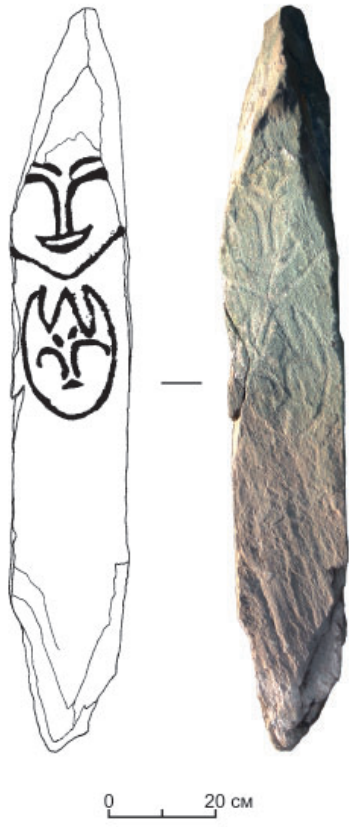


Рис. 10. Фото и прорисовка изваяния с мужской и женской личинами из Апшиякты (фото и прорисовка Г.В. Кубарева).

Fig. 10. Photo and drawing of a statue with male and female faces from Apshiyakta (photo and drawing by G.V. Kubarev).

души (духа) умершего, а также культовую модель жилища и модель мира.

Необходимо отметить публикацию Е.В. Шелеповой и Н.Н. Серегина, посвященную т. н. тюркским ритуальным комплексам Алтая (Серегин, Шелепова, 2015). Обращает на себя внимание некорректный подход, реализованный в работе: поминальные оградки рассматриваются ими в отрыве от изваяний, хотя в большинстве случаев они образуют единый комплекс. Сугубо формализованной и наукообразной представляется типология 313 «ритуальных» комплексов Российского Алтая, предложенная авторами и насчитывающая 55 типов (Серегин, Шелепова, 2015, с. 47–71). Однако, по нашему мнению, слишком дробное и ничем необоснованное выделение таксономических категорий, при котором каждая третья или шестая поминальная оградка представляет собой отдельный тип, ничего не дает для понимания их отличий между собой, их возможной эволюции, различной этнической или племенной принадлежности.

Подводя итог нашему историографическому обзору в изучении раннесредневековых монументальных памятников Алтая, можно выделить три этапа:

Начало XVIII – 60-е гг. XIX вв. – это период, в течение которого на Алтай стали отправляться рудно-поисковые партии (П. Шелегин, Л. Феденев, Н. Шангин) и первые естественнонаучные экспедиции (П.С. Паллас, К.Ф. Ледебур, П.А. Чихачев), участники которых отмечали и описывали «древних народов статуи». Это время также отмечено деятельностью первых ученых-энтузиастов, историков и этнографов, к числу которых может быть отнесен Г.И. Спасский. Как правило, участники этих экспедиций и рудно-поисковых партий лишь попутно отмечали раннесредневековые изваяния и ограничивались их описанием. Можно отметить отрывочность сведений о древних памятниках и бессистемность случайных раскопок на Алтае. Да и сами маршруты этих экспедиций пролегали преимущественно по северным предгорьям Алтая и другим, наиболее простым маршрутам – по Телецкому озеру и далее по долине Чулышмана, либо в бассейне р. Иртыш вплоть до р. Бухтармы (территория современного Казахского Алтая). Внутренние районы Алтайской горной страны в этот период оставались практически terra incognita. Поминальные оградки с установленными рядом с ними изваяниями на Алтае участники первых экспедиций назы-

вали курганами или погребениями и приписывали «чуди».

1860–1920-е гг. отмечены первыми целенаправленными археологическими раскопками на территории Алтая и в первую очередь связаны с деятельностью академика В.В. Радлова в 1860-х гг. Он раскопал несколько поминальных оградок и, не обнаружив в них погребения, считал эти «прямоугольники» местами жертвоприношений. В этот период были предприняты экспедиции таких известных исследователей Сибири, как Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, А.В. Адрианов, финских ученых И.Р. Аспелина, Й.Г. Гранё, художников Г.И. Чорос-Гуркина, Д.И. Кузнецова и др. Они не просто описывали, но и фотографировали и тщательно зарисовывали изваяния, зачастую фиксируя их размеры, вводили их в научный оборот. Ценность этой работы заключалась в том, что часть из зафиксированных ими изваяний не сохранилась до наших дней. Две тюркские антропоморфные скульптуры, хранившиеся до конца XIX века в Барнаульском музее, судя по их иконографии, происходили не с территории Алтая, а из Восточного Казахстана или Семиречья.

Период с 1920-е гг. по настоящее время можно рассматривать в качестве современного этапа в исследовании раннесредневековых изваяний Алтая. Наиболее интенсивными периодами археологических исследований в первой половине XX в. являются 1924–1927 гг. и 1935–1937 гг., которые проводились такими археологами, как С.И. Руденко, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова и др. В 1920-е гг. были исследованы объекты в могильнике Кудыргэ, включая т. н. кудыргинский валун, а при строительстве Чуйского тракта в середине 1930-х гг. раскопано несколько поминальных оградок, обнаружены новые каменные изваяния. Следствием этих работ стали обобщающие статьи Л.А. Евтюховой по раннесредневековым изваяниям Алтая, Южной Сибири и Монголии. Советскими и российскими археологами разрабатываются разные варианты типологий поминальных сооружений, которые образуют единый комплекс с изваяниями. Совершенно иная методическая база полевых изысканий, государственное финансирование работ, создание стационарных научно-исследовательских организаций и планомерные полевые экспедиции – все это позволило исследователям в кратчайший срок поднять археологию Алтая на очень высокий уровень. 1970–1980 гг. отмечены целенаправленными работами В.Д. Кубарева по поиску раннесредневековых изваяний на Алтае, результатом которых стали несколько обобщающих монографий. К настоящему времени на территории Российского Алтая зафиксировано по меньшей мере 320 изваяний.

В последние годы при изучении раннесредневековых изваяний Алтая археологи все чаще стали применять методы естественных наук (радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование в отношении поминальных оградок), картирование, фотограмметрию и др. Подобную работу необходимо продолжить, как и создание каталога раннесредневековых изваяний Алтая при помощи современной цифровой фототехники, подготовка которого уже давно назрела.

Примечание:

[2] Учитывая ограниченный объем, в данной статье не приводится исчерпывающая библиография по истории изучения рассматриваемых памятников. Эта задача может быть реализована в рамках отельной главы монографии-каталога по тюркским изваяниям Алтая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адрианов А.В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом сотрудником А.В. Адриановым // Зап. РГО по общей географии. Т. 11. СПб., 1888. С. 147–422.
2. *Бородовский А.П.* Позднетюркский поминальник на нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII / Отв. ред. Л.А. Никитина. Барнаул: Азбука, 2001. С. 176–179.
3. *Верещагин В.И.* Поездка по Алтаю летом 1908 года (путевые заметки) // Алтайский сборник. Барнаул: Типо-Литография главного управления Алтайского округа, 1910. т. X. С. 1–46.
4. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
5. *Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 119–124.
6. *Демин М.А.* Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.
7. *Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Северного Алтая // Работы археологических экспедиций / Труды ГИМ. Вып. 16 / Ред. Д.Н. Эдинг. М.: ГИМ, 1941. С. 119–134.
8. *Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120.
9. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Работы археологических экспедиций / Труды ГИМ. Вып. 16 / Ред. Д.Н. Эдинг. М.: ГИМ, 1941. С. 75–117.
10. Каменные изваяния алтайских гор. Кожого Таш. Фотоальбом // Сост. В.Э. Кыдыев. Предисл. и слайды В.Д. Кубарев. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2007. 168 с.
11. *Киреев С.М.* Изваяние «Кезер»: история открытия, изучения и экспонирования // Анохинские чтения. Мат-лы VIII науч. конф., посв. 150-летию со дня рожд. А.В. Анохина (2019 г.). Горно-Алтайск: БУ РА НМРА, 2020. С. 48–62.
12. *Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В.* Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катуни» (опыт интеграции в сферу туризма). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 222 с.
13. *Кубарев В.Д.* Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 86–98.
14. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
15. *Кубарев В.Д.* Каменные изваяния Алтая. Краткий каталог. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. 184 с.
16. *Кубарев В.Д.* Алтхаиый чесаюджок (Поминальные памятники Алтая). Сеул: Хагёнмунхваса, 1999. 120 с. (на корейск яз.).
17. *Кубарев В.Д., Бакшт Ф.Б.* Новые археологические памятники междуречья Бар-Бургазы и Юстыда (Восточный Алтай) // Изв. СО АН СССР. 1976. № 1. Вып. 1, серия общ. наук. С. 94–98.
18. *Кубарев В.Д., Кочеев В.А.* Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 206–222.
19. *Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.* Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 307–311.
20. *Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.* Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири. Каталог. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 79 с.
21. *Кубарев Г.В.* Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 368–374.
22. *Кубарев Г.В.* Древнетюркские изваяния: воплощение эпических героев или воинов-предков? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 136–144.
23. *Кубарев Г.В.* Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрок) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1 (45). С. 93–103.
24. *Кубарев Г.В.* Некоторые итоги исследований в центральном и южном Алтае в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 583–590.
25. *Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., Табалдиев К.Ш.* Тюркские каменные изваяния и поминальные сооружения Алтая и Тянь-Шаня // Летопись тюркской цивилизации. Т. 1. Тюркский мир в VI–XII вв. / Отв. ред. В.И. Молодин, С.В. Землюков. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2023. С. 196–256.
26. *Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д.* Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 357–360.

27. Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 373–376.

28. Ледебур К.Ф. Отчет о путешествии по Алтайским горам // Записки, издаваемые Департаментом народного просвещения. Кн. 2. Спб., 1827, С. 254–278.

29. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск: Наука, 1993. 415 с.

30. Ленская С.Г. Тюркские изваяния Средней Катуни // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов / Ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. № 1–2 (13–14). С. 189–192.

31. Маточкин Е.П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 132–134.

32. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

33. Ожередов Ю.И. Древнетюркское изваяние с Белого Ануя (документальная история одной находки) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Вып. 4 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 87–92.

34. Ожередов Ю.И. Тюркское изваяние у с. Кулада в Горном Алтае (по изобразительному источнику) // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2020. № 10. С. 102–108.

35. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Кн. 2. Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1786. 571 с.

36. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 289–293.

37. Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. X. М., 1885. С. 50–57.

38. Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок // ЗРАО. Т. 7, вып. 3–4. СПб., 1895. С. 147–216.

39. Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 718 с.

40. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.

41. Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиция и современность. Вып. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 155–163.

42. Серегин Н.Н., Леонов А.С. Тюркские изваяния из музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1 (21). С. 180–187.

43. Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.

44. Спицын А.А. Гляденовское костище // Записки русского археологического общества. Т. XII. Вып.1, 2. СПб., 1901. С. 228–269.

45. Сорокин С.С. Древние каменные изваяния Южного Алтая // СА. 1968. № 1. С. 260–262.

46. Спасский Г.И. Путешествие по Южным Алтайским горам в 1809 году // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. 3, 4.

47. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.

48. Швецова М.В. Алтайские калмыки // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XXIII. Омск: [Б.и.], 1898. С. 1–34.

49. Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 122–130.

50. Худяков Ю.С., Бородовский А.П. Раскопки на средней Катуни // Altaica. 1993. № 3. С. 17–20.

51. Эбель А.В., Буржуа Ж., Соёнов В.И., Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Себистея (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 335–338.

52. Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина. Альбом. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2014. 252 с.

53. Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 г. и в 1880 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. 1883. Т. IX. Вып. II–III. С. 181–205.

54. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors: Puromies Buchdruckerei, 1931. 48 S. + 72 Abb..

55. Granö J.G. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den Nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907 // Aikakauskirja Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1909. Vol. XXVI. 54 S., Taf. XVI.

Информация об авторах:

Кубарев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); gvkubarev@gmail.com

Кубарев Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук

HISTORIOGRAPHY OF EARLY MEDIEVAL SCULPTURES OF ALTAI

G.V. Kubarev, V.D. Kubarev

This paper deals with the history of the study of early medieval sculptures of Altai, which dates back more than two hundred years. They conditionally distinguish three periods in their study: 1 – the beginning of the XVIII – 60-s of the XIX century; 2 – 1860s – 1920s; 3 – 1920s – up to the present. If in the first period the participants of ore-prospecting parties and the first natural-scientific expeditions simply recorded stone sculptures, the second period is marked by the first archaeological excavations of memorial enclosures, sketches and publications of sculptures. The third, modern stage is characterized by large-scale and systematic archaeological works, their state funding, foundation of research organizations. It was during this period that the largest amount of statues was discovered, the number of which today is 320. Despite the long history of the study of Altai statues, it is necessary to keep working on various aspects in the interpretation of early medieval sculptures and memorial sites: their semantics, the costume of Turkic-speaking nomads, the identification of female statues, the tradition of placing votive, non-functional things in memorial enclosures etc.

Keywords: archaeology, stone sculptures, Altai, early medieval period, history of the study.

REFERENCES

1. Adrianov, A. V. 1888. In *Zapiski RGO po obshchey geografii (Notes of the Imperial Russian Geographical Society on World Geography)* 11. Saint Petersburg, 147–422 (in Russian).
2. Borodovskiy, A. P. 2001. In Nikitina, L. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 12. Barnaul: "Azbuka" Publ., 176–179 (in Russian).
3. Vereshchagin, V. I. 1910. In *Altayskiy sbornik (Altai collection)* 10. Barnaul: Tipo-Litografiya glavnogo upravleniya Altayskogo okruga, 1–46 (in Russian).
4. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2007. In Tishkin, A. A. (ed.). *Kamennaia skul'ptura i melkaia plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii (Stone Sculpture and Portable Art of Ancient and Medieval Population of Eurasia: Collection of Scientific Papers)* 3. Barnaul: "Azbuka" Publ., 119–124 (in Russian).
6. Demin, M. A. 1989. *Pervootkryvateli drevnostey (The discoverers of antiquities)*. Barnaul: "Alt. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).
7. Evtyukhova, L. A. 1941. In Eding D. N. (ed.). *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii (Activities of Archaeological Expeditions)* Series: Proceedings of the State Historical Museum 16. Moscow: State Historical Museum, 119–134 (in Russian).
8. Evtiukhova, L. A. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 72–120 (in Russian).
9. Evtyukhova, L. A., Kiselev, S. V. 1941. In Eding D. N. (ed.). *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii (Activities of Archaeological Expeditions)* Series: Proceedings of the State Historical Museum 16. Moscow: State Historical Museum, 75–117 (in Russian).
10. In Kydyev, V. E. (comp.). 2007. *Kamennye izvayaniya altayskikh gor. Kozhogo Tash. Fotoal'bom (Stone sculptures of the Altai mountains. Kozhogo Tash. Photo Album)*. Gorno-Altaysk: "Ak-Chechek" (in Russian).

The study was supported by the Russian Science Foundation (РНФ), project No. 24-28-01323, https://rscf.ru/project/24-28-01323/

11. Kireev, S. M. 2020. In *Anokhinskie chteniya (Anokhin reading).* Gorno-Altaysk: “BU RA NMRA” Publ., 48–62 (in Russian).
12. Kiryushin, K. Yu., Kiryushina, Yu. V., Semibratov, V. P., Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie «Biryuzovoy Katuni» (opyt integratsii v sferu turizma). Barnaul: Izd-vo AltGU, 2013. 222 s.
13. Kubarev, V. D. 1978. In Molodin, V. I. (ed.). *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoi Sibiri (Ancient Cultures of the Altai and Western Siberia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 86–98 (in Russian).
14. Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaya (Ancient Turkic Statues of Altai).* Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Kubarev, V. D. 1997. *Kamennye izvayaniya Altaya. Kratkiy katalog (Stone sculptures of Altai. A short catalog).* Gorno-Altaysk: “Ak-Chechek” Publ. (in Russian).
16. Kubarev, V. D. 1999. *Altkhaiyy chesayudzhok (Pominal'nye pamyatniki Altaya) (Memorial monuments of Altai)*. Seul: “Khagenmunkhvasa” Publ. (in Korean).
17. Kubarev, V. D., Baksht, F. B. 1976. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Siberian Branch of the Academy of Sciences USSR)* 1 (1), 94–98 (in Russian).
18. Kubarev, V. D., Kocheev, V. A. 1988. In Surazakov, A. S. (ed.). Kiriushin Yu. F. (ed.). *Arkheologiia Gornogo Altaya (Archaeology of mountain Alatai)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute Publ., 206–222 (in Russian).
19. Kubarev, V. D., Kubarev, G. V. 2009. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* 11 (1). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 307–311 (in Russian).
20. Kubarev, V. D., Kubarev, G. V. 2013. In *Kamennye izvayaniya drevnikh tyurok Yuzhnoy Sibiri. Katalog (Ancient Turkic sculpture in Southern Siberia. Katalog)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
21. Kubarev, G. V. 2005. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* 11 (1). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 368–374 (in Russian).
22. Kubarev, G. V. 2007. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (1), 136–144 (in Russian).
23. Kubarev, G. V. 2017. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 45 (1), 93–103 (in Russian).
24. Kubarev, G. V. 2022. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 28. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 583–590 (in Russian).
25. Kubarev, G. V., Kubarev, V. D., Tabaldiev, K. Sh. 2023. In Molodin, V. I., Zemlyukov, S. V. (eds.). *Letopis' tyurkskoy tsivilizatsii T. 1. Tyurkskiy mir v VI–XII vv. (Chronicle of the Turkic civilization. Vol. 1. The Turkic world in the VI–XII centuries).* Barnaul: Altai State University Publ., 196–256 (in Russian).
26. Kubarev, G. V., Otsuka, K., Masumoto, T., Matochkin, E. P., Kubarev, V.D. 2002. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* 8. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 357–360 (in Russian).
27. Kubarev, G. V., Rozvadovski, A., Kubarev, V. D. 2003. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* 9 (1). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 373–376 (in Russian).
28. Ledebur, K. F. 1827. In *Zapiski, izdavaemye Departamentom narodnogo prosveshcheniya (Notes published by the Department of Public Education. Book 2)*. Saint Petersburg, 254–278 (in Russian).
29. Ledebur, K. F., Bunge, A. A., Meyer, K. A. 1993. *Puteshestvie po Altayskim goram i dzhungarskoy Kirgizskoy stepi (Journey through the Altai Mountains and the Dzungar Kyrgyz steppe).* Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
30. Lenskaya, S. G. 2009. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 13–14 (1–2). 189–192 (in Russian).
31. Matochkin, E. P. 2007. In Tishkin, A. A. (ed.). *Kamennaia skul'ptura i melkaia plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii (Stone Sculpture and Portable Art of Ancient and Medieval Population of Eurasia: Collection of Scientific Papers)* 3. Barnaul: “Azbuka” Publ., 132–134 (in Russian).
32. Mogil'nikov, V. A., Elin, V. N. 1983. In Surazakov, A. S. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 godakh (Archaeological studies in the Altai Mountains in 1980–1982).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 127–153 (in Russian).

33. Ozheredov, Yu. I. 2014. In Tishkin A.A. (ed.). *Drevnie i srednevekovye izvaianiia Tsentral'noi Azii (Ancient and Medieval Statues of Central Asia).* Barnaul: Altay State University Publ., 87–92 (in Russian).
34. Ozheredov, Yu. I. 2020. In *Evraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya (Eurasianism: theoretical potential and practical application)* 10, 102–108 (in Russian).
35. Pallas, P. S. 1786. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva. Kn. 2, Ch. 2 (Travel to different places of the Russian state. Book 2. Part 2).* Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
36. Polos'mak, N. V., Bogdanov, E. S., Kubarev, G. V. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 289–293 (in Russian).
37. Potanin, G. N. 1885. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society*) X, 50–57 (in Russian).
38. Radlov, V. V. 1895. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* 7 (3, 4). Saint Petersburg, 147–216 (in Russian).
39. Radlov, V. V. 1989. *Iz Sibiri (From Siberia).* Moscow: "Nauka" Publ (in Russian).
40. Rudenko, S. I., Glukhov, A. N. 1927. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 2 (III). Leningrad, 37–52 (in Russian).
41. Savinov, D. G. 1983. In *Istoricheskaya etnografiya: traditsiya i sovremennost' (Historical Ethnography: Tradition and Modernity)* 2. Leningrad: Leningrad State University, 155–163 (in Russian).
42. Seregin, N. N., Leonov, A. S. 2018. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 1 (21). 180–187 (in Russian).
43. Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tyurkskie ritual'nye kompleksy Altaya (2-aya polovina I tys. n.e.): sistematizatsiya, analiz, interpretatsiya (Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd Half of the 1st Millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
44. Spitsyn, A. A. 1901. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* XII (1, 2). Saint Petersburg, 228–269 (in Russian).
45. Sorokin, C. C. 1968. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 260–262 (in Russian).
46. Spasskiy, G. I. 1819. In *Sibirsky Vestnik (Siberian Herald)* 2, 4 (in Russian).
47. Tishkina, T. V. 2010. *Arheologicheskie issledovaniya na Altae (1860–1930-e gg.) (Archaeological studies in the Altai (1860s-1930s))*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
48. Shvetsova, M. V. 1898. *Altayskie kalmyki (Altai Kalmyks).* Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Book XXIII. Omsk, 1–34 (in Russian).
49. Khudyakov Yu.S., Belinskaya K.Y. 2012. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 49 (1), 122–130 (in Russian).
50. Khudyakov, Yu. S., Borodovskiy, A. P. 1993. In *Altaica* 3, 17–20 (in Russian).
51. Ebel', A. V., Burzhua, Zh., Soenov, V. I., Kubarev, V. D. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 335–338 (in Russian).
52. 2014. *Etnograficheskie risunki G.I. Choros-Gurkina. Al'bom (Ethnographic drawings by G.I. Choros-Gurkin. Album)*. Gorno-Altaysk: "Ak-Chechek" Publ. (in Russian).
53. Yadrintsev, N. M. 1883. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society*) IX (2-3), 181–205 (in Russian).
54. 1931. *Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Hrsg von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors: Puromies Buchdruckerei,
55. Granö, J. G. 1909. In *Aikakauskirja Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingissä,* Vol. XXVI.

About the Authors:

Kubarev Gleb V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch RAS. Acad. Lavrentiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; gvkubarev@gmail.com

Kubarev Vladimir D. Doctor of Historical Sciences

Статья принята в номер 08.10.2024 г.

УДК 903.2 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.137.142

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КАЗАНЫ В КУЛЬТУРЕ КИПЧАКОВ

© 2025 г. А.М. Илюшин

В работе рассмотрены находки клепаных железных казанов на северо-западной периферии Саяно-Алтая из погребений кочевников второй половины IX–XIII вв. Публикуются описания находок и приводятся данные по датировке и этнокультурной принадлежности погребений, в которых они были найдены. Отмечается место казанов в погребальной обрядности кочевников Восточного Дешт-и Кипчак как подчеркивающее высокий социальный статус погребенных. Фиксируется сходство в технологии производства, форме железных клепаных казанов и их места в могилах восточных кипчаков и бронзовых клепаных казанов половцев в Восточной Европе. Высказана гипотеза о появлении у половцев клепанных бронзовых казанов, схожих с железными оригиналами восточных кипчаков, в связи с миграцией последних в степи Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, средневековые кочевники, Восточный Дешт-и Кипчак, половцы, клепаные казаны, социальный статус.

Известно, что у половцев (западных кипчаков) существовала устойчивая традиция использования бронзовых казанов. В повседневной жизни они служили для приготовления пищи, а во время похорон усопших родственников их помещали в могилы. Считается, что эти изделия подчеркивали особое имущественное положение и высокий социальный статус погребенного не ниже главы рода или племени (Швецов, 1980; Потемкина, 2012, с. 7–36; и др.). Металлические казаны в культуре поздних кочевников Восточной Европы изучены достаточно полно. Была проделана работа по их систематизации с помощью типологической классификации, и в настоящее время идет поступательный процесс пополнения базы данных по этой категории находок (Швецов, 1980, с. 192–202; Руденко, 2000; Чхаидзе, 2015, с. 280–291; и др.). В этой связи встает вопрос о том, была ли эта традиция на восточных территориях кыпчакского этнокультурного сообщества. Ответ на этот вопрос является целью настоящего исследования, в котором используются методы описания и сравнительного анализа.

В последнее время в научных изданиях стали публиковать материалы из раскопок погребальных комплексов поздних кочевников на территориях Восточного Дешт-и Кипчак, где среди прочих находок имеются железные казаны. Находки эти достаточно редкие. Как правило, они встречаются в сильно потревоженном состоянии под воздействием коррозии и грабительских раскопок. Однако в единичных случаях имеются находки, которые можно реконструировать и описать их конструкцию и технологию изготовления.

На территории Восточного Казахстана были найдены два железных казана на могильнике Меновое VII в кипчакских захоронениях. Один казан обнаружен в разграбленной могиле кургана 1, где сохранились останки погребения мужчины и лошади. В северо-западном углу могилы в ногах погребенного, ориентированного головой на восток, был установлен железный казан, от которого сохранились лишь сильно коррозированные железные пластины (Ткачев, Ткачев, 2023, с. 105–106). Еще один железный казан хорошей сохранности был найден в центральной могиле кургана 2 (рис. 1: 1), где было совершено парное захоронение мужчины и женщины, подверженное разрушению грабителями. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине и были ориентированы головой на восток –

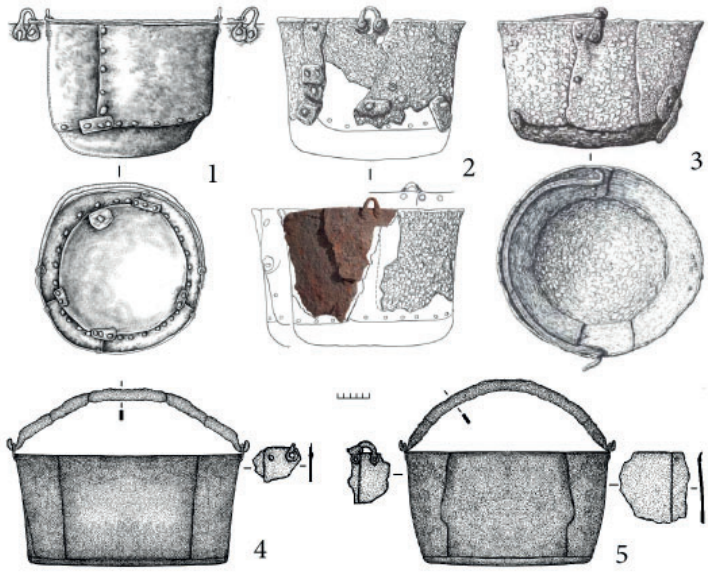


Рис. 1. Железные клепаные казаны с северо-западной периферии Саяно-Алтая:
1 – Меновное VII (по Ткачеву, Ткачеву, 2003), 2, 3 – Филин-I (по Горбунову, Тишкину, 2022), 4, 5 – Бормотово-3 (по Илюшину, 2019).

Fig. 1. Riveted iron cauldrons from the northwestern periphery of the Sayano-Altai:
1 – Menovnoe VII (according to Tkachev, Tkachev, 2003), 2, 3 – Filin-I (according to Gorbunov, Tishkin, 2022), 4, 5 – Bormotovo-3 (according to Ilyushin, 2019).

северо-восток. В ногах у погребенной, в северо-западном углу подбоя в северной стенке могилы, стоял железный казан (Ткачев, Ткачев, 2023а, с. 137–138, рис. 4, 1, 2). Оба кургана были датированы концом X–XI в. и отождествлены с культурой кипчаков, а железные казаны отнесены авторами к уникальным изделиям кипчакских мастеров (Ткачев, Ткачев, 2023, с. 112; 2023а, с. 144–145).

На северо-западных предгорьях Алтая на могильнике Корболиха VIII в разграбленной могиле кургана 3, где было захоронение кочевника с двумя конями, и насыпи соседнего кургана 2 были найдены фрагменты одного железного казана. Погребенный был уложен вдоль северной стенки головой на восток, параллельно коням. От железного клепаного казана сохранились фрагменты вертикальных стенок со слегка отогнутым венчиком и приклепанным ушком для подвешивания на дугообразной ручке. Этот объект был датирован автором второй половиной IX – первой половиной X в. и отнесен по аналогиям элементам погребального обряда к культурным традициям кимаков и кипчаков (Могильников, 2002, с. 55, 73–74, 122–124, рис. 167, 5, 12).

На территории лесостепного Алтая есть упоминания о находках фрагментов железных котлов (казанов) в могиле 2 кургана Барчиха и в могиле кургана № 2 Объездное-2, датируемых концом I – началом II тыс. Кроме этого, были найдены два железных казана в северной и южной погребальной камере кургана № 1 на курганной группе Филин-I (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 30–33, 97, 106, рис. 40, 3; 41, 2). Южная камера, где были погребены женщина и ребенок, была разрушена грабителями. Поэтому месторасположение казана (рис. 1: 2) по отношению к погребенным установить не удалось. В северной камере был погребен мужчина в вытянутом положении на спине, ориентирован-

ный головой на северо-восток. Железный казан (рис. 1: 3) стоял у него в ногах в юго-западной части могилы. Этот памятник был датирован исследователями второй половиной X – первой половиной XI в. и отнесен к числу памятников сросткинской археологической культуры, отражающих тюркские традиции (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 105–106, 119).

В Кузнецкой котловине клепаные железные казаны были найдены при раскопках погребальных памятников Ур-Бедари, Шабаново-3 и Бормотово-3 (Илюшин, 1998, с. 58–74, рис. 17, 1–5, 7; 2005, с. 40; 2019, с. 72–76). На курганном могильнике Ур-Бедари в одном из курганов, по описанию автора раскопок М.Г. Елькина, в разграбленной могиле с захоронением человека и лошади были найдены фрагменты сильно коррозированного железного казана. Памятник датируется в пределах XI–XIII в. (Илюшин, 2005, с. 40). На курганной группе Шабаново-3 фрагменты железного казана с приклепанным ушком для крепления ручки были найдены в северо-восточной части насыпи кургана 6. В центре кургана на уровне древней дневной поверхности находилось захоронение кальцинированных костей человека, подвергшегося кремации на стороне. Памятник был датирован в пределах XI–XII в. (Илюшин, 1998, с. 59–60, рис. 16; 17, 4, 5, 7; 2005, с. 38–39). Два железных казана были найдены в «богатых» могилах 1 и 7 при раскопках одиночного кургана Бормотово-3. Памятник был датирован XII–XIII в. и отнесен к шандинской археологической культуре кочевников Восточного Дешт-и Кипчак в Кузнецкой котловине. В могилах были погребены мужчины со шкурой лошади. Центральная могила 1 была разрушена грабителями. Железный казан (рис. 1: 4) не тронули, он стоял на дне в юго-западном углу. Судя по сохранившимся костям скелета, погребенный был ориентирован головой на северо-восток, а казан располагался у него в ногах. В могиле 7 мужчина был погребен в подбое в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на северо-восток. Железный казан (рис. 1: 5) стоял у него в ногах в юго-западной части могилы. Оба найденных казана были подвержены сильной коррозии, но их размеры, форму и конструктивные особенности удалось реконструировать (Илюшин, 2019, с. 72–76, рис. 1).

Все вышеупомянутые железные клепаные казаны (рис. 1: 1–5) схожи между собой и изготовлены по одной технологии. В основе лежит железная кованая миска с уплощенным дном и округлыми краями. К ней при помощи горячей сварки крепились внахлест железные пластины (от 3 до 6), соединенные между собой таким же образом. Для укрепления сварных швов и при ремонте посуды использовались железные заклепки. Толщина стенок и днища колеблется от 0,2 до 0,6 см. Высота казанов колеблется в пределах 17,7–21 см, а диаметр устья от 26 до 36,3 см. На верхней части сосудов при помощи заклепок друг против друга крепились петельчатые ушки. В их отверстия вставлялась крюковые окончания выгнутых коромыслом кованых железных ручек. В профиле ручки имели подчетырехугольную форму шириной от 0,5 до 1 см, толщиной от 0,2 до 0,5 см. Объем сосудов составлял порядка 8–10 л.

Описанные железные казаны были датированы исследователями концом I – началом II тыс. и связаны с культурой кимако-кипчаков, когда последние выдвинулись на роль лидеров в этом союзе. Первое использование клепаных железных казанов, изготовленных из крупных пластин, на территории Саяно-Алтая было зафиксировано в тюркский период истории. Они известны в таштыкских склепах

VI–VII в., уйгурской и тюркских могилах VIII–X в. на территории Хакассии, Тувы, Горного Алтая и Монголии (Вадецкая, 1999, рис. 64, табл. 8, 13, 14; 9, 6; Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 49; Киселев, 1949, с. 301–304; Кызласов, 1969, с. 64, табл. II, 8; 1981, рис. 33, 38; Грач, 1968, с. 107–110, рис. 50, 28; Овчинникова, 1982, с. 217, рис. 3, 17; 1990, рис. 32, 5, 8; Бородовский, Новиков, 1999, с. 292; Кубарев, 2005, с. 67, рис. 145, 2; Худяков, Цэвээндорж, 1985, рис. 1, 27; Киреев, 2021, с. 363–371; и др.). Эти сосуды отличались яйцевидной формой и округлым дном с зауженными к нему стенками. На некоторых путем клепки крепились ушки или при помощи сварки полый поддон, в отдельных случаях с прорезью (т. е. были подвесные и стоячие). Считается, что форма таких казанов повторяла аналогичные изделия из бронзы раннего железного века, а традиция изготовления железных клепаных котлов появилась в недрах таштыкской культуры Южной Сибири (Кубарев, 2005, с. 67). Исследуемые изделия из могил кочевников рубежа I–II тыс. (рис. 1: 1–5) продолжают тюркские технологические традиции изготовления казанов. При этом изменяется их форма (дно становится уплощенным). Они становятся подвесными при помощи выгнутой коромыслом ручки, вставленной крючками в отверстия приклепанных к верхней кромке казанов ушек.

По внешнему виду и технологии изготовления исследуемые казаны, по классификации М.Л. Швецова, близки бронзовым казанам II типа кочевников XII – начала XIII в. на юге Восточной Европы. По мнению автора, они устанавливались в могилах половецкой аристократии (Швецов, 1980, с. 195–200, рис. 3; рис. 4). По классификации К.А. Руденко, они близки железным котлам типа Ж4 (датируются второй половиной IX – началом XI в.) и бронзовым – типа М4 (имеет широкое распространение в XII – начале XIII в.) (Руденко, 2000, с. 30–33, 38, рис. 2; 3). Аналогичные бронзовые казаны имеются в богатых погребениях половцев в Степном Предкавказье, где они датируются в пределах XIII–XIV в. (Чхаидзе, 2015, рис. 2, 9, 10).

Внешнее сходство железных клепаных казанов восточных кипчаков с половецкими бронзовыми казанами подкрепляется и аналогиями элементам погребального обряда. Как и у половцев, казаны в могилах кочевников Восточного Дешт-и Кипчак устанавливались на днище в ногах погребенных, имеющих высокий социальный статус. Совокупность сделанных наблюдений позволяет констатировать единую культурную традицию у кипчаков евразийских степей, связанную с изготовлением и использованием металлических казанов в повседневной и сакральной жизни. Более поздняя датировка клепаных бронзовых половецких казанов по отношению к клепаным железным казанам восточных кипчаков позволяет высказать гипотезу о появлении описанной формы казанов, изготовленных из бронзы, в степях Восточной Европы в связи с миграцией кипчаков с востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бородовский А.П., Новиков А.В.* Средневековый котел из долины р. Кучерла (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 288–295.

2. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / Archaeologica Petropolitana VII. СПб: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

3. *Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.

4. *Грач А.Д.* Древнетюркские курганы на юге Тувы // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии / КСИА. № 114 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1968. С. 105–111.

5. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. 16 / Под. ред. Д.Н. Эдинга. М.: ГИМ, 1941. С. 75–117.
6. Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 54–78.
7. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
8. Илюшин А.М. Железные казаны из могил кочевников на Бормотово-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 25 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 72–76.
9. Киреев С.М. Железный клепаный котел из бассейна верхнего течения реки Ануй на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 27 / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 363–371.
10. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
11. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
12. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 54–59.
13. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
14. Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА. 1982. № 3. С. 210–218.
15. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
16. Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДНУ, 2012. С. 7–36.
17. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.
18. Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Кипчакское погребение могильника Меновное VII из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 103–114.
19. Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Погребения кургана 2 могильника Меновное VII (Восточный Казахстан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023а. № 4 (63). С. 134–148.
20. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Комплекс находок древнетюркского времени из Аргаан-гола // Археологийн Судлал. Улаанбаатар, 1985. Т. XI. С. 98–102.
21. Чхаидзе В.Н. Котлы из погребений кочевников степного Предкавказья XI–XIV вв. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 280–291.
22. Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С. 192–201.

Информация об авторе:

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор. Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово, Россия); ilushin1963@mail.ru

METAL CAULDRONS IN THE KIPCHAK CULTURE

A.M. Ilyushin

The paper considers the finds of riveted iron cauldrons on the northwestern periphery of the Sayan-Altai from the burials of nomads of the second half of the IX–XIII centuries. Descriptions of the finds are published and information on the dating and ethnic and cultural affiliation of the burials where artifacts were found are provided. The place of cauldrons in the burial rite of the nomads of the Eastern Desht-i Kipchak is noted as emphasizing the high social status of the buried. The similarity in production technology, the shape of iron riveted cauldrons and their places in the burials of the eastern Kipchaks and bronze riveted cauldrons of the Polovtsians in Eastern Europe is recorded. A hypothesis has been proposed about the appearance of riveted bronze cauldrons among the Polovtsians, similar to the iron originals of the eastern Kipchaks, in connection with the migration of the latter to the steppes of Eastern Europe.

Keywords: archaeology, Medieval nomads, Eastern Desht-i Kipchak, Polovtsians, riveted cauldrons, social status.

REFERENCES

1. Borodovskiy, A. P., Novikov, A. V. 1999. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. (Problems of Archaeology, Eth-*

nography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories) 5. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 527–550 (in Russian).
2. Vadetskaya, E. B. 1999. *Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri (Tashtyk era in the ancient history of Siberia)*. Series: Archaeologica Petropolitana VII. Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).
3. Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (The Kurgans of the Srostkinskaya Culture on the Priobskoe Plateau)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
4. Grach, A. D. 1968. 1968. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 114. Moscow: "Nauka" Publ., 105–111 (in Russian).
5. Evtyukhova, L. A., Kiselev, S. V. 1935. In Eding, D. N. (ed.). *Otchet o rabotakh Sayano-Altayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1935 g. (Report on the work of the Sayan-Altai archaeological expedition in 1935).* Series: Proceedings of the State Historical Museum 16. Moscow: State Historical Museum Publ., 75–117 (in Russian).
6. Ilyushin, A. M. 1998. In *Voprosy arkheologii Severnoy i Tsentral'noy Azii (Issues of the archaeology of North and Central Asia)*. Kemerovo-Gur'evsk: Kuzbass State Technical University Publ., 54–78 (in Russian).
7. Ilyushin, A. M. 2005. *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya (Ethnic and cultural history of the Kuznetsk Depression in the Middle Ages).* Kemerovo: Kuzbass State Technical University Publ. (in Russian).
8. Ilyushin, A. M. 2019. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 25. Barnaul: Altai State University Publ., 72–76 (in Russian).
9. Kireev, S. M. 2021. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 27. Barnaul: Altai State University Publ., 363–371 (in Russian)
10. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
11. Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriya Tuvy v srednie veka (The history of Tuva in the Middle Ages)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
12. Kyzlasov, L. R. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 27–28 (in Russian).
13. Mogil'nikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh (Nomads of the northwestern foothills of Altai in the IX–XI centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Ovchinnikova, B. B. 1982. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 210–218 (in Russian).
15. Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaia v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th –10th centuries).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
16. Potemkina, T. M. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 10. *Polovetskoe vremia (Polovtsian Time).* Donetsk: Donetsk National University, 7–36 (in Russian).
17. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th – 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).
18. Tkachev, A. A., Tkachev, Al. Al. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 3 (62), 103–114 (in Russian).
19. Tkachev, A.A., Tkachev, Al. Al. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 4 (63), 134–148 (in Russian).
20. Khudyakov Yu.S., Tseveendorzh D. 1985. In *Arkheologiin sudlal (Archaeological Investigations)* XI, 98–102 (in Russian).
21. Chkhaidze, V. N. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology).* 237. Moscow: "Yazyki slavyanskoy kul'tury" Publ., 280–291 (in Russian).
22. Shvetsov, M. L. 1980. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 192–201 (in Russian).

About the Author:

Ilyushin Andrey M. Doctor of Historical Sciences, professor, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev. Vesennaya St., 28, Kemerovo, 650000, Russian Federation; ilushin1963@mail.ru

Статья принята в номер 22.08.2024 г.

УДК 94(512.145)"13/14" https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.143.153

ЗНАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О «КЫПЧАКСКОМ» ПОХОДЕ АМИРА ТИМУРА 1391 ГОДА[1]

© 2025 г. Э.Р. Усманова, Р.М. Жумашев, Б.С. Кожахметов, Т.А. Тлеубергенов

Комплекс Алтыншокы (обл. Улытау, Казахстан) представляет собою сопку с курганом на вершине. У подножия кургана находился камень с надписью на двух языках: арабском и чагатайском. Камень в 1936 году был доставлен по инициативе советского геолога К.И. Сатпаева в Государственный Эрмитаж. С этого момента начинается история изучения комплекса Алтыншокы. Первый перевод надписи востоковедом Н.Н. Поппе в 1940 году доказал отношение эпиграфического памятника к событиям похода Амира Тимура против хана Тохтамыша в 1391 году. Последующие переводы надписи лингвистами и историками подтвердили связь комплекса с «кыпчакским» походом Тамерлана и строительством кургана его воинами в виде «высокого знака». Первое картографическое упоминание о знаке Тамерлана в горах Улытау относится к XVIII веку. В 2018–2020 гг. междисциплинарное исследование комплекса учеными из Казахстана, Узбекистана, Литвы, США установило, что курган является теплотехническим сооружением. Он был предназначен для зажигания сильного огня. В его насыпи сохранились шлаки и отверстия воздуходувных каналов. Результаты радиоуглеродного датирования шлака совпадают с датой похода Тимура против Тохтамыша через Дешт-и-Кыпчак в 1391 году. Курган был построен в связи с культом поклонения Мировой горе и духам предков. Комплекс сохранил первоначальный общий вид в ландшафте гор Улытау. Копия «камня Тимура» с надписью установлена на кургане. В городском пространстве столицы Астаны оформлена «Аллея Улытау» с копией эпиграфического памятника с сопки Алтыншокы.

Ключевые слова: археология, сопка Алтыншокы, Амир Тимур, хан Тохтамыш, «кыпчакский поход», Н. Поппе.

«<…> дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе».
Низам-ад-дин Шами, персидский хронограф, XV в.
Сила – в справедливости.
Амир Тимур

Вместо введения. В настоящее время комплекс Алтыншокы выглядит следующим образом: одноименная сопка, на вершине которой находится курган, с установленной в насыпи копией камня с надписью (Улытау обл., Казахстан, N48°46,5125’/ E66°27,6445’). Подлинник эпиграфического памятника находится в экспозиции Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Комплекс имеет отношение к походу Амира Тимура против хана Тохтамыша в 1391 году. Сооруженный воинами курган и камень с надписью имели свое предназначение как «мемория» о военном походе, который способствовал политическому кризису джучидского государства и позволил Тимуру отодвинуть угрозу новых вторжений золотоордынцев в Мавераннахр (Костюков, 2010, с. 182).

Письменные источники об комплексе Алтыншокы. Персидские хронографы первой половины XV в. Низам-ад-дин Шами, Шереф-ад-дин Али Йезди в «Книге побед – Зафар-наме», призванной прославлять деяния правителя Мавераннахра, называют поход 1391 года как «Рассказ о походе Тимура в Дешт-и-Кипчак». Упоминает поход Мухаммед ибн Хонд-шах

[1] Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2024–2026, ИРН проекта BRBR24992951. Археологическое наследие Сарыарки (от эпохи камня до средневековья)

ибн Махмуд (Мирхонд), персидский историограф XV в. Авторы указывают на местность Улуг-таг (Улук-дак), где на вершине горы был сооружен «высокий знак» из камней с начерченной датой пребывания как память о делах.

«<…> в пятницу, достигли Улукдака. Тимур взошел на вершину горы, осмотрел (местность) (это была) степь и в степи – пустыня. Он остановился там на тот день и приказал, чтобы все воины принесли камни и построили там высокий знак. Каменотесам он приказал изобразить на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе», – Низам-ад-дин Шами.

«<…> в пятницу остановились в местности Улук-таг. Для радостного обозрения той степи Тимур взошёл на вершину горы; вся равнина сплошь зеленела. Он пробыл там тот день, (затем) вышел высокий приказ, чтобы воины принесли камней и на том месте поставили высокий знак, вроде маяка. Искусные каменотёсы начертали на нем дату тех дней, чтобы на лице времени осталась памятка», – Шереф-ад-дин Али Йезди (Тигенгаузен 1941, с. 113, 161).

«Его величество остановился на день на вершине Улуг-тага и приказал, чтобы войска свезли туда со всех сторон камни, дабы воздвигнуть там большую башню в качестве указателя. Искусные скульпторы выгравировали там дату прихода августейшего монарха в эти места для того, чтобы этот монумент передал в самые отдаленные века память о высоких делах этого прославленного монарха» (Мирхонд по: Миргалеев, 2009, с. 121).

Европейские свидетельства о знаке Тимура. Первое и единственное упоминание о нем есть на карте XVIII в. Причем это картографическое открытие произошло совсем недавно. В путеводителе «Улытау» (Шуптар, 2016, с. 58) имеется информация о памятном знаке Тамерлана (Тимура) на сопке Алтыншокы в районе гор Улытау. В ходе его подготовки изучались старинные европейские карты, и на одной из них карагандинский географ В. Шуптар нашел отметку памятного знака Тамерлана (Тимура) в горах Улытау. Этот факт позволил казахстанскому историографу М.В. Бедельбаевой обратиться к «реконструкции» истории появления знака Тимура на «Карте Тартарии» («Carte de Tartarie»), изданной в 1706 г. в Париже французским картографом Гийом де Лиллем (1675–1726). На карте рядом с горами, обозначенными как «Oulouc Tac», помещён знак, напоминающий высокий обелиск или пирамиду. Изображение сопровождает надпись «Icy Tamerlan site leverune Auguille avec la date deson expeditio» – «Здесь Тамерлан воздвиг знак с датой своей экспедиции». Гийом де Лилль в 1702 году стал членом Королевской Академии Наук Франции, в 1718 году был официально назначен королевским географом. Локализация «камня Тимура» на «Карте Тартарии» 1706 года появилась вследствие его знакомства с работами персидских авторов. Сведения о военном походе через Дешт-и-Кыпчак заинтересовали картографа, в результате чего на карте был определен географический пункт знака Тамерлана, сооруженного во время похода (Бедельбаева, Усманова, Кожахметов, 2020, с. 31–49).

На этом первые сведения XV и XVIII вв. о «знаке Тимура» в Улытау, известные нам, заканчиваются. Его открытие для современной науки и общественности произошло в первой половине XX в.

Первое исследование комплекса Алтыншокы. В 1935 году главный геолог геологоразведочного комбината Главцветмета Наркомата тяжелой промышленности СССР (пос. Карсакпай, Карагандинская область) К.И. Сатпаев в беседе с местным жи-

Рис. 1. Комплекс Алтыншокы. Улытау. Казахстан. Общий вид кургана сверху. Фото из архива Б. С. Кожахметова.

Fig 1. Altynshoky complex. Ulytau. Kazakhstan. General view of the barrow from above. Photo from B. Kozhakhmetov's archive.

телем Таем Тилегеновым услышал рассказ о камне необычной формы «с меткой на одной стороне». В качестве ориентира была указана каменная насыпь на вершине сопки Алтыншокы, где была обнаружена искусственная каменная насыпь с усеченным верхом и с углублением в центре (рис. 1). Среди камней встречались многочисленные куски прокаленного камня, оплавленного шлака (рис. 2) и каменная плита с письменами. Наличие шлака в насыпи геолог объяснил наличием печи для обжига кирпичей для строительства мавзолеев (там же).

К.И. Сатпаев и его сотрудник, коллектор С.А. Рожнов, задокументировали надпись на камне: она была забелена зубным порошком, сфотографирована. Снимок был отправлен письмом в Москву, в Академию наук. Осенью 1936 года по решению Академии наук СССР в Улытау была направлена научная экспедиция для доставки камня в Эрмитаж. Ленинградским востоковедам помогал К.И. Сатпаев. Камень был довезен до станции Джусалы, погружен в вагон для доставки поездом в Ленинград (там же).

Прочтение надписи на камне. Первым изучал надпись Н.Н. Поппе (1897–1991), советский, американский монголист, тюрколог и алтаист, который определил, что надпись состоит из одиннадцати строк. Первые три строки выбиты арабскими шрифтом, а остальные восемь – знаками уйгурского алфавита, расположенными горизонтально на среднеазиатском тюркском литературном языке «чагатайском». Первая строка надписи была понята как арабская кораническая формула «Во имя Бога, милостивого и милосердного». По поводу чтения второй и третьей арабских строк ученый заключил, что они не могут быть прочтены (Поппе, 1940, с. 187). В переводе с чагатайского надпись гласит: «В стране семисот черных Токмак в год овцы, в средний весенний месяц султан Турана Тимур бег шел с двумястами тысяч войска, имени своего ради, по кровь Тохтамыш хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если богу будет угодно, Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас благословением!» (там же, с. 185).

При всей своей краткости надписи было очевидно, что камень, как и само сооружение, имеют отношение к военной кампании 1391 года Тимура против Тохтамыша, описание которой имеется в трудах персидских летописцев XV в. Н.Н. Поппе назвал надпись «Карасакпайской», под таким обозначением она и вошла в историографию. Хотя правильное звучание по топониму – «Карсакпайская» (там же, с. 185).

Вторым исследователем «камня Тимура» стал тюрколог-историк А.И. Пономарев (1886–1942). Впервые был описан внешний вид надписи, отмечено, что поверхность камня не носит следов обработки и резьба

Рис. 2. Комплекс Алтыншокы. Улытау Казахстан. Прокаленный камень и шлак в насыпи кургана. Фото Усмановой Э.Р.

Fig. 2. Altynshoky complex. Ulytau Kazakhstan. Fired stone and slag in the mound. Photo by E. Usmanova.

шрифта довольно мелкая, трещины мешают чтению. Были внесены аргументированные коррективы в чтение и понимание первой, третьей и четвертой строк уйгурской надписи: «В лето семь сот девяносто третье <…> против хана Булгарии, Тохтамыш-хана» (Пономарев, 1945, с. 222–224). Позже публикуются две статьи турецких-лингвистов, но они были переводом ранее опубликованных работ (Григорьев, Телицин, Фролова, 2004, с. 5).

Четвертое прочтение принадлежит российским ученым А.П. Григорьеву, Н.Н. Телицыну, О.Б. Фроловой. В их переводе текст звучит так: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Владыка сущего, Святилище истины, Неусыпный защитник, Всесильный и всемогущий. Премудрый даритель жизни и смерти! Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [6 апреля 1391 г.], султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на булгарского хана Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак. Даст бог, господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!» (там же, с. 24).

Надпись на «камне Тимура», смысл некоторых ее языковых содержательных элементов были разобраны казанскими учеными И.М. Миргалиевым, А.Г. Мухамадиевым и М.И. Ахметзяновым. Исследователи упоминают имя Тимура как принято в старотатарских письменных источниках – Аксак Тимур. Они обратили внимание на расшифровку статуса хана Тохтамыша как хана Булгарии, демонстрируя историческую значимость надписи для понимания системы государственного власти в Золотой Орде (Миргалиев, 2009, с. 121–127).

«Кыпчакский» поход Тимура 1391 года в современной историографии. Причина установки камня с надписью в насыпи кургана на вершине сопке Алтыншокы обусловлена военной кампанией и последующей битвой между Амиром Тимуром и ханом Тохтамышем. Причины похода, его маршрут, количественный и качественный состав армии, конкретизация места битвы, ход сражения вызывали и вызывают интерес у историков, археологов, оружиеведов. Кондурчинская битва, состоявшаяся 18 июня 1391 года в степях к востоку от Волги, является одним из самых масштабных сражений XIV века, которое в какой-то мере предопределило конец золотоордынской государственности (Бобров, 2015, с. 111).

Ко второй половине XIV века все чингизидские государства, кроме джучидов, пали. На власть над постчингизовским пространством претендовали Тохтамыш и Тимур (Миргалеев, 2011, с. 170). Противостояние в борьбе за обладание землями чингизидов приводит к военным столкновениям, что явилось одной из причин карательного похода Тимура против Тохтамыша, целью которого был военный разгром для обеспечения безопасности Мавераннахра от вторжений Тохтамыша (Костюков, 2010, с. 176).

Состав войска, количество и снаряжение солдат армии Тимура, имена полководцев анализируются в работах М.И. Иванина (Иванин, 1875), И.М. Миргалеева (Миргалеев, 2011), Л.А. Боброва (Бобров, 2015). На основании сведений персидских историографов В.П. Костюков предложил реконструкцию похода по маршруту: Ташкент – р. Сарысу – Улутау – Наурзум – р. Тобол – р. Яик. Автор сомневается в пункте битвы на р. Кундурче (приток р. Сок, левого притока Волги в Самарской области, примерно в 40 км от Самары) и локализует место Кундурчинской битвы в западной части нынешней Оренбургской области (Костюков, 2010, с. 178).

Иную точку зрения на поход Тимура 1391 года высказал востоковед и переводчик К.А. Котков, в опубликованной в 2024 году интернете статью «Карсакпайская надпись Тамерлана – подлинник или частичная подделка?» (Котков, 2024). Им была высчитана длина пути в 3266 км: Самарканд – Туркестан – Кундурча. Приводя документальные данные о сложных условиях в степной засушливой зоне Хивинского похода русской армии 1873 года, автор считает, что описанный маршрут Тамерлана выглядит фантастичным из-за расстояния и природного окружения.

Автор сравнил манеру исполнения арабской надписи с надписью на уйгурице. Предположительно, по его мнению, три строчки на арабском, выполненные небрежно, были совершены в XVIII в. местным жителем духовного звания. Восемь последних, четко выбитых «языческим» уйгурским письмом, «<…> полностью вышедшим из употребления после исламизации Средней Азии – являются поздней подделкой, сделанной в угоду сиюминутным обстоятельствам советского национального строительства 1930–1940-х гг.» (Котков, 2024). Обстоятельства эти объясняются героизацией политических лидеров прошлого.

На наш взгляд, автор излишне критично рассуждает о возможностях средневековых армий совершать длительные походы и обеспечивать войско продовольствием и водой. Понятно, что логистика того времени уступает современному уровню, и все же армия Тамерлана имела опыт и средства для сложных переходов по пустынной местности.

Относительно предположения К.А. Коткова о разнице в качестве исполнения надписи как двух разных надписях, с очевидностью можно говорить, что надпись высекали два исполнителя. Утверждение автора о связи появления уйгурской части надписи с идеологическими доминантами 1930–1940-х гг. умозрительно и требует реальных доказательств.

Одна из последних работ – это статья О.Д. Федченко (Федченко, 2022, с. 44–55) с упоминанием в названии географии похода: «Поход Тамерлана на Дешт-и Кипчак в 1391 году». Автор статьи указывает на возможное место битвы, произошедшей на территории современной западной части Оренбургской области в верховьях реки Малый Уран. На основании анализа топографии места битвы и данных средневековых документов численность армии Тимура и Тохтамыша указывается по 20 тысяч солдат.

Башня, высокий знак, маяк, курган. Преимущественно исследовались «камень Тимура», поход и все, что сопутствует военной кампании XIV века. Вне изучения оставался курган-обо, который воздвигли воины Тимура. Искусственная насыпь кургана состоит из породы базальта (метабазальта), диаметром около 30 м, высотой около 3 м. Первое археологическое описание объекта, в котором прозвучало предложение проанализировать шлак из насыпи кургана, было сделано в 2010 году С.В. Заха-

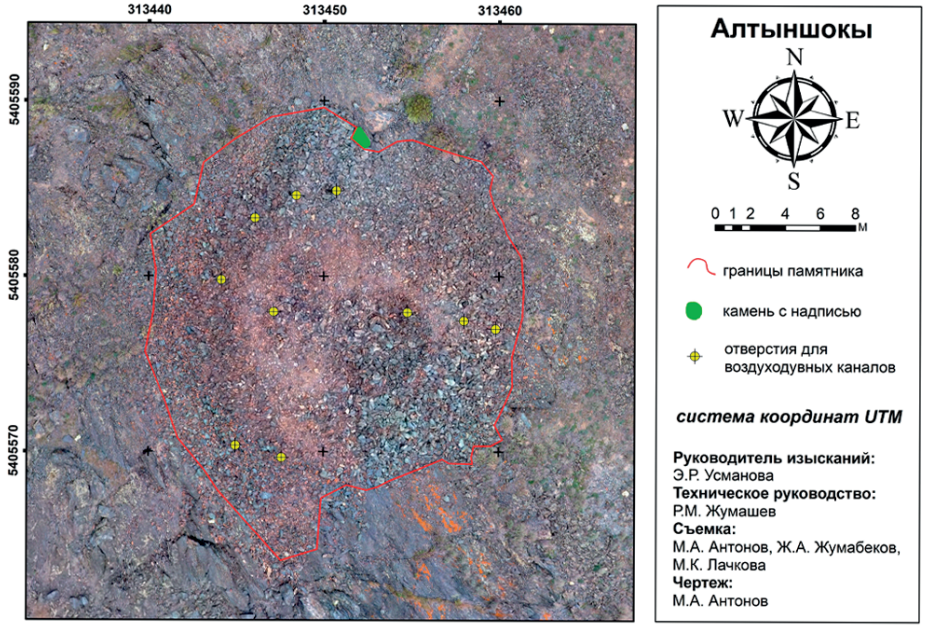


Рис. 3. Комплекс Алтыншокы. Улытау. Казахстан. Вид кургана как теплотехнического сооружения. Автор реконструкции М. А. Антонов.

Fig.3. Altynshoky complex. Ulytau. Kazakhstan. View of the mound as a heating engineering structure. The author of the reconstruction M. Antonov.

ровым и М.А. Антоновым, ТОО «Археологическая экспертиза» (Научный отчет AR–12/54). В 2011 году российский археометаллург-реконструктор И.А. Русанов, посетив курган, подтвердил наличие отверстий от воздуходувных каналов в его насыпи кургана (устное сообщение И.А. Русанова Б.С. Кожахметову).

В 2015 году по инициативе археолога Э.Р. Усмановой при поддержке директора Национального историко-культурного и природного заповедника-музея «Улытау» Б.С. Кожахметова было начато изучение кургана и природного ландшафта сопки Алтыншокы. В этом же году Э.Р. Усманова посетила Государственной Эрмитаж, где сфотографировала «камень Тимура», обратив внимание на присутствие следов вырубки по сторонам камня, который соответствовал базальтовой коренной породе сопки.

В 2016 году при содействии главного маркшейдера П.Н. Блинова КБРУ «Алюминий Казахстан» был сдан на анализ один образец шлака в химическую лабораторию. Полученный результат указал спектр минерального содержания в шлаке.

В 2017 году образцы шлака и породы базальта были исследованы с помощью лазерного атомно-эмиссионного и рентгенофлуоресцентного анализа в лаборатории анализа неорганических материалов химического факультета Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова доцентом кафедры неорганической и технической химии В.Н. Фоминым. Изучение образцов скальной породы выполнено геологами А.В. Покусаевым (Казахстан, ТОО «Центргеолсъёмка») и Г. Мотуза (Литва, Вильнюсский университет). Анализ показал идентичность химического и минералогического состава шлака и породы камня из насыпи. Геологическое исследование не выявило присутствия металлов в пригодных для выплавки концентрациях.

Рис. 4. Астана. Копия «камня Тимура» в аллее «Улытау». Фото Б.С. Кожахметова.

Fig. 4. Astana. Kazakhstan. A copy of the "Timur's stone" in the Ulytau alley. Photo by B. Kozhakhmetov.

Сооружение не использовалось для проведения металлургических процессов и, видимо, предназначалось для других целей (Fomin, Usmanova, Zhumashev et al., 2008, p. 64–74). Это было первое комплексное исследование кургана как самостоятельного объекта.

В 2017–2018 гг. была осуществлена высотная съемка кургана экспедицией, состоящей из сотрудников Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова (Р.М. Жумашев, Э.Р. Усманова, Д.А. Джумабеков, М.В. Бедельбаева, М.К. Лачкова). Топографическая фиксация объекта была произведена картографом М.А. Антоновым (Институт археологии им. А.Х. Маргулана). В результате была подготовлена модель ландшафта сопки Алтыншокы и выявлены особенности устройства насыпи кургана как теплотехнического сооружения, предназначенного для работы с огнём. В конструкции насыпи сохранились десять отверстий воздуходувных каналов, которые были направлены к центру кургана, где был зажжён мощный костёр, оплавивший каменную породу базальта до состояния шлака (рис. 3).

Итогом изысканий стала первая публикация статьи коллектива авторов «Загадка сопки Алтыншокы: об одном эпизоде похода Тимура против Тохтамыша в 1391 г.» (Усманова и др., 2018, с. 7–24). Основной вывод сводился к тезису, что курган в виде теплотехнического сооружения был сделан для гигантского обрядового костра, зажженного в честь поклонения предкам и Родовой Горе, которая почиталась среди джучидов (Григорьев, Телицын, Фролова, 2004, с. 19–20, 24).

Позже, в 2020 году, было осуществлено датирование комплекса Алтыншокы на основании содержания радиоактивного изотопа углерода (^{14}C) на фрагментах обугленных веток таволги, извлеченных из крупных пор шлака. Измерения ^{14}C выполнены в Институте ядерной физики, Дебрецен, Венгрия (Hertelendi Laboratory of Environmental Studies, Institute of Nuclear Research, Hungarian Academy of Sciences). Калибровка, интерпретированная И.П. Панюшкиной (Тусон, Аризонский университет), указала календарные даты в интервале 1298–1405 гг. и 1286–1394 гг. Эти даты совпадают с датой похода Железного Хромца 1391 года. Датировка подтвердила ранее высказанную исследователями версию об единовременном сооружении кургана и установки камня с надписью (Усманова и др., 2020, с. 122, 183).

Итак, в результате междисциплинарного изучения комплекса Алтыншокы было высказано предположение, что во время похода 1391 года воины по приказу Тимура сооружают на вершине сопки теплотехническое сооружение в виде кургана, предназначенное для зажигания сильного огня, который имел ритуальное значение в форме поклонения духам предков в Улытау, на территории, принадлежавшей чингизидам. «Каменотесы тех дней» высекают на камне письменное свидетельство о походе, установив его у подножия кургана.

Здесь есть кажущееся противоречие между языческими обрядами,

которые явно материализованы в постройке кургана, с устройством костра в нем и образом Тимура как «защитника ислама» (строка из надписи на камне). Возможно, снять это противоречие поможет строка из Шереф-аддин Али Йезди «<…> воины принесли камней и на том месте поставили высокий знак, вроде маяка» (Тизенгаузен, 1941, с. 161). Мы позволим себе смелость, не будучи лингвистами, обратиться к понятию «маяк» как сооружению башенного типа с сигнальным огнем. То есть это башня с огнем. В каком смысле могло употребляться понятие «маяк» в данном контексте? Вряд ли это был сигнальный огонь: слишком трудозатратной затеей было сооружение кургана. Соотношение двух понятий «маяк» и «минарет» указывает на их семантическое единство в арабском языке. Слово минарет арабского происхождения [мана:ра] – место, где горит (пребывает) огонь (Усманова и др., 2020, с. 118). Маяк и минарет выполняют одну функцию – указание пути, в одном случае кораблям, в другом – верующим.

Результаты всех исследований по комплексу Алтыншокы были обобщены в коллективной монографии «Знак Тимура на сопке Алтыншокы. Сборник статей и публикаций», изданной в 2020 году.

Современное использование данных и охрана комплекса Алтыншокы. В июне 1991 года участники ОО «Общественное движение «Улытау» установили копию «камня Тимура» у подножия кургана на сопке Алтыншокы. Копия надписи с помощью копировальной бумаги была сделана с оригинала «камня Тимура» по договорённости с руководством Государственного Эрмитажа. Другая копия «камня Тимура» по инициативе Акимата Карагандинской области установлена в 2018 году в честь 20-летия столицы Астаны в аллее «Улытау» в Астане (рис. 4).

В 2020 году за коллективную монографию «Знак Тимура на сопке Алтыншокы» ведущие авторы исследования (Э.Р. Усманова, Р.М. Жумашев, В.Н. Фомин, Д.А. Джумабеков) были удостоены звания лауреатов премии им. Ч.Ч. Валиханова «За лучшее научное исследование в области гуманитарных наук» Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Современное состояние насыпи кургана находится в удовлетворительном состоянии, хотя отшлакованные камни базальта уносятся местными жителями и посетителями в качестве сувениров – памятных знаков. Но неизменным остается одно – с вершины сопки можно смотреть глазами Тимура на гряду гор Улытау, природный профиль которых сохранился без изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бедельбаева М.В., Усманова Э.Р., Кожахметов Б.С.* Открытие и этапы изучения комплекса Алтыншокы // Знак Тимура на сопке Алтыншокы / Гл. ред. Э.Р. Усманова. Караганда: Ltd Tengri, 2020. С. 31–49.
2. *Бобров Л.А.* Командный состав армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Золотая Орда: история и культурное наследие: сборник научных материалов / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП BG-PRINT, 2015. С. 111–134.
3. *Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б.* «Надпись Тимура 1391 г.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXI / Отв ред. Н.Н. Дьяков. СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. С. 3–24.
4. *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875. 252 с.
5. Знак Тимура на сопке Алтыншокы / Гл. ред. Усманова Э.Р. Караганда: Ltd Tengri, 2020. 192 с.
6. *Костюков В.П.* Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2010. С. 172–183.

7. Котков К.А. Карсакпайская надпись Тамерлана – подлинник или частичная подделка? // Сборник статей по новой хронологии. 2024. Вып. 18. https://new.chronologia.org/volume18/kotkov_tamerlane.php https://dzen.ru/a/ZSuZe8idoy8tELuD Дата обращения: 26.05.2024

8. Миргалеев И.М. Надпись Аксак Тимура: несколько замечаний по прочтению // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 121–127.

9. Миргалеев И.М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.

10. Научный отчет AR–12/54 «Проведение археологических изучений и исследований памятников Северной Бетпакдалы и Западной части Улытауского района, 2010 г. Исследования на комплексе Алтыншокы (Надпись Тимура) // Архив ТОО «Археологическая экспертиза» (номер отсутствует).

11. Пономарев А.И. Поправки к чтению «надписи Тимура» // Советское востоковедение. Т. 3 / Отв. ред. А.П. Баранников, И.Ю. Крачковский, А.А. Петров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 222–224.

12. Поппе Н.Н. Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. II. / Отв. ред. А.Ю. Якубовский. Л.: ГЭ, 1940. С. 185–187.

13. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

14. Усманова Э.Р., Жумашев Р.М., Джумабеков Ж.А., Антонов М.А., Каспаров А.Р. Загадка сопки Алтыншокы: об одном эпизоде похода Тимура против Тохтамыша в 1391 г. // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 13. / Гл. ред. И.Х. Урилов М.: Собрание, 2018. С. 7–24.

15. Усманова Э.Р., Жумашев Р.М., Джумабеков Ж.А., Антонов М.А., Каспаров А.Р. Комплекс Алтыншокы в ландшафте военного конфликта Тимура и Тохтамыша // Знак Тимура на сопке Алтыншокы / Гл. ред. Э.Р. Усманова. Караганда: Ltd Tengri, 2019. С. 92–123.

16. Федченко О.Д. Поход Тамерлана на Дешт-и Кипчак в 1391 году // Тюркологические исследования. 2022. Т. 5. № 4. С. 44–55.

17. Шуптар В.В. Улытау. Туристский путеводитель. Караганда: Историко-географическое общество «Авалон». 2016. 100 с.

18. Fomin V.N., Usmanova E.R., Zhumashev R.M., Pokussayev A.V., Motuza G., Omarov Kh.B., Kim Yu. Yu, Ishmuratova M.Yu. Chemical-technological analysis of slags from the Altynshoky complex // Bulletin of the University of Karaganda-Chemistry. 2008. P. 64–74.

Информация об авторах:

Усманова Эмма Радиковна, ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт Карагандинского университета им. академика Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан); Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан); Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); emmadervish2004@mail.ru

Жумашев Рымбек Муратович, доктор исторических наук, профессор, Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); zhumashev_rymbek@mail.ru

Кожахметов Бактияр Сапарбекович, научный сотрудник. Жезказганский историко-археологический музей (г. Жезказган, Казахстан); baktiyar1962@gmail.com

Тлеубергенов Тахир Ахметович, лаборант. Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); 0000287@notariatpalata.kz

KNOWLEDGE AND PRESERVATION OF THE MEMORY OF AMIR TIMUR'S CAMPAIGN AGAINST THE KIPCHAKS IN 1391

E.R. Usmanova, R.M. Zhumashev, B.S. Kozhakhmetov, T.A. Tleubergenov

The Altynshoky complex (Ulytau region, Kazakhstan) is a hill with a barrow on its top. At the foot of the barrow there was a slab with an inscription in two languages: Arabic and Chagatai. In 1936, on the initiative of Soviet geologist K. I. Satpayev, the slab was delivered to the State Hermitage Museum. From this moment the history of the study of the Altynshoky complex began. The first translation of the inscription by orientalist N. Poppe in 1940 proved the link of the epigraphic property with the events of Amir Timur's campaign against Tokhtamysh Khan in 1391. Subsequent translations of the inscription by linguists and historians confirmed the connection of the complex with the Kipchak campaign of

The article was prepared within the framework of a program-targeted funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2024–2026, Project IRN BR24992951. The archaeological heritage of Saryarka (from the Stone Age to the Middle Ages).

Tamerlane and the erection of the barrow by his warriors in the form of a “high sign”. The first cartographic mention of Tamerlane's sign in the Ulytau dates back to the 18th century. In 2018-2020, an interdisciplinary study of the complex by scientists from Kazakhstan, Uzbekistan, Lithuania and the United States found that the barrow was a heating engineering structure. It was designed to ignite a strong fire. Slags and holes of blower channels have been preserved in its mound. The results of radiocarbon dating of the slag coincide with the date of Amir Timur's campaign against Toktamysh Khan through Desht-i-Kipchak in 1391. The barrow was erected in the context of the cult of worship of the World Mountain and ancestral spirits. The complex preserved the general appearance in the landscape of Ulytau. A copy of the “Timur’s stone” with an inscription is installed on the barrow. “Ulytau Alley” in the urban space of Astana is decorated with a copy of the epigraphic monument from the Altynshoky hill.

Keywords: archaeology, Altynshoky hill, Amir Timur, Tokhtamysh Khan, Kipchak campaign, N. Poppe.

REFERENCES

1. Bedel'baeva, M. V., Usmanova, E. R., Kozhakhmetov, B. S. 2020. In Usmanova, E. R. (ed.). *Znak Timura na sopke Altynshoky (Timur's sign on the Altynshoky hill)*. Karaganda: “Ltd Tengri” Publ., 31–49 (in Russian).
2. Bobrov, L. A. 2015. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie (Golden Horde: history and cultural heritage).* Astana: “BG-PRINT” Publ., 111–135 (in Russian).
3. Grigor'ev, A. P., Telitsin, N. N., Frolova, O. B. 2004. In D'yakov, N. N. (ed.). *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Source study of the history of Asian and African states)* 21. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 3–24 (in Russian).
4. Ivanin, M. I. 1875. *O voennom iskusstve i zavoevaniyakh mongolo-tatar i sredneaziatskikh narodov pri Chingis-Khane i Tamerlane (About military affairs and the conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples in Genghis Khan and Tamerlane times.)*. Saint Petersburg: “Tipografiya tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za” Publ. (in Russian).
5. In Usmanova, E. R. (ed.). 2020. *Znak Timura na sopke Altynshoky (Timur's sign on the Altynshoky hill)*. Karaganda: “Ltd Tengri” Publ. (in Russian).
6. Kostyukov, V. P. 2010. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 3. Kazan: “Fen” Publ., 172–183 (in Russian).
7. Kotkov, K. A. 2024. In *Sbornik statey po novoy khronologii (Collected articles on the new chronology)* 18. https://new.chronologia.org/volume18/kotkov_tamerlane.php; https://dzen.ru/a/ZSuZe8idoy8tELuD (accessed: 26.05.2024) (in Russian).
8. Mirgaleev, I. M. 2009. In Mirgaleyev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya (Golden Horde civilization)* 2. Kazan: “Fen” Publ., 121–127 (in Russian).
9. Mirgaleyev, I. M. 2011. In Mirgaleyev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya (Military affairs of the Golden Horde: issues and prospects for studying)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 170–182 (in Russian).
10. Nauchnyy otchet AR–12/54 «Provedenie arkheologicheskikh izucheniy i issledovaniy pamyatnikov Severnoy Betpakdaly i Zapadnoy chasti Ulytauskogo rayona, 2010 g. Issledovaniya na komplekse Altynshoky (Nadpis' Timura) (Scientific report AR-12/54 “Conducting archaeological studies and research of monuments of Northern Betpakdaly and western part of Ulytau district, 2010 research at the Altynshoky complex (Timur's inscription)). Arkhiv TOO “Arkheologicheskaya ekspertiza” (in Russian).
11. Ponomarev, A. I. 1945. In Barannikov, A. P., Krachkovskiy, I. Yu., Petrov, A. A. (eds.). *Sovetskoe vostokovedenie (Soviet Oriental Studies)* 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 222–224 (in Russian).
12. Poppe, N. N. 1940. In Yakubovsky, A. Yu. (ed.). *Trudy otdela kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of Oriental Culture and Art of the State Hermitage)* 2. Leningrad, 185–187 (in Russian).
13. Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
14. Usmanova, E. R., Zhumashev, R. M., Dzhumabekov, Zh. A., Antonov, M. A., Kasparov, A. R. 2018. In Urilov, I. Kh. (ed.). *Vestnik istorii, literatury, iskusstva (Bulletin of History, Literature, Art)* 7. Moscow: “Sobranie” Publ., 7–24 (in Russian).
15. Usmanova, E. R., Zhumashev, R. M., Dzhumabekov, Zh. A., Antonov, M. A., Kasparov, A. R. 2019. In Usmanova, E. R. (ed.). *Znak Timura na sopke Altynshoky (Timur's sign on the Altynshoky hill)*. Karaganda: “Ltd Tengri” Publ., 92–123 (in Russian).
16. Fedchenko, O. D. 2022. In *Tyurkologicheskie issledovaniya (Turkological Studies)* 5 (4), 44–55 (in Russian).

17. Shuptar, V. V. 2016. *Ulytau. Turistskiy putevoditel' (Ulytau. Tourist guide).* Karaganda: Historical and Geographical Society “Avalon” (in Russian).
18. Fomin, V. N., Usmanova, E. R., Zhumashev, R. M., Pokussayev, A. V., Motuza, G., Omarov, Kh. B., Kim, Yu. Yu, Ishmuratova, M. Yu. 2008. In *Bulletin of the University of Karaganda-Chemistry*, 64–74.

About the Authors:

Usmanova Emma R. Saryarka Archaeological Institute of Karaganda Buketov University, Universitetskya 28, Karaganda, 100024, Kazakhstan; Institute of Archeology named after. A. Kh. Margulan, Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; emmadervish2004@mail.ru

Zhumashev Rymbek M. Doctor of Historical Sciences, Professor. Karaganda Buketov University, Universitetskya st., 28, Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan; zhumashev_rymbek@mail.ru

Kozhakhmetov Baktiyar S. Zhezkazgan Historical and Archaeological Museum, Alashakhana Avenue 22 , Zhezkazgan, 100600, Republic of Kazakhstan; baktiyar1962@gmail.com

Tleubergenov Tahir A. Karaganda Buketov University, Universitetskya 28, Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan; 0000287@notariatpalata.k

Статья принята в номер 22.07.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.154.164

САБЛЯ ИЛИ ПАЛАШ – ВКЛАД СТЕПНЫХ КОННЫХ ВОИНОВ В ОДНО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ НОВШЕСТВО ЕВРАЗИИ (VIII–X ВВ.)

© 2025 г. В. Йотов

Автор останавливает свое внимание на холодном оружии с прямым или слабо изогнутым клинком. У двух третей клинков такого оружия верхняя часть – одноострая, нижняя – двуострая. Рукоять и лезвие развиты на одной оси. Для гарды этого оружия характерны эллипсовидная втулка сверху и горизонтальное отверстие снизу, а плечевые концы – закругленные и плоские. Это оружие было распространено в степях Восточной и Центральной Европы и по своим характеристикам было близко к сабле, а через несколько столетий получило название «палаш». Кроме того, оружие с такими характеристиками можно связать с одним из самых обсуждаемых терминов в письменных источниках раннего Средневековья – *παραμήριον*.

Без сомнения, это оружие использовалось конными воинами в степях, но примеры с территорий на Балканах – зоны военных конфликтов и технологического обмена между Первым Болгарским царством и Византийской империей – является дополнительным подтверждением вклада степных конных воинов в это технологическое новшество Евразии (VIII–X вв.).

Ключевые слова: археология, холодное оружие, клинки, перекрестье, степи, Византия.

Моя первая статья о холодном оружии из Болгарии была опубликована более двух с половиной десятилетий назад. Поскольку большинство было найдено в средневековых болгарских землях, я обозначил это холодное оружие как «болгарские сабли» (Йотов, 1995, с. 97–101). Позже я коротко коснулся подобного оружия в разделе «сабли» в своей диссертации, опубликованной в виде книги. Для оружия этой группы или типа (рис. 1) характерен прямой клинок с небольшим изгибом в нижней части. Общая длина около 80–85 см. Две трети клинка, т. е. верхняя часть, одноострая, нижняя – двуострая. Рукоять и лезвие развиты на одной оси. Для гарды (рис. 2: a–b) этого оружия и единичных находок характерны элипсовидная втулка сверху и горизонтальное отверстие снизу, а плечевые концы закругленные и плоские (Йотов, 2004, с. 65, 69, обр. 27; табл. 9: 2-A; табло XXXVI).

Сравнение с другими подобными экземплярами из Болгарии, из Центральной Европы, из степей Евразии позволило сделать еще более конкретные выводы (Йотов, 2010, с. 217–225), а позже обратить внимание на один из самых обсуждаемых терминов[1] для оружия в письменных источниках раннего Средневековья – *παραμήριον*.

1908 г. – Юлиан Кулаковский

Первая «расшифровка» значения *παραμήριον* встречается у Юлиана Кулаковского в русском переводе с комментарием к византийскому военному трактату *Praecepta Militaria* императора Никифора II Фоки (963–969), изданному в 1908 г. (Стратегика, 1908, с. 43). В публикации Кулаковский уделяет этому термину особое внимание и сравнивает его с некоторыми отрывками из *Tactica* императора Льва VI (866–912). Крупный специалист по византийской истории конца XIX – начала XX вв. пришел к выводу, что в письменные источники термин вошел в конце IV в. и относится к однолезвийному режущему оружию примерной длины около 887 мм, которое было подвешенно на поясе, т. е. на талии.

Долгое время Кулаковский был единственным, кто высказывал мнение по этому поводу, и это было связано с тем, что до последних десятилетий XX в. существовало лишь несколько переводов с греческого ви-

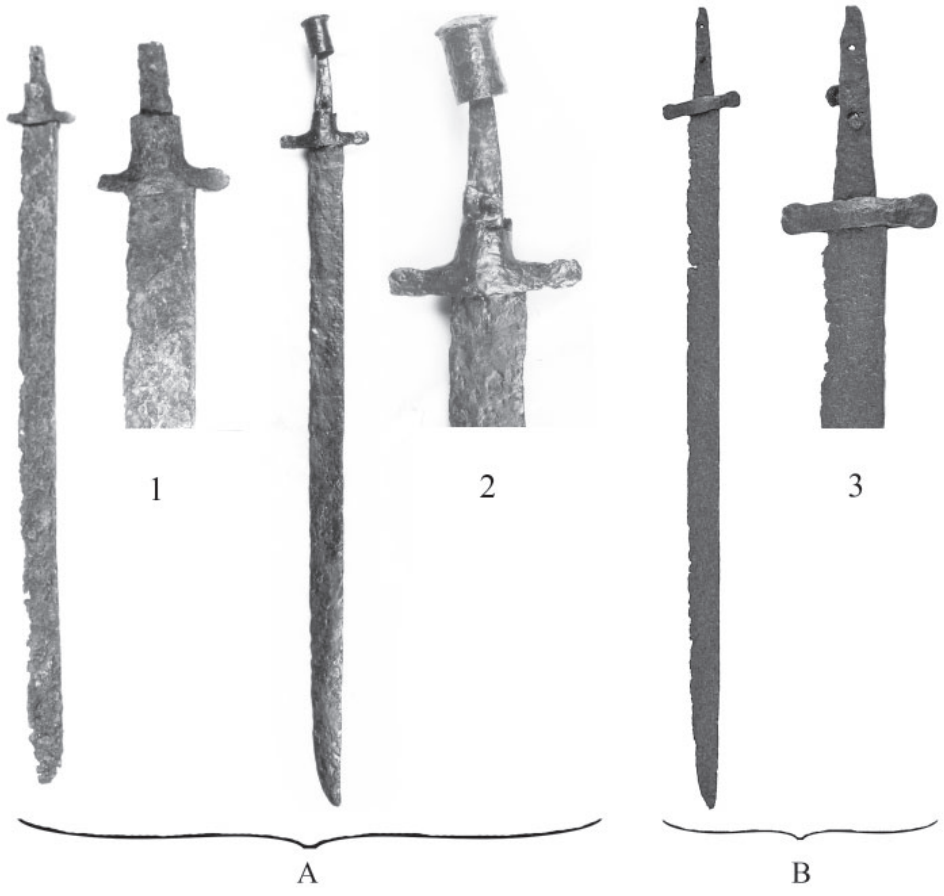


Рис. 1. Холодное оружие с гардой из Болгарии: 1 – из средневекового слоя Abritus (Разград); 2 – из района община Червен бряг; 3 – Северо-Восточная Болгария.

Fig. 1. Bladed weapons with guards from Bulgaria: 1 – from the mediaeval layer in Abritus (Razgrad, Bulgaria); 2 – Cherven bryag municipality; 3 – Northeastern Bulgaria

зантийских военных трактатов и последующих анализов их содержания, а также потому, что его публикация находится в сравнительно редком библиографическом издании.

1950 г. – Гали (Галина) Корзухина и Николай Мерперт

В 1950 г. двое советских учёных исследовали сабли с территории современного юга России и юга Украины. Ни в одной из двух статей не упоминается термин *παραμήριον*, но, на мой взгляд, их анализ относится именно к такому типу оружия.

Во второй части своего обширного исследования «древнерусского оружия» **Гали Корзухина** обращает внимание на группу холодного оружия, объединенную следующими общими признаками: *клинки прямые или слабо изогнутые, однолезвийные с двулезвийным концом, рукоять изогнута в сторону лезвия…* К 1950-м гг. XX в. эта группа была более известна в специализированной литературе как «хазарская» сабля. Корзухина отмечает 14 образцов с Северного Кавказа и среди памятников салтово-маяцкой культуры, в том числе саблю из катакомбы № 1 в Салтово (рис. 3) и др. Датировка их относится к VIII–IX вв. (Корзухина, 1950, с. 75, табло III).

Останавливаясь на вопросе о происхождении сабли, **Николай Мер-**

Рис. 2. a–b – варианты гарды A и B (Северо-Восточная Болгария).
Fig. 2. a–b – Cross-guards, variant A-B (Northeastern Bulgaria)

перт (по его мнению, этот вопрос не был решен к середине XX в.) высоко оценивает статью Г. Корзухиной и рассматривает сабли упомянутой салтово-маяцкой культуры с характеристикой «слегка изогнутые» (Мерперт, 1955, с. 131–134)[2].

Мерперт припоминает примечание М. Артамонова о том, что «сабля, как и большой лук, теснейшим образом связана с новой формой седла со стременами, обеспечивающей за всадником устойчивость и подвижность» (Артамонов, 1935, с. 246)[3].

Примеров, которые приводит Мерперт, несколько десятков. Он делает вывод, что происхождение анализируемых прямых сабель является следствием эволюции сарматского меча (Мерперт, 1955, с. 142, 164).

***

Одной из близких параллелей холодному оружию группы «слегка изогнутых» было оружие и гарда (прекрестье) из могилы № 2 в словацком могильнике Čierny Brod I (рис. 4: a–c), идентифицированные более чем в одной публикации как образец византийского меча. Чтобы ответить на противоречия в характеристике сравниваемого оружия – сабля или меч, ниже я рассматриваю хронологию публикаций, различные мнения и мои выводы.

Холодное оружие из могилы № 2 (рис. 4: a–c) из могильника Čierny Brod I в Словакии.

1978 г. – короткое примечание З. Чилинской и А. Точика (Z. Čilinská и A. Točík).

Первый беглый комментарий был сделан в научной статье 1978 г. для «Памятников славянской культуры в Словакии» известными словацкими археологами З. Чилинской и А. Точиком. Очень коротко они отмечают, что «*…в могиле № 2 в Čierny Brod были найдены: обоюдоострый меч; нож, топор, бритва*» и т. д. (Čilinská, Točík, 1978, s. 46, 54, obr. 17: 8). Короткий текст цитируется со ссылкой на: *Veliačik,* 1969, s. 301–319, 427–429, но возможное происхождение не указано.

1992 г. – описание открытия и вывод Антона Точика о византийском происхождении меча (*Točík,* 1992, s. 7–12, obr. 6: 2; 7).

Участок с песчаными дюнами (площадь 90×70 м) возле деревни Čierny Brod Галантской области Юго-Восточной Словакии использовался для добычи песка еще с 1930-х гг. XX в. В 1955 г. местный учитель Й. Кристоф (J. Christoph) уведомил Словацкий национальный музей в Братиславе об обнаружении могил и артефактов в них.

После прибытия в деревни Čierny Brod представителя Института археологии Словацкой академии наук К. Седлака (K. Sedlak) были проведены спасательные археологические раскопки. Две могилы (№ 1–2) были раскопаны по периферии дюн, а третья, почти полностью разрушенная могила была указана Й. Кристофом (*Točík*, 1992, s. 12)[4].

Описание могилы № 2 и ее инвентаря (рис. 4: a).

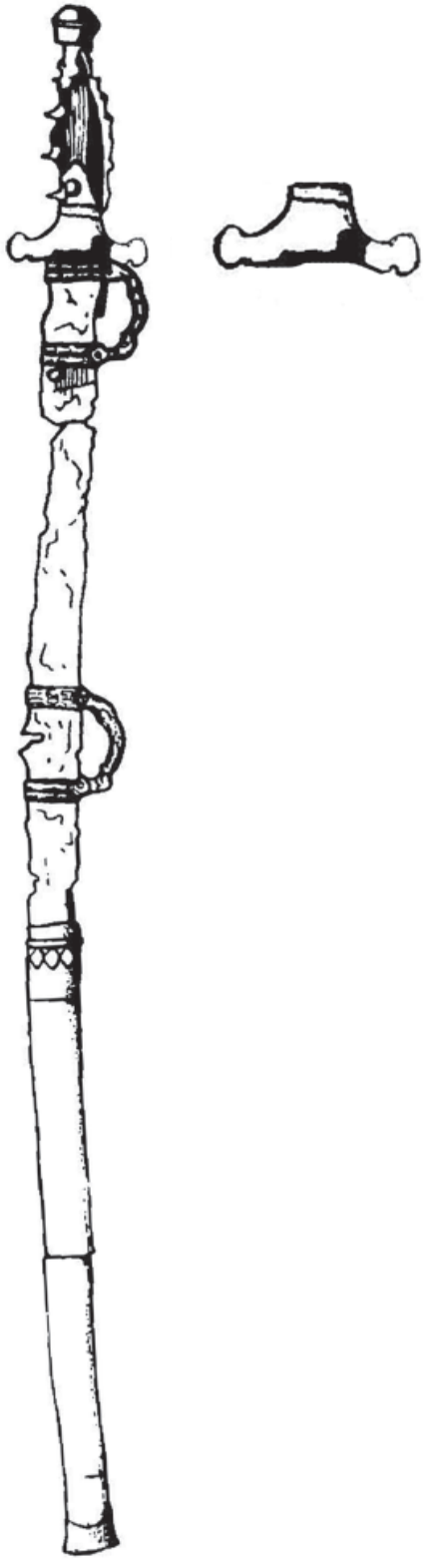


Рис. 3. Холодное оружие (по определению В.А. Бабенко – сабля) из катакомбы № 1 в Салтово.

Fig. 3. Bladed weapon (as per V.A. Babenko – saber) from catacomb No. 1 in Saltovo

Скелет человека с руками на теле. Ориентация СЗ – ЮВ. Детали железных обручей (1) от деревянного ведра; части железного наконечника копья и железной пятки деревянной рукояти к нему (2–3; ок. 135 см); железный меч (4) и фрагменты бронзового обкова (5) деревянных ножен; железный нож (6); железный топор (7); железная бритва (8); кости птиц (9).

По поводу холодного оружия.

Железный меч в деревянных ножнах (***Železný meč s drevenou pošvou*** – на словацком) с бронзовыми: сферическим навершием рукояти; предохранителем со втулкой и двумя плечами. Часть рукояти покрыта кожей.

Размеры: общая длина 83 см (лезвие 69,5 см; рукоять 13,5 см); накрайник рукояти 5×4 см; гарда: 10×4,5 см.

Лишь в аннотации к статье 1992 г. Anton Točík впервые отметил происхождение оружия: «*В Черном Броде была... могила воина первой половины IX в. с находкой уникального меча византийского происхождения» («...In Čierny Brod war... ein Kriegergrab aus der ersten Hälfte des 9. Jh. mit dem Fund eines vereinzelten* ***Schwertes byzantinischer Herkunft)*** (*Točík, 1992*, s. 249).

1997 г. – статья Аттилы Киша (Attila Kiss) «Frühmittelalterliche Bizantinische Swherter im Karpatenbecken».

В статье 1997 г. о «византийских мечах из Карпатской долины» венгерский археолог А. Киш (A. Kiss), цитируя З. Чилинскую и А. Точика (Z. Čilinská и A. Točík), пришел к выводу, что оружие из могилы № 2 могильника Čierny Brod I было двуострым мечом с бронзовым перекрестьем, форма которого указывает на южное происхождение («*Die* ***zweischneidige Schwerter*** *mit bronzener Parierstange und Schwertknauf weisen*

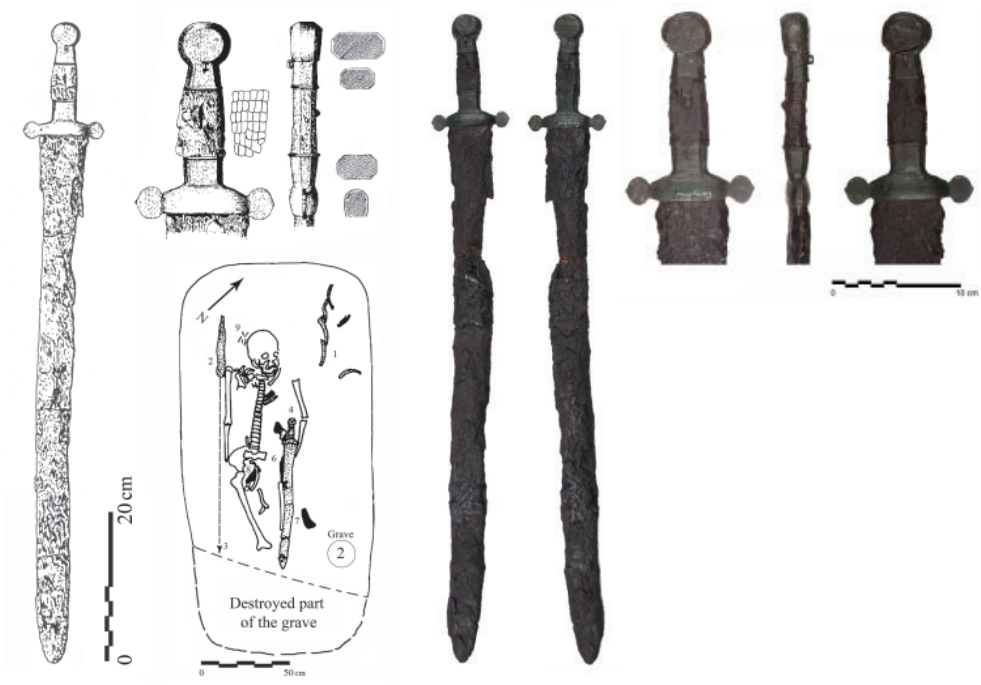


Рис. 4: a – холодное оружие и кроки могилы № 2 из могильника Čierny Brod I; b–c – качественные фотографии оружия из Čierny Brod в опубликованном автореферате Адама Биро (Adám Bíró).

Fig. 4: a – Edged weapon and croquis of the discovery burial No. 2 in Čierny Brod I necropolis; b–c – quality photographs of the weapon (as per Á. Bíró's PhD abstracts, submitted in 2014).

vermutlich mauf südliche ***Herkunt hin»)*** (Kiss, 1997, s. 194).

2014 г. – докторская диссертация венгерского исследователя Адама Биро (Ádám Bíró).

В докторской диссертации, представленной в 2014 г. в Будапештском институте археологии (Bíró, 2013, p. 269–276)[5], и в опубликованном автореферате Адам Биро (Ádám Bíró) пишет, что он сделал «...*подробный анализ артефактов всех мечей, которые предположительно имеют византийское происхождение в Карпатском бассейне...*», и также он принимает, что оружие из Čierny Brod – это меч. Здесь следует отметить, что качественные фотографии оружия впервые были опубликованы Á. Bíró (рис. 4: b–c) (Bíró, *2014, p. 535, Fig. 15)*.

2015 г. – книга Gergely Csiky.

Другой венгерский ученый, Gergely Csiky, в своей двухтомной книге «Древковое и холодное оружие аварского времени» («Avar-Age Polearms and Edged Weapons») включает оружие из *Čierny Brod* в группу и вариант «...*обоюдоострых мечей с элипсовидным напречным сечением»* и повторяет, что... меч из *Čierny Brod* считается византийским импортом («... ***double-edged swords*** *of lenticular cross-section... the sword from was considered to be a* ***Byzantine import»)*** (*Csiky,* 2015, p. 171, 258; Figs. 63: 3; 95: 1).

***

Насколько мне известно, первое **особое мнение** по поводу холодного оружия из могилы № 2 в *Čierny Brod* высказал известный словацкий археолог Jozef Zabojnik.

2007 г. – мнение Йозефа Забойника/Jozef *Zábojník*.

В своей статье «Относительно византийских находок периода Аварского каганата в Словакии»

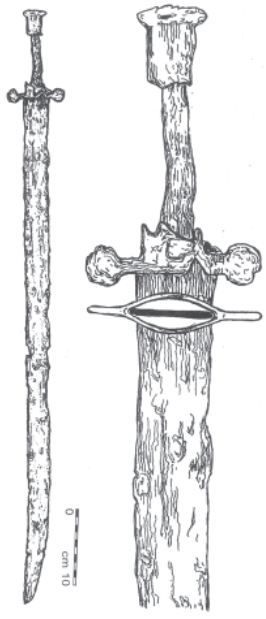


Рис. 5. Холодное оружие из могилы H64 в могильнике Olomouc – Nemilany.

Fig. 5. Edged weapon from burial H64 in Olomouc – Nemilany necropolis.

Jozef Zabojnik отмечает: «...*Это уникальный железный меч, вероятно, одноострый» («Ide o unikátny zhelezný meč probím s* ***jednym ostrim»***), и в сноске он пишет: «...*Оружие описано как обоюдоострый меч... скорее, наоборот... Я определил оружие после осмотра его на месте... Судя по видимому небольшому изгибу клинка, я думаю, что это скорее однолезвийное оружие, подходящее под термин палаш» («Žbraň je uvádzaná ako dvojsečný meč… Skôr naopak... Uvedonú zbraň poznám z autopsie… Na základe nepatrneho prehnutia cepele považujem za pravdepodobnejšie, že ide o pomerne tazku sechnu zbraň s jednym ostrim, ktorá by zodpovedala pojmu palош»)* (Zábojník, 2007a, s. 26; note 85; Zábojník, 2007b, s. 353–386).

Важное утверждение J. Zabojnik о том, что это на самом деле было однолезвийное оружие, могло бы остаться неизвестным научному миру или просто неподтвержденным, если бы находка из могилы № 2 в Čierny Brod осталась единственным экземпляром.

2014 г. – холодное оружие из могилы H64 в могильнике Olomouc/Nemilany.

Археологические исследования могильника в Olomouc/Nemilany (Моравия, Чехия) начались в 1999 г. Впервые о холодном оружии из могилы H64 я узнал во время визита профессоров L. Galuška и P. Kouřil в Великий Преслав (Болгария) в 2007 г., когда мы обменялись археологической литературой. Я был приятно удивлен, увидев в книге L. Galuška фотографию (рис. 5) и аннотацию на оружие из могильника Olomouc/Nemilany, Чехия, такое же, как те, которые я изучал (на этом этапе оружие было идентифицировано чешскими авторами как старовенгерская сабля = *Staromďarská šavle*; Galuška, 2004, изображение и аннотация на стр. 135). Тем временем я переписывался с чешским археологом проф. Надой Профановой (Ph. Dr. Nada Profanová). Она согласилась с моим мнением, что рассматриваемое оружие было «болгарского» типа, и, видимо, в результате нашей переписки в более поздней работе – каталоге основных результатов по могильнику 2014 г. – было уточнено: «... *železná šavle tzv.* ***bulharského typu»*** (Přichystalová, 2014, s. 101–104, 233; Tafels 44, XXI: c).

В 2015 г. – связь *с παραμήριον.*

В сборнике докладов, посвященном моему 60-летию, двое моих коллег и друзей – Милен Петров и Николай Хрисимов – на основе опубликованных мной примеров первыми остановились на связи между так называемыми мной «саблями болгарского типа» и известным из византийских письменных источниках термином «парамирион» (греч. *παραμήριον*). В заключении статьи они отмечают: «...*парамирия представляла собой оружие типа широко распространенных в тот период однолезвийных мечей (палашей), а позднее и сабель ко-*

Рис. 6. Холодное оружие из Украины (по Генадий Баранов): 1 – Львовская область; 2 – Каменец-Подольский; 3–4 – Черновцы.

Fig. 6. Bladed weapons from Ukraine (as per G. Baranov).

чевых народов, которые под влиянием последних утверждаются и в византийских войсках» (Петров, Хрисимов, 2015, с. 350–351).

2016 г. – Геннадий Баранов и подобное холодное оружие из Украины.

19 мая 2011 г. я прочитал лекцию с презентацией на тему «К вопросу о типологии византийских мечей VII–XI вв.» перед членами Научного семинара «Военная археология» Института археологии РАН (Йотов, 2011).

В течение следующих нескольких лет я обменивался информацией о различных находках и рекомендованными статьями с двумя участниками этого семинара – Юрием Кулешовым (ученый секретарь) и Геннадием Барановым (независимый исследователь). Г. Баранов углубил свой интерес к византийскому оружию и через несколько лет опубликовал две статьи о найденном в Украине холодном оружии, подобном обсуждаемому здесь (рис. 6), заключая, что «*скорее всего, в случае «болгарских сабель» мы имеем дело не с саблями, а с* ***парамирион*** *– известным по письменным источникам византийским клинковым оружием с однолезвийным клинком»* (Баранов, 2016, с. 76–92)[6].

2017 г. – P. *Kotowicz* и оружие из района горного хребта Бещады (Bieszczady), Восточная Польша.

В конце лета 2017 г. в музей города Sanok было передано холодное оружие с предохранителем, идентичное оружию типа «болгарская сабля». Оружие было найдено случайно где-то недалеко от села Terka (30 км южнее от Sanok) в районе горного хребта Бещады (Bieszczady), Восточные Карпаты.

По мнению P. Kotowicz (Котович, 2017, с. 100–116), клинок в первой трети после рукояти однолезвийный, а остальная часть обоюдоострая (рис. 7), поэтому он идентифицирует его как палаш и заключает: «*…оружие из Терки могло быть потеряно при движении мадьяр через один из Карпатских перевалов (перевал Rozstoki Górne?). Основываясь на археологических находках, доказывающих присутствие кочевых мадьяр в X в. в близлежащем Перемышле (Przemysl), не можем исключить, что оружие из Терка было элементом боевого снаряжения воина-мадьяра из отряда, охранявшего в это время дороги через Карпатские перевалы».*

Заключение

Думаю, что крайне важная короткая заметка J. Zabojnik, подкрепленная моими и других авторов публикация-

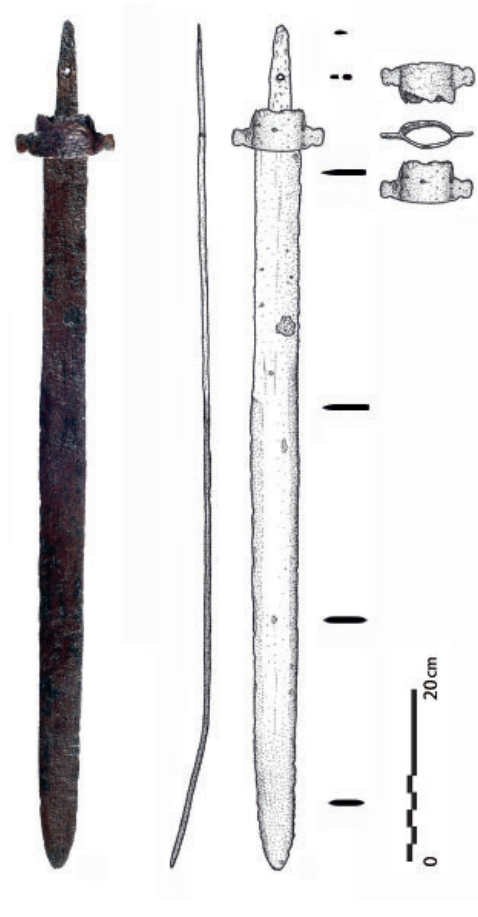


Рис. 7. Холодное оружие недалеко от села Terka (района горного хребта Бещады, Восточные Карпаты).
Fig. 7. Edged weapon from Terka (Bieszczady Mountain Range, Eastern Carpathians).

ми о холодном оружии из Болгарии, из Olomouc (Восточная Чехия) и из Terka (Северо-Восточные Карпаты), достаточна для того, чтобы заключить, что холодное оружие из могилы № 2 в Čierny Brod – «одноострое».

Нет сомнения, что в раннем Средневековье оружие, какое мы имеем в степях Восточной и Центральной Европы, по своим характеристикам было близко к сабле и через несколько столетий получило название «палаш».

Что касается конца IX – X вв., когда такое оружие было наиболее распространено, то можно провести связь с оружием, известным по византийским письменным источникам X в. – *παραμήριον*. Это оружие использовалось и конными воинами в степях, но наиболее распространено оно было на Балканах – зоне военных конфликтов и технологического обмена между Первым Болгарским царством и Византийской империей (рис. 8).

Рис. 8. Сцена из Менологий Василия II (XI в.): Болгарские солдаты, убивающие христиан.
Fig. 8. Scene in Menologion of Basil II (11th century): Bulgar soldiers slaughter Christians.

Известно немало примеров присоединения византийских офицеров и инженеров к болгарскому войску, а также перехода отдельных болгарских аристократов и более крупных групп на сторону ромеев.

Примечание:

[1] Последнее в: Hrissimov, 2022, p. 151–161.

[2] Мерперт: …*В основу статьи положены сабли, найденные при раскопках Салтовского могильника,... где мы встречаем бесспорную и характерную форму сабли: однолезвийная полоса с некоторой, пока еще незначительной кривизной, длинная, что необходимо для преимущественно рубящего удара, сравнительно узкая и легкая*

[3] Седло, стремена, сабля – технологические новшества в Евразии эпохи раннего Средневековья.

[4] В дополнение к описанию могил № 1–3 A. Točík упоминает, что у частного лица в Братиславе сохранилась часть обоюдоострого меча, включая рукоять, которые были найдены там же.

[5] Ссылается на описание в: *Točík,* 1992. В сборнике «Царь Самуил в битве за Болгарию» («Tsar Samuil in *Battle* for *Bulgaria*»), не вдаваясь в подробности, я также идентифицировал оружие из могилы № 2 из Čierny Brod как меч: Йотов, 2014, с. 91–103, табло V (= Yotov, 2014, p. 91–103, Plate V).

[6] До статьи 2016 г. тот же автор лишь намекнул на эту свою гипотезу в трёх предложениях в статье 2014 г.: Баранов, 2014, с. 87.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Рец. на: Zakharow A., Arendt W. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. – Studia Levedica. Budapest, 1934 // Проблемы истории докапиталических обществ. 1935. № 9–10. С. 243–246.

2. Баранов Г. Болгаро-византийское навершие рукояти сабли с территории Северо-Восточного Причерноморья // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Вып. 6 / Ред. М.М. Чёреф. Севастополь, Тюмень: ТюмГУ, 2014. С. 84–92.

3. Баранов Г. Находки раннесредневековых сабель «болгарского типа» в бассейне верхнего и среднего течения Днестра (к вопросу о византийской воинской традиции в Восточной Европе) // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Вып. 8 / Ред. М.М. Чёреф. Севастополь, Тюмень, Нижневартовск: НВГУ, 2016. С. 76–92.

4. Йотов В. За един тип сабя от ранното българско средновековие // Българите в Северното Причерноморие, 1995, № 4. С. 97–101.

5. Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Варна: Зограф, 2004. 218 с.

6. Йотов В. Ранние сабли (VIII–X вв.) на Нижнем Дунае // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 217–225.

7. Йотов В.В. К вопросу о типологии византийских мечей VII–XI вв. 2011 URL: http://militarch.ru/?p=409.

8. Корзухина Г. Из истории древнерусского оружия XI века // СА. Т. XIII / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 63–94.

9. Котович П. Нетипичный клинок «болгарского типа» из Терки, Юго-Восточная Польша // Военная археология. Вып. 5 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М: ИА РАН, 2017. С. 100–116.

10. Мерперт Н. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. Т. XXIII / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР 1955. С. 131–168.

11. Петров М., Хрисимов Н. Едноостриte клинови оръжия от територията на България и византийската военна традиция // Добруджа. № 30. Варна: ИМ-Добрич и ИМ-Силистра, 2015. С. 337–358.

12. Кулаковский Ю.А. Стратегика императора Никифора (Доложено в заседании Ист.-филол. отд-ния 10 января 1907 г.) // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. 8. № 9. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1908. 58 с.

13. Bíró A. Fegyverek a 10-11. századi Kárpát-medencében. Doktori disszertáció. Budapest, 2013.

14. Bíró A. Weapons in the 10th–11th century Carpathian Basin Studies in weapon technology and methodology – rigid bow applications and southern import swords in the archaeological material // Dissertationes Archaeologicae, 2014, Ser. 3, No. 2.

15. Čilinská Z, Točík A. Čierny Brod, okres Galanta // Významné slovanské náleziská na Slovensku. Bratislava, 1978. С. 46–56 (B. Chropovský, ed.).

16. Csiky G. Avar-Age Polearms and Edged Weapons: Classification, Typology, Chronology and Technology. Leiden. Boston, 2015.

17. Galuška L. Slované doteky předků. O životě na Moravě 6.–10. století. Brno, 2004.

18. Hrissimov N., Petrov M. Some more words about the Byzantine term *παραμήριον* // Swords in Byzantium. Varna, 2022, p. 151-161 (Studia Militaria Balcanica II-1; ed. V. Yotov).
19. Kiss A. Frühmittelalterliche Bizantinische Swherter im Karpatenbecken // Acta Arch. Hung., 1997, XXXIX. S. 193–210.
20. Přichystalová R. Olomouc-Nemilany. Stručná analýza raněstředověkého pohřebiště. Raněstředověké pohřebiště Olomouc-Nemilany: katalog. Brno, 2014 (eds. R. Přichystalová, M. Kalábek).
21. Točík A. Materiály k dejinám južného Slovenska v 7.-14. Storočí // Štud. Zvesti AÚ SAV, 1992, № 28. С. 5–248.
22. Veliačik L. Archeologický výskum v Čiernom. Brode // Archeologické rozhledy, 1969, № 21. С. 301–319, 427–429.
23. Yotov V. Byzantine sword (7th – 9th c.) // Tsar Samuil († 1014) in Battle for Bulgaria. Sofia, 2014, c. 91–103.
24. Zábojník J. Hrob 63 na pohrebisku v Čiernom Brode. Problematika hrobov s parciálnym spolupochovaním zvierat v období avarského kaganátu // Slovenská archeológia, 2007b, № 55. S. 353–386.
25. Zábojník J. K problematike predmetov „byzantského pôvodu“ z nálezísk obdobia avarského kaganátu na Slovensku // Byzantská kultúra a Slovensko. V. Turčan (ed.). Zborník štúdií. Bratislava, 2007a. S. 13–30.

Информация об авторе:

Йотов Валерий, доктор по археологии, доцент, Археологический музей г. Варна (г. Варна, Болгария); valeri.yotov@gmail.com

SABER OR BACKSWORD – THE CONTIBUTION OF STEPPES MOUNTED WARRIORS IN ONE TECHNOLOGICAL INNOVATION OF EURASIA (8TH – 10TH CENTURIES)

V. Yotov

The author focuses on the edged weapons with a straight or slightly curved blade. Two thirds of the blades of such weapons have a single-edged upper part and a double-edged lower part. The handle and blade are developed on the same line. The guard of these weapons is characterized by an elliptical sleeve at the top and a horizontal hole at the bottom, while the shoulder ends are rounded and flat.

This type of weapon was common in the steppes of Eastern and Central Europe and in its characteristics was close to a saber, and several centuries later it received the name “palas = backsword”. Besides, weapons with such characteristics can be associated with one of the most discussed terms in the written sources of the early Middle Ages – παραμήριον. Undoubtedly, these weapons were used by mounted warriors in the steppes, but finds from territories in the Balkans – a zone of military conflicts and technological exchange between the First Bulgarian Kingdom and the Byzantine Empire – further confirm the contribution of steppe horsemen to this technological innovation of Eurasia in 8th – 10th centuries.

Keywords: archaeology, edged weapons, blades, cross-guards, steppes, Byzantium

REFERENCES

1. Artamonov, M. I. 1935. In: *Problemy istorii dokapitalicheskikh obshchestv (Issues of the history of pre-capitalist societies)* 9–10, 243–246 (in Russian).
2. Baranov, G. 2014. In: Cheref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea)* 6. Sevastopol; Tyumen: Tyumen State University Publ., 84–92 (in Russian).
3. Baranov, G. 2016. In: Cheref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea)* 8. Sevastopol; Tyumen, Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University Publ., 76–92 (in Russian).
4. Yotov, V. 1995. In: *B"lgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in the Northern Black Sea region)* 4, 97–101 (in Bolgarian).
5. Yotov, V. 2004. *V"or"zhenieto i snaryazhenieto ot b"lgarskoto srednovekovie (VII–XI v.) (Armament and equipment of the Bulgarian Middle Ages (VII-XI centuries))*. Varna: “Zograf” Publ. (in Bolgarian).
6. Yotov, V. 2010. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: “Ofort” Publ., 217–225 (in Russian).
7. Yotov, V. V. 2011. *K voprosu o tipologii vizantiyskikh mechey VII–XI vv. (To the question of the typology of Byzantine swords of the VII–XI centuries)* http://millitarch.ru/? p. 409 (in Russian).

8. Korzukhina, G. 1950. *In Artamonov, M. I. (ed.). Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XIII. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 63–94 (in Russian).
9. Kotovich, P. 2017. In: Dvurechenskiy, O. V. (ed.). *Voennaya arkheologiya (Military Archaeology*) 5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 100–116 (in Russian).
10. Merpert N. 1955. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 131–168 (in Russian).
11. Petrov, M., Khrisimov, N. 2015. In: *Dobrudzha (Dobruja)* 30. Varna: "IM-Dobrich i IM-Silistra" Publ., 337–358 (in Bolgarian).
12. Kulakovskiy, Yu. A. 1908. *Strategika imperatora Nikifora (Dolozheno v zasedanii Ist.-filol. otdniya 10 yanvarya 1907 g.) (The Praecepta Militaria (It was presented at the meeting of the Historical and Philological Department on January 10, 1907)))*. In: *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences)* 8 (9). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
13. Bíró, Á. 2013. *Fegyverek a 10-11. századi Kárpát-medencében*. PhD Thesis. Budapest.
14. Bíró Á. 2014. *Weapons in the 10th–11th century Carpathian Basin Studies in weapon technology and methodology – rigid bow applications and southern import swords in the archaeological material.* Dissertationes Archaeologicae. Ser. 3, No. 2.
15. Čilinská, Z, Točík, A. 1978. In Chropovský B. (ed.). *Významné slovanské náleziská na Slovensku.* Bratislava, 1978, 46–56.
16. Csiky, G. 2015. *Avar-Age Polearms and Edged Weapons: Classification, Typology, Chronology and Technology. Leiden*. Boston, 2015.
17. Galuška, L. 2004. *Slované doteky předků. O životě na Moravě 6.–10. století*. Brno, 2004.
18. Hrissimov, N., Petrov, M. 2022. In: *Swords in Byzantium.* Varna, 151–161 (Studia Militaria Balcanica II-1; ed. V. Yotov).
19. Kiss, A. 1997. In: *Acta Arch. Hung.*, XXXIX, 193–210 (in Hungarian).
20. Přichystalová, R. 2014. In Přichystalová, R., Kalábek, M. (eds.) Olomouc-Nemilany. Stručná analýza raněstředověkého pohřebiště. Raněstředověké pohřebiště Olomouc-Nemilany: katalog. Brno.
21. Točík, A. 1992. In: *Štud. Zvesti AÚ SAV* 28, 5–248.
22. Veliačik, L. 1969. In: *Archeologické rozhledy,* 21, 301–319, 427–429 (in Slovak).
23. Yotov, V. 2014. In: Tsar *Samuil* († 1014) in *Battle* for *Bulgaria.* Sofia, 91–103.
24. Zábojník, J. 2007. In: *Slovenská archeológia* 55, 353–386 (in Slovak).
25. Zábojník, J. 2007. In: Turčan, V. (ed.). *Byzantská kultúra a Slovensko*. Zborník štúdií. Bratislava, 13–30 (in Slovak).

About the Author:

Yotov Valeri. Doctor of archaeology, Associate Professor. Museum of Archaeology of Varna, Maria Luisa Blvd., 41, Varna, 9000, Bulgaria; valeri.yotov@gmail.com

Статья принята в номер 22.07.2024 г.

УДК 904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.165.171

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, ПРЕДМЕТЫ ИЗ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ И ПРОЧИЕ ИСТОЧНИКИ С УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ[1]

© 2025 г. Л.Ф. Недашковский

В статье приведены и охарактеризованы изделия из кости, неопределенных материалов и другие источники с золотоордынского городища Увек по сохранившимся архивным материалам. Все находки поступили в музей Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), но впоследствии были списаны и утрачены для научных исследований. Однако Книга записи вещей музея СУАК, архивы СУАК (их главная часть сейчас находится в фондах Государственного архива Саратовской области) и отдельные опубликованные работы сохранили небольшие данные о найденных вещах. Эта информация была систематизирована, описание изделий было дополнено указаниями на места и даты находок, лица, которые предоставили артефакты, а также на источники, где они были зафиксированы. Указанные в приведенных архивных данных предметы были обнаружены в 1891–1915 гг. на городище Увек.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Увекское городище, архивные данные, найденные предметы, костяные изделия.

В данной работе публикуются объекты из кости, предметы из неопределенных материалов и другие источники с городища Увек золотоордынской эпохи, известные по дошедшим до нашего времени архивным материалам. Все предметы снабжены их краткой характеристикой.

Увекское городище, начиная с самых ранних исследователей, справедливо считается остатками крупного нижневолжского города Укека, оно располагается на юге Заводского района современного Саратова.

Данная статья характеризует изделия из кости, неопределенных материалов и другие источники с городища Увек, упоминающиеся в архивных материалах, но не сохранившиеся до наших дней.

Приведенные находки и их комплексы были собраны членами СУАК, а затем (преимущественно в 1923 г.) – вычеркнуты из реестров и – в основном – полностью утрачены для научных исследований.

В КЗВМ, архиве СУАК (его главная часть сейчас находится в фондах ГАСО) и отдельных опубликованных работах (Медокс, 1893; Перечень, 1903) сохранились небольшие сведения о найденных вещах. Эти сведения были систематизированы по материалу, описание изделий было дополнено указаниями на места и даты находок, лица, которые предоставили артефакты, а также на источники, где они были зафиксированы. Каждое из трех приведенных в работе приложений имеет свою нумерацию, на которую иногда приводятся ссылки в последующем тексте (когда встречаются одинаковое происхождение или источники). Предметы приведены в каждом приложении в порядке упоминания в КЗВМ, которая хранится в фондах Саратовского областного музея краеведения.

Из костяных изделий (прил. 1) упомянуты наконечник жезла из слоновой кости в виде сфинкса, фрагмент игральной кости, обломок пуговицы (?), 10 неопределенных предметов (один из них, вероятно, рукоять орудия).

Сохранившиеся костяные изделия из Укека (Недашковский, Моржерин, 2020), где существовало косторезное

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00024, https://rscf.ru/project/24-28-00024/.

дело, представлены орудиями труда и предметами обихода (игольниками, «юрком», ложкой, печатью, составными частями ножей и других орудий: рукоятями, затыльниками, муфтами, обоймами), предметами боевого и охотничьего снаряжения (наконечником стрелы, колчанными петлями, орнаментированными обкладками колчанов, рукоятями плетей), предметами туалета и украшениями (пуговицей, бусиной, накладкой, поясной обоймой, нашивкой), предметами для игр (шашками, игральным кубиком).

Костяные изделия из раскопок автора на Багаевском селище, расположенном в ближней округе Укека, представляют собой нашивку, резную обкладку колчана, колчанную петлю, две рукояти, две муфты, затыльник ножа, два орнаментированных изделия, два альчика и заготовку из рога лося. Комплекс сельского поселения, в отличие от города Укека, менее разнообразен, но свое костерезное дело на Багаевском селище, видимо, существовало, к тому же принципиальных отличий в процентном отношении по функциональным группам между обоими памятниками не наблюдается.

В числе изделий, материал которых не указан (прил. 2), представлены шар, обломок тигля, литейная форма, бусы, привески, кольца, вставки перстней, глазурованные «капли», обрывок ткани, фрагмент печи, грузило и неопределенные поделки.

Среди прочих источников (прил. 3) названы ичиги, образец земли, план городища, фотоснимки, окаменелости и зубы животных.

Указанные в приведенных в приложениях архивных материалах изделия были, вероятнее всего, найдены на городище Увек в 1891–1892, 1895, 1897, 1900, 1902 и 1905–1915 гг.

В ряде случаев есть информация о покупке находок в 1902, 1905 и 1908–1914 гг. членами СУАК с указанием выплаченных сумм, составлявших от 35 копеек до 19 рублей 45 копеек за группу находок (прил. 1, № 3, 6–8; прил. 2, № 3, 5–6, 8, 10, 12, 16–18; прил. 3, № 14). Встречаются в архивных материалах и бытовые указания о расходах на исследования на городище Увек: «на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп.» (прил. 1, № 6), «на покупку продовольствия, чаю и сахару 1 руб. 89 коп.» (прил. 2, № 11).

Приложение 1.
Архивные материалы о костяных изделиях с Увекского городища.

1.

Наконечник палки-жезла из слоновой кости изящнейшей работы, в виде сфинкса, несколько отколотый с краев.

Находка 1895 г. Поступил от В.П. Юрьева 25.05.1902.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140; КЗВМ, т. I, с. 145-146, № 263; Перечень, 1903, с. 65.

2.

Поделки из кости неизвестного назначения: 1) длин. около 2 верш., шир. от 3/16 до 6/16 верш., толщ. в 2/16 верш., по середине сквозное отверстие длин. около 1/2 верш. и шириною в 1/16 верш.; 2) размером в 1/4х1/4 верш.

Поступили от Б.Д. Федорова 23.05.1908.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 90об.; КЗВМ, т. I, с. 275, № 716.

3.

Вещица неизвестного назначения, сделанная из кости,
зуб грызуна, обделанный как шило или иголка (может быть амулет).

Обнаружены в мае 1909 г. Приобретены 24.05.1909 С.А. Щегловым у жителей Набережного Увека вместе с другими вещами за 2 руб. 21 коп.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 12об-13; ед.х. 985, л. 26об.; КЗВМ, т. I., с. 353-355, № 966.

4.
Костяная поделка-иголка в виде усеченного конуса с двумя дырочками по сторонам, украшенная резными линиями в виде трех обручей.
Обнаружена на городище Увек. Поступила от В.И. Михина 1.08.1909.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 22об.; КЗВМ, т. I, с. 383-384, № 1025.
5.
Фрагмент игральной кости с кружковым орнаментом.
Найден в 1909 г. Поступил от В.И. Михина 11.10.1909.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 26; ед.х. 985, л. 27; КЗВМ, т. I, с. 394, № 1051.
6.
Обломок костяной пуговицы (?).
Найден на Увекском городище в июле 1910 г. 10 июля 1910 г. куплен с другими предметами за 2 руб. 73 коп. у жителей Набережного Увека. При этом израсходовано еще на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп. Всего израсходовано 3 руб. 44 коп.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13; КЗВМ, т. I, с. 451, № 1399.
7.
4 костяные поделки.
Найдены жителями Набережного Увека. Куплены с другими предметами С.А. Щегловым 7-21.07.1912 за 15 руб. Поступили от С.А. Щеглова 20.08.1912.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, л. 72, № 144; КЗВМ, т. II, с. 59об., № 1926.
8.
1 костяшка с нарезанным простым орнаментом.
Случайно найдена в 1914 г. Приобретена за 85 коп. вместе с другими находками. Поступила от И.Ф. Крапивина 26 мая 1914 г.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 80, № 97; КЗВМ, т. II, с. 173, № 2593.

Приложение 2.
Архивные материалы об изделиях с Увекского городища, материал которых не был указан.

1.
Полый шар, разбитый на две части. 2 ½ верш. в диаметре.
Найден на Увекском городище.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 44, л. 22об.; КЗВМ, т. I, с. 48, № 62; Медокс, 1893, с. 42.
2.
Обломок небольшого тигля,
форма для отливки звезды, расколотая почти наполовину,
50 штук разного вида, формы и из разных материалов бусинок.
Происхождение см. прил. 1, № 1.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140; КЗВМ, т. I, с. 146-147, № 265, 267, 269; Перечень, 1903, с. 65.
3.
7 различной формы бусинок.
Обнаружены в 1902 г. на Увекском городище. Приобретены вместе с другими находками С.А. Щегловым за 50 коп. 2.06.1902.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140об.; КЗВМ, т. I, с. 148, № 273; Перечень, 1903, с. 66.
4.
13 золотоордынских разновидных бус.
Найдены в 1902 г. на Увеке. Передал Б.В. Зайковский (списаны?).
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139об.; ед.х. 985, л. 50об.; КЗВМ, т. I, с. 168, № 333.
5.
1 большая глазурованная привеска с орнаментом,
11 разноцветных бусинок,
1 глазок от перстня,
2 глазурованных «капли».
Куплены вместе с другими находками 4.09.1905 Б.В. Зайковским от местных жителей на Увекском городище за 1 руб. 35 коп., из которых 1 руб. 20 коп. были отнесены на имеющийся у него аванс, а 15 коп. - на средства Архивной Комиссии.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25об., 70; КЗВМ, т. I, с. 221, № 519.

6.
Одна бусинка.
Найдена в 1908 г. на Увеке. Куплена вместе с другими находками 21.06.1908 у разных людей за 35 коп.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 93; КЗВМ, т. I, с. 280, № 734.
7.
Бусинка.
Найдена 21.06.1908 А.А. Кротковым и С.А. Щегловым на берегу Волги.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 93; КЗВМ, т. I, с. 281, № 735.
8.
6 половинок от бусинок,
3 глазка из перстней и украшений.
Куплены на городище Увек за 3 руб. 55 коп. вместе с другими находками 23 апреля, 3 и 6 мая 1909 г. А.А. Садовниковым, А.А. Черновским и С.А. Щегловым.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 11об.-12, 47об.; КЗВМ, т. I, с. 351-352, № 961.
9.
9 целых и 3 половинки бус,
хрустальная (?) привеска.
Приобретены в июне 1909 г. на Увекском городище. Переданы Пантелеймоном Григорьевичем Алехиным 28.06.1909.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 16об., № 985.
10.
Половинка большой глазурованной бусины.
Найдена вместе с другими вещами на Увекском городище в 1910 г. Комплекс куплен 2.05.1910 С.А.Щегловым за 2 руб. 61 коп. + 25 коп. от жителей Набережного Увека.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 5об.; КЗВМ, т. I, с. 426, № 1162.
11.
Обрывок из ткани в два ряда.
Найден (наряду с другими предметами) в позднем погребальном комплексе при раскопках на Ивановском Увеке 19 июня 1910 г. Описание погребения было опубликовано нами ранее (Недашковский, 2019, с. 194, № 12). При этом было израсходовано на покупку продовольствия, чаю и сахару 1 руб. 89 коп.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 11; КЗВМ, т. I, с. 443-445, № 1350.
12.
3 глазка от перстней.
Куплены вместе с другими находками 3.07.1910 С.А. Щегловым за 2 руб. 93 коп. у жителей Набережного Увека.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 12об.; КЗВМ, т. I, с. 449, № 1369.
13.
Половинка кольца.
Найдена на Увекском городище. Поступила от г. Стадникова 12.09.1910.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 17; ед.х. 985, л. 28; КЗВМ, т. I, с. 465, № 1514.
14.
Разные мелкие неопределенные поделки - 19 шт.
Происхождение см. прил. 1, № 7.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, л. 71, № 142; КЗВМ, т. II, с. 59об., № 1924.
15.
1 грузельцо.
Происхождение см. прил. 1, № 7.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, с. 74, № 147; КЗВМ, т. II, с. 59об., № 1929.
16.
3 глазка от перстней.
Найдены на городище Увек в 1912-1913 гг. Приобретены вместе с другими находками у жителей Набережного Увека за 1 руб. 12 коп. От С.А. Щеглова 17.03.1913.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 242, л. 15, № 95; КЗВМ, т. II, с. 110об., № 2263.
17.
13 шт. бус средней величины, 56 шт. разных бусин меньшей величины и обломки разных бусин.
Приобретены вместе с другими изделиями как находки на Увекском городище у жителей Набережного Увека за 19 руб. 45 коп. 7 апреля и 5, 9, 10, 12-14 мая 1913 г. Поступили от С.А. Щеглова 20.05.1913.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 242, л. 62, № 190; КЗВМ, т. II, с. 124об., № 2358.

18.

Обломок от печины,

4 обломка от бус.

Найдены на Увекском городище в 1914 г. Приобретены вместе с другими изделиями за 1 руб. 20 коп. Поступили от И.Ф. Крапивина 19 мая 1914 г.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 77, № 92; КЗВМ, т. II, с. 171, № 2588.

19.

5 бусин.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 8.

20.

Кольцо,

бусы.

Куплены в 1915 г. Поступили от А.А. Кроткова, С.А. Щеглова, Б.Д. Федорова 6.08.1916.

Источник: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 263, л. 89, № 319, № 2814.

Приложение 3.
Архивные материалы о прочих источниках, имеющих отношение к Увекскому городищу.

1.

Отпечаток листа в песчанике.

Найден в 1897 г. на Увекском городище. Передан 25.05.1902. В.П. Юрьевым.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140; КЗВМ, т. I, с. 146, № 264; Перечень, 1903, с. 65.

2.

1 зуб ископаемого животного.

Найден 1.10.1902 у кирпичных сараев на Увеке. Поступил от Б.В. Зайковского 12.12.1902.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 141; ед.х. 985, л. 48об.; КЗВМ, т. I, с. 164, № 312.

3.

2 окаменелости из витков коралла.

1.10.1902 найдены на Увекском городище. Поступили от Б.В. Зайковского 12.12.1902.

Источники см. прил. 3, № 2.

4.

Кусок окаменелого дерева.

Обнаружен в 1900 г. Поступил от К. Егорова 31.05.1903.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139об.; ед.х. 985, л. 54; КЗВМ, т. I, с. 176, № 369.

5.

Окаменевшая морская губка.

Со склона горы «Каланчи» на городище Увек. Поступила от Б.В. Зайковского 11.09.1905.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 69об.; КЗВМ, т. I, с. 220, № 516.

6.

Кусок окаменелости в виде пчелиного сота или губки.

Найден лет 10 тому назад (в 1895 г.) близ Увекского городища. Поступил от Михаила Александровича Дроздова 14.09.1905.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 70об.; КЗВМ, т. I, с. 223, № 523.

7.

Зуб акулы.

Найден в 1908 году на Увекском городище. Поступил от Кондратия Богдановича Швинт 22.07.1908.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 26, 95об.; КЗВМ, т. I, с. 287, № 759.

8.

Ичиги - легкая восточная обувь из сафьяна или кожи.

Найдены при костяках в погребениях, обнаруженных на городище Увек у товарищества «братьев Нобель» в 1906-1908 гг. Поступили от С.А. Щеглова 6.05.1908.

Источники: ГАСО, ф. 407, оп.2, ед.х. 985, л. 97об.; КЗВМ, т. I, с. 292, № 774.

9.
Обломок кости какого-то ископаемого животного. Длина обломка 9 верш., ширина 2 в., толщина 3/4 в.
Выловлен в Волге у Набережного в 1909 г. Поступил от Кузьмы Ивановича Никитина 6 мая 1909 г.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 144, л. 146, № 291; ед.х. 166, л. 11об., № 959.
10.
2 зуба животных.
Найдены на Увекском городище 3.07.1910 около обнаруженного 26.06.1910 горна для обжига керамической посуды. Поступили от А.А. Кроткова 4.07.1910.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 12об.; КЗВМ, т. I, с. 450, № 1386.
11.
Фотографические снимки: 6 фотографических снимков с древних вещей из развалин Увека, добытых г. Духовниковым.
17.04.1911 г. от Императорской Археологической Комиссии. 5.03.1911, № 457.
Источники: КЗВМ, т. I, с. 469, № 1539.
12.
Палеонтология.
1) зуб ископаемого ската, величина 4х6 сант., толщина 2-3 сант.
2) окаменелая морская губка.
Подобраны жителями Набережного Увека, Саратовского уезда, на соседних возвышенностях в 1911 г. 9.07.1911 приобретено покупкою у неизвестных жителей. Поступили от С.А. Щеглова 11.07.1911.
Источники: КЗВМ, т. II, с. 4об., № 1599.
13.
Микрология.
Пороховидная земля блестяще черного цвета. Попадается слоями в железнодорожном карьере у станции Нефтяная, Увекское городище.
Найдена 11.07.1911. Поступила от Михаила Александровича Федорова 9.07.1911.
Источники: КЗВМ, т. II, с. 6, № 1606.
14.
2 позвонка ископаемого животного в песчанике.
Куплены вместе с другими предметами, найденными на Увекском городище в 1911 г., С.А. Щегловым 31.07.1911 за 4 руб. 96 коп. Поступили от С.А. Щеглова 31.07.1911.
Источник: КЗВМ, т. II, с. 19об., № 1675.
15.
4 вида дер. Набережного Увека, Саратовского уезда.
6.10.1911 от А.Н. Минха.
Источники: КЗВМ, т. II, с. 29об., № 1746.
16.
Негатив с видом огорода, на котором в 1896 году были произведены Архивной Комиссией, по случаю приезда французского археолога бар. Де-Бай, раскопки древнего кирпичного здания.
Снимок сделан осенью 1909 г. Поступил от П.Н. Шишкина 23.03.1912.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, л. 11, № 22; КЗВМ, т. II, № 1804.
17.
Фотографические снимки:
вид Увека 10.06.1912.
Поступил от Алексея Степановича Башкирова 30.11.1912.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 235, л. 58, № 366; КЗВМ, т. II, № 2148.
18.
План Увека - горизонтали на нем нанесены через одну сажень и отметки их взяты от уровня Балтийского моря, как и отметки профиля береговой ветви Ряз. Ур. ж.д.
Прислан при отношении от 31.12.1912 / 2.01.1913 за № 112508. 11.02.1913 от Алексея Алексеевича Давыдова - начальника службы путей и зданий (Упр. Ряз. Ур. ж.д.).
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 235, л. 76, № 15; КЗВМ, т. II, с. 98об., № 2183.
19.
Фотографические снимки:
5 видов Увека.
11.02.1913 от Александра Федоровича Садовникова.
Источники: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 235, л. 77, № 17; КЗВМ, т. II, № 2185.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медокс К.П.* Каталог музея СУАК. Саратов: Печатня С.П. Яковлева, 1893. 71 с.
2. *Недашковский Л.Ф.* Остатки погребений, металлические, стеклянные и каменные изделия с Увекского городища по архивным данным // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / Под ред. М.Е. Ткачука и Г.Г. Атанасова. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 191–208.
3. *Недашковский Л.Ф., Моржерин К.Ю.* Костяные изделия из Укека // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 472–503.
4. Перечень предметов, поступивших в музей СУАК в 1902 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Саратов: Типография губернского земства, 1903. С. 61–74.

Информация об авторе:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); leonnedashkovsky@mail.ru

BONE WARES, OBJECTS FROM UNDETERMINED MATERIALS AND OTHER SOURCES FROM THE UVEK SITE ACCORDING TO ARCHIVAL DATA

L.F. Nedashkovsky

The article presents and characterizes items made of bone, undeterminate materials and other sources from the Golden Horde Uvek site based on preserved archival materials. All the finds received by the museum of the Saratov Research Archival Commission, but were subsequently decommissioned and lost for research studies. However, the Book of record of items of the Saratov Research Archival Commission museum, the Commission's archives (their main part is now kept in the collections of the State Archive of the Saratov region) and some published works have preserved small data on the finds discovered. This information was systematized; the description of the wares was supplemented with indications to the places and dates of the finds, the persons who provided the artefacts, as well as the sources where they were recorded. The objects indicated in the provided archival data were discovered in 1891-1915 at the Uvek site.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Uvek site, archival data, obtained objects, bone wares.

REFERENCES

1. Medoks, K. P. 1893. *Katalog muzeya Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii SUAK (Saratov Scientific Archive Commission Museum Catalog)*. Saratov: "Pechatnya S.P. Yakovleva" Publ. (in Russian).
2. Nedashkovsky, L. F. 2019. In Tkachuk, M. E., Atanasov, G. G. (eds.). *V poiskakh sushchnosti. Sbornik statey v chest' 60-letiya N.D. Russeva (In search of the essence: Essays in honour of Nicolai Russev on the occasion of his 60th birthday)*. Chisinau: Stratum Plus, 191–208 (in Russian).
3. Nedashkovsky, L. F., Morzherin, K. Yu. 2020. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 8 (3), 472–503 (in Russian).
4. 1903. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* 23. Saratov: "Tipografiya gubernskogo zemstva" Publ., 61–74 (in Russian).

About the Author:

Nedashkovsky Leonard F., Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; leonnedashkovsky@mail.ru

Статья принята в номер 07.08.2024 г.

This work was supported by the Russian Science Foundation (РНФ), project № 24-28-00024, https://rscf.ru/en/project/24-28-00024/.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.172.180

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БОГРАДСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

© 2025 г. А.В. Крумшин

В статье раскрывается значение Боградского района как территории интенсивного археологического исследования, насчитывающей 300-летнюю историю изучения начиная с XVIII века, когда были проведены первые академические раскопки, с пиком изучения в XX веке в связи со строительством Красноярской ГЭС, и по настоящий момент, когда выявляются объекты археологического наследия в ходе хозяйственного освоения земель. Боградский район отличается локализацией в границах своей территории ряда археологических культур, таких как афанасьевская, окуневская, карасукская, тагарская, таштыкская. Кроме того, на территории Боградского района представлено различное многообразие типов археологических памятников, таких как поселения, стоянки, курганные могильники, писаницы и т. д. Также на сегодняшний день сохраняется вопрос о дальнейшем исследовании, проведении спасательных археологических работ в регионе в связи с функционированием Красноярского водохранилища. Памятники в прибрежной зоне могут быть утрачены для потомков.

Ключевые слова: археология, Боградский район, Афанасьевская гора, Оглахты, древнее производство, афанасьевская, окуневская, карасукская, таштыкская, тагарская культуры, палеолит, неолит, Средневековье, «новостроечные» экспедиции, Красноярское водохранилище, памятник археологии, орган охраны объектов культурного наследия, государственная историко-культурная экспертиза.

Территория Боградского района Республики Хакасия привлекла внимание исследователей-археологов ещё на этапе становления археологии как науки (рис. 1).

Первой научной экспедицией в Боградском районе стала экспедиция под руководством доктора Д.Г. Мессершмидта. Участники экспедиции (Ф.И. Табберт фон Страленберг, К. Шульман и др.) в 1721–1722 гг. произвели первые академические раскопки, собрали коллекцию археологических находок из раскопок бугровщиков, изучили петроглифы и писаницы, расположенные на скальных выходах и элементах погребальных сооружений.

В 1739 г. Вторая Камчатская экспедиция работала на территории, входящей ныне в границы Боградского района. Участники уточнили данные, полученные Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом, зафиксировали неизвестные ранее объекты. Кроме того, ими были зафиксированы сведения об устройстве погребальных памятников бугровщика Селенги из д. Малые Копёны, стоявшей на берегу Енисея. В непосредственной близости от этой не существующей ныне деревни находился один из самых крупных средневековых могильников Копенский чаатас и поселение Малые Копёны (Вадецкая, 1973, с. 67). В дневниках И.Г. Гмелина впервые упоминается информация об обширных могильниках в долине р. Карасук, давших название карасукской культуре бронзового века.

В середине XIX в. по поручению Академии наук изучением наскальных изображений в среднем течении реки Енисей занимался М.А. Кастрен. Одним из наиболее ярких его научных открытий стала находка и описание петроглифов у д. Узалы.

Новый этап в развитии изучения археологических памятников, расположенных на территории Боградского района, начался с появлением в 1877 г. на юге Енисейской губернии, в городе Минусинске, музея.

В 1886 г. Д.А. Клеменцем был издан каталог древностей Минусинского музея с предисловием,

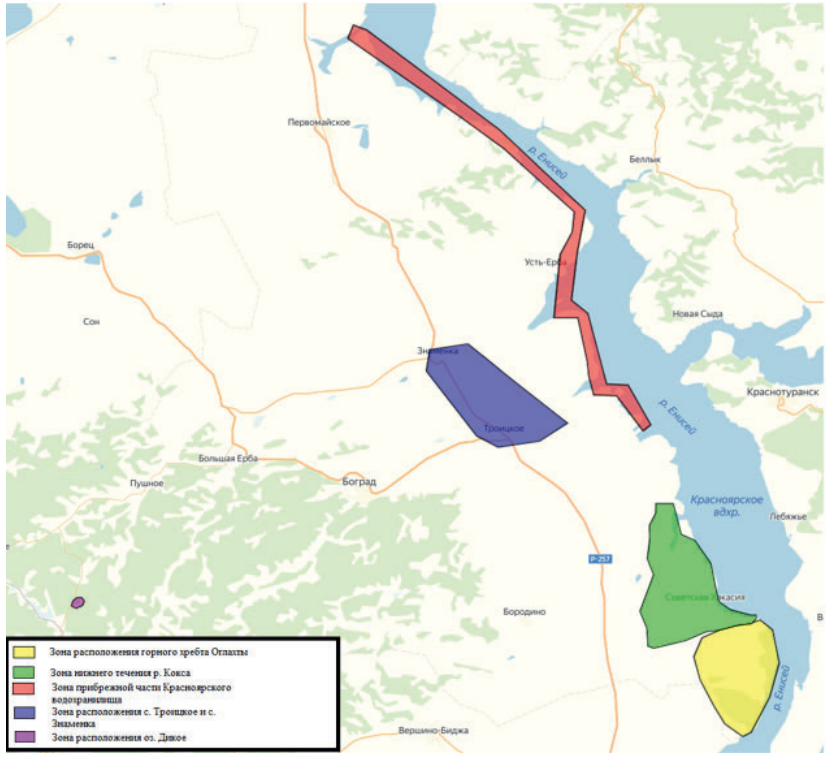


Рис. 1. Схема расположения археологических зон в Боградском районе.
Fig. 1. Layout of the archaeological zones in the Bograd district.

описанием и рисунками находок, многие из которых поступили в фонды музея с территории Боградского района (Дэвлет, 1963, с. 4).

В ходе одной из экспедиций, совершенных сотрудниками Минусинского музея, на территории центральной части Боградского района, в окрестностях с. Знаменское, было найдено одно из редчайших для Хакасии древнетюркских статуарных изображений (каменная баба) с древнетюркской рунической надписью (Клеменц, 1886, с. 51).

В последней четверти XIX в. территория Боградского района (долина р. Ерба и р. Тесь) привлекает к себе научный интерес финских исследователей. В 1887–1889-е гг. здесь проводила работы экспедиция финских ученых во главе с профессором И.Р. Аспелиным, в которой принимали участие Я. Аппельгрен-Кивало, А.Н. Снельман, позднее О.К. Гейкель и К. Вуори (Кызласов, 1998, с. 48). Кроме прочего, исследователи выявили и зафиксировали древние рунические надписи.

Первоочередной задачей исследователей стало выявление, обследование и фиксация древних рунических надписей. В результате проведенных работ было обнаружено большое количество погребальных памятников, объектов наскальной живописи, каменных изваяний, проведены раскопки отдельных археологических памятников (Николаева, Пяткин, 1979, с. 139).

Значительное количество памятников археологии на левом берегу реки Енисей, в среднем его течении, открыл А.В. Адрианов (Адрианов, 1906, с. 53–59). К числу наиболее известных и значимых открытий этого исследователя можно отнести обнару-

Рис. 2. Фрагмент Малой Боярской писаницы.
Fig. 2. A fragment of the Little Boyar rock art images.

жение грунтовых могил, содержащих мумифицированные останки представителей таштыкской археологической культуры, могильника Оглахтинского горного массива, а также не имеющих аналогов на территории как Республики Хакасия, так и сопредельных регионов объектов наскальной живописи (Большая Боярская и Малая Боярская писаницы) (рис. 2). В последующем многие ученые обращались к изучению этого исторического памятника, наиболее полный анализ и интерпретация сюжетов наскальной живописи представлены в монографии М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1976, с. 3–32).

Ввиду особенностей расположения, микроклимата, наличия большого количества природных зон территория Боградского района Республики Хакасия стала местом проживания представителей всех археологических культур Республики Хакасия. Эта особенность позволила в 1920 гг. сотрудникам Томского университета С.А. Теплоухову, М.П. Грязнову использовать территорию Боградского района в качестве опорного пункта при составлении используемой и в настоящее классификации и хронологической шкалы истории Южной Сибири.

Исследователи начали работу в окрестностях с. Батени, у подножья Афанасьевской горы; ими был исследован первый могильник, давший название афанасьевской культуре эпохи ранней бронзы. В 1924 г. ими была открыта стоянка, датируемая эпохой палеолита, расположенная на берегу Енисея, в 1929 г. – долговременное поселение, которое было датировано эпохой неолита. На этом же участке было открыто первое из известных в Минусинской котловине неолитическое захоронение. С целью составления классификации археологических памятников Минусинской котловины С.А. Теплоухов в качестве опорного археологического района выбрал окрестности с. Батени Боградского района Хакасии – небольшой участок степи длиной 12 км и шириной 5–6 км (Теплоухов, 1929, с. 59). В результате проделанной работы С.А. Теплоухов выделил ряд последовательно сменявших друг друга культур от бронзового до железного века. Окончательно оформлена эта система была в 1929 г. Материалы, полученные в ходе исследования, дали основание для создания С.А. Теплоуховым хронологической шкалы истории Южной Сибири в эпоху палеометалла, раннего железного века и Средневековья.

С 1920-х гг. археологом С.В. Киселевым проводилось изучение тагарских могильников у с. Тесь и с. Усть-Ерба (Киселев, 1951, с. 115).

Начиная с 1925 г. Л.А. Евтюховой исследовался один из самых больших погребальных памятников эпохи Средневековья – Копёнский чаатас и поселения енисейских кыргызов у с. Малые Копёны. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. на памятнике С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой был сделан ряд открытий, включая находку уникальных художественных изделий из драгоценных металлов.

В 1930-е гг. значительное количество объектов археологии, относящихся к различным эпохам, у с. Копёны и Абакано-Перевоз исследовались архе-

Рис. 3. Курганный могильник (Карасукский залив 2).
Fig. 3. Barrow field (Karasuk Zaliv 2).

ологом минусинского музея В.П. Левашевой (Левашева, 1949, с. 94).

Важной вехой в изучении объектов археологии Боградского района стало решение о строительстве Красноярской гидроэлектростанции с последующим появлением Красноярского водохранилища.

В годы масштабного хозяйственного освоения и строительства Красноярской ГЭС в среднем течении реки Енисей были развернуты масштабные археологические работы, имевшие вынужденный аварийно-спасательный характер. В целях сохранения объектов, попадающих в зону затопления, были организованы крупные, так называемые новостроечные, археологические экспедиции. Первая среди них – Красноярская экспедиция, возглавляемая М.П. Грязновым, работала в 1958–1975 гг. Результатом работы на территории Боградского района стало изучение сотен разнообразных памятников различной временной и культурной принадлежности, оказавшихся в зоне перспективного затопления Красноярского водохранилища.

За период функционирования Красноярской экспедиции в границах Боградского района в ее составе работали отряды под руководством Г.А. Максименкова, Э.Б. Вадецкой, Л.П. Зяблина, М.Н. Пшеницыной, Я.А. Шера, Н.В. Леонтьева, М.Л. Подольского, Н.А. Боковенко (Боковенко, Кузьмин, 1986, с. 222).

В результате проведения работ Красноярской экспедиции были исследованы в том числе уникальные памятники в Сарагашенском заливе, в окрестностях с. Батени и у д. Черновой. Они принесли колоссальный фактический материал, включая выделение новых этапов карасукской и тагарской культур.

Л.П. Зяблиным был изучен карасукский могильник Малые Копёны-3 и значительная часть Перевозинского чаатаса, относящегося к эпохе Средневековья. Э.Б. Вадецкая исследовала погребальные объекты таштыкской культуры, тюркские памятники на Терском чаатасе на севере Боградского района. На основании проведенных работ Г.А. Максименковым была открыта окуневская культура, ранее неизвестная (Максименков, 1965, с. 169).

Во время работы Красноярской экспедиции под руководством З.А. Абрамовой в 1970-е гг. была открыта и изучена самая ранняя из известных стоянок древнего человека на территории Республики Хакасия – грот Двухглазка. Памятник находится недалеко от границы Усть-Абаканского района, на р. Толчея Боградского района.

Могильник Мысок, относящийся к эпохе существования таштыкской культуры, расположенный вдоль узкого увала, выступающего над левым берегом Енисея в 5 км южнее с. Аешка, обследовался Э.Б. Вадецкой в 1968 г.

Кроме археологов Красноярской экспедиции в 60–70 гг. XX в. на территории Боградского района осуществляла деятельность по изучению объектов археологии Хакасская археологическая экспедиция МГУ под руководством Л.Р. Кызласова. Силами экспедиции в 1968–69 гг. были изучены могильники Оглахты-V и

Рис. 4. Грот Двуглазка.
Fig. 4. Two-eyed Grotto.

Оглахты-VI. В ходе исследования был получен уникальный материал, включающий в себя захоронения людей в меховой одежде с масками на лице, а также куклы-манекены и разнообразный сопроводительный инвентарь (Кызласов, 1994, с. 87). Кроме того, сотрудниками экспедиции были выявлены объекты археологии Оглахты 2 и Оглахты 3, относящиеся к эпохе неолита (Кызласов, 1970, с. 87).

Важным аспектом изучения объектов археологии стало изучение памятников горного дела и металлургии эпохи бронзы и раннего железного века, проводимое в середине 1960-х гг. археологической экспедицией Хакасского НИИЯЛИ под руководством Я.И. Сунчугашева. На территории Боградского района участниками экспедиции было открыто значительное количество местонахождений древнего производства (Сунчуашев, 1979, с. 43).

После окончания деятельности «новостроечных» экспедиций объем исследований памятников археологии на территории Боградского района значительно снизился. Вместе с тем проводимые работы приносили уникальные результаты. Так, при обследовании поселенческого комплекса у с. Знаменка М.Л. Подольским был обнаружен крупный клад гунно-сарматской эпохи, в состав которого в том числе входили украшения с локализацией их производства в границах причерноморского региона (Подольский, 2002, с. 229).

Несколько палеолитических местонахождений было открыто в районе восточной оконечности Батеневского кряжа. Наиболее интересными оказались памятники Афанасьева Гора и Крутогорское.

На вторую половину 1980-х гг. приходится активизация работы по паспортизации и учету памятников археологии органами охраны памятников истории и археологии Хакасии.

В 1986 г. органами охраны памятников истории и археологии Хакасии, в рамках подготовки Свода памятников истории и культуры Красноярского края, были возобновлены работы по паспортизации памятников археологии. Для этих целей была создана группа паспортизации, преобразованная в 1988 г. в Археологическую лабораторию научно-исследовательского сектора ХАКНИИЯЛИ. Силами группы были обследованы (с составлением паспортов) погребальные объекты, расположенные в границах и окрестностях с. Троицкое, бывшего с. Малые Копены, д. Карасук и района устья р. Карасук.

В рамках проведения спасательных археологических работ в непосредственной близости от дороги Абакан – Красноярск в 1987–1989 гг. Э.Б. Вадецкой раскапывался могильник Терский. В ходе изучения могильника были исследованы склепы таштыкской археологической культуры и погребально-поминальные комплексы эпохи Средневековья (Вадецкая, 1999, с. 330).

В 1992–1993 гг. членами Хакасской археологической экспедиции проводились масштабные исследования кольцевого городища у с. Знаменка. Членами Хакасской археологической экспедиции изучались остатки фортификационных сооруже-

Рис. 5. Фриз № 7 Оглахтинской писаницы.
Fig. 5. Frieze No. 7 of the Oglakhtinskaya rock art images.

ний, уничтоженных еще в древности и материковые ямы. Кроме самого городища исследовалось синхронное поселение-спутник, продолжавшее существовать некоторое время и после разрушения укрепления.

Участок Боградского района, расположенный в окрестностях с. Советская Хакасия, а также бассейна течения р. Коксы, обследовался сотрудниками лаборатории археологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова под руководством Э.Н. Киргинекова. В результате проведенной работы были выявлены и описаны более 69 разновременных памятников археологии (Киргинеков, 1997, с. 98).

В конце XX в. - начале XXI в. объектами исследования на территории Боградского района стали разновременные погребальные памятники, относящиеся к окуневской, таштыкской и карасукской культурам, расположенные в окрестностях д. Абакано-Перевоз. В работе принимали участие сотрудники Хакасского государственного университета и Республиканского краеведческого музея А.И. Готлиб, А.И. Поселянин, К.Г. Котожеков.

Проведение работ по изучению памятников археологии, расположенных на территории Боградского района, в 2000–2010 гг. осуществлялось в рамках организации спасательных археологических работ в результате археологического обследования территорий, подвергающихся хозяйственному освоению, а также работ по государственным контрактам органов охраны объектов культурного наследия Республики Хакасия.

Памятники археологии, расположенные в зоне абразии Красноярского водохранилища, исследовались в 2013 г. членами Хакасского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Были выявлены и поставлены на государственную охрану 14 объектов археологического наследия, находящихся в аварийном состоянии из-за воздействия вод Красноярского водохранилища.

В 2015 и 2018 гг. на территории ВОАН «Толчея. Железоплавильни» экспедицией Хакасского НИИЯЛИ под общим руководством П.Б. Амзаракова производились раскопки древнего металлургического комплекса.

Летом 2017 г. под руководством А.В. Постнова на участке береговой линии к северу от с. Абакан-Перевоз были проведены раскопки на таштыкском могильнике Тесинский залив-3 Красноярским археологическим отрядом Новосибирского государственного университета.

В ходе разведочных работ, осуществляемых сотрудниками ИАЭТ СО РАН, под руководством В.М. Харевича были выявлены памятники археологии, относящиеся к эпохе палеолита – Стоянка Сабаниха-3 и Стоянка Сидориха. Объекты обнаружены в обрывистом срезе береговой линии Красноярского водохранилища.

Еще одним важным направлением работ по изучению объектов культурного наследия является возобновление исследования объектов участка горной системы Оглахты под руководством старшего научного сотрудника Отдела Археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа С.В. Панковой, ставшего

логическим продолжением исследований А.В. Адрианова и Л.Р. Кызласова (Панкова, Шишлина, 2014, с. 186).

Кроме того, в рамках проведения процедуры государственной историко-культурной экспертизы земельных участков было выявлено 253 памятника археологии.

Таким образом, история изучения объектов археологического наследия Боградского района Республики Хакасия насчитывает более 300 лет. Хорошая изученность рассматриваемой территории объясняется, во-первых, наличием здесь большого количества археологических культур, во-вторых, интенсивным исследованием в рамках строительства Красноярской ГЭС. С XX в. к интересам ученых-исследователей добавляется хозяйственная необходимость: в связи с хозяйственным освоением земель процесс исследования объектов археологии становится более интенсивным.

Процесс изучения объектов археологи прошел длительный путь эволюции от единичных и несистемных работ исследователей-одиночек, характерных для XVIII–XIX вв., до масштабных комплексных археологических экспедиций крупнейших институтов страны, проводимых во второй половине XX – XXI вв.

За время исследований объектов, расположенных на территории Боградского района, был открыт ряд новых археологических культур, составлена хронологическая шкала истории Южной Сибири, выявлено и поставлено на государственный учет большое количество объектов археологии.

Хочется отметить, что, несмотря на длительный период изучения территории Боградского района, вопрос о дальнейших исследованиях не снят с повестки. Высокая степень насыщенности объектами археологического наследия участков среднего течения реки Енисей и его притоков не позволила в полной мере осуществить изучение данного региона: на территории района в настоящее время визуально фиксируется большое количество памятников археологии, не поставленных на государственный учет. Многие из этих объектов, не имевшие внешних признаков на земной поверхности и не охваченные исследованиями в предыдущие временные периоды, обнаруживаются в прибрежной зоне Красноярского водохранилища. Эти объекты, ввиду имеющейся негативной тенденции к их постепенной утрате, должны иметь приоритет в исследовании и сохранении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адрианов А.В.* Писаница Боярская // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1906. № 6. С. 53–59.
2. *Боковенко Н.А., Кузьмин Н.Ю.* Работы Среднеенисейской экспедиции // Археологические открытия 1986 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 219–223.
3. *Вадецкая Э.Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин / Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 6 / Отв. ред. Мартынов А.И. Кемерово: КГУ, 1973. С. 91–159.
4. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
5. *Дэвлет М.А.* Д.А. Клеменц как археолог // СА. 1963. № 4. С. 3–9.
6. *Дэвлет М.А.* Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 36 с.
7. *Киргинеков Э.Н.* Отчет об археологическом обследовании территории АО «Советская Хакасия» Боградского района Республики Хакасия. Абакан. 1997. С. 98.
8. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 644 с.
9. *Клеменц Д.А.* Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Минусинск, Томск: Типография Сибирской газеты, 1886. 185 с.
10. *Кызласов И.Л.* К юбилею профессора Л.Р. Кызласова // Земля Сибирская / Страницы истории и современность. № 1. Абакан: Хакасская археологическая экспедиция, 1994. С. 87–89.

11. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1968 г. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 15 / Отв. ред. С.П. Ултургашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ. С. 84–91.

12. Кызласов Л.Р. В Сибирию неведомую за письменами таинственными / Страницы истории и современность. № 3. Абакан: ХРИПКиПРО, 1998. 76 с.

13. Левашова В.П. Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной области // КСИИМК. № 25 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М., Л.: АН СССР, 1949. С. 91–102.

14. Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 168–174.

15. Николаева Т.Н., Пяткин Б.Н. К истории изучения иероглифов Енисея (дореволюционный период) // Археология Южной Сибири / Отв. ред. Мартынов А.И. Кемерово: КГУ, 1979. С. 134–141.

16. Панкова С.В., Шишлина Н.И. Могильник Оглахты в Южной Сибири:данные изотопного исследования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 186–188.

17. Подольский М.Л. Знаменский клад из Хакасии // Клады: состав, хронология, интерпретация / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 229–234.

18. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии: эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с.

19. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л.: Издание Государственного Русского музея, 1929. С. 41–62.

Информация об авторе:

Крумшин Анна Васильевна, ведущий советник, Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия (г. Абакан, Россия); студент, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Россия); anna.krumshin@mail.ru

HISTORIOGRAPHY OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE BOGRAD DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

A.V. Krumshin

The article reveals the importance of the Bograd district as an area of intensive archaeological studies, which has a 300-year history of study, starting from the XVIII century, when the first academic excavations were conducted, with the peak of study in the XX century in connection with the construction of the Krasnoyarsk hydroelectric power station, and to the present moment, when objects of archaeological heritage are identified, during the economic development of land. The Bograd district is distinguished by the localization within the area of a number of archaeological cultures, such as Afanasyevskaya, Okunevskaya, Karasukskaya, Tagarskaya, Tashtykskaya. In addition, on the territory of the Bograd district there is a variety of types of archaeological sites, such as settlements, campsites, barrows, rock art images, etc. Also, to date, the question of further studies, conducting rescue archaeological works in the region in connection with the functioning of the Krasnoyarsk reservoir remains. Monuments in the coastal area may be lost.

Keywords: archaeology, Bograd district, Afanasyevskaya Gora, Oglakhty, ancient production, Afanasyevskaya, Okunevskaya, Karasuk, Tashtyk, Tagar cultures, Paleolithic, Neolithic, Middle Ages, "new-built" expeditions Krasnoyarsk reservoir, monument of archaeology, cultural heritage protection authority, state historical and cultural expertise.

REFERENCES

1. Adrianov, A. V. 1906. In *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskom, arkheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh (Bulletin of the Russian committee for the historical, archaeological, linguistic and ethnographic exploration of the Central and the East Asia)* 7, 12–20 (in Russian).

2. Bokovenko, N. A., Kuz'min, N. Yu. 1988. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1986 goda (Archaeological discoveries 1986)*. Moscow: “Nauka” Publ., 219–223 (in Russian).

3. Vadetskaya, E. B. 1973. In Martynov, A. I. (ed.). *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy (Proceedings of the Laboratory of Archaeological Research)* 6. Kemerovo: Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 91–159 (in Russian).

4. Vadetskaya, E. B. 1999. *Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri (The Tashtyk Epoch in the Ancient History of Siberia)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).

5. Devlet, M. A. 1963. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 3–9 (in Russian).

6. Devlet, M. A. 1976. *Bol'shaya Boyarskaya pisanitsa (The Great Boyar Scribble)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Kirginekov, E. N. 1997. *Otchet ob arkheologicheskom obsledovanii territorii AO «Sovetskaya Khakasiya» Bogradskogo rayona Respubliki Khakasiya (Report on the archaeological survey of the territory of JSC Sovetskaya Khakassia in the Bograd district of the Republic of Khakassia).* Abakan (in Russian).
8. Kiselev, S. V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient History of Southern Siberia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).
9. Klements, D. A. 1886. *Drevnosti Minusinskogo muzeya. Pamyatniki metallicheskikh epokh (Antiquities of the Minusinsk Museum. Monuments of the metal ages).* Minusinsk, Tomsk: Tipografiya Sibirskoy gazety (in Russian).
10. Kyzlasov, I. L. 1994. In *Zemlya Sibirskaya(The Siberian land).* Series: Stranitsy istorii i sovremennost' Pages of history and) 1. Abakan: “Khakass Archaeological Expedition” Publ., 87–89 (in Russian).
11. Kyzlasov, L. R. 1970. In Ulturgashev, S. P. (ed.). *Uchenye zapiski KhakNIIYaLI (Scientific notes of the Khakass Research Institute of Language, Literature, and History)* 15. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History Publ., 84–91 (in Russian).
12. Kyzlasov, L. R. 1998. *V Sibiriyu nevedomuyu za pis'menami tainstvennymi (To Siberia unknown for mysterious writings).*Series: Stranitsy istorii i sovremennost' Pages of history and modernity). Abakan: “KhRIPKiPRO” Publ. (in Russian).
13. Levashova, V. P. 1949. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* 25. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 91–102 (in Russian).
14. Maksimenkov, G. A. 1965. In Krupnov, E. I. (ed.). *Novoe v sovetskoi arkheologii (Recent Trends in Soviet Archaeology*). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 130. Moscow: “Nauka” Publ., 168–174 (in Russian).
15. Nikolaeva, T. N., Pyatkin, B. N. 1979. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 26. Kemerovo: Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 134–141 (in Russian).
16. Pankova, S. V., Shishlina, N. I. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress at Kazan)* II. Kazan: “Otechestvo” Publ., 186–188 (in Russian).
17. Podol'skiy, M. L. 2002. In Savinov, D. G. (ed.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya (Hoards: composition, chronology, interpretation)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 229–234 (in Russian).
18. Sunchugashev, Ya. I. *Drevnyaya metallurgiya Khakasii: epokha zheleza (Ancient metallurgy of Khakassia: the Iron Age)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
19. Teploukhov, S. A. 1929. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 4 (2). Leningrad: “Izdanie Gosudarstvennogo Russkogo muzeya” Publ., 41–62 (in Russian).

About the Author:

Krumshin Anna V. State Inspectorate for the Protection of Cultural Heritage Sites, Pushkin str., 28a, building 1, Abakan, 655012, Republic of Khakassia, Russian Federation; Khakass State University named after N.F. Katanov, Lenin St., 90, Abakan, 655017, Republic of Khakassia, Russian Federation; anna.krumshin@mail.ru

Статья принята в номер 19.09.2024 г.

УДК 902.34 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.181.191

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СОХРАННОСТИ И КОНСЕРВАЦИЯ ДЕНДРООБРАЗЦОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ[1]

© 2025 г. А.А. Пайзерова, В.В. Баринов, М.О. Филатова

В 2021 и 2022 годах на территории Республики Хакасия проводились масштабные охранно-спасательные работы. В ходе исследования погребальных памятников археологических культур Минусинской котловины был обнаружен не только погребальный инвентарь, но и деревянные срубные конструкции. Части бревен и спилы были отправлены в лаборатории для проведения дендрохронологического датирования. Начав работу, исследователи столкнулись с плохим состоянием сохранности древесного материала, что не позволило выполнить измерение годичных колец. Археологическая древесина представляет собой хрупкую структуру с изменённым химическим составом и физическими характеристиками, отличающимися от здоровой. В статье описан поиск решения проблемы предварительной консервации археологических спилов. Представлены критерии анализа сохранности древесного материала. На основании эксперимента сделан вывод о том, что основные методы, применяемые реставраторами для консервации сухой археологической древесины, препятствуют выполнению дальнейшей пробоподготовки для дендрохронологического анализа. Поднимается вопрос об организации хранения спилов с соблюдением оптимального температурно-влажностного режима. Предложено применение метода цифровой пробоподготовки спилов для ускорения процесса датирования археологических памятников.

Ключевые слова: археология, Хакасия, тагарская культура, дендрохронология, дендроархеология, консервация древесины.

Введение

Микроклимат, сложившийся в Минусинской котловине благодаря её ландшафтному разнообразию, повлиял на интенсивное заселение этой территории с глубокой древности. В совокупности с природным окружением узнаваемые виды Республики Хакасия создают курганные могильники, которые уже четвертое столетие привлекают исследователей.

В начале XVIII века археологическая деятельность Д.Г. Миссершмидта, Ф.И. Страленберга и Г.Ф. Миллера открывает для всего мира памятники древних кочевников (Бутанаев, 2008). В первой половине XX века создаются классификации культур Минусинской котловины, появляются первые периодизации и относительные датировки, основанные на составе погребального инвентаря. С развитием метода радиоуглеродного датирования появляются абсолютные датировки, уточняющие хронологические промежутки (Ермолова, Марков, 1983). Однако в связи с погрешностью этого метода до сих пор ведутся дискуссии о выделении этапов внутри археологических культур (Водясов, Зайцева, 2023). Привлечение дендрохронологического метода датирования способно помочь получить новую информацию для внесения ясности в периодизацию существования археологических культур Хакасии.

В большинстве исследуемых курганов изделия из древесины не сохраняются, а срубные погребальные конструкции доходят до исследователей в удовлетворительном состоянии. Лишь когда внутри погребения создается равновесное состояние, зачастую вызванное экстремальными условиями (мерзлота, бескислородная среда, отсутствие контакта с почвой и др.),

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10118 «Цифровая дендроархеология: новейшие методики пробоподготовки и датирования археологической древесины и углей бореальной зоны Евразии».

исследователям удается обнаружить археологическую древесину. Особенность сохранности органического материала в погребенных условиях не позволяет увидеть до 90% предметной среды, окружающей человека в древности. Это доказывают исследования Оглахтинского могильника (памятник таштыкской культуры, Хакасия) (Васильева, 2023). Благодаря хорошей сохранности спилов с погребальных конструкций Оглахтинского могильника и памятника Тесинский залив 3 уже удалось построить достаточно протяженную относительную древесно-кольцевую хронологию (Слюсаренко, Гаркуша, 2023). Однако за всю историю археологического изучения Хакасии большее количество материала так и не удалось обработать. Причиной этого становится сложность пробоподготовки и измерения годичных колец, связанная со степенью сохранности археологической древесины. Развивающаяся российская дендроархеология нуждается в предварительной консервации образцов.

Структурное укрепление большемерных конструкций и изделий из древесины проводится в основном с целью их безопасного хранения и экспонирования в музейных условиях. Для мокрого древесного материала успешно применяется консервация высокомоликулярными полиэтиленгликолями (Кундо и др., 2005; Федосеева и др., 2016; Вихров, Казанская, 1983) и сахарами (Лозовская, 2023; Morgos, 1990). Для сухой древесины подходит пропитка акриловыми полимерами (Florian и др., 1990), а также разработанным в ГОСНИИРе составом «Акрисил-95» (Дедюхина и др., 1997). Опубликованных работ по тематике консервации дендрохронологических спилов на настоящий момент нет. Целью данного исследования было оценить возможность применения методов консервации музейных экспонатов для дендрообразцов. Было важно сохранить видимость границы годичного кольца, учесть время, требующееся для проведения консервационных операций, стоимость материалов и возможность последующей механической обработки спила для дендрохронологического анализа.

Материалы и методы

Физико-географическое описание района исследования

Республика Хакасия находится в северной части Саяно-Алтайского нагорья, на западе Минусинской котловины в долине Среднего Енисея. С южной стороны республика ограничена горным хребтом Западных Саян, а с запада – Кузнецким Алатау. На востоке ее границу образует река Енисей, а на севере проходит Солгонский кряж. На всей территории насчитывается более 150 рек и столько же озер (Бутанаев, 2008). В Хакасии выделяются три климатические зоны: степная, лесостепная и таежная. Здесь произрастает широкое разнообразие деревьев и кустарников. В строительстве в основном используются лиственница и сосна, для резьбы подходят мягкие породы: кедр, береза, осина. Преобладает слабощелочная реакция почвенной среды (Кырова и др., 2007).

Описание археологических памятников

В 2021 и 2022 годах на территории республики Хакасия проводились масштабные охранно-спасательные археологические работы, связанные со строительством железной дороги и расширением территорий месторождений полезных ископаемых. Исследованные памятники: «Скальная 5», «Уйтаг 3», «Абакан 8», «Абакан 15» – содержали в себе срубные конструкции, с которых были взяты спилы для проведения дендрохронологического анализа, благодаря которому появится возможность не только установить календарный возраст, но и определить

период функционирования погребальных памятников.

Скальная 5. Исследован в 2021 г. археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН. «Одиночный курган Скальная 5» располагался на северо-западе от горы Уйтаг. На месте крупного сарагашенского кургана (размеры ограды 19,5×20,5 м) представителями тесинской культуры была сооружена срубная конструкция с многоярусным деревянным перекрытием. «10-венцовый сруб с соединением в обло был перекрыт по линии З – В мощным бревенчатым накатом-потолком, удерживаемым столбами. Сверху на него в четыре наката решеткой были уложены более тонкие бревна. С внешней стороны сохранились остатки столбов (тына) от более ранней конструкции. Внутри, на уровне четвертого венца (снизу) вдоль восточной стены параллельно друг другу были размещены три бревна-распорки на расстоянии 0,4/0,5 м друг от друга. Их обработанные концы были вставлены в специальные пазы в стенках сруба. Дополнительно они опирались на столбы, стоявшие на деревянном полу. На уровне третьего венца вдоль северной и южной стен находились полати из досок (шириной 45–60 см, толщиной 3–5 см). Они упирались в щели между бревнами сруба и не имели подпорок. Пол в склепе был сделан из плотно уложенных рядом друг с другом по линии З – В неотёсанных бревен» (Богданов и др., 2021).

Уйтаг 3. Исследован в 2021 году археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН. «Курганный могильник Уйтаг-3» был расположен на степном участке левобережной долины р. Абакан, на правом берегу среднего течения р. Аскиз, в 0,8 км к югу от остановочной ж/д платформы «Скальная». Курган 5 содержал в себе три склепа сарагашенского времени, в которых сохранились четырехвенцовые срубы с бревенчатым полом (Богданов, Тимощенко, 2021).

Абакан 8. Исследован в 2022 году археологической экспедицией ООО «НПО «АИКЭ». «Курганный могильник Абакан-8» располагался в центральной части г. Абакана, на восточном берегу высокой надпойменной террасы бывшего озера Игыр-куль. В восьми исследованных грунтовых могилах таштыкской культуры были установлены срубы и совершены погребения.

Абакан 15. Исследован в 2021 году археологической экспедицией ООО «НПО «АИКЭ». «Одиночный курган Абакан 15» был расположен в южной части ул. Российской, в 37 м к юго-востоку от дома № 7 по ул. Российской п. Подсинее, между грунтовой дорогой вдоль железной дороги и автотрассой Абакан – Минусинск. Курган представлял собой конструкцию в виде ограды подквадратной формы из вертикально вкопанных плит песчаника, частично с обрамлением горизонтально лежащими камнями, ориентированную по сторонам света. В могиле был установлен сруб с деревянным перекрытием и полом. К срубу вел деревянный дромос.

Накопление большого объема археологических дендрообразцов, делает актуальным решение задач, связанных с их пробоподготовкой.

Анализ степени сохранности археологической древесины

Находясь долгое время в почвенном растворе, древесина претерпевает существенные химические и структурные изменения. Большее количество свойств здоровой древесины (высокая прочность, гибкость, способность сопротивляться статическим и динамическим нагрузкам, низкая теплопроводность) в археологической утрачивается.

В результате гидролиза и жизнедеятельности микроорганизмов происходит постепенное разрушение клеточных оболочек, начиная с по-

верхностных слоев древесины и постепенно распространяясь внутрь. В зависимости от состава почвенного раствора изменяется соотношение основных химических веществ: лигнинов, целлюлозы, гемицеллюлозы, экстрактивных веществ и минеральных компонентов. Целлюлоза и гемицеллюлоза особенно неустойчивы в щелочных почвах, экстрактивные вещества постепенно растворяются в воде и органических растворителях, лигнины – самое прочное что есть в древесине – способны к модификациям в кислотах и разрушаются под интенсивным механическим воздействием (Леонтьев, 2002).

В результате разрушения целлюлозы и гемицеллюлозы увеличивается пространство между клетками и молекулами древесины, снижается плотность и прочность. Форма деградировавшей древесины сохраняется благодаря заполнению свободной влагой клеток сохранившейся лигниновой структуры. Величина предела насыщения клеточных стенок (Wп.н.) археологической древесины значительно выше, чем у здоровой. Из-за большего набухания изменение размеров при высыхании начинается с более высоких показателей влажности. Соответственно, величина усадки будет выше. Для сильно деградированной археологической древесины величина усадки вдоль волокон может достигать 11,5%, когда для здоровой – 0,1–0,3% (Боровиков, Уголев, 1989).

В здоровой древесине при высыхании создается внутреннее напряжение, в результате которого происходит смятие клеток. В случае с археологической древесиной усадка происходит за счет ослабленных клеточных стенок, внутреннего напряжения не создается. Однако если степень деградации невелика, при высокой плотности древесины неравномерность усушки в сочетании с относительной жесткостью вызывают внутренние напряжения, приводящие к нарушению целостности предмета. При быстром удалении влаги силы поверхностного натяжения ослабляют стенки клеток, что приводит к существенным деформациям и растрескиванию.

Древесина хвойных пород сохраняется в погребенных условиях гораздо лучше лиственных благодаря содержанию смолистых веществ, которые выступают в качестве антисептика. Разрушение грибами и микроорганизмами происходит не так быстро.

При извлечении из грунта археологическое дерево зачастую выглядят крепким, иногда даже способно поддаваться обработке бензопилой для создания спилов. Однако вскоре резкое изменение физико-химических условий среды приводит к ускорению процессов деградации. Древесный материал разрушается более интенсивно, чем за столетия, проведенные в погребенном состоянии. Влияние факторов новой среды: кислорода, солнечного света, биологическое и температурное воздействие – приводит к дополнительному изменению химического состава и структуры древесины. Быстрая сушка и неравномерное удаление свободной влаги способствуют развитию влажностных напряжений, которые, в свою очередь, вызывают растрескивания, коробления, отслоения как на поверхности, так и в глубинных слоях предмета. Таким образом, нельзя допустить резкой смены температурно-влажностного режима, ведь последствия быстрой сушки для древесного материала будут необратимы.

Для анализа сохранности древесного материала, прогнозирования ожидаемых изменений и выбора наиболее эффективного метода консервации необходимо измерить влажность и изучить анатомию.

Влажность древесины определяется как отношение массы воды, содержащейся в образце древесины, к массе

этого образца, высушенного до абсолютно сухого состояния, выраженное в процентах. Для качественных измерений был использован тепловой шкаф ШС-80-01 СПУ. Образцы соответствуют «воздушно-сухой» древесине, содержание влаги 10–16%.

Клеточное строение было рассмотрено путем визуального обследования на микроскопе AXIO Imager D1 (CARL ZEISS) в отраженном свете с увеличением ×40. Радиальные микросрезы с дендрообразцов памятников: Скальная 5, Уйтаг 3 (курган 5), Абакан 8 (курган 1 и могила 30) – показали наличие в ранней древесине пицеоидных пор на полях перекреста и окаймленных пор на радиальных стенках ранних трахеид расположенных в два ряда. Радиальные микросрезы с дендрообразцов памятников: Абакан 8 (курган 5 и могила 3), Абакан 15 – показали наличие на полях перекреста оконцевых пор и зубчатых стенок лучевых трахеид (Бенькова, Швейнгрубер, 2004). Взяв во внимание виды древесины, произрастающей в Хакасии и использующейся при строительстве погребальных конструкций, можно сделать вывод, что первая группа образцов принадлежит лиственнице сибирской (*Larix sibirica* Ledeb), а вторая – сосне обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) (рис. 1). Анатомические признаки на археологической древесине выявить удалось. Однако структура древесины сильно прорежена, стенки клеток очень тонкие, набухшие, частично разрушенные. Труднее всего было обнаружить лучевые трахеиды из-за высокой степени их деградации.

Консервация археологических дендрообразцов

После предварительного исследования и на основе опыта, накопленного в сфере консервации древесного материала, был проведен эксперимент и выполнен количественный анализ.

Цель эксперимента – выяснить, подходит ли методика консервации археологических предметов для дендрообразцов.

Критериями оценки выбора оптимального пропиточного состава стали: процентное содержание сухого вещества консолиданта в образце, пригодность для шлифовки (не остается на шлифовальной ленте/круге, не плавиться от температуры, в процессе шлифовки), доступность метода консервации.

Контроль состояния древесины проводился путем визуального обследования на микроскопе AXIO zoom V16 (CARL ZEISS) в отраженном свете.

Для проведения эксперимента было взято 48 образцов древесины из археологических памятников «Скальная-5» (Ск5) и «Абакан-15» (А15). Дендрообразцы соответствуют лиственнице сибирской (Ск5) и сосне обыкновенной (А15), содержание влаги 16% (А15) и 10% (Ск5), что соответствует «воздушно-сухой» древесине, плотность равна 0,49 г/см^3 (А15) и 0,36 г/см^3 (Ск5). Спилы пронизаны сквозными и волосяными трещинами в двух направлениях, у образца Ск5 наблюдается наиболее опасное для информационного потенциала расслоение спила по кольцам. Хрупкость структуры и растрескивание стало следствием быстрой постраскопочной сушки древесины, сильно деградировавшей в ходе археологизации. Для проведения каких-либо манипуляций со спилом необходимо укрепление структуры и склейка уже отошедших фрагментов.

Равные по объему фрагменты дендрообразцов (5 грамм (Ск5), 3 грамма (А15)) пропитывались консолидирующими составами: «Мастер клей» (сополимеры винилацетата, растворимые в этиловом спирте); Ceresit in 10 (водная дисперсия полимеров), поливинилбутираль (продукт взаимодействия поливинилового спирта

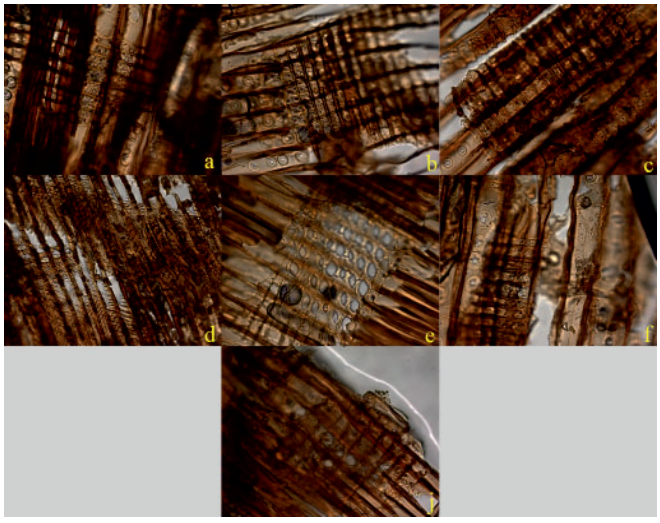


Рис. 1. Анатомия древесины (увеличение ×40). a – Скальная 5. Лиственница сибирская (Larix sibirica); b – Уйтаг 3 (курган 5). Лиственница сибирская (Larix sibirica); c – Абакан 8 (курган 1). Лиственница сибирская (Larix sibirica); d – Абакан 8 (курган 2). Сосна обыкновенная (Pinus sylvestris); e – Абакан 8 (могила 3). Сосна обыкновенная (Pinus sylvestris); f – Абакан 8 (могила 30). Лиственница сибирская (Larix sibirica); j – Абакан 15. Сосна обыкновенная (Pinus sylvestris).

Fig. 1. Anatomy of wood (magnification ×40).

и масляного альдегида, растворитель – этиловый спирт); полибутилметакрилат – бутиловый эфир метакриловой кислоты, растворитель – ацетон; Paraloid B72 – сополимер метилакрилата с этилметакрилатом с соотношением мономеров 30:70, для эксперимента взят растворитель – этиловый спирт; Акрисил 95 – акриловый сополимер продукта полимеризации эфиров акриловой и метакриловой кислот, растворитель – смесь изопропилового спирта и скипидара в соотношении 1:1. Было применено два способа пропитки: погружение (60 мл раствора) и капиллярный (20 мл раствора). После окончания пропитки и стабилизации веса образцов из 48 образцов были отобраны 23 экземпляра с упрочненной структурой, из них 15 образцов вобрали в себя больше 10% полимера.

Следующим этапом эксперимента стала шлифовка – создание плоской поверхности дендрообразца, пригодной для сканирования, получения цифрового изображения и дальнейшего подсчета колец.

В образцах, вобравших в себя больший процент полимера, при трении молекулы на поверхности размягчаются, сплавляются с древесной пылью и препятствуют видимости колец. Особенно ярко данная характеристика сработала при пропитке капиллярным методом и при использовании ацетона в качестве растворителя (в процессе высыхания полимер подтянулся к поверхности, из-за чего произошла неравномерная и неглубокая пропитка) (рис. 2).

Подобного нагрева можно избежать, используя альтернативный метод – подрезание слоя древесины тонким лезвием с последующим натиранием поверхности зубным порошком (Шиятов и др., 2000). Однако в этом случае можно столкнуться с тем, что зубной порошок ляжет поверх пор древесины, так как сами поры будут забиты полимером. Если не прибегать к альтернативному методу и остановиться на шлифовке, то для консолидирующей пропитки образцов спилов лучше всего подходят 5% растворы ПВБ (этанол), Paraloid B72 (этанол), Акрисил-95 (изопропанол:скипидар) (рис. 3).

Результаты

Критериями анализа состояния сохранности древесного материала являются: условия залегания (pH почвы, температура, влажность), порода древесины, влажность физические харак-

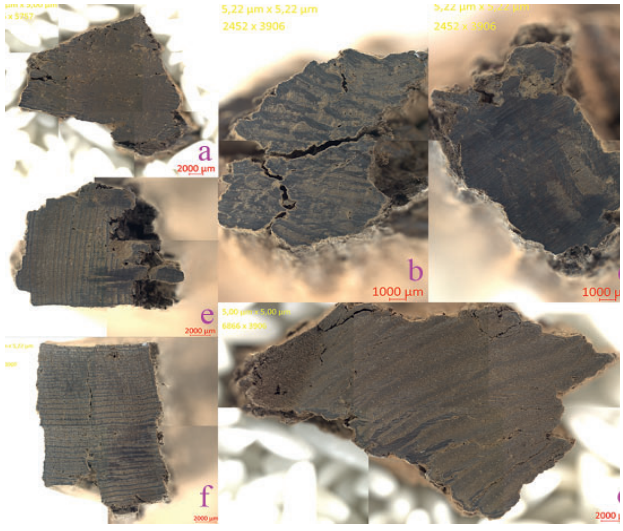


Рис. 2. Плавление полимера при шлифовке дендрообразца. a – Абакан 15. Пропитка 7% раствором ПБМА в ацетоне (погружение); b – Абакан 15. Пропитка 7% раствором ПВБ в этаноле (капиллярный метод); c – Абакан 15. Пропитка 7% раствором Paraloid B72 в этаноле (капиллярный метод); d – Абакан 15. Пропитка 15% раствором Мастер Клея в этаноле (погружение); e – Скальная 5. Пропитка 7% раствором ПБМА в смеси растворителей (капиллярный метод); f – Скальная 5. Пропитка 7% раствором ПВБ в этаноле (капиллярный метод).

Fig. 2. Melting of the polymer during grinding of the dendrochronological samples.

теристики при визуальном осмотре и при исследовании под микроскопом.

Погребальные конструкции из памятников тагарской и таштыкской культур (Скальная 5, Уйтаг 3, Абакан 8, Абакан 15) сооружались из лиственницы сибирской и сосны обыкновенной.

Применение реставрационных способов консервации археологической древесины показало, что для сухих археологических дендрообразцов оптимальными являются 5% консолидирующие растворы. Из-за невысокой вязкости раствор проходит вглубь древесины и остается там в количестве 8–15%, что достаточно для укрепления структуры. При этом на поверхности не скапливается большое количество вещества, плавящееся при шлифовке.

Дискуссия

Важно учитывать, что после консолидирующей пропитки образец древесины становится непригодным для датирования методом «wiggle matching», необходимо оставлять необработанный дубль.

Консолидирующая пропитка требует большого количества рабочего времени, так как включает в себя: приготовление раствора, поглощение раствора, испарение растворителя, склейку фрагментов.

Денежные затраты на реставрационные материалы для одного среднего дендрообразца составляют около 1000 рублей. На момент проведения эксперимента для приготовления 1,5 литров раствора (именно столько нужно для одного небольшого спила) необходимо было затратить: 940 руб. (ПВБ), 670 руб. (ПБМА), 942 руб. (винилацетатный клей), 1240 руб. (Акрисил 95). При условии, что зачастую для построения одной древесно-кольцевой шкалы необходимо обработать более 100 спилов, сумма на консервацию становится весомой.

Консолидирующие составы на основе растворителей являются токсичными как для людей, так и для окружающей среды.

Поскольку основные разрушения археологических дендрообразцов происходят на этапе упаковки и хранения, самым бюджетным, эффективным и экологичным решением для сохранения археологической древесины, подлежащей дендрохронологическому датированию, может стать поддержание стабильного температурно-влажностного режима в хранении и скорейшая оцифровка дендрообразцов. Цифровая дендроархеология позволяет провести пробоподготовку

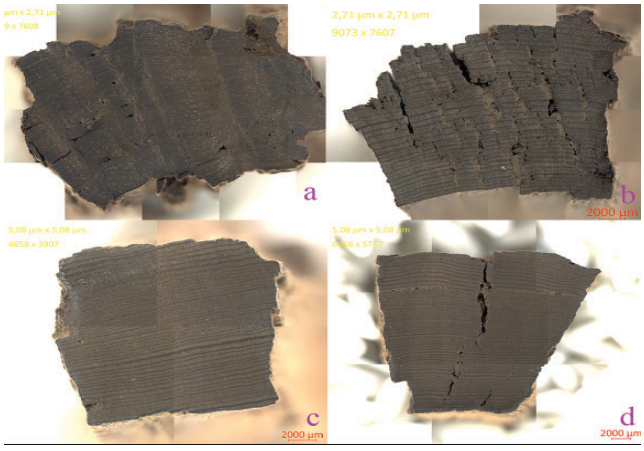


Рис. 3. Лучшие показатели укрепления структуры дендрообразцов. a – Абакан 15. Пропитка 5% раствором Акрисил 95 в смеси растворителей (погружение); b – Скальная 5. Пропитка 5% раствором Акрисил 95 в смеси растворителей (капиллярный метод); c – Скальная 5. Пропитка 5% раствором Paraloid B72 в этаноле (погружение); d – Скальная 5. Пропитка 5% раствором ПВБ в этаноле (погружение).

Fig. 3. The best indicators of strengthening the structure of dendrochronological samples.

и получить цифровое изображение образца сразу после доставки из поля. Это будет наилучшая стадия сохранности археологического дендрообразца, когда не успеет уйти из клеток свободная влага и не начнутся процессы усушки и растрескивания. Сохранив такое изображение, дендрохронолог в любое время в спокойном режиме за своим рабочим компьютером сможет измерять образцы, не переживая за их сохранность (Филатова, Мыглан, Жарников, Баринов, Тайник, Вахнина, Наумова, 2024).

Выдвинутое предположение не отменяет важности сохранения археологических дендрообразцов и требует дальнейших исследований. Первоочередной задачей является получение образцов древесины, подлежащих как дендрохронологическому, так и радиоуглеродному методам датирования, что особенно актуально для археологических памятников, предметный ряд которых не дает четких дат.

Заключение

Обнаружить в археологических памятниках изделия и сооружения из древесины – большая редкость. Для этого должны сложиться определенные условия залегания и столетиями продержаться созданное в культурном слое равновесное состояние. Ещё большая редкость – сохранить ценный материал для дальнейших исследований. Особое внимание стоит обратить на то, что археологическая древесина существенно отличается от живой и этнографической. В статье был выполнен анализ сохранности древесного материала из нескольких археологических памятников тагарской и таштыкской культур. В результате эксперимента было доказано, что метод консервации акриловыми полимерами, применяемый для музейных экспонатов, не подходят для дендрообразцов. Требуется дальнейший поиск решения проблемы консервации. На данный момент лучший результат показывает быстрая цифровая обработка образца сразу после поля, пока в его клетках ещё сохраняется свободная влага. Кроме того, для дендрообразцов необходимо организовать условия хранения с соблюдением температурно-влажностного режима, приближенного к погребенному.

Благодарность

Благодарим лабораторию «PaleoData» ИАЭТ СО РАН и Сибирскую дендрохронологическую лабораторию СФУ за предоставление доступа к оборудованию и помощи в проведении процедуры пробоподготовки дендрообразцов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х.* Анатомия древесины растений России: атлас для идентификации древесины деревьев, кустарников, полукустарников и деревянистых лиан России. Берн: Хаупт, 2004. 456 с.
2. *Богданов Е.С., Тимощенко А.А., Иванова А.С.* Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 878–887.
3. *Богданов Е.С., Тимощенко А.А.* Культурный палимпсест в кургане № 5 могильника Уйтаг-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 895–901.
4. *Боровиков А.М., Уголев Б.Н.* Справочник по древесине. М.: Лесная промышленность, 1989. 187 с.
5. *Васильева Н.А.* Полевая консервация находок и конструкции могилы 1 Оглахтинского грунтового могильника в 2021 году // Хранение и реставрация археологических предметов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Ред. Л.О. Базилевич, И.А. Руденко. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2023. С. 49–62.
6. *Водясов Е.В., Зайцева О.В.* Тесинские и таштыкские погребальные комплексы: хронологические парадоксы // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 296–315.
7. *Дедюхина В.С., Баркан Л., Гордюшина В.И., Малачевская Е.Л.* Разработка физико-химических основ укрепления деструктированной древесины музейных экспонатов. // Информационный бюллетень РФФИ. 1997. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_232969_42689492.htm (дата обращения: 08.07.2024).
8. *Ермолова Н.М., Марков Ю.Я.* Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках) / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1983. С. 95–97.
9. *Кундо Л.П., Ревуцкая Г.К., Мороз М.В.* Консервация и реставрация крупногабаритных деревянных изделий «замерзших» курганов пазырыкской культуры Горного Алтая (IV–III вв. до н.э.) // Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток. V Міжнародна науково-практична конференція. Тези доповідей (24-27 травня 2005). / Отв. ред. В.Г. Чернеця. Київ, 2005. С. 176–179.
10. *Кырова С.А., Швабенланд И.С., Кыров В.В.* Геоэкологическая оценка территории Абаканско-Черногорского промышленного района республики Хакасия // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 6. С. 198–202.
11. *Леонтьев Л.Л.* Строение древесины. Учебное пособие. СПб.: СПбЛТА, 2002. 82 с.
12. *Лозовская О.В.* Опыт консервации сахаром мокрой древесины позднего мезолита: вопросы сохранности и научного потенциала // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 129–135.
13. *Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М.* Методы дендрохронологии. Красноярск: КрасГУ, 2000. 80 с.
14. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / Отв. ред. В. Я. Бутанаев. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008. 672 с.
15. *Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н.* Дендрохронология могильников таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 864–870.
16. *Федосеева Т.С., Беляевская О.Н., Гордюшина В.И., Малачевская Е.Л., Писарева С.А.* Реставрационные материалы. М.: Индрик, 2016. 232 с.
17. *Филатова М.О., Мыглан В.С., Жарников З.Ю, Баринов В.В., Тайник А.В., Вахнина И.Л., Наумова О.В.* Развитие дендроархеологических исследований в Сибири. // КСИА. 2024. Вып. 274. С. 7–26.
18. *Яценко-Хмелевский А.А.* Основы и методы анатомического исследования древесины. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 337 с.
19. *Florian Mary-Low, Kronkright D.P., Norton*. *R.E.* The conservation of artifacts made from plant materials. J. Paul Getty Trust, 1990.
20. *Morgos A.* The sucrose conservation of XV–XVI-t h c. waterlogged wooden finds // ICOM. 9-th Triennial Meeting. GDR, Dresden, 26-31 August 1990. V.I.P. 241–242..

Информация об авторах:

Пайзерова Анна Алексеевна, художник-реставратор III категории, старший специалист по консервации и реставрации археологических и этнографических коллекций, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); annpaiz@yandex.ru

Баринов Валентин Викторович, кандидат биологических наук, старший научный сотруд-

ник, Сибирская дендрохронологическая лаборатория Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия); vvbarinov@sfu-kras.ru

Филатова Майя Олеговна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, Россия); mayaphylatova@gmail.com

ANALYSIS OF THE PRESERVATION AND CONSERVATION TREATMENT OF DENDROCHRONOLOGICAL SAMPLES FROM ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

A.A. Paizerova, V.V. Barinov, M.O. Filatova

In 2021 and 2022, large-scale security and rescue works were carried out in the territory of the Republic of Khakassia. During the study of burial monuments of Minusinsk Basin archaeological cultures, burial set and wooden log structures were discovered. Parts of the logs and spiles were sent to the laboratory of dendrochronology. Researchers were unable to define annual rings, due to the poor preservation of the wood. Archaeological wood is a brittle structure with an altered chemical composition. Its physical characteristics are much different from healthy wood. The article describes the search for a solution to the problem of preliminary preservation of archaeological spiles. The criteria for analysing the preservation of wood material are presented. On the basis of the experiment, it is concluded that the main methods used by restorers for the conservation of dry archaeological wood are not suitable for the treatment of dendrosamples. The question of organising the preservation of spiles with optimal temperature and humidity conditions is raised. The application of the method of digital sample preparation of spiles to accelerate the process of dating archaeological monuments is proposed.

Keywords: archaeology, Khakassia, Tagar culture, dendrochronology, dendroarchaeology, conservation of wood material.

REFERENCES

1. Ben'kova, V. E., Shveyngruber, F. Kh. 2004. *Anatomiya drevesiny rasteniy Rossii: atlas dlya identifikatsii drevesiny derev'ev, kustarnikov, polukustarnikov i derevyanistykh lian Rossii (Anatomy of Russian Woods: an atlas for the identification of trees, shrubs, dwarf shrubs and woody lianas from Russia).* Bern: "Khaupt" Publ.
2. Bogdanov, E. S., Timoshchenko, A. A., Ivanova, A. S. 2021. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories).* Vol. 27. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 878–887 (in Russian).
3. Bogdanov, E. S., Timoshchenko, A. A. 2021. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* 27. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 895–901 (in Russian).
4. Borovikov, A. M., Ugolev, B. N. 1989. *Spravochnik po drevesine (Handbook of wood)*. Moscow: "Lesnaya promyshlennost'" (in Russian).
5. Vasil'eva, N. A. 2023. In Bazilevich, L. O., Rudenko, I. A. (eds.). *Khranenie i restavratsiya arkheologicheskikh predmetov (Storage and restoration of archaeological objects)*. Vladimir: "Gosudarstvennyy Vladimiro-Suzdal'skiy muzey-zapovednik", 49–62 (in Russian).
6. Vodyasov, E. V., Zaytseva, O. V. 2023. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* 3, 296–315 (in Russian).
7. Dedyukhina, V. S., Barkan, L., Gordyushina, V. I., Malachevskaya, E. L. 1997. *Informatsionnyy byulleten' RFFI (RFBR Newsletter).* URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_232969_42689492.htm (accessed: 08.07.2024) (in Russian).
8. Ermolova, N. M., Markov, Yu. Ya. 1983. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie kul'tury evraziyskikh stepey (po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroykakh) (Ancient cultures of the Eurasian steppes (based on the materials of archaeological works in the areas of erection of new buildings)).* Leningrad: "Nauka" Publ., 95–97 (in Russian).

The study was suported by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10118 "Digital Dendroarchaeology: the latest methods of sample preparation and dating of archaeological wood and coals from the boreal zone of Eurasia".

9. Kundo, L. P., Revutskaya, G. K., Moroz, M. V. 2005. In Chernetsya, V. G. (ed.). *Problemi zberezhennya, konservatsiї, restavratsiї ta ekspertizi muzeynikh pam'yatok (Problems of preservation, conservation, restoration and examination of museum monuments)*. Kiïv, 176–179 (in Russian).
10. Kyrova, S. A., Shvabenland, I. S., Kyrov, V. V. 2007. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)* 6, 198–202 (in Russian).
11. Leont'ev, L. L. 2002. *Stroenie drevesiny (The structure of wood).* Saint Petersburg: "SPbLTA" Publ. (in Russian).
12. Lozovskaya, O. V. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 129–135 (in Russian).
13. Shiyatov, S. G., Vaganov, E. A., Kirdyanov, A. V., Kruglov, V. B., Mazepa, V. S., Naurzbaev, M. M., Khantemirov, R. M. 2000. *Metody dendrokhronologii (Methods of dendrochronology).* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University (in Russian).
14. In Butanaev, V. Ya. 2008. *Ocherki istorii Khakasii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti)*. Abakan: "Khakas State University (in Russian).
15. Slyusarenko, I. Yu., Garkusha, Yu. N. 2023. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories).* Vol. 29. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 864–870 (in Russian).
16. Fedoseeva, T. S., Belyaevskaya, O. N., Gordyushina, V. I., Malachevskaya, E. L., Pisareva, S. A. 2016. *Restavratsionnye materialy (Restoration materials).* Kurs lektsiy. / Otv. red. E.L. Malachevskaya. M.: Indrik, 2016. 232 s.
17. Filatova, M. O., Myglan, V. S., Zharnikov, Z. Yu, Barinov, V. V., Taynik, A. V., Vakhnina, I. L., Naumova, O. V. 2024. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 274, 7–26 (in Russian).7–26
18. Yatsenko-Khmelevskiy, A. A. 1954. *Osnovy i metody anatomicheskogo issledovaniya drevesiny (Basics and Methods of Anatomical Study of Wood)*. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).
19. Florian, Mary-Low, Kronkright, D. P., Norton, R. E. 1990. *The conservation of artifacts made from plant materials.* J. Paul Getty Trust.
20. Morgos, A. 1990. In *ICOM. 9-th Triennial Meeting. GDR, Dresden, 26-31 August 1990.* V.I.P. 241–242.

About the Authors:

Paizerova Anna A. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Akademik Lavrentyev pr., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; anna.paizerova@gmail.com

Barinov Valentin V. Candidate of Biological Sciences. Siberian Federal university. Svobodnyy pr., 82, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; vvbarinov@sfu-kras.ru

Filatova Maya O. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Akademik Lavrentyev pr., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; mayaphylatova@gmail.com

Статья принята в номер 10.07.2024 г.

УДК 902.01(571.150) https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.192.203

НАХОДКИ ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ АЛЕЙСКОЙ СТЕПИ: РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. РУБЦОВСКА)[1]

© 2025 г. А.А. Тишкин

На территории Алейской степи (юг Западной Сибири) зафиксировано большое число погребальных памятников, которые отражают военно-политические и этнокультурные процессы в период раннего Средневековья. В связи с существенным сокращением раскопок таких археологических комплексов в Алтайском крае обозначилась необходимость изучения коллекций в муниципальных музеях. В Краеведческом музее г. Рубцовска хранится небольшое собрание находок, которые происходят из разрушенных погребений и стоянок. Среди них имеется серия изделий из цветного металла, датирующихся периодом раннего Средневековья и относящихся к сросткинской культуре. Эти артефакты впервые вводятся в научный оборот в полном объеме вместе с результатами рентгенофлюоресцентного анализа. Они расширяют источниковую базу для изучения украшений конского снаряжения. В статье также демонстрируются разрозненные случайные находки. Аналогичную работу стоит осуществить в музеях других ближайших городов и районных центров.

Ключевые слова: археология, Алейская степь, раннее Средневековье, музей, коллекция, случайные находки, рентгенофлюоресцетный анализ.

За последние 20 лет существенно сократился объем археологические раскопок средневековых памятников на юге Обь-Иртышского междуречья. Данное обстоятельство обусловлено несколькими причинами, одна из которых связана с отсутствием финансируемых проектов хоздоговорного и научно-исследовательского плана. Кроме этого, обозначилась необходимость обобщения и публикация уже накопленных материалов. Это, в частности, нашло отражение в недавно вышедшей монографии (Горбунов, Тишкин, 2022). В ней представлены результаты исследований погребальных комплексов экспедициями Алтайского государственного университета на Приобском плато с 1997 по 2022 год. Следует отметить, что ранее, в 2002 г., была издана крупная монографическая работа, посвященная культуре раннесредневековых кочевников северо-западных предгорий Алтая (Могильников, 2002), где опубликованы сведения о раскопанных курганах в верховьях р. Алея (левый приток Оби).

В настоящее время реализуется идея публикации свода памятников хорошо известной сросткинской культуры. Такое издание уже готовится к печати. В нем найдут отражение сведения и об известных археологических комплексах в Алейской степи. При этом важно отметить, что научно-исследовательский потенциал еще имеют коллекции муниципальных музеев рассматриваемого региона Алтайского края. Они расположены в городах (Рубцовск, Змеиногорск, Горняк, Алейск), а также в районных центрах. В данной статье будут представлены предметы, которые хранятся в Краеведческом музее г. Рубцовска (рис. 1–3)[2]. Основная цель их всесторонней публикации – демонстрация результатов определения химического

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

состава изделий из цветного металла с помощью рентгенофлюоресцентного анализа для дальнейших комплексных исследований, а также выяснение происхождения и возможная культурно-хронологическая идентификация.

В 1996 г. при составлении и публикации свода памятников истории и культуры юго-западных районов Алтайского края отражена информация о материалах, обнаруженных при разрушении некрополя Веселоярск в ходе разработки щебеночного карьера (Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 152–154, рис. 37: 1, 2). По имевшимся данным, они были сданы в тогдашний Рубцовский филиал Алтайского краевого краеведческого музея и составили коллекцию № 8491/1–20 (А-4/1–20). Отмечалось, что часть находок к тому времени оказалась утрачена. Разновременный могильник располагался в местности Грива, в 1 км к северо-западу от с. Веселоярск Рубцовского района Алтайского края.

При повторной работе с указанной коллекцией оказалось, что набор раннесредневековых украшений для конского снаряжения (рис. 1 и 2) происходит из разрушенного погребения на трассе водоотводного канала, расположенного к северу от с. Бобково Рубцовского района Алтайского края. Данная информация указана на имевшейся этикетке. Там же обозначена дата (1982–1983 гг.) и размещена следующая запись: Сбруйные бляшки: тройники – 2; прямоугольные – 4; щитовидные – 2; квадратная – 1. Эти сведения существенно меняют ранее обозначенную ситуацию. Они требуют дополнительного прояснения с привлечением разных источников. Стоит только предположить, что перечисленные уточнения могли появиться благодаря известному рубцовскому краеведу Г.А. Клюкину, который открыл ряд археологических памятников, участвовал в пополнении находками местного музея и являлся экспертом при новых поступлениях (Иванов, 2022).

Артефакты, публикуемые в данной статье (рис. 1–3), исследовались с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в стационарных условиях при использовании испытательного стенда и КПК (карманный персональный компьютер). Указанный прибор неразрушающего действия предназначен для количественного определения содержания химических элементов в изделиях из цветных металлов и сплавов. Для получения необходимых результатов применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический». В свое время она была дополнительно адаптирована для изучения археологических находок. Время одного измерения составляло 30 секунд.

Процедура тестирования музейных экспонатов и демонстрация результатов выполнялись в рамках подходов, выработанных автором в ходе проведения многочисленных анализов. В самом начале необходимо изучать с помощью спектрометра поверхность изделия из цветного металла, покрытого окислами. С одной стороны, будет получен своеобразный «фоновый» набор показателей, а с другой стороны, при этом выявляется ряд элементов, на которые необходимо обратить внимание при решении возникающих вопросов (наличие возможного золочения, проявление рудных примесей, влияние окружавшей среды, уровень загрязнения и др.). Обязательным является получение результатов анализа на участках, освобожденных от окислов. Механическое снятие их, как правило, осуществляется на обратной стороне изделия, в малоприметном месте и, в основном, на одном участке. Музейные хранители часто не позволяют этого делать, опасаясь за сохранность

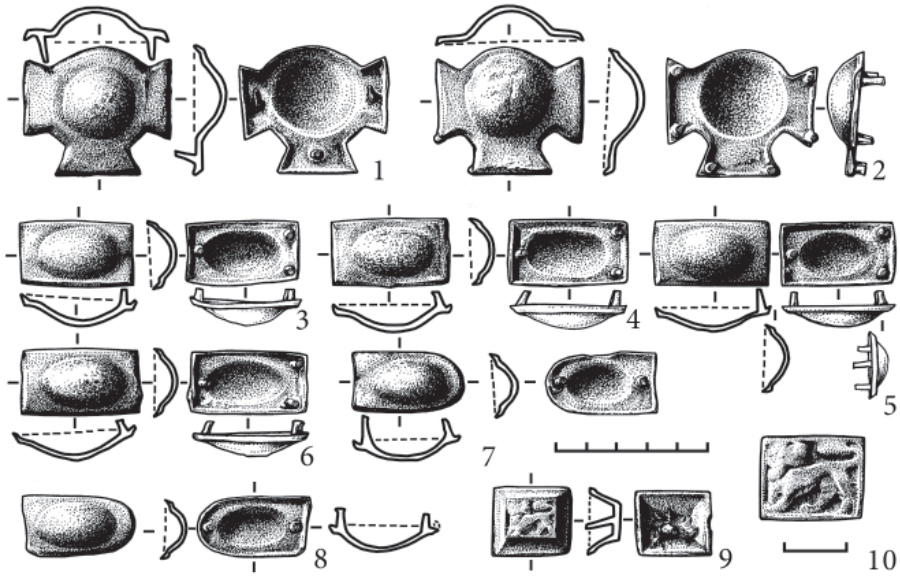


Рис. 1. Часть комплекта украшений для конского снаряжения.
Fig. 1. Part of decorations for horse equipment.

и по другим причинам. Поэтому рентгенофлюоресцентный анализ лучше осуществлять в нескольких местах до сдачи находок в музей, до реставрации или во время нее. Получение необходимого участка, освобожденного от окислов, у публикуемых находок происходило аккуратно с помощью электрической мини-дрели (со специальными насадками и разным режимом работы). Подготовительный этап при дальнейшем использовании рентгенофлюоресцентного спектрометра имеет существенное значение. От него зависят фиксируемые результаты, которые необходимы для интерпретации и сравнения, а также при формулировке заключений (Тишкин, 2020, с. 287).

Стоит отметить, что полученные показатели специально не сводились в таблицу. Осуществленная процедура рентгенофлюоресцентного анализа ниже представлена последовательно, чтобы ее понимали другие исследователи. Важно также указать, что приводимые данные в определенной мере носят предварительный или первичный характер. Для дальнейшего более углубленного изучения (например, технологии изготовления или при определении рудных источников) есть другие приборы и методы. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа зависят от ряда специфических особенностей и факторов: настройки прибора, используемые эталоны, площадь и место исследования, угол и расстояние расположения артефакта, количество сделанных определений и др. Эти и другие моменты отражены в литературе (Цветные…, 2006, с. 114–120). Важно понимать, что полученные показатели не нужно абсолютизировать. Это касается и нижеприводимых сведений. Главным является понимание тех тенденций и соотношений, которые действительно имеют место. Пока для археологов аналитика осуществляется на уровне химических и металлургических групп. Этого вполне хватает для первичного понимания определений и сравнения составов сплавов (Тишкин, 2020, с. 287).

1. Бляха-накладка (тройник) могла использоваться как распределитель ремней узды (рис. 1: 1). С обратной

Рис. 2. Раннесредневековые изделия из цветного металла.

Fig. 2. Early medieval items made of non-ferrous metal.

стороны экспоната приклеена бирка с номером: ОФ 8491/14, А-4 (рис. 2: 1). Общие размеры его 4,8×4,35 см. У рассматриваемого изделия имеются три короткие лопасти трапециевидной формы, на каждой из которых сохранилось по одному длинному шпеньку (около 0,9 см) для закрепления на кожаных ремнях. В центре имеется полусферическая выпуклость диаметром 2,7 см. Длина основания у лопастей разная: 2,45 см; 2,6 см; 2,65 см. Лопасти имеют бортики шириной (высотой) от 0,2 до 0,35 см, слегка отогнутые наружу. Выпуклина выступает на 1,1 см от своего основания. Край изделия, где нет лопасти, неровный. Лицевая поверхность изделия покрыта окислами преимущественно темно-зелено-коричневого цвета. С внутренней стороны в коррозийный слой въелся грунт, что сделал его светлее. Следует сразу указать, что подобная ситуация фиксируется на всех бляхах рассматриваемого комплекта (рис. 2), что свидетельствует о пребывании их в одинаковых условиях.

При осуществлении рентгенофлюоресцентного анализа первой бляхи-накладки (тройника) сначала тестировалась лицевая сторона (рис. 2: 1), покрытая окислами (в центр полусферы). Зафиксирован такой химический состав: Cu (медь) – 30,58%; Pb (свинец) – 54,82%; Sn (олово) – 14,43%; Fe (железо) – 0,09%; Ni (никель) – 0,08%. Аналогичным образом изучался нижний шпенек. Несмотря на то, что окислы были удалены с его торца, на общем фоне интенсивной коррозии получены результаты, которые можно рассматривать только на качественном уровне (Cu – 41,38%; Pb – 50,72%; Sn – 6,4%; Fe – 1,5%). Тем не менее они позволяют заключить, что изделие и элементы крепления отливались вместе, а несохранившаяся пластина-фиксатор делалась, вероятнее всего, из железа.

В дальнейшем с обратной стороны тройника осуществлялось снятие

окислов. При первоначальном тестировании следы коррозии все же попали в зону изучения, что отразилось на наличии заметного присутствия железа: Cu – 65,65%; Pb – 26,81%; Sn – 7,18%; Fe – 0,36%. Следующие два исследования в разных местах зачищенного участка продемонстрировали показатели, которые свидетельствуют о медно-свинцово-оловянном (Cu+Pb+Sn) сплаве: 1) Cu – 68,98%; Pb – 24,36%; Sn – 6,66%; 2) Cu – 67,1%; Pb – 25,23%; Sn – 7,67%.

2. Следующая бляха-накладка (тройник) аналогична предыдущему изделию, но имеет шесть шпеньков (по два на краях каждой лопасти) и изготовлена более качественно (рис. 1: 2). Общие размеры изделия 4,85×4,3 см, музейный номер ОФ 8491/15, А-4. Диаметр по основанию выпуклины (полусферической) около 3 см. Длина оснований трапециевидных лопастей 2,8 см (у боковых) и 2,6 см (у нижней). Высота бортиков составляет от 0,2 до 0,4 см. Высота выпуклины от ее основания – 1,2 см. Лопасти оформлены четче, чем у предыдущего тройника. Шпеньки оказались короче (от 0,5 до 0,8 см) и относительно более толстыми. Они отлиты вместе с бляхой.

Прибором зафиксированы такие результаты тестирования окисленной поверхности в центре лицевой стороны изделия: Cu – 31,43%; Pb – 57,6%; Sn – 9,85%; Fe – 1,12%. Снятие поверхностной коррозии с внутренней стороны осуществлялось на двух участках (рис. 2: 2). Сначала дважды в разных местах тестировался зачищенный край полусферы. Получены такие результаты: 1) Cu – 65,59%; Pb – 27,11%; Sn – 7,2%; Ni – 0,11%; 2) Cu – 63,35%; Pb – 29,53%; Sn – 7,12%. Затем исследовался второй участок, оформленный на лопасти: Cu – 68,34%; Pb – 24,85%; Sn – 6,81%. Перечисленные совокупности показателей устойчиво указывают на медно-свинцово-оловянный (Cu+Pb+Sn) сплав, схожий с предыдущим.

Было также предпринято тестирование окончания одного из шпеньков на фоне окисленной внутренней поверхности лопасти. Зафиксирован следующий поэлементный ряд: Cu – 62,93%; Pb – 27,91%; Sn – 8,57%; Fe – 0,59%. Аналогичным образом исследовался еще один шпенек, но ближайших окислов оказалось больше: Cu – 54,51%; Pb – 35,9%; Sn – 6,64%; Fe – 2,95%. Эти данные, несмотря на качественный характер результатов, подтверждают ранее высказанное заключение о том, что шпеньки отливались сразу с бляхой, а пластины-фиксаторы могли быть железными, но не сохранились.

Следующие четыре бляхи-накладки (рис. 1: 3–6; 2: 3–6) подпрямоугольной формы с тремя шпеньками, отогнутыми бортиками и с крупной овальной выпуклиной (выпуклостью) оказались практически одинаковыми. Их тестирование осуществлялись по одному и тому же алгоритму.

3. Бляха-накладка имеет музейный номер ОФ 8491/10, А-4 (рис. 1: 3; 2: 3). Общие размеры ее 3,8×2,3 см. Длина шпеньков 0,5–0,6 см. Высота бортиков, имеющих сломы в отдельных местах, составляет 0,3–0,4 см. Размеры выпуклости: 2,8×1,9×1 см. Результаты тестирования центра окисленной лицевой поверхности изделия такие: Cu – 20,7%; Pb – 68,05%; Sn – 11,09%; Fe – 0,16%. На небольшом участке с обратной стороны, где отпала корка коррозии, производилась зачистка и дальнейшее тестирование. Полученные показатели продемонстрировали уже ранее выявленный медно-свинцово-оловянный сплав (Cu+Pb+Sn): Cu – 64,58%; Pb – 28,5%; Sn – 6,92%.

4. Бляха-накладка с музейным номером ОФ 8491/9, А-4 (рис. 1: 4; 2: 4) имеет следующие общие размеры: 3,9×2,3 см. Ее отличает длина шпеньков (0,7–0,9 см). Высота бортиков

оказалось около 0,35 см. Параметры выпуклости: 2,9×2,0×0,85 см. Результаты тестирования центра окисленной лицевой поверхности изделия такие: Cu – 14,39%; Pb – 84,41%; Sn – 0,65%; Fe – 0,55%. На участке, частично освобожденном от коррозии, в двух разных местах прибором получены следующие показатели: 1) Cu – 70,56%; Pb – 19,49%; Sn – 9,8%; Fe – 0,15%; 2) Cu – 71,67%; Pb – 18,83%; Sn – 9,38%; Ni – 0,12%. Они также указывают на медно-свинцово-оловянный сплав. Производилось тестирование защищенного торца одного шпенька на фоне частично снятых окислов. Полученные результаты указывают на то, что изделие отливалось вместе с элементами крепления, а пластина-фиксатор могла быть из железа: Cu – 61,35%; Pb – 27,95%; Sn – 9,97%; Fe – 0,73%.

5. Бляха-накладка с музейным номером ОФ 8491/7, А-4 (рис. 1: 5; 2: 5), имеет следующие общие размеры: 3,8×2,3 см. У бортиков видны утраты, средняя высота их составляет 0,35 см. Длина шпеньков 0,6–0,7 см. Размеры выпуклости: 2,9×1,9×0,8 см. Тестирование лицевой стороны бляхи-накладки, покрытой окислами, позволило получить следующие результаты: Cu – 13,55%; Pb – 77,11%; Sn – 9,11%; Fe – 0,23%. Частичное удаление поверхностной коррозии осуществлялось в углу изделия с обратной стороны. Эти данные количественно отличаются от предыдущего поэлементного ряда и демонстрируют медно-свинцово-оловянный сплав: Cu – 56,57%; Pb – 36,1%; Sn – 7,23%; Ni – 0,1%.

6. Бляха-накладка с музейным номером ОФ 8491/8, А-4 (рис. 1: 6; 2: 6), имеет следующие общие размеры: 3,9×2,3 см. Средняя высота бортиков составляет 0,35 см. Длина шпеньков 0,5–0,7 см. Параметры выпуклины такие: 2,9×2,0×0,85 см. Результаты тестирования центра окисленной лицевой поверхности следующие: Cu – 21,92%; Pb – 67,02%; Sn – 9,12%; Fe – 1,62%; Ti (титан) – 0,32%. Снятие коррозии осуществлялось в углу с обратной стороны бляхи. Прибором зафиксированы такие показатели: Cu – 67,98%; Pb – 26,41%; Sn – 5,5%; Ni – 0,11%. Они указывают на медно-свинцово-оловянный сплав.

Еще две бляхи-накладки из рассматриваемого комплекта имеют другую форму, похожую на воинский щит (рис. 1: 7, 8; 2: 7, 8). У них по два крупных шпенька, отогнутые бортики и овальные выпуклости, похожие на те, которые были у предыдущих четырех изделий.

7. Бляха-накладка с музейным номером ОФ 8491/11, А-4 (рис. 1: 7; 2: 7), имеет следующие общие размеры: 3,8×2,1 см. На бортиках высотой 0,25–0,35 см видны сломы. Длина шпеньков 0,8 и 1 см. Параметры выпуклина такие: 2,8×1,6×0,85 см. Результаты тестирования спектрометром лицевой поверхности находки следующие: Cu – 10,0%; Pb – 82,09%; Sn – 7,15%; Fe – 0,76%. Исследование прибором участка, где удалялась коррозия, позволила получить три показателя: Cu – 59,48%; Pb – 31,15%; Sn – 9,37%.

8. Бляха-накладка с музейным номером ОФ 8491/12, А-4 (рис. 1: 8; 2: 8), имеет следующие общие размеры: 3,7×2,05 см. Основание с бортиком отломано. Длина шпеньков 0,7 см. Высота бортиков 0,3–0,35 см. Параметры выпуклости: 2,7×1,6×0,85 см. Химический состав окисленной поверхности изделия оказался таким: Cu – 28,72%; Pb – 50,74%; Sn – 20,44%; Fe – 0,1%. На участке, где были механически удалены следы коррозии, зафиксированы следующие результаты: Cu – 54,04%; Pb – 39,51%; Sn – 6,44%. Они, как и во всех предыдущих случаях, демонстрируют медно-свинцово-оловянный сплав.

9. Следующая бляха-накладка имеет музейный номер ОФ 8491/13, А-4

(рис. 1: 9, 10; 2: 9, 10). Она подквадратной формы, с высокими бортиками, отогнутыми наружу, и с одним центральным шпеньком. На лицевой стороне видно нечеткое изображение крупного кошачьего зверя. Размеры бляхи по основанию составляют 2,5×2,35 см, по верхней площадке с изображением – 1,7×1,45 см. Высота бортиков 1,1 см. Шпенек оказался длиной около 1 см. Вокруг его основания металлическая поверхность деформирована, вероятнее всего при отливке металла. Видны элементы подготовки формы. Окисленная лицевая поверхность изделия имеет такой химический состав: Cu – 44,47%; Pb – 30,76%; Sn – 24,62%; Fe – 0,1%; Ni – 0,05%. Участок, освобожденный от коррозии на одном из бортиков, тестировался трижды в разных местах. Последовательно получены следующие результаты: 1) Cu – 63,86%; Pb – 24,67%; Sn – 11,39%; Ni – 0,08%; 2) Cu – 70,26%; Pb – 19,65%; Sn – 9,98%; Ni – 0,11%; 3) Cu – 62,24%; Pb – 25,01%; Sn – 12,64%; Ni – 0,11%. Кроме этого, дополнительно исследовался зачищенный торец шпенька на фоне окислов. Полученный результат может рассматриваться только на качественном уровне: Cu – 55,53%; Pb – 31,1%; Sn – 11,89%; Fe – 1,48%. Он также подтверждает уже выявленную особенность изготовления блях со шпеньками и вероятное использование железной пластины-фиксатора для более надежного крепления.

Представленный комплект бронзовых блях, украшавших конскую узду (рис. 1 и 2), может быть отнесен к шадринцевскому этапу сросткинской культуры и датирован в пределах второй половины X – первой половина XI вв. на основании ранее осуществленной периодизации (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 57) и имеющейся ближайшей аналогии (Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 56, рис. 35). Все изделия были изготовлены из медно-свинцово-оловянного сплава, характерного для указанного периода (Тишкин, 2020).

Изучению украшений конского снаряжения из цветных металлов, обнаруженных в ходе раскопок памятников сросткинской культуры, уже посвящено существенное число публикаций, в том числе монографий (Король, 2008; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; и др.). Даны определения химического состава разных находок, отражены особенности технологий изготовления, рассмотрены варианты декора и т. д. (Тишкин, 2020). Представленные выше результаты дополняют ранее осуществленные исследования. Особое внимание стоит уделить изображению зверя (льва?), так как зооморфные изображения редки для торевтики из раннесредневековых памятников юга Обь-Иртышского междуречья.

Следующая группа предметов в музейном собрании состоит в основном из разрозненных находок, которые тоже есть смысл ввести в научный оборот и опубликовать результаты рентгенофлюоресцентного анализа. Большинство этих предметов, скорее всего, происходят из сборов, которые делали местные краеведы на разрушенных памятниках юго-западных районов Алтайского края. Их последовательная нумерация в описании будет дана в соответствии с подготовленной иллюстрацией (рис. 3). Сначала стоит представить две целые бляхи-накладки пятиугольной формы. Они имеют продолжающиеся номера ранее представленной коллекции ОФ 8491, но, вероятнее всего, с ними не связаны. Это косвенно подтверждает внешний вид, а конкретнее – полученные результаты рентгенофлюоресцентного анализа. Не стоит исключать, что именно эти изделия происходят из разрушенного погребения у с. Веселоярск. Вероятность отнесения некоторых других находок

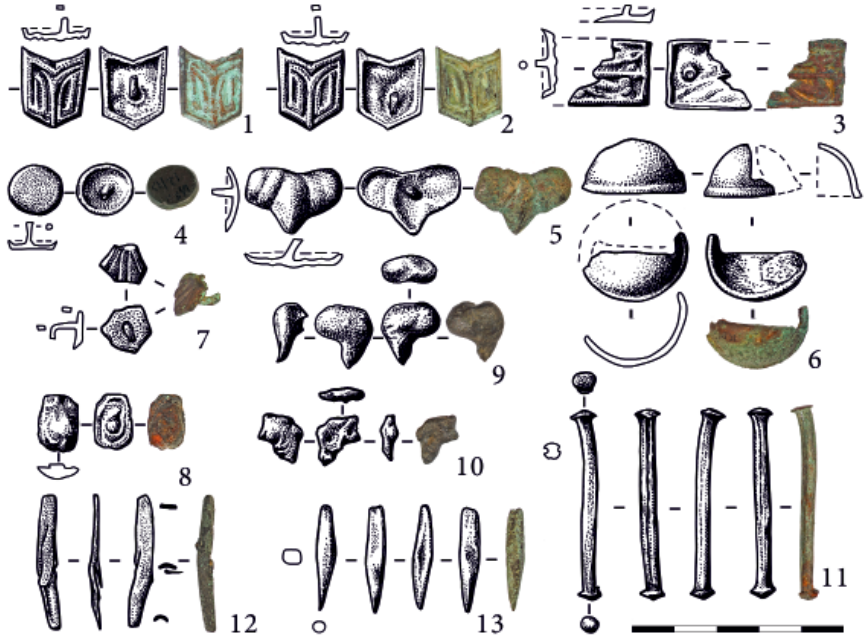


Рис. 3. Разные археологические находки из Краеведческого музея г. Рубцовска.
Fig. 3. Various archaeological finds from the Rubtsovsk museum of regional studies.

рассматриваемой группы (рис. 3: 3–7) к раннему Средневековью более очевидна, чем остальных, хотя не стоит исключать такую возможность.

1. Пятиугольная бляха-накладка с геометрическим орнаментом (ОФ 8491/18, А-4) со шпеньком, который загнут к V-видному основанию (в обратную сторону от носика), имеет такие общие размеры: 1,9×1,55 см (рис. 3: 1). Бортики (высотой 0,35 см) слегка отогнуты наружу. Окислы бледно-зеленого цвета. Есть потертости на лицевой стороне, при тестировании которой получены следующие результаты: Cu – 88,55%; Pb – 6,68%; Zn (цинк) – 3,44%; Fe – 0,65%; As (мышьяк) – 0,35%; Sn – 0,33%. Для выявления более объективных данных был подготовлен участок на краю одного из бортиков путем механического снятия окислов. Стоит отметить, что коррозия уже проникла глубже обозначившейся поверхности. Прибор зафиксировал такой поэлементный ряд: Cu – 87,67%; Zn – 7,95%; Pb – 3,69%; Sn – 0,53%; Fe – 0,16%. Аналогичным образом для исследований оформлялось другое место с обратной стороны изделия. Его изучение продемонстрировало числовые показатели, близкие к предыдущим данным: Cu – 83,15%; Zn – 13,23%; Pb – 2,99%; Sn – 0,38%; Fe – 0,19%; Ni – 0,06%. Полученные данные позволяют сделать заключение о наличии медно-цинково-свинцового сплава (Cu+Zn+Pb), который может рассматриваться как простая латунь. Подобная ситуация уже отмечалась при исследовании аналогичных материалов сросткинской культуры (Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 53–55). Другие перечисленные химические элементы могли быть рудными примесями (мышьяк) и символической добавкой (олово), а также остатками окислов с загрязнениями (железо, никель).

2. Еще одна пятиугольная бляха-накладка с геометрическим орнаментом (ОФ 8491/17, А-4) имеет аналогичные

размеры (рис. 3: 2). Отличается только тем, что шпенек загнут к носику. Похожие, но позолоченные находки были сделаны при раскопках одиночного кургана Грань, который датируется второй половиной X – первой половиной XI в. н. э. (Горбунов, Тишкин, 2020, с. 30, 71–73, рис. 28: 5). Более близкая аналогия найдена на памятнике Поспелихинский (Горбунов, Тишкин, 2020, рис. 119: 22).

Тестирование прибором лицевой поверхности, покрытой окислами, обозначило такой химический состав: Cu – 87,46%; Pb – 6,7%; Zn – 4,22%; Fe – 0,83%; As – 0,48%; Sn – 0,31%. Участок, частично очищенный от коррозии, был оформлен с обратной стороны в одном из углов. В двух разных местах получены следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа: 1) Cu – 82,79%; Zn – 13,92%; Pb – 2,72%; Sn – 0,26%; Fe – 0,21%; Ni – 0,1%; 2) Cu – 82,36%; Zn – 14,43%; Pb – 2,64%; Sn – 0,29%; Fe – 0,19%; Ni – 0,09%. Они также демонстрируют медно-цинково-свинцовый сплав, схожий с предыдущим, что указывает на одновременность изготовления блях-накладок.

3. Фрагмент бляхи-накладки с частично отломанным шпеньком (высотой 0,2 см) не имеет музейного номера. Лицевая сторона изделия была орнаментирована. Размеры находки такие: 1,9×1,65×0,3 см. Сначала тестировалась лицевая поверхность, покрытая окислами. Зафиксированы следующие показатели: Cu – 75,91%; Sn – 12,24%; Zn – 6,54%; Pb – 4,83%; Fe – 0,39%; Ni – 0,09%. Затем дважды исследовался частично зачищенный участок в углу с обратной стороны: 1) Cu – 83,92%; Sn – 8,34%; Zn – 5,19%; Pb – 2,09%; Fe – 0,34%; Ni – 0,12%; 2) Cu – 85,76%; Sn – 7,77%; Zn – 4,57%; Pb – 1,55%; Fe – 0,27%; Ni – 0,08%. Эти данные указывают на сложную латунь (Cu+Sn+Zn+Pb). Аналогичные сплавы отмечались при изучении этим же прибором блях-накладок из кургана Поповская Дача (Тишкин, 2020, с. 299), который датируется первой половиной XI в (Горбунов, Тишкин, с. 104).

4. Круглая маленькая бляха-накладка с длинным шпеньком, плоская и без орнамента (рис. 3: 4). На лицевой стороне черной тушью написаны буквы и цифры, которые с трудом распознаются (ИКП 12/73?). Диаметр «шляпки» оказался около 1,25 см (края неровные), высота бортика – почти 0,2 см, длина шпенька 0,6 см. Тестирование поверхности, покрытой патиной, выявило такие результаты: Cu – 79,81%; Pb – 8,28%; Sn – 7,89%; Zn – 3,63%; Fe – 0,33%; Ni – 0,06%. На участке, где удалялись окислы, зафиксированы следующие показатели: Cu – 83,54%; Pb – 7,26%; Zn – 4,9%; Sn – 4,16%; Fe – 0,07%; Ni – 0,07%. Они указывают на медно-свинцово-цинково-оловянный сплав (сложная латунь) и позволяют отнести публикуемое изделие к периоду раннего Средневековья.

5. Сердцевидная бляха с перехватами и одним шпеньком в центре (рис. 3: 5) также не обозначена музейным номером. Ее размеры 2,35×1,7×0,3 см. Длина шпенька 0,6 см. Сначала спектрометром исследовалась лицевая поверхность, покрытая окислами. Получен такой поэлементный ряд: Cu – 36,59%; Pb – 41,23%; Sn – 21,62%; Fe – 0,56%. Снятие окислов осуществлялось на обратной стороне находки. Тестирование этого участка предпринималось дважды в разных местах. Прибором зафиксированы следующие показатели: 1) Cu – 59,75%; Pb – 30,52%; Sn – 9,65%; Ni – 0,08%; 2) Cu – 60,53%; Pb – 30,16%; Sn – 9,31%. Указанные результаты имеют очень близкое сходство с данными рентгенофлюоресцентного анализа, полученными при изучении уже представленного выше комплекта украшений конской узды. Такая си-

туация позволяет предположить, что сердцевидная бляха, возможно, происходит с того же разрушенного погребения и датируется тем же периодом.

6. Фрагмент полусферы (рис. 3: 6) размерами 2,55×1,6×0,2 см. Его трудно идентифицировать. Номера не имеет. Получены следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа при исследовании участка, где частично снимались окислы: Cu – 71,91%; Sn – 24,27%; Pb – 2,01%; Fe – 1,72%; Ni – 0,09%. Они свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве. Повышенное содержание железа может указывать на то, что данный фрагмент долгое время соприкасался с другим металлическим предметом.

7. Фрагмент бляхи-накладки с остатками орнамента в виде резных линий и с загнутым шпеньком (рис. 3: 7). Музейного номера не имеет. Размеры такие: 1,1×1,1×0,25 см. Длина шпенька примерно 0,8 см. Спектрометром исследовался участок слома. Получены такие результаты: Cu – 96,16%; Pb – 3,7%; Ni – 0,14%. Медно-свинцовый сплав и фрагментарность изделия не позволяют выполнить детальную культурно-хронологическую идентификацию. Можно лишь предположить, что изделие произведено в период раннего Средневековья.

8. Обломок железной пластины (рис. 3: 8). Приводится в данном перечне как возможная демонстрация неоднократно упомянутого фиксатора, хотя не исключены другие разные варианты. Музейного номера не имеет. Размеры такие: 1,1×0,95×0,2 см. То, что предмет железный, подтвердили результаты рентгенофлюоресцентного анализа: Fe – 98,76%; Cu – 0,76%; Co – 0,48%.

9. Каплевидный сплеск металла (рис. 3: 9) размерами 1,5×1,35×0,75 см. Музейного номера не имеет. Тестировался участок, частично освобожденный от поверхностных окислов. Зафиксирован такой поэлементный ряд: Cu – 49,63%; Ag (серебро) – 40,89%; Zn – 4,62%; Pb – 2,73%; Sn – 1,46%; Bi – 0,33%; As – 0,17%; Fe – 0,17%. Возможно, что в данном случае мы имеем дело со следами переплавки. Хотя не исключено, что такая рецептура могла использоваться при изготовлении изделий в эпоху Средневековья. Можно привести факт зафиксированного близкого состава при изучении бляхи-накладки из памятника сросткинской культуры Грань (Тишкин, 2020, с. 290).

10. Еще один сплеск (рис. 3: 10) размерами 1,25×1,05×0,45 см. У него также нет музейного номера. Получены показатели химического состава, схожие с предыдущими: Ag – 51,35%; Cu – 42,51%; Pb – 1,91%; Sn – 1,78%; Zn – 1,68%; Fe – 0,46%; As – 0,31%. По всей видимости, оба сплеска происходят с одного места.

11. Стержень с расклепанными концами (рис. 3: 11). Данное изделие могло использоваться в качестве соединителя (например, частей деревянных ножен для меча). Длина находки составляет 4,6 см, диаметр в центре – около 0,3 см. На участке, где были удалены поверхностные окислы, прибором зафиксирован медно-свинцовый сплав: Cu – 98,66%; Pb – 1,34%.

12. Фрагмент плоской и деформированной проволоки (?) (рис. 3: 12). Длина его 3,25 см, ширина 0,35 см (в центре), толщина 0,15 см. Для тестирования от окислов освобождался небольшой участок. Полученные данные (Cu – 98,2%; Sn – 1,56%; Pb – 0,24%) свидетельствуют о бронзовом сплаве.

13. Обломок шила четырехгранной в разрезе формы с заточенным острием (рис. 3: 13). Длина находки 2,45 см. Размеры в центре 0,4×0,4 см (к слому они уменьшаются). Судя по результату рентгенофлюоресцентного анализа

(Cu – 99,89%; Pb – 0,11%), универсальное орудие труда было медным.

В заключение необходимо отметить, что осуществленный рентгенофлюоресцентный анализ позволил не только определить химический состав сплавов, из которых были сделаны обнаруженные предметы, но и решать отдельные вопросы культурно-хронологического плана. Весь массив сведений будет способствовать дальнейшему изучению археологии такого региона, как Алейская степь.

Примечание:

[2] Графические изображения, публикуемые в данной статье, подготовлены А.Л. Кунгуровым, а фотоснимки выполнены автором.

[3] Все параметры, приводимые в статье, получены с использованием механического штангенциркуля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алехин Ю.П., Кунгуров А.Л., Шевская О.В.* Достояние земли Змеиногорской (археологическое и историческое наследие). Барнаул: Пять плюс, 2013. 184 с.
2. *Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Курганы сросткинской культуры на Приобском плато / Археологические памятники Алтая. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.
3. *Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В.* Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.
4. *Иванов Г.Е.* Памяти краеведа Г.А. Клюкина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 227–236. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.32
5. *Король Г.Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.
6. *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
7. *Тишкин А.А.* Рентгенофлюоресцентный анализ находок из памятников сросткинской культуры, исследованных экспедициями АГУ на Приобском плато в 1997–2004 гг. // Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато / Археологические памятники Алтая. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 286–302.
8. *Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г.* Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА, 2011. 136 с.
9. *Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А.* Рубцовский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 149–166.
10. *Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Вост. лит., 2008. 192 с.: ил.

Информация об авторе:

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

EARLY MIDDLE AGES FINDS FROM THE SOUTHWESTERN PART OF THE ALEI STEPPE: X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS AND CULTURAL AND CHRONOLOGICAL IDENTIFICATION (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUBTSOVSK MUSEUM OF REGIONAL STIDIES)

A.A. Tishkin

In the Alei Steppe (south of Western Siberia) there is a significant number of burial sites that reflect the military-political, ethnic and cultural processes in the early Middle Ages. Due to the significant reduction of excavations of such archaeological complexes in Altai Krai, the need to study the collections in municipal museums has become apparent. The Rubtsovsk museum of regional studies has a small collection of finds from destroyed burials

This work was supported by the Russian Science Foundation (РНФ) project No. 22-18-00470 “The world of the ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy”).

and campsites. Among them there is a series of items made of non-ferrous metal dating back to the Early Middle Ages and belonging to the Srostki culture. These artefacts are introduced into the scientific duscourse for the first time in full together with the results of X-ray fluorescence analysis. They expand the source base for the study of horse equipment decorations. The article also demonstrates separate chance finds. Similar work should be carried out in museums of other nearby towns and district centres.

Keywords: archaeology, Alei Steppe, Early Middle Ages, museum, collection, chance finds, X-ray fluorescence analysis.

REFERENCES

1. Alekhin, Yu. P., Kungurov, A. L., Shevskaya, O. V. 2013. *Dostoyanie zemli Zmeinogorskoy (arkheologicheskoe i istoricheskoe nasledie) (The treasure of the Zmeinogorsk land (archaeological and historical heritage))*. Barnaul: "Pyat' plyus" Publ. (in Russian).
2. Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (The Kurgans of the Srostkinskaya Culture on the Priobskoe Plateau).* Series: Arkheologicheskie pamyatniki Altaya (Archaeological Sites of Altai) 6. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
3. Gorbunova, T. G., Tishkin, A. A., Khavrin, S. V. 2009. *Srednevekovye ukrasheniia konskogo snariazheniia na Altae: morfologicheskii analiz, tekhnologii izgotovleniia, sostav splavov (Medieval Adornments of Horse Harness in Altai: Morphological Analysis, Manufacturing Technologies, Alloy Composition)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
4. Ivanov, G. E. 2022. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 28. Barnaul: Altai State University Publ., 227–236 (in Russian).
5. Korol', G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* (*The Art of the Medieval Eurasian Nomads. Essays).* Series: Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) V. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
6. Mogil'nikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh (The Nomads of the north-west foothills of the Altai of the IX-XI centuries B.C.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Tishkin, A. A. 2022. In Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (The Kurgans of the Srostkinskaya Culture on the Priobskoe Plateau).* Series: Arkheologicheskie pamyatniki Altaya (Archaeological Sites of Altai) 6. Barnaul: Altai State University Publ., 286–302 (in Russian).
8. Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Gorbunova, T. G. 2011. *Altay v epokhu srednevekov'ya: illyustrirovannyy istoricheskiy atlas (Altai in the Middle Ages: an illustrated historical atlas).* Barnaul: "ARTIKA" Publ. (in Russian).
9. Tishkin, A. A., Kiryushin, Yu. F., Kazakov, A. A. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraya (Historical and cultural sites of the south-western districts of Altai Krai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 149–166 (in Russian).
10. Konovalov, A. A., Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. 2008. *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

About the Author:

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Altai State University; Lenin Ave. 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Статья принята в номер 11.07.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.204.214

ИЗМЕНЕНИЯ СНАРЯЖЕНИЯ ЛУЧНИКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ IX–X ВВ. В СВЕТЕ ДАННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НАБЛЮДЕНИЙ[1]

© 2025 г. А. Тюрк, А.Ш. Вилхелм, Ш. Паку

Роговые накладки-пластины для укрепления луков, появившиеся в гуннский период, к IX–X векам претерпели значительные изменения. Существует мнение, что они появились для усиления отдельных частей конструкции, а затем, в связи с усовершенствованием методов сборки, перестали использоваться. Вероятно, синхронно с этими конструктивными изменениями появилось налучье для длительного ношения оружия в готовом (натянутом) для выстрела положении. Это не только избавляло владельца лука от необходимости натягивать тетиву, но и давало значительное боевое преимущество.

Ключевые слова: археология, лук древних венгров, снаряжение лучника, роговая пластина, усилие на сдвиг, плоское соединение, резьба, налучье, горит, Средневековье.

Введение и историография. К IX–X векам конструкция луков претерпела значительные изменения (рис. 1: I и II) (Круглов, 2004; Круглов, 2005; Mikhailov, Kainov, 2011, p. 230), которые более всего коснулись развития накладок-пластин. Например, размер их в области рукояти уменьшается, а фронтальная (обращенная к цели во время стрельбы) пластина исчезает, тыльная же обычно уменьшается до короткой полоски или исчезает вовсе (Биро и др., 2009). Хотя их отсутствие в погребениях может быть связано с тем, что их теряли или они разлагались в земле, в случае таких маленьких роговых предметов это может объясняться и самим погребальным обрядом. Адам Биро предполагал, что в некоторых случаях в погребение клали не весь лук, а только роговые пластины с ритуальным назначением (Bíró, 2013).

Источники и проблематика. Форма боковых пластин также трансформируется: прежние длинные их детали, сужающиеся к фронтальному краю, становятся короче и с более изогнутыми концами (хотя во многих случаях также наблюдается асимметричное смещение их кончиков к фронтальному краю) (рис. 2). Тем же тенденциям были подвержены и концевые роговые пластины луков. Кроме того, исчезают фронтальные накладки, а тыльные экземпляры известны только из рогов. По ранним материалам нам известно, что широкие, массивные и асимметричные боковые пластины могли существовать в более тонких и симметричных вариантах, тем не менее их форма также меняется. Их аксиально изогнутые нижние концы исчезают и обычно заканчиваются прямой или изогнутой линией. Появляется так называемая форма «кривая головка» (рис. 2) (Békés-Povádzug (Бекеш-Повадзуг, Венгрия), погр. 45 (Bencsik, Borbély, 2014)) с заметным сужением на несколько сантиметров ниже шейки.

Эти изменения, вероятно, были вызваны эволюцией конструкции лука и особенностями его эксплуатации. Напряжение, действующее на лук при его натяжении, можно объяснить двумя составляющими: 1) давлением на стержень (тянущие

[1] Исследование проведено в рамках проекта PPKE-BTK-KUT-23, PPKE-BTK-23 Mester és Tanítványa и программы HUN-REN BTK MŐK 2024-2026.

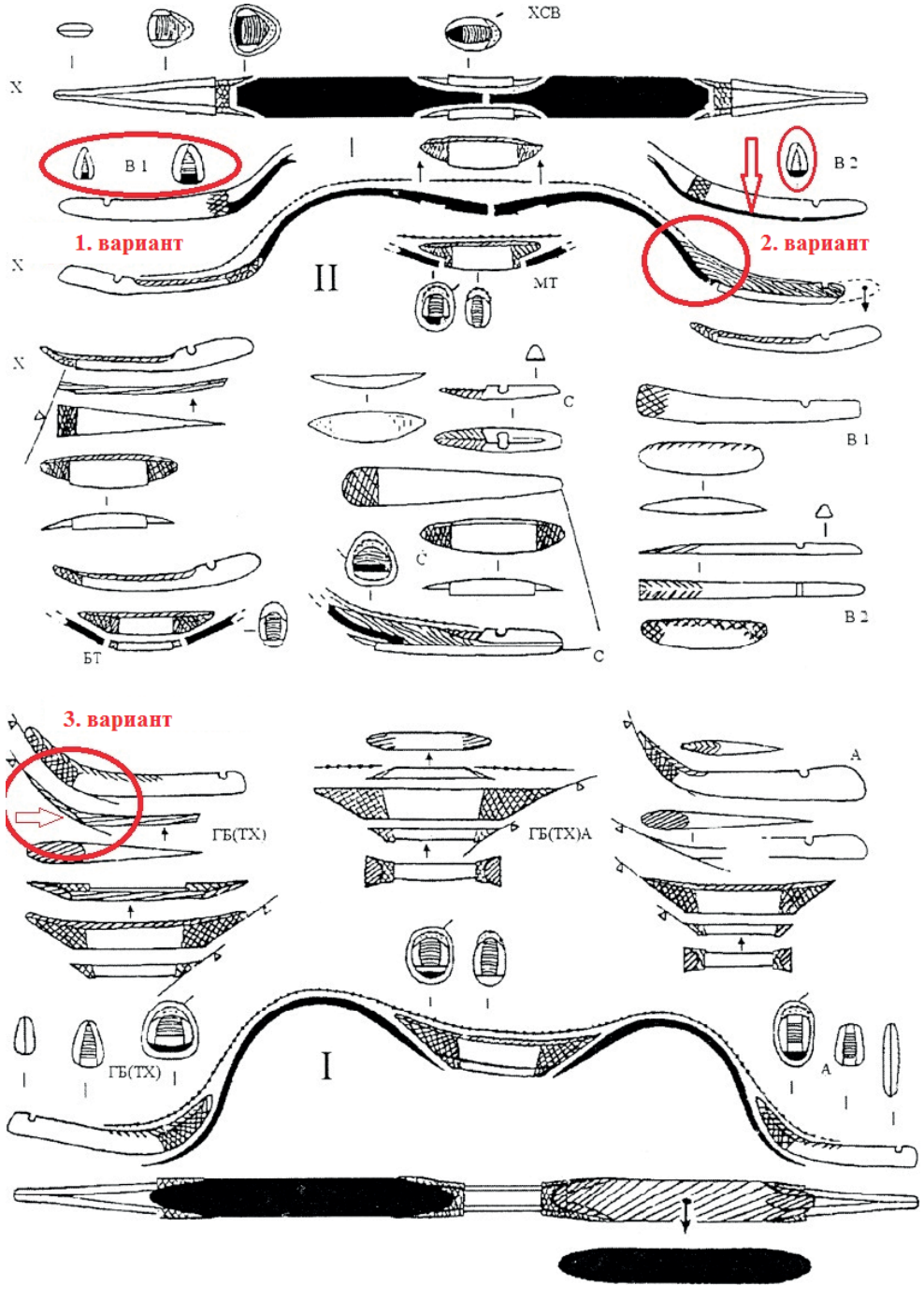


Рис. 1. Технологическое развитие восточноевропейского лука в эпоху великого переселения народов и в раннем средневековье. На верхней части рисунка изображены боковая и тыльная рисунки конструкции луков IX–X вв. и их детали. На нижней части изображены боковая и тыльная рисунки конструкции аварских луков и их детали (Круглов, 2005, рис. 2).

Fig. 1. Technological development of the East European bow during the Great Migration of Peoples and the early Middle Ages. The upper part of the figure shows drawings of the side and back views and cross sections of different parts of bows of the IX–X centuries. The lower part shows the same for Avar bows (Kruglov, 2005, fig. 2).

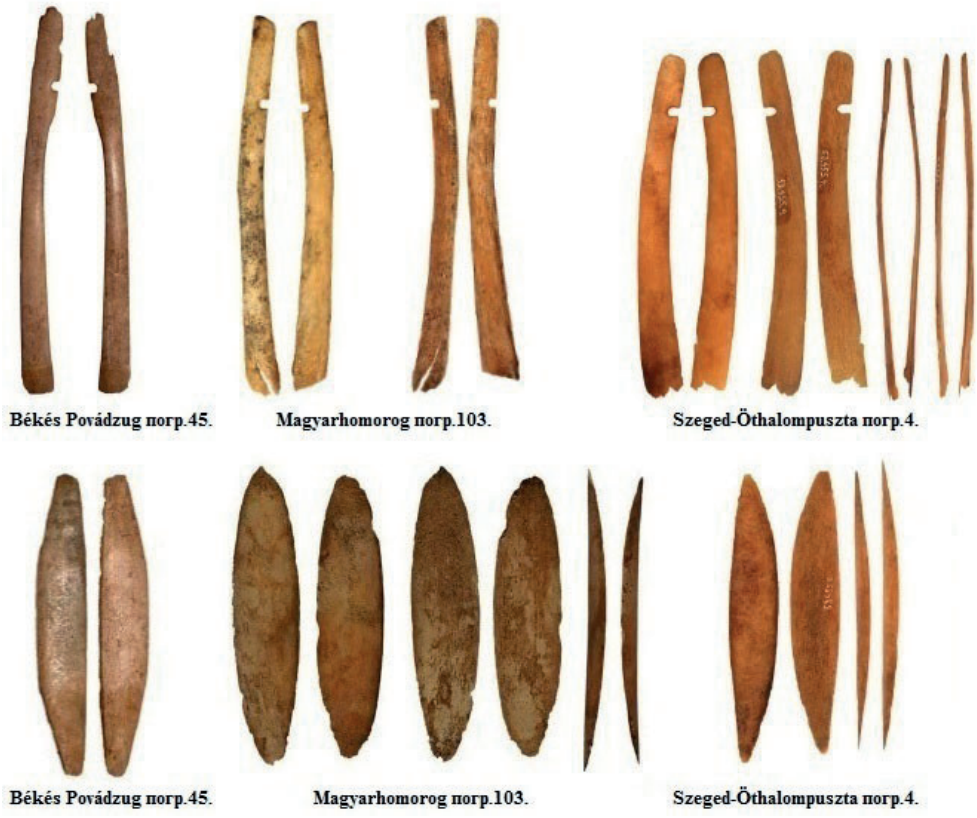


Рис. 2. Пластины луков эпохи завоевания родины. Нужно отметить, что в случае как с рукоятью, так и с концевыми рогами использовались только две боковые пластины, причем нижние части пластин рогов лука заканчиваются косой линией и не острием (Bencsik, Borbély, 2014, 4, 7–8).

Fig. 2. Plates of bows from the era of the conquest of the homeland. It should be noted that in the case of both the grip and ears, only two side plates were used. The base of the ear plates end in an oblique line and not in a point (Bencsik, Borbély, 2014, 4, 7–8).

или давящие силы); 2) перпендикулярные им сдвигающие силы. Природные клеи хорошо сопротивляются сдвигающим силам, но плохо сопротивляются тянущим силам. Вероятно, эта слабость в конструкции оправдывала использование накладок-пластин при изготовлении сложносоставных луков. Поскольку, когда два куска дерева склеены вместе в плоском виде и подвергаются растяжению, разделение склейки можно предотвратить, приклеив две дополнительные пластины, которые перпендикулярны плоскости клея. Такие пластины эффективнее сопротивляются сдвигающим силам (Paku, 2014; Paku, 2015). У скифских луков такой проблемы не было, так как их внутренняя структура содержала как деревянные, так и роговые пластины, установленные по краям, нивелируя этот недостаток. Кроме этого, они были так же плотно перевязаны сухожилиями снаружи по всей длине, что тоже сохраняло цельность конструкции. Напротив, внутренняя структура лука начиная с гуннского времени полностью меняется.

Обсуждение. В частности, посередине появляется так называемая деревянная основа из одного или двух, склеенных вместе у рукояти, кусков (Bíró, Bencsik, 2014). Спереди (со стороны цели) приклеивался пучок

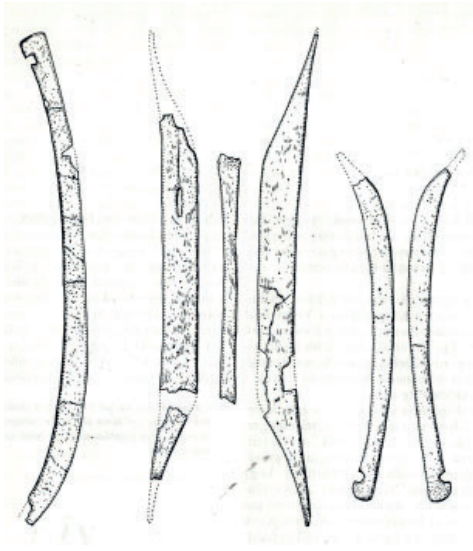


Рис. 3. Пластины луков гуннской эпохи. Хорошо видны пластины рукояти, переходящие в остриё, и длинные, изогнутые пластины концеыйх рогов (Bóna, 1993, 10).

Fig. 3. Plates of bows of Hunnic period. Well visible are the side grip plates, passing into the point and the long curved plates of the ears (Bóna, 1993, 10).

сухожилий, а с тыльной стороны – роговые пластины. Их центральная часть (рукоять) более широкая, в противном случае она усиливалась путем приклеивания дополнительной деревянной рейки, а на обоих концах формировался так называемый рог. Это крепление склеивалось «в замок», но если древесины не хватало, то дополнительные накладки приклеивали и здесь. Боковые пластины рукояти из рога склеивались перпендикулярно к плоскости среза/спила (рис. 3) (Bóna, 1993, p. 10), что давало дополнительное сопротивление при натяжении (рис. 4).

Тыльная пластина рукояти, с одной стороны, поддерживала роговые пластины, что не позволяло им прижиматься друг к другу, с другой – при натяжении вероятность поломки лука уменьшалась до минимума (устное сообщение Шандора Паку). Также, в дополнение к фронтальной пластине, она перевязывалась сухожилиями, чтобы еще больше предотвратить расклеивание и поломку рукояти. Следы сухожильной обвязки встречаются на внешней стороне у находок таких пластин рукоятей в виде тщательного рифления почти на трети их концов (рис. 5) (Balogh, 2016). Это рифление могло увеличить поверхность склеивания и, следовательно, прочность клейки обвязки. Подобное рифление находилось на всей внутренней стороне роговых пластин.

С концевыми рогами луков дело несколько сложнее. Мы предполагаем, что рога гуннских и аварских луков либо изготавливались из самой деревянной основы через сгибание, и потом их укрепляли деревянной рейкой, либо отдельно формированный элемент приклеивался внахлест к концу плеча лука, на фронтальной стороне деревянной основы. Поскольку, когда лук натянут, место склейки также подвержено натяжению, а использование роговых пластин, приклеенных по бокам, сделало конструкцию более прочной (рис. 4). Эти боковые пластины из оленьего рога изогнуты вдоль двух сторон изгиба, начиная от прямого участка плеча, а затем вдоль прямого участка рога. На роговых пластинах видно, что изогнутый участок становится более выраженным начиная с гуннского периода, а значит, увеличивается начальное напряжение лука. На тыльной стороне рога лука уже в гуннский период появилось усиление из рога или оленьего рога (рис. 6), которое у аварских луков уже стало массивным тыльным и фронтальным усилением из оленьих рогов, также защищавшим рога лука от поломки.

Приклеить жесткую роговую пластину с обеих сторон плеча лука не удавалось, но это и не требовалось, так как при натяжении лука в месте склейки деревянной основы и рога действует сжимающая сила, которая,

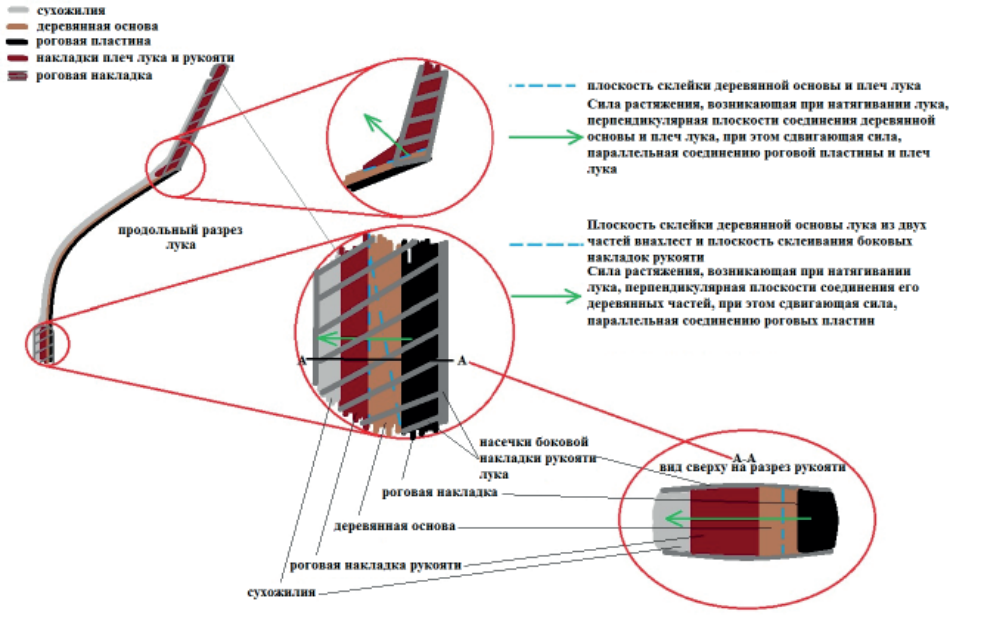


Рис. 4. Схема сложносоставного лука и силы, действующие на него при натягивании (с рисунка А.Ш. Вилхелма).

Fig. 4. Schematic diagram of the base of the ear and the grip of a hornbow and the forces acting on it during draw (Drawing by A. S. Wilhelm).

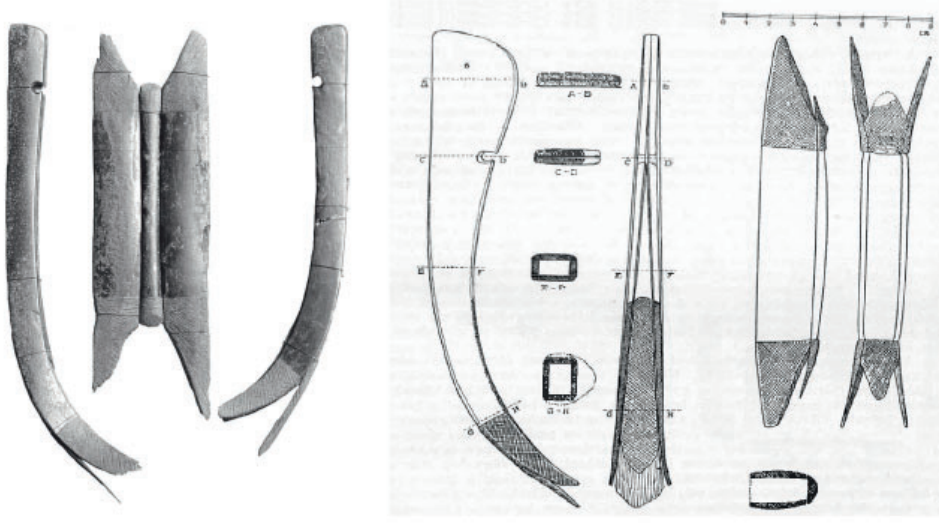


Рис. 5. Пластины лука аварского периода из Сегед-Фехерто А (Szeged-Fehértó A, Венгрия), погр. 26 и 32. На левой части рисунка стоит обратить внимание на рифление поверхности пластин. Склейка была усилена обвязкой. Справа, на рисунках поперечных сечений видны, что пластины окружают рога и рукоять лука (Balogh, 2016, 213).

Fig. 5. Avar period bow plates from Szeged-Fehértó A (Szeged-Fehértó A, Hungary), finds from Grave 26 and 32. On the left part of the picture, note the scoring of the plate surface near the base. The joint has been reinforced by sinew wrapping on the scored part of the plate. On the right, the cross-sectional drawings show that the antler plates completely surround the ear. The bow grip is covered on three sides by plates, the sinewed part of the grip (the back of the bow) lacks covering (Balogh, 2016, 213).

Рис. 6. Рог лука гуннского периода из каталога аукциона Херманн Хисторика (Hermann Historica). Хорошо видны оторванная тыльная пластина и сухожильная обвязка, полностью закрывающая рог лука (Hermann, 2016, 18).

Fig. 6. The ear of a bow from the Hun period in the Hermann Historica auction catalog. The delaminated back plate and sinew wrapping, which completely covers the ear of the bow are clearly visible (Herman) (Hermann, 2016, 18).

как правило, прижимает дерево к рогу. Только боковая равнодействующая образует разделяющую силу, но поскольку это сдвигающая сила, склейка хорошо её переносит. При всем этом пластина рукояти и негибкая часть пластины рога или тыльная пластина боковую равнодействующую силу также выдерживают. В то время как растягивающая сила действует на склейку деревянной основы и сухожильной пластины, но поскольку последняя состоит из элементарных волокон с круглым сечением, возникает сдвигающая сила, распределенная между волокнами.

Как уже говорилось, в эпоху завоевания Венгрии в X в. форма пластин из оленьих рогов заметно меняется. На пластинах рога лука изогнутая часть нижней половины исчезает, и во многих случаях концевые роговые пластины в погребениях отсутствуют, находят только пластины рукояти. На практике были сделаны десятки луков, и мы пришли к выводу, что это может быть результатом изменений в структуре лука. К таким изменениям можно отнести появление так называемой «V»-врубки (Paku, 2022) на соединениях рогов и плеч луков (рис. 7). В этом случае поверхность соединения гораздо меньше, а сила воздействия не тянущая, а сдвигающая. В случае поврежденных гуннских луков до сих пор встречались только соединения внахлест, в то время как по остаткам сложносоставных луков XI века мы уже знаем примеры соединений рогов с «V»-врубками, а начиная с монгольского периода (Bemann, 2012, p. 185) использовались только такие врубки (рис. 8). Кроме этого, исчезли обвязки в нижней части концевых рогов и у краев рукояти.

Есть и косвенные свидетельства, что луки стали долговечнее, а именно изменение колчанов и налучей луков. В скифский период конные лучники носили на левой стороне пояса так называемый горит, в котором могли поместить лук в натянутом виде, и в нём также могли хранить стрелы. Начиная с гуннского периода, как показывают изображения, этот колчан сначала переместили на правую сторону всадника, а затем появилось разделение: колчан для стрел помещался на правой стороне, а узкий, длинный, мешкообразный чехол для лука – на левой. В мешкообразный чехол помещался только ненатянутый лук, поэтому перед использованием его нужно было натянуть. Этот тип налуча, судя по изображениям, широко распространялся по всему степному

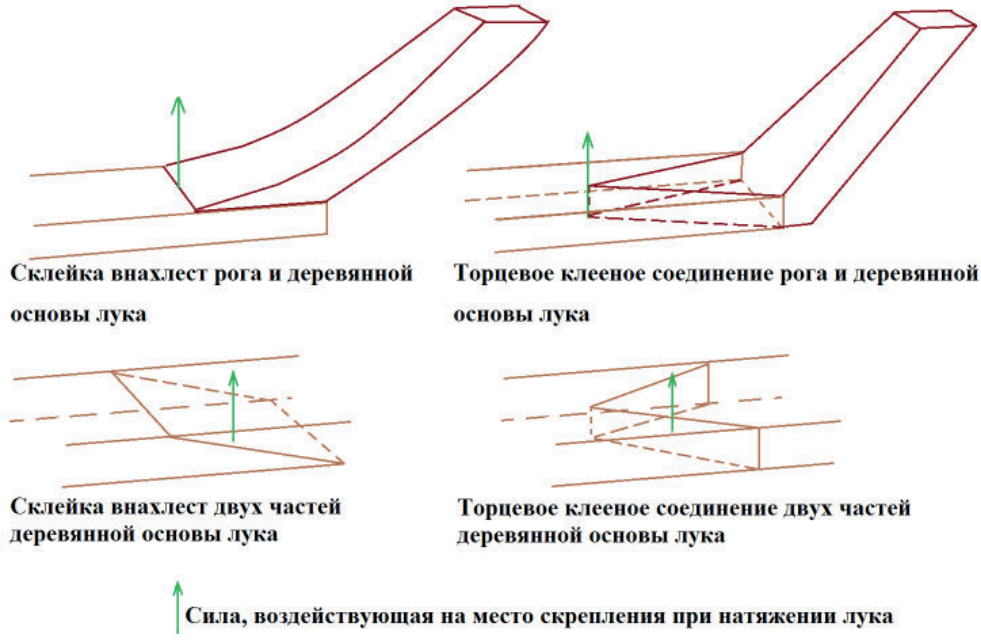


Рис. 7. Способы скрепления рукояти, плечей и рогов лука, и направления действий сил, воздействующих на место скрепления при натяжении (без масштаба) (с рисунка А.Ш. Вилхелма).

Fig. 7. Schematic drawing of the methods preparing the joints of the ear and grip of the bow. The left side of the drawing shows the overlapping method, the right side of the drawing shows the V splice method. The V splice method results a much stronger joint (out of scale) (Drawing by A. S. Wilhelm).

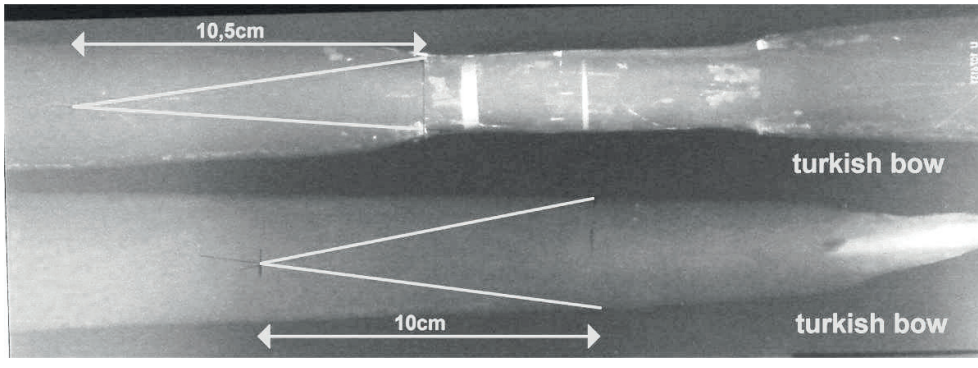


Рис. 8. Рентгеновский снимок рукояти и рога турецкого лука. Слева врубки рога и рукояти лука выделены толстой светлой линией. На правой верхней части снимка можно увидеть врубки рукояти в виде слабой V-образной формы без выделения. Этим лукам перевязка больше не требуется из-за врубных и склеенных соединений (www.atarn.net).

Fig. 8. X-ray image of the grip (upper part of the image) and ear (lower part of the image) of a Turkish bow. On the left of the image the glue lines of the V-plices are highlighted with a thick white line. On the right side of the grip joint the glue line can be seen as a faint V-shape without highlighting. These bows no longer need sinew wrapping because of the enhanced strength of the V-spliced joint (www.atarn.net).

Рис. 9. Футляр для хранения ненатянутого лука из Мощевой балки (Иерусалимская, 2012, рис. 167)

Fig. 9. Bowcase for an unstrung bow from the cemetery at Moshchevaya Balka (Ierusalimskaya, 2012, fig. 167)

Рис. 10. Налучье для ношения натянутого лука из Мощевой балки (Иерусалимская, 2012, рис. 166)

Fig. 10. Bowcase for a strung bow from the cemetery at Moshchevaya Balka (Ierusalimskaya, 2012, fig. 166)

поясу от степей Восточной Европы до Внутренней Монголии и Китая, в то время как налучье для хранения лука в натянутом виде (рис. 10) широко распространилось только начиная с IX–X вв. Переход был быстрым, практически без каких-либо градаций.

Нам известны два изображения, на которых оба типа налучей (чехол и налучье) показаны на одном и том же пользователе, в двух отдельных точках подвеса: фреска VIII века в Эрмитаже с изображением осады Кушинагара из пещеры № 11 Карашахра и могильные статуи Янг Сиксу около 740 года (Wilhelm – Sudár, 2020). В более поздние периоды часто встречаются изображения, на которых ненатянутые луки в чехле носили в налучье. Это показывает преимущество ношения лука в натянутом положении, так как воин имел оружие, готовое к стрельбе в любой момент.

Заключение. Миграция древних венгров и их расселение в Карпатском бассейне, скорее всего, совпали с периодом, когда произошел вышеупомянутый военно-технический переход. Это хорошо доказывает тот факт, что комбинированное использование обоих типов колчанов было документировано в погр. 52 могильника Карош-Эперьешсёг II (Karos-Eperjesszög II, Венгрия) раннего периода завоевания (Flesch и др., 2019). Поэтому вполне вероятно, что эти важные военно-технические инновации также способствовали успеху завоевания и походам на запад.

К сожалению, в Карпатском бассейне у нас нет находок ранних луков такой сохранности, чтобы можно было наблюдать конструктивные элементы, поэтому было бы очень полезно изучить как можно больше рукоятей и рогов лука от гуннского периода до XI века. В случае поврежденных луков, где рог или сухожилие не закрывают соединения частей, можно было бы определить способ крепления-клейки простым визуальным осмотром, а в других случаях способ

крепления рукояти и рога лука можно было бы определить с помощью рентгеновского исследования (снимки надо делать фронтально) (рис. 8). В собрании Эрмитажа и других коллекциях России находятся подобные остатки луков IX–X веков (например, остатки из Мощевой балки (Иерусалимская, 2012), лук из Подорванной балки и т. д.), а также нашлись в Казахстане и Монголии, но существуют и луки в хорошей сохранности, относящиеся к более ранним периодам.

Дополнительную важную информацию можно было бы получить, изучив материал менее поврежденных остатков лука, поскольку возможно, что использовавшиеся клеи изменились с течением времени (например, кожаный клей или рыбный вместо костного или казеинового).

Благодарности.

Мы благодарим российских археологов Сергея Каинова (Москва) и Игоря Кима (Санкт-Петербург), специалистов по археологической терминологии оружия, за точные переводы, а также за лингвистическую и техническую корректуру нашей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Биро, А., Ланго, П., Тюрк, А.* Роговые накладки лука Карпатской котловины X–XI вв. (10th–11th Centuries Antler Overlays of Bow from Carpathian Basin) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009, С. 407–441.
2. *Иерусалимская А.А.* Мощевая Балка: необычный памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
3. *Круглов Е.В.* «Тюрко-хазарский» сложносоставной лук // Проблемы археологии Нижнего Поволжья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, С. 253–258.
4. *Круглов Е.В.* Сложносоставные луки Восточной Европы раннего Средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 73–142.
5. *Balogh Cs.* Avar kori tömlővégek (Avar Mouthpieces of Hoses) // Kuny Domokos Múzeum Közleményei. 2016. № 22. C. 193–216.
6. *Bemann J.* (Hrsg.) Steppenkrieger – Reiternomaden des 7.–14. Jahrhunderts aus der Mongolei. Darmstadt, 2012. 24 s.
7. *Bencsik P., Borbély L.* A IX–XI. századi magyar íj. Budapest, 2014. 12 c. https://magyarij.hu/images/docs/MagyarIj.pdf
8. *Bíró Á.* Fegyverek a 10–11. századi Kárpát-medencében. PhD dissertation ELTE BTK, Budapest, 2013. 382 c., https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/40156
9. *Bíró Á., Bencsik P.* Régészeti leletanyagból hagyományélesztés? A magyarhomorog-kónyadombi 103. sír íjrekonstrukciója. // Magyar őstörténet. Tudomány és hagyományőrzés. Ред. Sudár B. и др. MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont: Budapest, 2014. C. 387–412.
10. *Bóna I.* A hunok és nagykirályaik. Budapest, 1993. 274 c.
11. *Flesch M., Strohmayer Á., Türk A.* A honfoglalás kori tegezöv egy új rekonstrukciója a karosi II/52. sír íjászfelszerelésének átdolgozása és keleti analógiák nyomán. // Hadak útján. A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Ред. Sudár B. и др. Budapest, 2019. C. 34–42.
12. *Hermann, F.* Hermann Historica (Firm). Traditional Archery and Crossbows, the Karl Zeilinger Collection. München, 2016, C. 18–19.
13. *Mikhailov, K. A., Kainov, S. Yu.* Finds of structural detail of composite bows from ancient Rus // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 62, 2011. C. 229–244.
14. *Paku S.* A honfoglalás kori íjak rekonstrukciójáról. // Honfoglalók fegyverben. Ред. Sudár B. и др. Magyar őstörténet 3. Budapest: Helikon, 2015. C. 105–110.
15. *Paku S.* A honfoglalás kori magyar íj famagjának lehetséges szerkezetéről. Budapest 2014. https://magyartortenelmiijasz.com/a-honfoglalas-kori-magyar-ij-famagjanak-lehetseges-szerkezeterol/
16. *Wilhelm Á. S., Sudár B.* A honfoglalás kori hordtegzek keleti párhuzamai. Budapest, 2020. 64 c. https://magyartortenelmiijasz.com/wp-content/uploads/2020/04/Wilhelm-Sud%C3%A1r-hordtegez.pdf

Информация об авторах:

Тюрк Аттила, PhD, профессор. Институт археологии Католического университета Петера Пазманя (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@abtk.hu ORCID: 0000-0001-9199-0019

Вилхелм Акош Ш., аспирант. Институт археологии Католического университета Петера Пазманя. (г. Будапешт, Венгрия); wilhelm.akos@gmail.com ORCID: 0009-00021333-7078

Паку Шандор, мастер по изготовлению луков, Отделение патологии и экспериментальных исследований рака, медицинский факультет. Университет Семмельвейса (г. Будапешт, Венгрия); pakusandor0504@gmail.com ORCID: 0000-0003-2664-7729

CHANGES IN ARCHERY EQUIPMENT IN EASTERN EUROPE OF THE IX-X CENTURIES ACCORDING TO EXPERIMENTAL ARCHAEOLOGY. FURTHER PERSPECTIVES FOR STUDY THROUGH ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AND OBSERVATION

A. Türk, Á.S. Wilhelm, S. Paku

Antler overlays-plates for strengthening bows, which appeared in the Hunnic period, underwent significant changes by the IX and X centuries and soon disappeared. There is an opinion that these ear and grip plates were used to strengthen the joints during bow making, and then with the development of new gluing methods the bows became much stronger and more durable making such overlays unnecessary. During the same period, the bowcase for carrying a strung bow appeared. Its use may have been made possible by changes in the design of bows that made them suitable to leave the bow strung for long periods of time. A bow that could be carried strung for long periods of time not only eliminated the need of stringing, but also gave the warrior a significant combat advantage.

Keywords: archaeology, ancient Hungarian bow, archer's equipment, antler plate, shear force, flat joint, carving, bowcase, Middle Ages.

REFERENCES

1. Biro, A., Lango, P., Tyurk, A. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time).* Donetsk: Donetsk National University, 407–441 (in Russian).
2. Ierusalimskaia, A. A. 2012. *Moshchevaia Balka: neobychnyi pamiatnik na Severokavkazskom shelkovom puti (Moshchevaia Balka: an Unusual Monument on the North Caucasus Silk Road)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).
3. Kruglov, E. V. 2004. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region).* Volgograd: Volgograd State University Publ., 253–258 (in Russian).
4. Kruglov, E. V. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, 73–142 (in Russian).
5. Balogh, Cs. 2016. In *Kuny Domokos Múzeum Közleményei* 22, 193–216 (in Hungarian).
6. Bemann, J. (Hrsg.) 2012. *Steppenkrieger – Reiternomaden des 7–14. Jahrhunderts aus der Mongolei.* Darmstadt, 2012 (in Hungarian).
7. Bencsik, P., Borbély, L. 2014. *A IX–XI. századi magyar íj.* Budapest, https://magyarij.hu/images/docs/MagyarIj.pdf (in Hungarian).
8. Bíró, Á. 2013. *Fegyverek a 10–11. századi Kárpát-medencében.* PhD diss. ELTE BTK, Budapest. https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/40156 (in Hungarian).
9. Bíró, Á., Bencsik, P. 2014. In Sudár B. et al. (eds.). *Magyar őstörténet. Tudomány és hagyományőrzés.* MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont: Budapest, 387–412 (in Hungarian).
10. Bóna, I. 1993. A hunok és nagykirályaik. Budapest (in Hungarian).
11. Flesch, M., Strohmayer Á., Türk, A. 2019. In Sudár B. et al. (eds.). *Hadak útján. A népvándorlás-kor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája.* Budapest, 34–42 (in Hungarian).
12. Hermann, F. 2016. *Hermann Historica (Firm). Traditional Archery and Crossbows, the Karl Zeilinger Collection*. München, 18–19.
13. Mikhailov, K. A., Kainov, S. Yu. 2011. In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 62, 229–244.
14. Paku, S. 2015. In Sudár B. et al. (eds.). *Honfoglalók fegyverben.* Magyar őstörténet 3. Budapest: Helikon, 105–110 (in Hungarian).
15. Paku, S. 2014. *A honfoglalás kori magyar íj famagjának lehetséges szerkezetéről.* Budapest. https://magyartortenelmiijasz.com/a-honfoglalas-kori-magyar-ij-famagjanak-lehetseges-szerkezeterol/ (in Hungarian).
16. Wilhelm, Á. S., Sudár, B. 2020. *A honfoglalás kori hordtegzek keleti párhuzamai*. Budapest. https://magyartortenelmiijasz.com/wp-content/uploads/2020/04/Wilhelm-Sud%C3%A1r-hordtegez.pdf (in Hungarian).

The study was conducted within the framework of the project PPKE-BTK-KUT-23, PPKE-BTK-23 Mester és Tanítványa and the programs of HUN-REN BTK MŐK 2024-2026.

About the Authors:

Türk Attila. PhD, Professor, Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University. Szentkirályi str 28, Budapest, 1088, Hungary; turk.attila@abtk.hu ORCID: 0000-0001-9199-0019

Wilhelm Ákos S. Institute of Archaeological Sciences, Péter Pázmány Catholic University. Szentkirályi str 28, Budapest, 1088, Hungary; wilhelm.akos@gmail.com ORCID: 0009-00021333-7078

Paku Sándor. Semmelweis University, Faculty of Medicine. Anvil road 26, Budapest, H – 1085, Hungary; pakusandor0504@gmail.com ORCID: 0000-0003-2664-7729

Статья принята в номер 03.10.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.215.232

THE SUPPORTING SKILLS OF THE MONGOLIA-XINJIANG SILK TEA CAMEL ROAD: WITH THE TRAVEL NOTES OF O. LATTIMORE AS THE CORE[1]

© 2025 Chen Wei

With focusing on the travel notes of American Orientalist Owen Lattimore on the Mongolian-Xinjiang Camel Road from 1926 to 1927, this paper explores the practical skills and knowledge system on this branch of the Silk Road in early modern times. Through a detailed study of camel caravans' choices of transportation, organization and division of labor in caravans, travel equipment and security maintaining, seasonality and route selection, supply and medical care, logistics management, market transactions, currency adaptation, and the collection and transmission of business travel information, this paper reveals the various daily skills that supported the operation of the Silk Road, and shows how camel caravans used these skills to overcome environmental and social uncertainties and promote trade and cultural exchanges. The research concludes that it was these long-term accumulated and constantly practiced skills that made the Silk Road a trade and cultural network across Eurasia. O. Lattimore's travel notes are of great historical and practical significance for understanding this process.

Key words: archaeology, Mongolia-Xinjiang Silk Tea Camel Road; Owen Lattimore; supporting skills; early modern.

When conducting in-depth research on the Silk Road, scholars often focus on the people, materials, ideas, etc. that flowed "on" it, but there has been insufficient discussion of the repetitive, technical knowledge practices that supported the ancient globalized network "between" its structure and enabled it to operate and prosper continously day after day. This type of knowledge covered all stages before, during and after travel, driving people to overcome difficulties and dangers, connecting geographically and culturally scattered and isolated points into threads and interweaving them into a network. It was a key element that made the Silk Road work. Obviously, this knowledge was likely to be manifested in key locations along the Silk Road that had different functions, and it was accumulated, created and enriched through continuous interaction with exchanges along the Silk Road. Unfortunately, historical records of the supporting techniques that supported the daily operation of the ancient Silk Road are not always sufficient. This limitation can be overcome in at least two ways. One is to expand the field of vision beyond Chinese historical records, using rich records from other regions to fill in the gaps in Chinese records. The other is to extend the field of vision to a later period, using modern historical records that still contain traditional techniques to learn from the practices of the ancient Silk Road (Chen, 2023; Chen, in print).

The Silk Tea Camel Road (Fig.1) from Zhangjiakou and Guihua (now Hohhot) and other border towns in northern China extended across the grasslands and Gobi Desert to Xinjiang, and further connected Outer Mongolia, Russia, Kashmir and other places. It had developed rapidly since the mid-19th century, and its traditional mode of transportation continued until the mid-20th century (Tianjin Oral History Research Association, Tianjin Xiqing District Political Consultative Conference, 2014). It was an important branch of the Tea Road connecting China and Russia, and can be

[1] This research was funded by the IHNS program "Silk Road Practical Techniques in the Context of Civilizational Mutual Learning" (E4292S02).

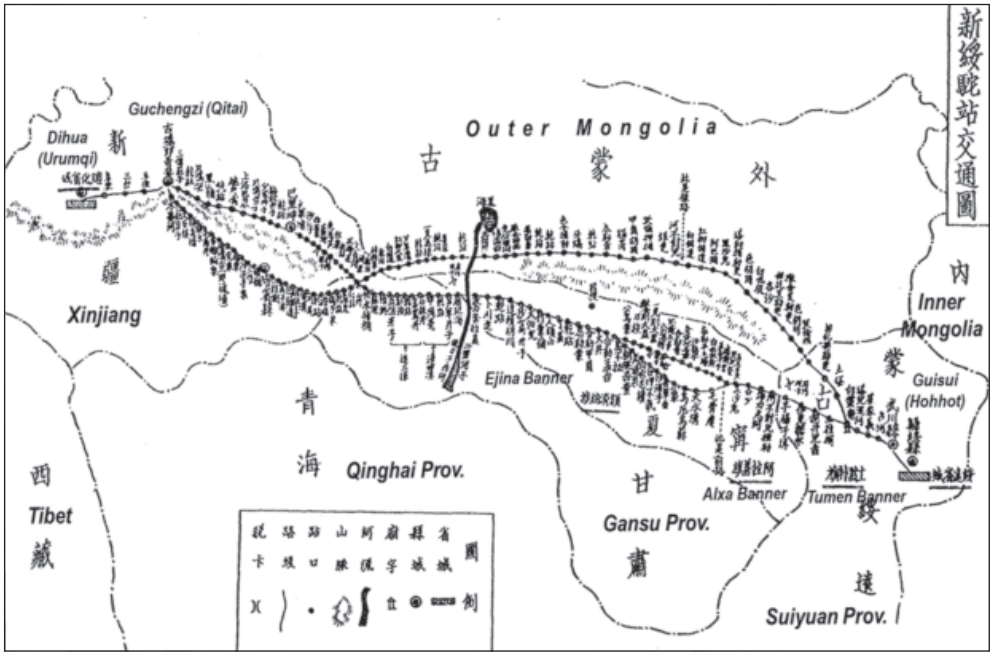


Fig. 1. Xinjiang-Suiyuan Camel Station Traffic Map (Zhuo, 1937).
Рис. 1. Дорожная карта Синьцзян-Суйюаньской верблюжьей станции (Zhuo, 1937).

regarded as a later regional form of the Silk Road. The supporting techniques were used in a way that the camel merchants walking on this path were the main carriers, and the knowledge systems of various places along the way were deeply involved. From 1926 to 1927, Owen Lattimer (1900-1989), who later became a famous orientalist and was still working in commercial insurance at the time, followed the camel merchants travelling from Guihua to Urumqi, and then crossed the Pamir Plateau to reach Leh (in present-day Indian Kashmir). A few years later, he published two travelogues to record the journey (Lattimore, 1929; Lattimore, 1930). According to Lattimore, his original intention for the trip was not scientific research, missionary work or an expedition. Instead, after realizing that "the age of steam, destroying the past and opening the future," (Lattimore, 1962, p. 14) he completed the journey like an old man lost in a dream or a young man admiring exotic customs, by the style of traditional caravan (Lattimore, 1929, p. 5). His travelogues therefore have a markedly immersive quality that sets them apart from the many scientific expedition records or official-sounding diaries of the same period. They are also a valuable historical record of the intimate and detailed observations of the traditional Silk Road operating methods that were coming to an end. A systematic review of related travelogues by Lattimore can provide a comprehensive understanding of how camel caravans used various techniques to adapt to the environment and overcome challenges, thus enriching our understanding of how the Silk Road became a daily practice. In the following, I will sort and categorize the supporting skills he recorded, and compare them with other related documents or Silk Road branches.

Livestock and means of transportation

On the Silk Road, the choice of vehicles and draft animals directly determined transport efficiency, costs and the safety of the journey. The choices made

by caravans were influenced by natural conditions such as terrain, climate and resources along the route, as well as the cultural background of the caravans and the goods to be transported. Once the mode of transport was determined, the corresponding knowledge and skills were gathered and developed.

Lattimore employed four camels to form a small caravan in Guihua and his records on camel transport were therefore the most direct and abundant. Camels were undoubtedly the most important means of transport in the vast desert and grassland regions, even as east as early modern Beijing. Lattimore recorded that Bactrian camels were particularly adept at long-distance travel in deserts and arid regions because they could maintain their stamina in extreme weather and carry loads of 375-400 pounds[2] , which was much greater than that of various other livestock. Camels could feed on desert plants that were difficult for cows and horses to digest, and they did not need to drink frequently. One of their few necessities was salt, which the camel drivers fed them in large quantities to encourage them to drink as much as possible at water sources. Camels' tolerance of cold and drought made them ideal for caravans crossing the vast Gobi and deserts. Not only could camels carry large amounts of goods, their meaty feet, unlike the hooves of cows and horses, were inherently capable of walking on uneven terrain, which was especially important on gravel roads (Lattimore, 1929, p. 89). Lattimore noticed that the Bactrian camel could also provide by-products such as camel wool for the travellers, which was at the time an emerging business stimulated by the strong demand of abroad merchants. Camel wool should have belonged to the camel owners, but the camel drivers took a large share of it during the journey. They learned the camel wool spinning craft from the exiled Russian soldiers, and would casually pull the wool off the camel's neck to make woolen thread to knit socks in the primitive way of spinning with a heavy object (Lattimore, 1929, pp. 57-58). In the Datong area in northern Shanxi Province, which borders Inner Mongolia, people also used sheep and camel wool to weave bags. These bags were strong, durable and water-resistant, could each carry 100-200 pounds of goods. They were widely used for camel-road transportation (Li, Li, 2006, p. 36; Li, 2007, pp. 513-514).

However, camels were not perfect. Lattimore mentioned that not all camels were suitable for Silk Road travel. Although breeds such as the Alxa camel were tall and strong, they tended to tire easily in the wind and sand and when carrying heavy loads for long periods of time. Shorter and stockier camels tended to have more stamina later in the journey (Lattimore, 1929, pp. 131-134). In addition, camel transport was subject to seasonal restrictions. Every summer, during the moulting period, the caravans had to suspend transport and let the camels graze in the cool mountains and forests to restore their strength (Chen, Wang, 2006, pp. 185-187). This made the caravans plan their journeys not only taking into account climatic changes, but also flexibly adjust the departure time according to the physiological characteristicsof camels. It was also determined that the Silk Road caravans were most suitable for travel between autumn and spring, so knowledge of protection against the cold was more readily developed than knowledge of protection against the heat.

Although camels were the main animals used on the Silk Road, mules, horses and oxen also played important roles in certain situations. Lattimore pointed out that mules were faster than camels and had excellent stamina. Mules could complete tasks more quickly than camels, especially when transporting goods over short distances and walking in mountainous terrain. While mules couldn’t withstand long periods of de-

hydration and extreme cold like camels, they excelled in plains and hilly terrain, and were particularly suitable for pulling carriages and short-distance transport. Mules were cheaper to keep than horses and eat less, making them the preferred pack animal for some caravans in certain terrains and seasons. Horses, in contrast to mules, were more widely kept by nomads and were particularly useful when rapid movement or reconnaissance was required. Different gaits such as "strong walk" and "slight walk" were trained for a smooth ride (Lattimore, 1930, pp. 192-193). The Mongols particularly favoured gelded horses, as they were more docile and suitable for long-distance journeys and transport tasks. However, horses had a lower load-bearing capacity and were less hardy, which made them difficult to compete with camels in the long-distance transport of goods. The US scholar R. Bulliet has an excellent discussion on the competitive advantage of camels over vehicles in long-distance transport in Eurasia (Bulliet, 1990), but for Han merchants, oxcarts were still the main means of transport from Zhangjiakou to Outer Mongolia. The load capacity of an oxcart was comparable to that of a camel, and the cart and camel caravan could complement each other perfectly for journeys in spring and summer. However, not all Han Chinese transporters were skilled in raising camels (Liu, in prep.). The direction of oxcart transportation did not match the direction of the Lattimore's journey, so he just simply described the slow transportation method used by farmers or herders when moving (Lattimore, 1929, p. 37).

Caravan organization and division of labor

The caravans on the Silk Road were not only teams for transporting goods, but also social units with an efficient knowledge structure and a clear division of labor. Lattimore, as an owner of a very small camel caravan, was the main member of his team, along with one his loyal servant and an experienced but sinister camel driver. Along the way, they also took in other people to do odd jobs (no more than one person at a time). This structure was typical of caravans on the camel road. Setting up the caravan properly, establishing intellectual authority in a small group, and enabling the relevant skills to be effectively deployed during the journey were the key to the success or failure of the caravan, and they were also skills that had long been in use along the Silk Road.

The central figure in the caravan was the caravan leader, equivalent to the positions of general manager of a company, captain of a ship, etc. This role was called by different names in different parts of the Silk Road, such as "pot head" (*guotou*锅头) for the horse caravans on the Tea Road in southwest China, and "master of the poles" (*zhangguai* 掌拐） for the team of bearers (Li, 2012, pp. 158-159). The leader of the caravan on the camel road was generally called the "leader of the house" (*lingfangzide*领房子的), responsible for the daily operations and decision-making of the entire caravan, and was the "brain" of the entire caravan. If the camel team investor was familiar with the situation along the way, he could also be the leader of the house. Generally, the investor hired the leader of the house, who had higher authority than his boss during the journey. This situation came from their different practical knowledge and experience. Lattimore pointed out that the leader must have excellent leadership skills and extensive experience, especially when dealing with unexpected events such as the impact of the weather ahead and disputes between camel drivers. He could make quick decisions, and his judgment might have a decisive impact on the success or failure of the entire caravan. In addition to making careful arrangements for the route, campsites and supplies, they also had to deal with local officials and tribal leaders along the way to ensure

that the caravan can pass through certain checkpoints or avoid potential bandits. They also had to keep in touch with their employers back home, and their top priority was to ensure that the goods arrived safely at their destination. However, they also had to make decisions about making adjustments to the goods along the way (Lattimore, 1929, pp. 126-127).

Caravans travelling along the camel road could form loose associations. The owner of each camel team was responsible for managing its members and supplies, but the entire caravan was commanded and dispatched by a leader who ensured that everyone shared the agreed tasks, coordinated the caravan's speed and direction, and collected fees from each camel team in proportion to their size. This model was called "*hulimaoer* 胡里冒儿". Each camel team was a relatively independent economic entity, and the leader was responsible for overall scheduling rather than directly managing each camel driver (Lattimore, 1929, p. 68). This mechanism provided greater flexibility and the advantages of division of labor for large-scale long-distance commercial activities.

Lattimore's small caravan mostly followed other caravans. Since his Western identity had a deterrent effect on the officials on the camel route, he often had to bear the expectations of his peers that he would fulfil his corresponding duties in negotiations with officials, military officers or tax collectors. If we disregard the modern travel skills that Lattimore possessed, his camel driver played the role of a traditional leader within the camel caravan. The camel drivers were also important members of all the caravans, and they were the executors of various specific tasks such as pulling the camels, loading and unloading goods, and finding water sources and pastures. Each camel driver was usually responsible for a "chain" of camels linked together[3] . Camel drivers needed to master complex skills. The most basic of these was to always pay attention to the condition of the camel while spending time with it. For example, they needed to understand the habits of the camel, knew how to judge whether the camel was too tired or lacks nutrition by the state of its humps, and promptly identified sick camels. They could then adjust the pace of travel according to the health of the camels and weather conditions, and quickly took measures to prevent more animals from having problems. Camel drivers must also be proficient in wilderness survival skills. They need be able to choose suitable campsites and ensure that the camels have access to sufficient water and pasture. Camel drivers could carry a small amount of personal goods to buy and sell along the way, which not only supplemented their meager pay, but also added motivation for them to embark on the camel trail (Lattimore, 1929, pp. 120-124).

There was a hierarchy within the group of camel drivers. The leader of the caravan was also the leader of the camel drivers, and was respected by the other camel drivers for his firm and fair leadership. Their decisions sometimes caused dissatisfaction among the subordinates. In this case, the leader of the caravan needed to balance the wishes of the camel drivers with the goals of the caravan, while ensuring the health of the personnel and the timely arrival of the goods. The leader of the caravan was sometimes followed by a pot head, who was usually responsible for the management of the first chain of camels, organized the daily meals and water supply, and arranged the work of other camel drivers according to the instructions of the leader of the caravan. Large caravans also had a second head, also known as the deputy pot head. In addition to assisting the pot head, when camping in the field, the second head and other personnel took turns being responsible for guarding the camels at night to prevent them from escaping or being attacked by wild animals.

Ordinary camel drivers were all hired and recruited by the leader of the caravan. Experience and skills were the most important measurement criteria, and the background of the camel driver was also very important, which was related to their discipline and sense of responsibility (Lattimore, 1929, pp. 126-127). Since strangers might steal goods or run away without permission, which were not uncommon in other travel records (Xu, 2003, p. 60), or even be spies for bandits, it was best for those joining the caravan to have recommendations from relatives or former employers. The two laborers that Lattimore took in along the way could hardly be trusted by the camel drivers.

There was also a special role in larger caravans called the *xiansheng* (teacher), which was played by an aged camel driver or an experienced person who was responsible for managing daily affairs of the caravan such as distributing supplies and recording the itinerary. The *xiansheng* was often the right-hand man of the leader of the caravan, helping the leader to oversee more details. They were usually experienced veterans who had performed well on many journeys and were therefore given more responsibilities. Over time, the camel drivers became familiar with the location, size and water quality of all the wells along the route, which was a major component of knowledge about the camel route (Tianjin Oral History Research Association, Tianjin Xiqing District Political Consultative Conference, 2014, pp. 266-271). This made it possible for them to be promoted to pot-head, *xiansheng* and finally to leader. This not only meant higher income, but also represented their status and prestige in the caravan (Lattimore, 1929, pp. 125-126).

According to the account by Lattimore, the caravans along the Camel Road gradually developed a fairly stable structure with knowledge and functions corresponding to each other. The caravan leader, as the core of the leadership, was responsible for both internal and external affairs. The camel driver, as the main member of the team, played a key role in the daily operations of the caravan. The owner of the caravan and his servants belonged to another system of travelling with the caravan. Although they were the owners of the goods, they usually had to obey the orders of the caravan leader during the journey.

Travel equipment and security arrangements

Most of the area along the Mongolia-Xinjiang camel route was harsh, with deserts, mountains and the Gobi Desert. In addition to the challenges of the natural conditions and lack of supplies, the caravans had to deal with external threats such as bandits and wild animals. In order to ensure the smooth progress of the long journey, the members of the caravan had to prepare sufficient but not cumbersome equipment, and at the same time take effective defensive measures to protect themselves and their goods. In his travel notes, Lattimore recorded these aspects in detail, thereby showing the reader how the caravans enhanced their survivability in harsh environments.

Lattimore's journey spaned a variety of climates, including monsoon areas, grasslands, deserts, and plateaus. Each section of the journey through different seasons has its own environmental characteristics. Therefore, the equipment carried by the members of the caravan not only needed to take comfort into account, but also ensured that it could cope with all kinds of extreme weather. As a modern traveller, Lattimore himself was prepared for the wear and tear of supplies. For example, he mentioned that he brought a spare pair of glasses and 200 spare lenses, as the sandstorms in the desert and the harsh climate of the Gobi Desert were extremely damaging to glasses; the sleeping bag allowed him to keep lice away. He also commented on the travel guide book published by

the Royal Geographical Society that he read during the journey. He even carried a girdle, which could prevent flatulence while riding a camel and help him maintain his body's comfort and stability during the bumps (Lattimore, 1929, pp. 33, 93-94). For scholars, officials and wealthy merchants who could afford to occasional travel with the caravans rather than on the camel route year-round, similar equipments was important because it could protect their bodies, reduce fatigue and make the journey more enjoyable.

The supplies of ordinary caravan members were much more concise, and were almost limited to necessities. For example, as mentioned earlier, people had to feed salt to camels to encourage them to drink a lot, so salt was both a commodity and a necessary supply. In some sections of the camel route, the supply points were too far apart. Experienced caravan leaders would prepare non-perishable dry food and dried meat in advance. To cope with weather changes such as sandstorms, heavy rain and extreme cold on the road, the caravans would be equipped with tents, warm clothing and fire-making equipment to ensure that a shelter could be quickly set up in the event of bad weather. Individual camel driver would mostly prepare a few pairs of shoes and heavy woolen overcoats to keep warm when setting off (Lattimore, 1929, p. 123; Lin, 2003, p. 14). When camping, the caravans would use iron stoves and pans to cook. It is worth mentioning that in the early modern era of opium abuse, there were plenty of heavy opium smokers in the caravans, and their addiction often either became an obstacle that slowed them down or a driving force that drove them to quickly rush to the location of the next opium den. Sharing rations in the caravans seems to be much easier than sharing opium (Lattimore, 1929, pp. 45-46). Descriptions of opium abuse in western China also can be found in numerous other travel accounts from the same period.

In addition to unfavorable natural environmental factors, caravans had to overcome security threats such as banditry. Since ancient times, looting along the Silk Road had often been more prevalent than trade. Bandits, hungry people, and camel drivers along the camel road could switch roles flexibly, and bandits had to deal with caravans when selling stolen goods (Hasebroek, 1933, pp. 18-19; Lattimore, 1929, pp. 40-41, 248-251). In uninhabited areas and areas where different ethnic groups came into contact, caravans were often the target of attacks. Therefore, caravans usually carried weapons or hired bodyguards for self-defense. At that time, the Suiyuan Chamber of Commerce also organized a “security regiment” to be stationed at key locations along the route to protect merchants traveling to and from the area (Li, 2007, p. 518). Lattimore mentioned that most of the caravans were led by a camel with a spear stuck in it. This spear was used as a defensive weapon, but it also often carried the logo of the merchant company or town, and thus also served as a symbol of the caravan's status and identity. For some larger caravans, this symbolic spear could demonstrate a powerful background to officials or tribal leaders along the way, reducing the chance of being attacked (Lattimore, 1929, pp. 150-151). In early modern times, the scope of caravan security was obviously also related to the killing range of weapons, so Lattimore's guns were very popular with fellow caravans. In addition to the caravans' own weapons, the escorts were also important in preventing bandits. They were usually highly skilled in martial arts, and many had been bandits before turning to work as caravan escorts. They were familiar with the rules of the road, and often their reputation alone was enough to negotiate their way through the bandits. For caravans in times of war, a greater se-

curity threat actually came from deserters. Caravans themselves also used some techniques to prevent bandits. For example, when approaching a town, the caravan escort would announce the arrival of the caravan loudly, and reported the name of the leader and the nature of the caravan. This public announcement was both a warning to the local residents and a deterrent. It let potential robbers know that the caravan had a strong escort and was not an easy target. When camping at night, the caravan would choose a safe location based on the terrain. They usually chose a higher location with an open view. Members would take turns keeping watch over the camels and campsite so that they could detect theft of camels or attacks by wild animals early. The camel bells could also be used as an early warning tool. If someone or a wild animal approached the camel, the bell would make a sound to alert the caravan members. Finally, caravans travelled in groups, forming larger groups, which was the most important means of protection against thieves (Lattimore, 1929, pp. 40-41, 150-151).

Simple but functional bags for pedestrians and safety along the way were issues that pre-modern travelers around the world, whether they were going on a pilgrimage or on business (Melczer, 1993, pp. 49-60; Lambourn, 2018, pp. 165-188), needed to consider very carefully, so knowledge in this area could be considered universally applicable. Lattimore's account undoubtedly revealed an interesting peculiarity of this kind of knowledge on the camel route.

The seasonality of travel and route selection

In the commercial activities of the Silk Road, the seasonality of travel and route selection constituted the time and space factors that were crucial to the success of the caravan. As mentioned above, the seasonality of caravan travel was closely related to the mode of transport used. Whether or not the caravan travelled at the right time had a significant impact on the cost of transportation. Route selection was the result of a comprehensive consideration of multiple factors, such as mileage, markets and tax cards along the way, bandits, and the terrain. It was ultimately related to the safety and efficiency of caravan transportation. In his travel notes, Lattimore discussed in detail how caravans made reasonable travel arrangements and route choices based on changes in time and space to ensure that goods arrived at their destinations safely.

The seasonality of caravan travel or fluctuations in freight expenditure were closely related to both natural and regional political factors. In summer, when the camels were moulting and in the grazing period, there were not enough suitable animals to carry goods, so caravan transport activities had to be suspended or reduced, and the freight costs were also higher. After the grazing period, the camels rested for several months and were full of energy, able to withstand the load of a long journey. At this time, the caravan leader began to organize the team and plan the journey, not only ensuring the health of the camels, but also helping the caravan to reduce transportation costs and avoid unexpected delays caused by the exhaustion of the camels (Lattimore, 1929, pp. 55-57). For the camel route, setting off in autumn and winter meant facing more risks from snow, wind and cold, which promoted the incorporation of more coping skills into the knowledge system of the camel caravans. The seasonal caravans based on the physiological cycle of camels were disrupted by the political situation. Lattimore’s journey took place during a turbulent period of civil warlord chaos. The caravan owner, fearing that defeated soldiers would affect the safety of the trade route, would take the initiative to accept low-priced shipping orders to ensure that the goods were transported as soon as possible (Lattimore, 1929, pp. 29-30). This is clearly inspiring for spec-

ulating on the factors and mechanisms affecting the fluctuation of freight rates on the ancient Silk Road.

In addition to the time factor, the geographical space along the Silk Road also had a significant impact on the caravans' journeys. Different topographical conditions directly determined the speed and safety of the caravans' progress. Lattimore described in detail the different requirements of the main road types, such as gravelly Gobi, desert areas and grassland pastures, for the caravans' livestock, especially the camels. In desert areas, the camels' feet needed to be specially adapted to the loose sand. Although this terrain was more camel-friendly, the caravans must be extremely careful not to get lost due to directional errors when crossing. The gravel-covered roads easily damaged the camel hooves, causing them to blister, which in turn affected the walking speed. When crossing the Gobi and the desert, water sources once again became an important factor affecting route selection. Detailed route planning was required before entering such areas to ensure that the caravans had the ability to access water sources and grazing land.

Human factors along the camel road also have an impact on road selection. In general, the Mongolian-Xinjiang camel road could be divided into four routes (Fang, 2024). Lattimore recorded three of them: the Great West Route, the Minor West Route, and the detour route. The specific routes of these three routes are not the main focus of this article, but it should be noted that the detour route was newly opened to avoid the numerous tax barriers and bandits set up by officials and tax collectors. Its name indicated that its mileage didn‘t conform to the shortest distance principle usually followed by caravans, sacrificing time efficiency in exchange for safety and lower tax costs. Compared with regular caravans, some private traders carrying particularly valuable goods were more aggressive in their route selection. Opium dealers were typical representatives. Opium was in great demand everywhere at the time and was an easily marketable commodity. Coupled with the fact that it was light and easy to hide, several dealers travelling in groups could carry opium worth thousands of silver dollars. However, they were also more afraid of bandits than ordinary merchants, so they often rode at high speed along rarely travelled trails on horses instead of camels. This also determined that they would not choose desert routes (Lattimore, 1929, p. 80).

Camel drivers possessed a number of skills that ensured the usability of the routes. One was direction finding. China had first invented the compass in the Middle Ages and used them for navigation. However, until the early modern period Chinese mariners still used astronomical navigation by observing the constellations, a method widely used in the Pacific and Indian Oceans, and Islamic travelers used similar instruments such as the astrolabe (Wu, 2012). But on land, camel drivers had long abandoned astronomical navigation and relied solely on the compass. Lattimore recorded with some amazement that although the Chinese worshipped the North Star when building houses, they knew nothing of its practical use in determining direction (Lattimore, 1929, p. 190). Another skill was finding water in the desert, which was especially useful when people and animals were thirsty. The camel drivers looked for low-lying earthen pits in sand dunes with some shrivelled shrubs nearby, a sign of groundwater, where the caravan could set up camp (Lattimore, 1929, p. 284).

Replenishment and medical care on the camel road

The long journeys along the Silk Road were not only about conducting business, but also about the survival of human life in harsh environmental conditions. Therefore, the use of provisions,

the acquisition of fuel along the way, and coping with injuries and illnesses that were prone to occur during the journey under primitive conditions were also necessary knowledge components for the camel caravans to adapt to the environment and survive successfully. Laethemore also provided quite detailed information in this regard.

In most cases, with careful planning by the leader, the caravan could reach a nearby campsite with water every day. Even in smaller fixed campsites, there were often vendors nearby, and herders would come to exchange goods, so the caravan could replenish consumables more or less stably. However, it was difficult to obtain supplies in some sections of the camel trail. For example, from Lucaojing to Shibanjing in Ejina Banner, there was no water for four consecutive days, which was called *liansihan* (“four consecutive days of drought”). In addition, there was also *liansanhan* (“three consecutive days of drought”). These sections required the camel caravan to carry water in advance to speed up the journey. However, carrying too much water would increase the burden on the camels, so the caravan still needed to accurately calculate the water consumption. Rations were another type of material that had to be guaranteed in sufficient quantities. Camel caravan members mainly ate flour as their staple food, with food such as pulled-flour dumplings, fried millet, and fried oat noodles. Wheat flour buns were considered a rare delicacy. Vegetables were adapted to local conditions, with the main ones being beans, tofu, ginger, green peppers, and peppers. Camel caravans usually carried pickled vegetables or fried bean paste for seasoning. Some camel caravans carried beans, hens, etc., to obtain products such as bean sprouts and eggs along the way (Lin, 2003, p. 231). Lattimore noticed that meat was essential to the camel caravan's recipe. Caravans usually prepared large quantities of dried meat, cured meat and other foods that could be stored for a long time before departure. Meat also provided the fat for making sauce. If there was a shortage of meat, people would feel weak during long journeys (Lattimore, 1929, p. 162-164).

Along the camel road, the terrain in deserts and the Gobi was sparsely vegetated. Apart from buying wood and coal from the villages along the way, it was difficult to obtain traditional wood fuels. In order to meet their daily heating and cooking needs, the caravans had to rely on simpler and more readily available fuels, the most common of which was dried camel dung. Camel dung was widely collected as fuel by camel road pedestrians (Lin, 2003, pp. 159, 185, 240). It did not burn as hot as wood, but it was sufficient for daily cooking and heating needs, especially valuable fuel on cold nights. This therefore reflected the caravans' intensive wisdom in transforming waste products into resources during the journey. When there was not enough camel dung, the caravans would also use dead grass and shrubs found along the way as alternative fuels. For the caravan, the collection and use of fuel was a continuous task. Members of the caravan needed to constantly search for fuel sources during their daily journey to maintain the daily supply of heat (Lattimore, 1929, p. 276; Lattimore, 1930, p. 338).

The health management of caravan members was another key issue that could affect progress or even be life-threatening. The strategy adopted by camel caravan members seemed to focus on preventive healthcare, and they did not have a good approach to treatment. Compared to the superior travel health conditions of the medieval aristocracy (Bos, 2021, pp. 23-25), the most common health drink for camel drivers was brick tea. Unlike the green tea or black tea drunk by the elite, brick tea was made from pressed tea scraps and even crushed tea stalks from the middle reaches of

the Yangtze River. It had a very light taste, but better heat-clearing effects from pespective of traditional Chinese medicine, which could effectively relieve the greasy feeling of meat, and could be mixed with fried rice, fried noodles, etc. to make foods similar to the Tibetan staple food tsamba. Drinking tea before and after each meal became an important ritual during the caravanserai's breaks. In the harsh winter weather, the caravans would make oil tea. This food could be traced back to the imperial court cuisine of the Mongol Empire, and was widely distributed in Mongolia, Tibet and other places surrounding the Chinese hinterland, and penetrated into northern China (Chen, 1994; Buell, Anderson, 2010, pp. 375-378). Lattimore recorded the edition of the food which actually did not contain tea, but was made by mixing sheep fat and roasted flour into a block. In the early morning before departure and in the evening after arrival, people put the oil tea in a bowl, poured boiling water to dissolve it, and ate it to immediately restore warmth to the whole body. Camel drivers also believed that the internal body heat caused by the tea could relieve the effects of freezing and frostbite, which could never be relieved by simply sitting by a fire (Lattimore, 1929, pp. 165-167, 276-277).

In the early modern era, before hygiene became widespread, people on the camel road did not usually bathe. They even believed that jumping into shallow, cool water to wash themselves was harmful to their health. In some towns, there were communal baths where many people could bathe at the same time, but only large cities like Urumqi had elaborately decorated private bathrooms. This was one aspect of the journey that Lattimore did not quite get used to. In these circumstances, it was no surprise that lice were always with the pedestrian. Despite his precautions, after a long journey, Lattimore found that lice had infested his clothes and sleeping bag. He used the method of putting his clothes outside the tent at night to reduce the vitality of the lice, and kept catching lice from his clothes during the day. However, the situation was different for the camel drivers in general, as the lice could hardly be knocked off the sheepskin overcoats they wore. In fact, they had become accustomed to living with the lice and were indifferent to them, and Lattimore said they could not even see the connection between the lice and its nymphs (Lattimore, 1929, pp. 177-178).

Although there is information that travelers on other trade routes had folk remedies for diseases such as malaria[4], at least according to Lattimore's account, the camel drivers did not seem to have a good way to deal with sudden illnesses. For example, cataracts and other eye diseases, they believed that eating boiled animal liver would help, which reflected the deeply ingrained belief in traditional Chinese medicine that there was an implicit correspondence between the liver and the eyes. Another man with swollen legs would often buy black goats to eat their livers, in addition to resting on his mount. This type of placebo therapy, which probably relied on self-healing, was also seen among patients with abdominal cramps on the camel road, who used bloodletting to relieve pain. In terms of bone-setting, for people who fell off a camel and were injured by goods, the treatment was just to walk slowly to avoid blood stasis (Lattimore, 1929, pp. 105, 177-178, 204-205).

Camel drivers had far more experience treating livestock than humans (Shi, 2007, pp. 412-414). As mentioned earlier, the crushed stone roads would easily cause abrasions on the camel footpads, resulting in blisters and even blood blisters. The camel jockeys would then stick a needle into the camel footpads to bleed them and provide care. After the blisters had subsided, small holes were left behind. To prevent the gravel from mixing

in, experienced *xiansheng* would cut off the skin from a dead camel and sew it to the affected area of the cleaned pads of the injured camel. When the sewn skin was used up, the original wound had already healed (Lattimore, 1929, pp. 228-229, 253). This technique of mending camel hooves seems to have been widely practiced on the camel trails of northern China (Liu, in prep.). For of horses and other livestock, the camel caravans also made use of Mongolian medical techniques that were more familiar with the treatment of common horse diseases. Lattimore recorded the treatment of a horse hernia by a Mongolian veterinarian (Lattimore, 1929, pp. 251-252).

Logistics management, market transactions and currency knowledge on the camel road

The goods transported on the new camel road included ginseng, seafood, textiles, tea, tobacco, jade, deer antlers, furs, dried fruit and many other categories. Perhaps because it was the task of the caravan owner to procure the goods and they had little to do with the journey itself, Lattimore himself noticed that the caravans would flexibly adjust the types and quantities of goods according to market demand along the way to maximize profits. He paid more attention to logistics on the camel road, trading in markets along the way, and the caravans' adaptation to the chaotic monetary system at the time.

Camels could carry the heaviest loads of any pack animal, with a standard load of 375 to 400 pounds per camel. A reasonable distribution of the load was the key to ensuring the strength of the camels and the speed of the caravan. An overload could cause the camel to collapse, while an underload means wasted capacity. The caravan leader and the camel driver must therefore carefully calculate and distribute the weight of the goods according to the physical condition of the camels.

To prevent the goods from being damaged during the long journey, the caravan had to pack the goods tightly. The packaging of goods with high value or fragile goods was particularly tight, such as smaller parcels to avoid damage during transportation due to bumps or collisions. Smuggled goods such as opium were stuffed into inconspicuous corners or disguised as short-distance goods. Even so, when caravans were hit by bad weather such as snowstorms, the caravans had to abandon some of the goods. In some well-protected road sections, these goods would remain safely there. The passing merchants knew each other well, and the goods were packaged with the merchant's seal, so that even if the package was lost, it could be retrieved through various means (Lattimore, 1930, p. 336).

The trade activities on the camel road involved almost all members of the caravan, both participants and places of occurrence, and this phenomenon was widespread. As the caravans were divided into ethnic groups such as the Han and Hui[5], and the consumers had different cultural backgrounds such as Mongolian, Kazakh and Uyghur, cultural contact and adaptation were important prerequisites for successful transactions. Merchants needed to respect the culture of the target population and make use of relevant factors. According to the records of the Lattimore, the merchants often said, “Go to the ground, then follow the etiquette,” meaning that when travelling in Mongolia, you had to follow local customs. Han Chinese merchants changed into Mongolian clothing, and the etiquette and furnishings in the caravans' tents had to be the same as those in a Mongolian yurt, obeying the traditional Mongolian taboos and worshipping the gods of Mongolian beliefs. But interestingly, the Han Chinese merchants did not think they were imitating the Mongolians; they were simply following

the rules set down by Emperor Kangxi (reigned between 1661-1722) (Lattimore, 1929, pp. 157-159). At the same time, the Han Chinese merchants opportunistically exploited the preferences of the consumer groups. They understood that Mongolian herders liked to store silver, so merchants would try to entice herders to pay for goods not with silver, but with sheep and cattle, which were worth much more than silver, in order to make higher profits.

The trading practices of the camel road merchants were similar to those of merchants in other parts of China, with a connection between *Dao* ("ethical norms") and *Shu* ("sales techniques") and a clear distinction between the two. In many traditional business ethics manuals, merchants were warned that they must adhere to the virtues of integrity and moderation (Hu, Wang, 2022). But even among Han merchants, trade was often concluded only with the intervention of a third-party intermediary, the *yashang* (agents in pre-modern China) (Hu, 2015). In the eyes of the authorities, *yashangs* sought to cheat on both sides of a transaction, and therefore needed to be strictly regulated. In reality, the biggest room for survival for *yashangs* lay in the fact that neither party was willing to complain to the authorities. Although *yashangs* charged fees from both sides, they also had the obligation to guarantee both sides (Lattimore, 1929, p. 29). The use of deception by Han Chinese merchants was more obvious in their bilateral trade with Mongolian herders. Lattimore observed that merchants used various tricks to make more profits, such as using "large scales to weigh in and small ones to weigh out", tampering with the scales, using deceptive weighing methods, and even getting their opponents drunk to avoid bargaining. Although the herders also responded in kind by mixing a lot of sand into the wool, they were still no match for the cunning merchants (Lattimore, 1929, pp. 60-61).

At the beginning of the 20th century, the situation in northwest China was turbulent, with warlords ruling their own fiefdoms and a chaotic monetary system. Along the camel route, different currencies such as silver taels, silver dollars, copper coins, foreign currencies and paper money were accepted to varying degrees, and their actual value fluctuated greatly. Military defeats of warlords often led to the local currencies they issued becoming worthless. Merchants showed a considerable degree of adaptability and ability to take advantage of the complex and ever-changing monetary system. Lattimore recorded that at the time, Urumqi, Yili, Kashgar and other regions in Xinjiang each had their own currency in circulation, whether paper money or silver coins, and the units of measurement were also different. In order to profit in the complex monetary environment of Xinjiang, merchants had to be proficient in the currency exchange rates of various regions, understand the exchange relationships between different currencies, and respond to changes in exchange rates through personal negotiations. This ability to respond flexibly and take advantage of the monetary system helped merchants gain an economic advantage in regional trade. Xinjiang's official policy deliberately maintained the difficulty of exchanging currencies within and outside the province, forcing merchants to develop underground transactions to circumvent these restrictions. In places such as Kashgar and Urumqi, merchants would take advantage of the distance and differences in currency exchange rates to arbitrage, even carrying heavy copper coins on long journeys to take advantage of the exchange rate differences between different cities (Lattimore, 1930, pp. 307-310). By then, the Soviet Union had been established, and the old Russian ruble gradually fell out of use, but ruble coins were still popular. In southern Xinjiang, merchants would stock up on coins and cheques in In-

dian rupees, Russian rubles and British pounds according to market demand. As these currencies were easy to carry and had stable exchange rates, merchants used them to circumvent the complex monetary policies within Xinjiang and as a means of preserving wealth (Lattimore, 1930, pp. 336-337). These coping strategies of merchants demonstrated their high adaptability to a multi-currency system and their practical wisdom in seeking to maximise profits in a complex environment.

Gathering and transmitting information along the Camel Road

Merchants travelling along the Silk Road must always be on the lookout for information to collect, disseminate and exchange. For caravans crossing multiple cultural and geographical regions, the accuracy and timeliness of information determined the success or failure of their trade. Merchants interacted closely with the markets formed by local residents around the supply points, constantly adapting and integrating with each other's cultures to ensure the smooth flow of trade exchanges. Lattimore's records described in detail the various aspects of information collection and exchange along the Silk Road, demonstrating how caravans used these strategies to cope with the complex and ever-changing environment.

The caravansarais along the camel road were divided into different categories according to the people they served. The post stations, where officials and wealthy merchants rested, the common inns, where the ordinary caravan members stayed, and the more basic encampments, which were located near water sources, were usually located at key points along the route, about a day's journey apart. They not only provided the caravans with basic supplies such as food, water and fuel to enable them to survive in the difficult natural environment, but also served as a gathering place for information about the journey. The frequent entry and exit of caravans, couriers and government officials from different regions formed a network for collecting and disseminating information. Through exchanges with the staff of the post stations or guesthouses who were well versed in local affairs, the hiring of local guides, and other members of the caravan, one could learn about the supply and demand of goods in the markets along the way, transportation costs, the condition of pastures and water sources, as well as the risks of soldiers and bandits that were causing trouble on the road, natural disasters, road safety, etc (Lattimore, 1929, pp. 10, 150-151, 211). When caravans passed through certain major markets, they usually paid special attention to the demand for necessities such as food, cloth, and tea. The caravansarais were therefore not only supply depots, but also important sources of information for the caravans in their decision-making.

The post stations were also nodes in the traditional Chinese postal network, which the caravans could use to transmit information back home in a timely manner. Lattimore recorded the way in which the couriers of the *Jin* merchants, such as *Dashengkui*, delivered the mail by horseback, passing on the information between the various trading posts. The fast horses were well trained and had a lean body shape. Each courier usually had two horses to ride in rotation. The fast horses did not move forward as racing horses do today, but trotted, which gave them better endurance and stability. It was rumoured that the fastest messengers could reach Uliastai in Mongolia from Guihua in six days, while the caravans usually took two months. In addition to messengers, the *Jin* merchants also used dogs to deliver letters. The caravans put commercial letters in the dog collars, and the dogs could run long distances with very little rest until they reached the headquarters. For this reason, *Dashengkui* also established

the "dog unit" and allocated 10% of the profits from trade to the dog breeding account (Lattimore, 1929, p. 72). This legend was prevalent in the area where the *Jin* merchants operated, while Dashengkui was not the only merchant from the Shanxi to keep the dogs as messengers (Xie, 2006, p. 202). It is possible that Lattimore's recording of it was also influenced by F. Galton's "The Art of Travel", which Lattimore had read before his journey and highly praised (Liu, in prep.; Lattimore, 1929, pp. 93-94; Galton, 1872, p. 282).

The camel road passed through different cultural regions, and the trade between the members of the caravan and the people along the way also required them to be flexible and adapt to different cultural backgrounds and communicate with a diverse range of people. Lattimore recorded in detail how the caravans actively participated in local social activities by respecting local culture, learning the language, and understanding local customs and habits, ensuring good relationships with merchants, local officials and residents in each region. Language was one of the most important tools in cultural adaptation. The caravans needed to have some members who mastered different languages, such as Chinese, Mongolian, Uyghur, Russian, etc., to communicate smoothly with the locals and bring all the sides closer together. Many Mongolian words have entered the daily vocabulary of the caravans, such as the previously mentioned Chinese character for "*hulamaor*" (胡里冒儿), which seemed to mean "confused", but was actually a transliteration of the Mongolian word *kholimag* for "mixed", which suggested the nomadic origin of this form of caravan organization (Lattimore, 1930, pp. 307-310)[6]. If people really had difficulty communicating due to the language barrier, they could also use alcohol to create a lively and harmonious atmosphere (Lattimore, 1930, pp. 216-217). The caravans' proactive cultural adaptation not only helped the caravans reduce barriers in trading, but also promoted the flow of information, thus playing a positive role in making correct decisions.

Conclusion

The Camel Road from Inner Mongolia to Xinjiang was an important part of the Silk Road in northwest China from the late 19th century to the early 20th century. Merchants used the practical skills of the earlier Tea Road to further develop a highly specialized knowledge system to support movement, trade and exchange activities on this trade route. Although later scholars have collected some of the information, as a contemporary observer, Lattimore personally experienced the Silk Tea Camel Road journey, and his travel notes focused on the journey itself, vividly describing the various types of people involved in the camel road. It has important historical value as "contemporary people talking about contemporary history."

Through a comprehensive analysis of the supporting skills of the Camel Road, extracted from Lattimore's travel notes, we can gain a deeper understanding of how practical skills on the Silk Road had sustained the operation and prosperity of this trading network since ancient times. The Silk Road was not just a channel for material exchange. In fact, its operation and continued development were highly dependent on a series of complex and sophisticated skills that were constantly practiced and deeply internalized in the actions of travelers. From the choice of vehicles and livestock, the organization and division of labor in the caravan, the preparation of travel equipment and security measures, to the precise grasp of the season and route of travel in terms of time and space, the caravans demonstrated a high degree of practical wisdom and the ability to deal with uncertainties such as complex environments and changing social situations.

Lattimore's records provided profound insights for modern people to understand the cross-cultural exchanges, resource management and coping with uncertainties of their ancestors. His records can also help us learn from the past and hopefully reveal how, in what seems like a distant history, humans overcame obstacles with knowledge and skills to build a bridge connecting the East and the West. The success of the Silk Road not only depended on the caravans and trade, but also on their mastery of practical skills and continuous innovation. These skills was the invisible force that sustained the long-lasting prosperity of the ancient Silk Road, and they are worth exploring and learning from.

Notes

[2] The carrying capacity of a Tianjin merchants' camel was generally around 280-300 *jin* (about 308-330 pounds), which was slightly smaller than Lattimore's record (Tianjin Oral History Research Association, Tianjin Xiqing District Political Consultative Conference, 2014, pp. 391, 408, 446).

[3] A "chain" recorded by Lattimore usually consisted of 18 camels. In the Zhangjiakou area, a camel driver usually pulled a "bunch" of 12 camels each, and ten bunches made up a house or a chain (Liu, in prep.). The Hui merchants in Linxia, Gansu province, counted their goods in groups of seven, each pulled by a camel driver, and at least four groups made up a "team" (Yan, 2007, pp. 158-162).

[4] For example, horse caravans in the Yunnan area knew about more effective folk remedies for malaria and injuries, as well as protective measures when climbing snowy mountains (Ma, 2007, pp. 16-17, 91).

[5] Lattimore recorded this distinction mainly based on the cultural background of the caravan owners, in fact there were also many Han people in the Hui caravans.

[6] The handbook of the commercial pidgin used in the commercial port of Kyakhta on the Mongolian-Russian border has been studied by scholars (Попова, Таката, 2017), but it is unclear whether merchants used any forms of this kind of handbook along the camel road.

REFERENCES

1. Bos, G. 2021. *Qusṭā ibn Lūqā's Medical Regime for the Pilgrims to Mecca*. Leiden: Brill.
2. Buell, P. D., Anderson, E. N. 2010. *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao*. Leiden: Brill.
3. Bulliet, R. 1990. *The Camel and the Wheel*. New York: Columbia University Press.
4. Chen, G. 1994. The Custom of Drinking Tea in the Yuan Dynasty. *Historical Research*, (1), 89–102 (in Chinese).
5. Chen, W. (in print). The Silk Road as a Skilled Practice: Taking the Two Tea Roads as Cases. *Archaeology of Eurasian Steppe*.
6. Chen, W. 2023. The Silk Roads as Skilled Practice. In Mukhtarova, G.R. (ed.). *Talgar and Kayalyk Hillforts as Components of Silk Roads: The Chang'an-Tianshan Corridor, The International Seminar*, Almaty: Z-Print, 95–98.
7. Chen, X., Wang, H. 2006. Transportation industry in the ancient town of Qikou, Linxian County. In *Editorial Board of the Shanxi Provincial Committee of the CPPCC's "Historical Records of Shanxi Merchants", Editorial Board of the Lvliang Municipal Committee of the CPPCC's "Historical Records of Shanxi Merchants: Lvliang Volume", (eds.). Historical Records of Shanxi Merchants: Lvliang Volume*. Taiyuan: Shanxi People's Press, 172–190 (in Chinese).
8. Fang, Z. 2024. The little-known Suiyuan-Xinjiang Camel Road. In *People's Political Consultative Daily*, September 2nd, p. 11 (in Chinese).
9. Galton, F. 1872. *The Art of Travel*. London: John Murray.
10. Hasebroeck, J. 1933. *Trade and Politics in Ancient Greece*. New York: Biblo and Tannen.
11. Hu, G., Wang, T., 2022. Upholding Justice while Pursuing Interests: Community-Based Labor Sharing Incentive of Chinese Classical Enterprises. A Case Study Based on Shanxi Merchants Qiaojiazihao. In *Frontiers of Business Research in China*, 16(3): 295–336.
12. Hu, T. 2015. *A Study of Ming and Qing Xiejia*. Beijing: China Social Sciences Press.
13. Lambourn, E. 2018. *Abraham's Luggage*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Lattimore, O. 1929. *The Desert Road to Turkestan*. Boston: Little, Brown, and Company.
15. Lattimore, O. 1930. *High Tartary*. Boston: Little, Brown, and Company.

16. Lattimore, O. 1960. *Studies in Frontier History Collected Papers: 1928-1958*. Oxford University Press.
17. Lattimore, O. 1972.
18. Li, D., Li, D. 2006. Commercial performance of Datong in the Qing Dynasty. In Editorial Board of the Shanxi Provincial Committee of the CPPCC's "Historical Records of Shanxi Merchants" In *Historical Records of Shanxi Merchants: Datong Volume.* Editorial Board of the Datong Municipal Committee of the CPPCC's "Historical Records of Shanxi Merchants: Datong Volume" (eds.). *Historical Records of Shanxi Merchants: Datong Volume*. Taiyuan: Shanxi People's Press, 31–43 (in Chinese).
19. Li, W., 2007. The Long journey across the Vast Sandy Sea: Baotou to Wuwei. In Alxa League Committee of the CPPCC for History and Culture, (ed.). *Past Events in Alxa League*, vol. 3, 511–519 (in Chinese).
20. Li, X. The Historical Role and Practical Significance of the Porters on the Ancient Tea-Horse Road. In Ya'an Municipal People's Government, Sichuan Provincial Administration of Cultural Heritage (eds.). *Border Tea, Tibetan Horses: Proceedings of the Symposium on the Protection of the Cultural Heritage of the Ancient Tea-Horse Road (Ya'an)*. Beijing: Cultural Relies Press, 158–159.
21. Lin, J. 2003. *A Travelogue from Mongolia, Xinjiang, Gansu and Ningxia*. Lanzhou: Gansu People's Press (in Chinese).
22. Liu, Z. (in prep.) *Oral History of Zhangjiakou-Kulun Road* (in Chinese).
23. Ma, C. (ed.). 2007. *The Distant Bell on the Ancient Tea-Horse Road: The Oral History of Yunnan Horse Caravans and Horse Pot Heads*. Kunming: Yunnan University Press (in Chinese).
24. Melczer, W. 1993. *The Pilgrim's Guide: To Santiago de Compostela*. New York: Italica Press.
25. Shi, Y. 2007. The salt industry and camel transport in Alxa Banner. In Alxa League Committee of the CPPCC for History and Culture (ed.). *Past Events in Alxa League*, vol. 3, 396–431 (in Chinese).
26. Tianjin Oral History Research Association, Tianjin Xiqing District Committee of the CPPCC (eds.). 2014. *The Tianjin Merchants along the Silk Road: Compilation of Sources of "Goin to the Great Camp"*, Tianjin: Tianjin People's Press (in Chinese).
27. Wu, C. 2012. From the Austronesian practice of "naked palm star reading" to Zheng He's "crossing the ocean to guide the stars": an exploration of the origins of astronomical navigation around the China Sea. In *Cultural Relics in Southern China*, (3), 144–150 (in Chinese).
28. Xie, Z. 2006. Xieyang. In Editorial Board of the Shanxi Provincial Committee of the CPPCC's "Historical Records of Shanxi Merchants", Editorial Board of the Xinzhou Municipal Committee of the CPPCC's "Historical Records of Shanxi Merchants: Xinzhou Volume" (eds.). *Historical Records of Shanxi Merchants: Xinzhou Volume*. Taiyuan: Shanxi People's Press, 201–203 (in Chinese).
29. Xu, B. 2003. *The Diary of Journey to the West*. Lanzhou: Gansu People's Press (in Chinese).
30. Yan, M. 2007. *The Culture of the Hezhou Hui Itinerant Trader*. Yinchuan: Ningxia People's Press (in Chinese).
31. Zhuo, H. 1937. Map of the products of each county in Suiyuan Province. Beijing: Self-publishing by the editor (in Chinese).
32. Попова, И.Ф., Таката, Т. 2017. *Словари кяхтинского пиджина*. Москва: Восточная литература.

About the Authors:

Chen Wei. PhD. Institute for the History of Natural Sciences, Chinese Academy of Sciences, Zhongguancundong Road 55, Beijing 100190, China; chenwei@ihns.ac.cn.

НАВЫКИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ МОНГОЛО-СИНЬЦЗЯНСКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА ВЕРБЛЮДАХ: В ОСНОВЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК О. ЛАТТИМОРА

Чэнь Вэй

В данной статье, посвященной путевым заметкам американского востоковеда Оуэна Латтимора о Монгольско-Синьцзянском пути на верблюдах с 1926 по 1927 год, исследуются практические навыки и система знаний на этой ветви Великого Шелкового пути в начале нового времени. Благодаря подробному изучению выбора верблюжьими караванами способов передвижения, организации и разделения труда в караванах, туристического снаряжения и обеспечения безопасности, сезонности и выбора маршрута, снабжения и медицинского обслуживания, управления логистикой, рыночных

Исследование профинансировано программой IHNS "Практические методы Шелкового пути в контексте взаимного обучения цивилизаций" (E4292S02).

операций, адаптации валютных курсов, а также сбора и передачи информации о деловых поездках, в этой статье раскрываются различные аспекты повседневных навыков, которые поддерживали функционирование Великого Шелкового пути, и показывается, как караваны верблюдов использовали эти навыки для преодоления экологической и социальной неопределенности и содействия торговле и культурным обменам. В исследовании делается вывод о том, что именно эти многолетние наработки и постоянное применение на практике навыков превратили Шелковый путь в торговую и культурную сеть по всей Евразии. Путевые заметки О. Латтимора имеют большое историческое и практическое значение для понимания этого процесса.

Ключевые слова: археология, Монголия, Синьцзянский чайно-шелковый верблюжий путь; Оуэн Латтимор; вспомогательные навыки; ранний модерн.

Информация об авторе:

Чэнь Вэй, доктор философии. Институт истории естественных наук Академии наук Китая, ул. Чжунгуаньцунь Донг, 55, Пекин, 100190, Китай; chenwei@ihns.ac.cn

Статья принята в номер 10.10.2024 г.

УДК 902 https://doi.org/10.24852/pa2025.2.52.233.247

КЛАД ДИРХЕМОВ X В. НА Р. ТУСКАРЬ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2025 г. В.В. Енуков, С.А. Гоглов

В статье вводится в научный оборот клад обрезанных вкруг куфических дирхемов, найденный в 1970-х гг. в верховьях р. Тускарь Курской области. Из его состава в Курский областной краеведческий музей поступило 60 вырезок, выполненных в своем большинстве из саманидских монет. Комплекс датируется 2-й половиной 980-х гг. Хронологическое распределение и метрология выявили его принадлежность к финальному этапу специфического денежного обращения, получившего распространение в одном из регионов Северской земли – «Посемье».

Ключевые слова: Курская область, X в., обрезанные вкруг дирхемы, метрология, роменская культура, Северская земля, «Посемье».

Несколько лет назад старейший на то время научный сотрудник КОКМ В.И. Склярук обратился к одному из авторов с просьбой помочь в передаче коллекции клада дирхемов (обмеры, первичная нумерация, сканирование), который в итоге был принят на хранение в 2021 г. К сожалению, сведения об обстоятельствах его обнаружения отличались краткостью, так как сдатчик не являлся находчиком. Клад, по его словам, был обнаружен в начале 1970-х гг. в «верховьях реки Тускари» (правый приток р. Сейм, Днепровский бассейн). Изначально комплекс был больше и состоял из обрезанных вкруг дирхемов, в числе которых был только один целый. В дальнейшем для удобства он будет именоваться «Т*у*скарьский».

Несмотря на скудость информации и утерю части монет, хронология и метрология клада представляют заметный интерес, что и послужило причиной ввода его в научный оборот. Его находка, несмотря на условность географической привязки, выглядит абсолютно закономерной. Именно для междуречья Сейма с притоками и Псла, которое соотносится с известным по летописям «Посемьем» в составе Северской земли, характерны круглые вырезки из дирхемов, связанные с роменским населением. На памятниках этой культуры обнаружен как целый ряд кладов (Переверзево, 2002 г.; Воробьевка 2-я, 1965 г.; Ратманово, 2010 г.; Жидеевка 1, 2003 г.; Шуклинка, 2009 г.; Кудеярова гора, 2009 г.; Жерновец, 2015 г.), так и разрозненные находки этих специфических артефактов. В свою очередь, этот сравнительно небольшой по площади регион отличает исключительно высокая плотность памятников, наибольшая концентрация которых достигает как раз в Потускарье (Енуков, 2005, карта), причем по течению реки отмечается и значительное скопление кладов с обрезанными дирхемами (Енуков, 2023, рис. 2). Справедливости ради стоит оговориться, что роменские поселения выявлены до среднего течения Тускари, примерно до места впадения в нее р. Сновы, и здесь, в д. Воробьевка 2-я, известен клад со значительным преобладанием обрезанных дирхемов последней четверти X в. (Гребенникова, Шпилев, 2009). Речка на этом участке невелика и на бытовом уровне может восприниматься как «верховья».

Всего в КОКМ поступило 60 обрезанных вкруг монет (целая не сохранилась), из них 12 были изготовлены из центральной части дирхемов, 48 – из края (рис. 1–5). Свидетельства вторичного использования имеют три вырезки (№ 37, 39, 53), у которых просверлено по одному отверстию диаметром 1 мм. Лишь отдельные из монет полностью или частично сохранили выпускные и иные датирующие сведения, поэтому большая их часть да-

Таблица 1

Династийный и хронологеографический состав Тускарьского клада, 1970-е гг.

№	Династия, эмитент	Обрезан, центр		Обрезан, край		Всего		Место и год выпуска (г. х.) (экз.)
		Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	
1	Аббасиды	1	1,67	–	–	1	1,67	(322–329)
2	Бувейхиды	–	–	1	1,67	1	1,67	(332–366)
3	Саманиды	9	15	41	68,33	50	83,33	см. ниже
4	Неопределимые	1	1,67	5	8,33	6	10	–
5	Не отчеканенные заготовки	1	1,67	1	1,67	2	3,33	–
	Всего	12	20	48	80	60	100	
Саманидские эмиры								Место и год выпуска (г. х.) (экз.)
Наср б. Ахмад		6	10	3	5	9	15	Андараба – 308 аш-Шаш – (301–310) (аш-Шаш) – (322–329) (4) МД не виден – (320–322), (322–329), (301–331)
Наср б. Ахмад или Нух б. Наср		1	1,67	–	–	1	1,67	МД не виден – (329–333)
Нух б. Наср		2	3,33	4	6,67	6	10	Самарканд – (331–343), (331–343) (2) аш-Шаш – (331–343) МД не виден – 333(?), 33(7/9)
Нух б. Наср или Абд ал-Малик б. Нух		–	–	1	1,67	1	1,67	МД не виден – 34х
Абд ал-Малик б. Нух		–	–	4	6,67	4	6,67	Самарканд – 34х аш-Шаш – (343–350) (аш-Шаш) – 34х МД не виден – (343–350)
Абд ал-Малик б. Нух или Мансур б. Нух		–	–	1	1,67	1	1,67	МД не виден – (350–365)
Мансур б. Нух		–	–	19	31,67	19	31,67	Балх – 352 (?) Бухара – 355, 357(?), (350–359) (Рашт) – (358–366) (2), 363(?) аш-Шаш – (353–355), (353–365) (2), 363(?) (аш-Шаш) – 35х (2), (353–360) (2), (361–366) (2) МД не виден – 35х (350–365)
Время Нуха б. Насра – Мансура б. Нуха		–	–	2	3,33	2	3,33	аш-Шаш – (331–365) МД не виден – (331–365)
Мансур б. Нух или Нух б. Мансур		–	–	5	8,33	5	8,33	(Самарканд) – (353–387) (аш-Шаш) – (350–369) МД не виден – (353–387) (2), (365–387)
Нух б. Мансур		–	–	1	1,67	1	1,67	МД не виден – 36х
Нух б. Мансур (?)		–	–	1	1,67	1	1,67	37(5/8) t.p.q.

тируется интервально по вошедшим именам династов, дифферентам и типовым особенностям. Шесть вырезок не определены из-за значительной затертости, еще две вырезаны из неотчеканенных заготовок.

Старшая вырезка выполнена из саманидского дирхема Насра б. Ахмада чекана Андарабы 308 г. х. (921/922 г.) (прил.) Династийная принадлежность младшей вырезки – предположительная (Саманиды, Нух б. Мансур?), из даты на нее целиком вошел разряд десятков, фрагмент разряда единиц определяет дату вариативно: 37(5/8) г. х. (985/986 или 988/989 гг.). Интервалы датировки четырех вырезок из дирхемов Мансура б. Нуха или Нуха б. Мансура формально достигают финала правления послед-

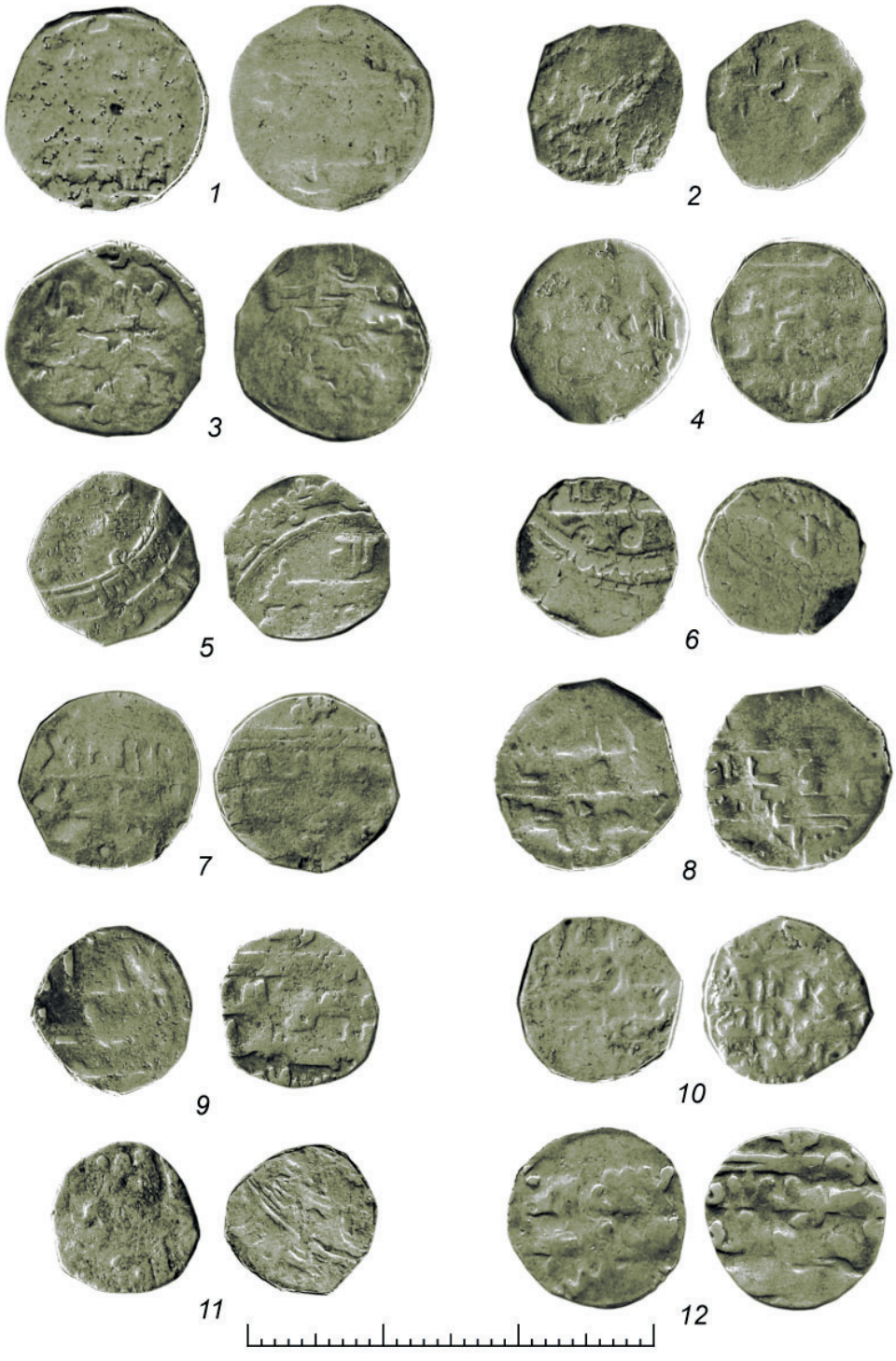


Рис. 1. Тускарьский клад. Дирхемы №№ 1–12.
Fig. 1. Tuskar hoard. Dirhams No. 1–12.

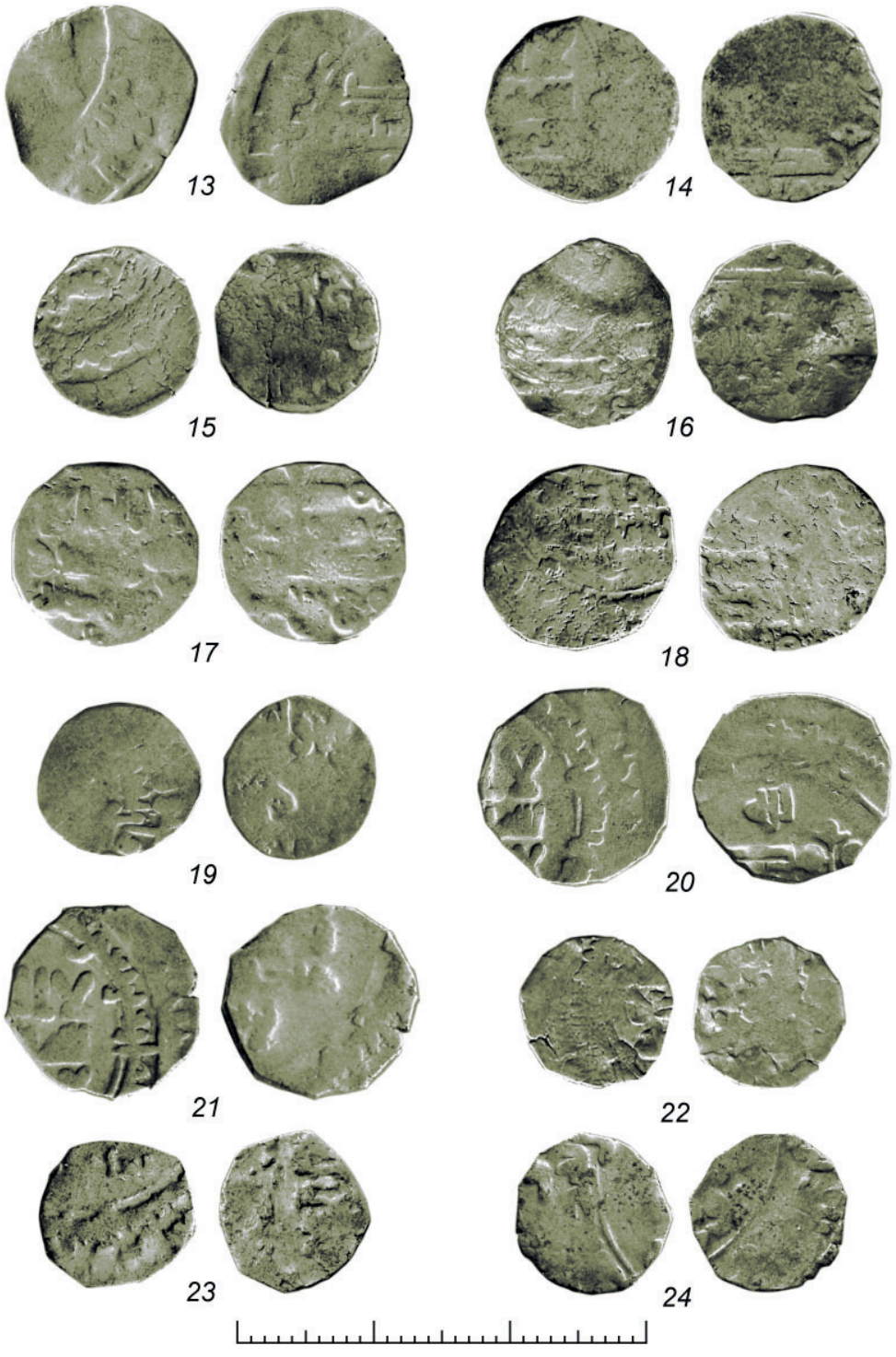


Рис. 2. Тускарьский клад. Дирхемы №№ 13–24.
Fig. 2. Tuskar hoard. Dirhams Nos. 13–24.

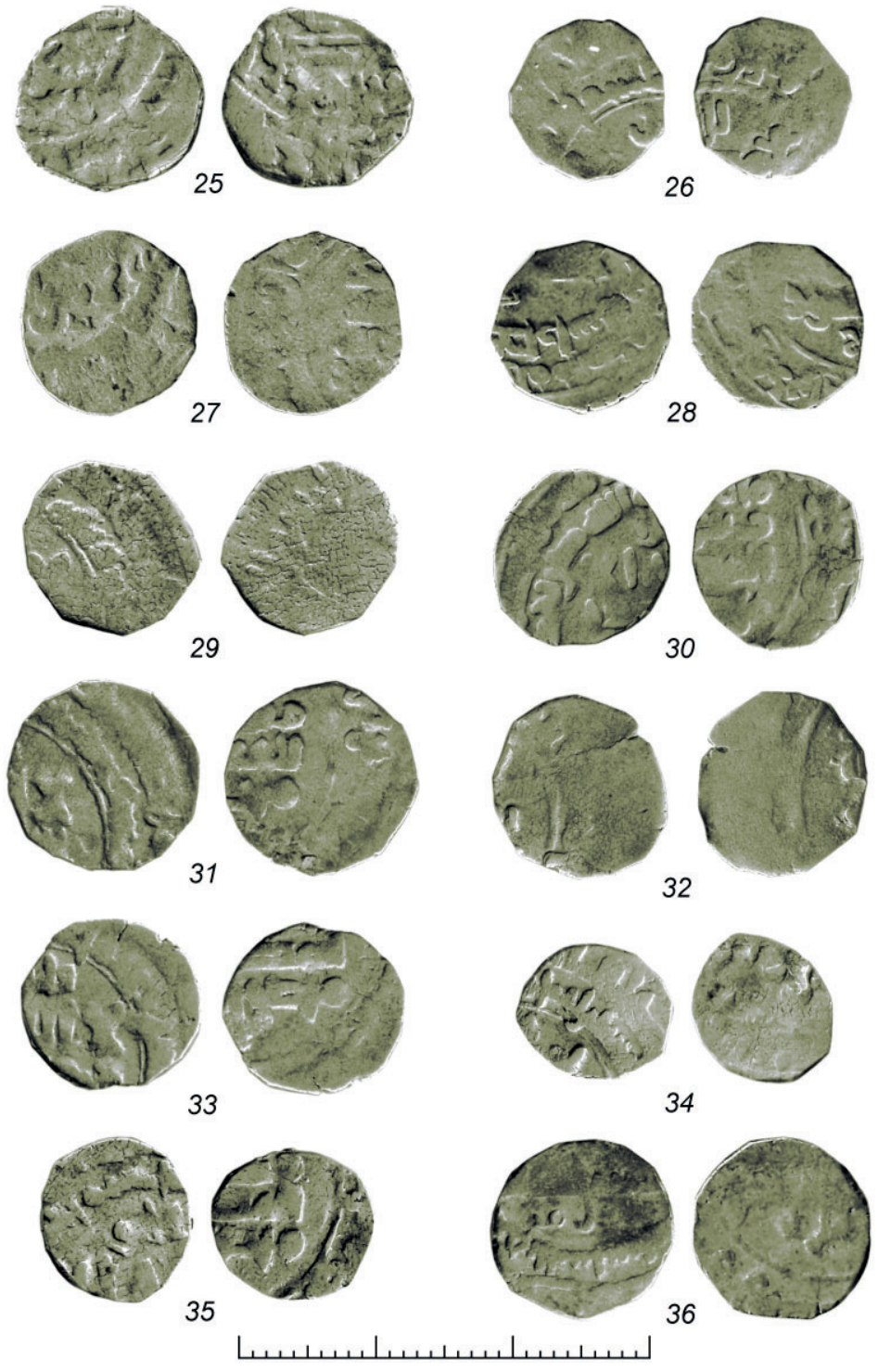


Рис. 3. Тускарьский клад. Дирхемы №№ 25–36.
Fig. 3. Tuskar hoard. Dirhams No. 25–36.

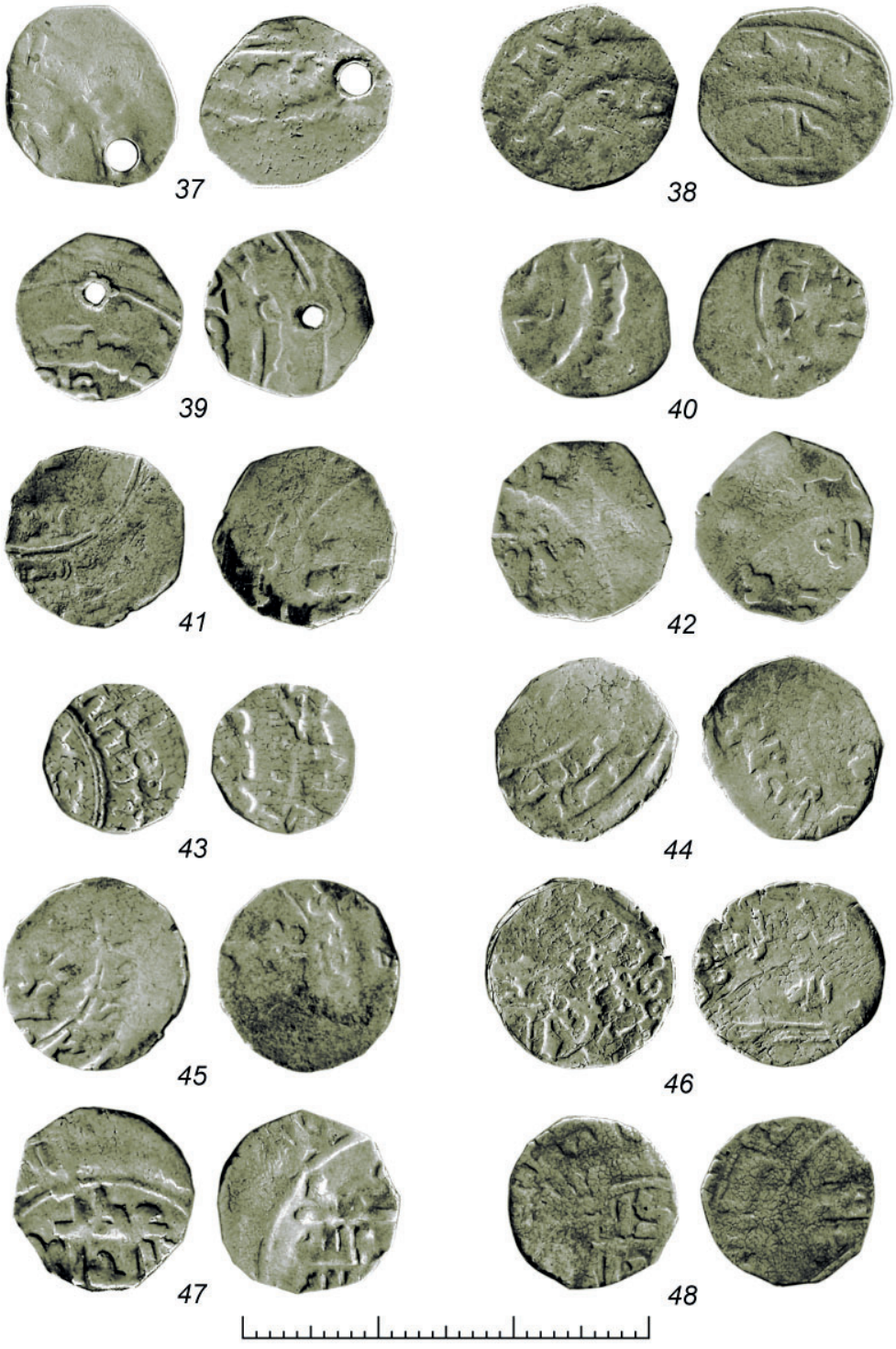


Рис. 4. Тускарьский клад. Дирхемы №№ 37–48.
Fig. 4. Tuskar hoard. Dirhams No. 37–48.

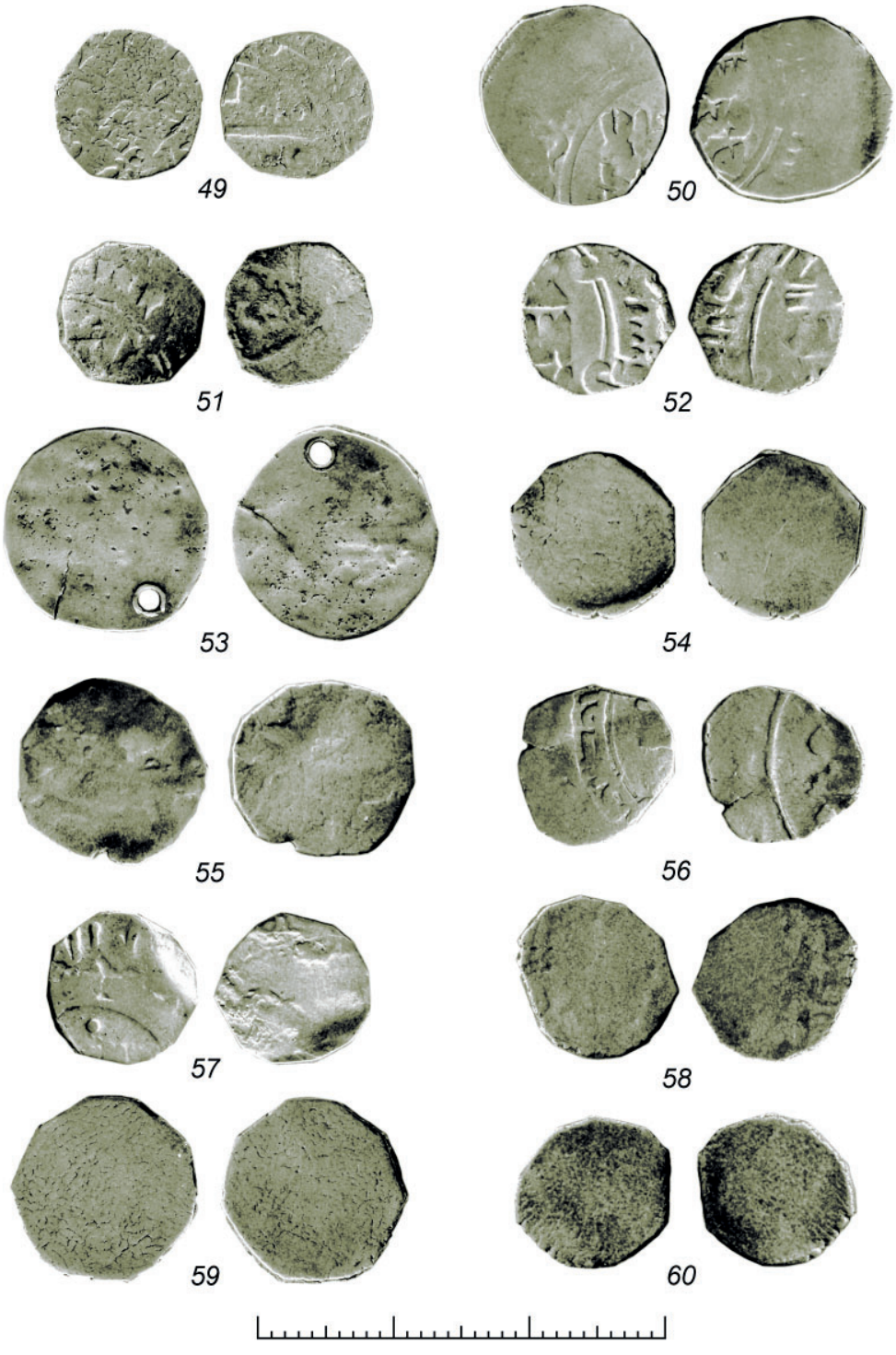


Рис. 5. Тускарьский клад. Дирхемы №№ 49–60.
Fig. 5. Tuskar hoard. Dirhams No. 49–60.

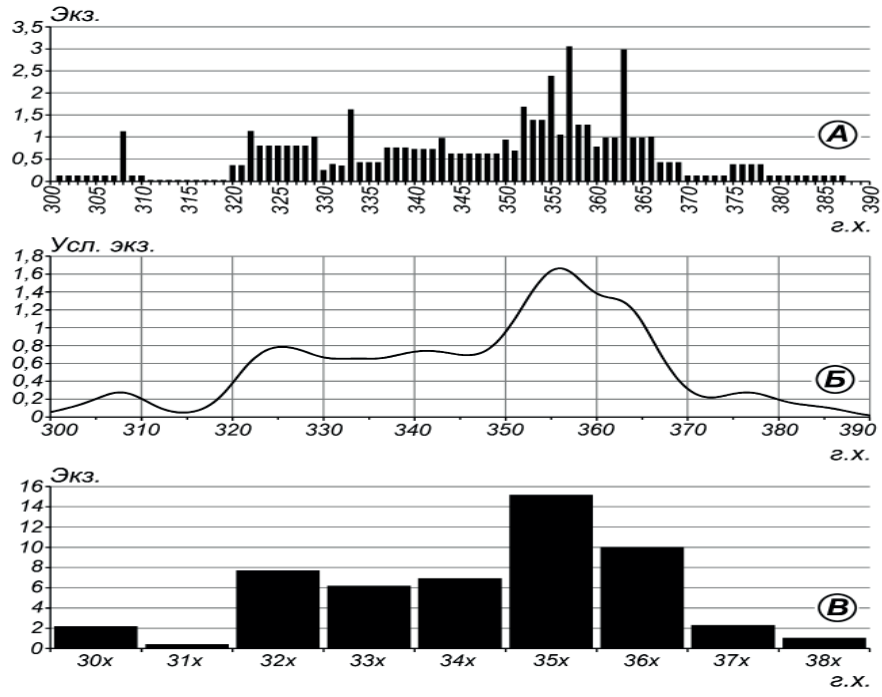


Рис. 6. Тускарьский клад. Хронологическое распределение. А – погодовая гистограмма; Б – график визуализации распределения; В – подекадная гистограмма.

Fig. 6. Tuskar hoard. Chronological distribution. A – histogram by year; B – distribution visualization graph; B – ten-year histogram.

него (387 г.х.), но нет оснований утверждать, что они были отчеканены позже датировки указанной младшей монеты. Погодовая и подекадная гистограммы хронологического распределения, а также его сглаженный график (методика визуализации см. Големихов, 2016, с. 8–20), построенные с учетом интервальных датировок (рис. 6), показывают, что пики распределения приходятся на два десятилетия, предшествующие датировке младшей монеты. Более отчетливый из них, выявляемый визуализацией, приходится на 350-е гг. х., что подтверждается и подекадной гистограммой. С учетом того, что в «Посемье» вырезки после дообрезки в действующую «норму» возвращались в оборот, накопление комплекса следует признать достаточно быстрым. В доступной для изучения его части преобладают саманидские дирхемы (86% от числа определимых). Распределение вырезок по династиям, дворам, датам (датировкам) приведено в табл. 1. Отметим, что в комплексе отсутствуют дирхемы восточноевропейские и Волжской Болгарии, малая доля или отсутствие которых в целом характерны для северянских комплексов 3-й четверти X в. (Гоглов, 2022, с. 32, 33, табл. 1).

В.П. Лебедев в целой серии публикаций (одна из последних см.: Лебедев, 2023, рис. 7, 8, 10) убедительно доказал постепенное уменьшение размеров вырезок, вес которых с 920-х по 990-е гг. падал примерно на 0,2 г в десятилетие. По t.p.q. Тускарьский клад является одним из самых поздних в «Посемье», в связи с чем особую значимость приобретают его метрологические параметры. Весовые значения комплекса дают значительный разброс с целым рядом пиков (рис. 7:

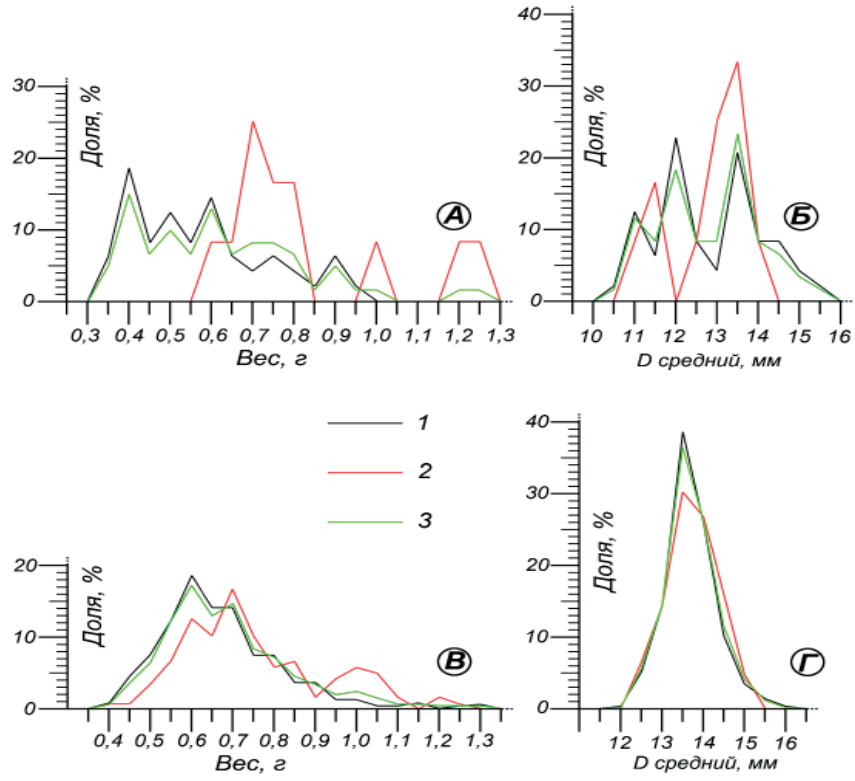


Рис. 7. Графики веса и средних диаметров вырезок. А, Б – Тускарьский клад, 37(5/8) г. х. (985/986–988/989 гг.) (60 экз.); В, Г – Шуклинка, 370 г. х. (980/981 г.) (469 экз.). 1 – краевые вырезки; 2 – центровые вырезки; 3 – общий тренд.

Fig. 7. Graphs of weight and average diameters of the clipped coins. A, B – Tuskar hoard, 37(5/8) AH (985/986–988/989) (60 coins); C, D – Shuklinka, 370 AH (980/981) (469 coins). 1 – coins clipped from the edge; 2 – coins clipped from the center; 3 – general trend.

А). Можно только констатировать, что вес почти двух третьих (62,2%) краевых вырезок составляет от 0,4 до 0,6 г, а большинства центровых (58,5%) тяготеет к 0,7–0,8 г. Впрочем, последний показатель обладает заметной условностью в силу незначительного количества наблюдений. Обращение к общему тренду с учетом веса без разделения по участку изготовления вырезок несколько сглаживает, однако непринципиально, общую картину.

На первый взгляд, похожий облик имеют и графики средних диаметров (центровые и концевые вырезки, общий тренд), которые, однако, приобретают более упорядоченный вид, что более отчетливо проявляется на общем тренде (рис. 7: Б): при неярко выраженной моде в 13,5 мм заметная часть артефактов имела размеры 11–12 мм. Особо отметим, что если центровые вырезки несколько более тяжелые, то их размеры мало отличаются от краевых. Этот факт вполне объясним ввиду того, что толщина монетного поля несколько больше в центре по сравнению с краями. В свою очередь, это позволяет предположить, что «изготовители» вырезок в первую очередь уделяли внимание размерам, нежели весу.

Разброс метрологических характеристик требует попытки объяснить его причины, для чего необходимо обратиться к близким по хронологии кладам, где особое внимание своей репрезентативностью привлекает

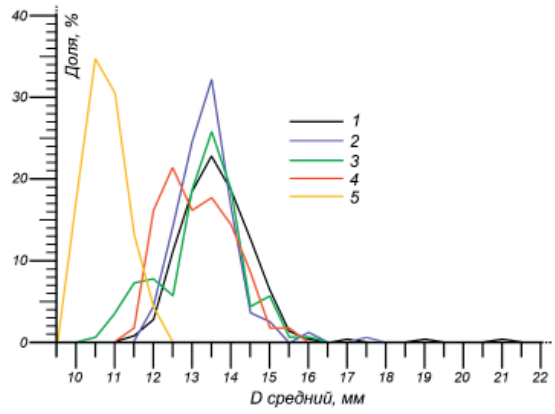


Рис. 8. Графики общих трендов средних диаметров вырезок из кладов. 1 – Курский-2017-1, 370 г. х. (980/981 г.) (232 экз.); 2 – Жерновец, 370-е гг. х. (980-е гг.) (162 экз.); 3 – Восточная Латвия, 373 г. х. (983/984 г.) (139 экз.); 4 – Волобуево, 364 г. х. (974/975 г.) (56 экз.); 5 – Кудеярова гора 379 г. х. (989/990 г.) (23 экз.).

Fig. 8. Graphs of general trends in the average diameters of clipped coins from hoards. 1 – Kursk-2017-1, 370 AH (980/981) (232 coins); 2 – Zhernovets, 370s AH (980s) (162 coins); 3 – Eastern Latvia, 373 AH (983/984) (139 coins); 4 – Volobuevo, 364 AH (974/975) (56 coins); 5 – Kudeyarova Hill, 379 AH (989/990) (23 coins).

Шуклинка с t.p.q. 370 г. х. (980/981 гг.), в составе которого 122 центровых вырезки и 347 краевых (Енуков и др., 2017). Краевые и центровые вырезки демонстрируют бимодальное распределение веса со значениями 0,6 и 0,7 г, при этом правое плечо оказывается растянутым, со «ступеньками», которые несколько сглаживаются в общем тренде (рис. 7: В). Совершенно иной вид демонстрирует анализ средних диаметров (рис. 7: Г): все три варианта расчетов (краевые, центровые вырезки, общий тренд) практически совпадают, при этом их облик фактически соответствуют нормальному распределению с модой 13,5 мм, которая как раз отмечена одним из пиков Тускарьского клада. В свою очередь, сравнение графиков веса и диаметров Шуклинки дает серьезный аргумент в пользу версии о приоритете последнего показателя.

Шуклинский комплекс демонстрирует практически полное тождество размеров центровых и краевых вырезок. Общие тренды ряда поздних «посемьских» кладов в целом подтверждают ведущую роль размеров и также показывают моду в 13,5 мм. Это – Курский-2017-1, 980–981 гг. (Гоглов, Лебедев, 2020), Жерновец, 980-е гг. (Лебедев, Стародубцев, 2016), Восточная Латвия, 983–984 гг. (Лебедев, Марков, 2015). Комплекс из Красниково 1-го (1978, 2005 гг.) обладает двумя модами в 15,0 и 13,5 мм (в обоих случаях по 26,0% от общего количества), однако из его состава оказались пригодными для изучения только 23 артефакта, что не исключает вероятности статистической погрешности. Депозит отличается необычностью для этого времени состава в виде представительной группы византийских милиарисиев (23 экз.), которые и определяют нумизматическую дату не ранее середины 970-х гг. (Лебедев и др., 2009). Использованные для расчетов данные содержатся в перечисленных публикациях, а их результаты с учетом всех кладов X в. с вырезками будут опубликованы одним из авторов в самое ближайшее время.

Таким образом, есть все основания считать, что пик в 13,5 мм в Тускарьском кладе совершенно не случаен. Обратимся к вырезкам этого депози-

та, имевшим меньшие размеры. Артефакты со средним диаметром 12 мм известны в Шуклинке (рис. 7: Г), однако их доля крайне мала (0,2%). Повышается она в уже упоминавшихся кладах – Курском-2017-1, Жерновце, Восточно-Латвийском, а также Волобуево (t.p.q. 974–975 гг.) (Енуков, Лебедев, 2010) и Кудеяровой Горе (t.p.q. 989–990 гг. (Енуков, Лебедев, 2011). Рассмотрим их размерность.

Депозиты Курский 2017-1, Жерновец и Восточно-Латвийский имеют близкий облик с четко выделяющейся, как уже отмечалось, модой в 13,5 мм (рис. 8), хотя последний несколько выделяется спецификой в виде в двух дополнительных, заметно менее выраженных пиков. Первый приходится на 15 мм и явно отражает присутствие небольшой группы монет предшествующего обращения. Эта мода характерна для Железногорского клада, имеющего интервальную дату 944/945–956/957 гг. (Гоглов, 2022, рис. 4: а). Особый интерес представляет крайняя часть левого плеча, которое отражает присутствие в комплексе вырезок среднего диаметра 10,5–12,5 мм со вторым слабовыраженным пиком в 11,5–12,0 мм. Судя по всему, здесь фиксируется небольшое поступление монет, которые появляются в обращении позднее пика моды в 13,5 мм.

Волобуево демонстрирует бимодальность (рис. 8). Менее выраженный пик приходится на неоднократно отмеченные 13,5 мм, второй, ведущий – на 12,5 мм, при этом в комплексе присутствуют также вырезки с еще меньшим средним диаметром – 11,5–12 мм. Стоит отметить, что при принятом на основе зийаридского дирхема t.p.q. 364 г. х./974–975 гг. в состав Волобуевского комплекса входили монеты с более поздними, хотя и интервальными, датами: один, чеканенный при халифе ал-Мути и с именем сановника Фаик (354–369 г.х./965–980 гг.), второй – с именем только Фаика (354–374 г. х./965–985 гг.) (Енуков, Лебедев, 2010, с. 99). Таким образом, нельзя исключать того факта, что Волобуевский депозит был моложе, что делает его хронологически очень близким Тускарьскому кладу.

Наконец, в заметном отрыве располагается самый поздний из числа известных комплекс Кудеяровой Горы с ярко выраженной модой в 10,5 мм (рис. 8). Отметим, что эта своего рода лакуна присутствует на всех графиках веса В.П. Лебедева вплоть до самых последних публикаций (Лебедев, 2023, рис. 7, 8, 10), несмотря на то, что они постоянно дополняются новыми данными.

Таким образом, характер формирования Тускарьского клада соответствует общим закономерностям метрологии поздних комплексов с вырезками, которые имеют, за исключением Кудеяровой Горы, довольно узкую нумизматическую хронологию в пределах десятилетия, с середины 970-х по середину 980-х гг. Тускарьский депозит формируется в период господства нормы обрезки, стремящейся к 13,5 мм и, вероятнее всего, незадолго до выпадения пополняется вырезками меньшего размера, что также отмечается в Восточно-Латвийском и особенно – в Волобуевском депозитах. Однако, в отличие от них, график размерности монет этой части Тускарьского комплекса имеет нестабильный, «рваный» облик с двумя, как минимум, пиками, что в целом нехарактерно для поздних «посемьских» кладов. Объяснение этому, вероятно, кроется в импульсивном характере последних вкладов в его состав.

В связи с некоторыми результатами анализа метрологии стоит вернуться к вырезкам, имеющим непосредственное отношение к определению финальной даты Тускарьского клада. Напомним, для части монет верхняя граница интервальной хронологии

определяется 387 г. х. Их средние диаметры в порядке убывания расположились следующим образом: 14,5 мм (№ 50), 13,5 мм (№ 47), 12,5 мм (№ 48), 11,5 мм (№ 49). У вырезки, принятой за t.p.q. (№ 52), этот показатель составлял 11,5 мм. Другими словами, из числа претендентов на омоложение конечной хронологии клада только одна вырезка имела формат, равный выделенному хронологическому маркеру, тогда как все остальные превышали этот показатель. Конечно, метрологические построения начинают работать в первую очередь при наличии статистически представительных данных, однако сам по себе этот факт можно расценивать, хотя и в качестве косвенного, однако аргумента, в пользу справедливости принятой нумизматической даты Тускарьского клада.

Анализ метрологии, в первую очередь размерности вырезок, позволяет установить место Тускарьского депозита в ряду финальных кладов «Посемья» и определяет его относительную хронологию, которая в целом соответствует нумизматической. Есть основания полагать, что его выпадение приходится на время, близкое младшей монете, в пределах 2-й половины 980-х гг.

Благодарности.

Авторы благодарят И.В. Гребенникову за возможность ознакомиться с коллекцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Големихов А.В.* О методике визуализации распределения монет по годам выпуска с использованием ядерной оценки плотности вероятности // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога 22–24 апреля 2016 года. СПб: ООО «Издательство «Знакъ», 2016. С. 461–473.
2. *Гоглов С.А.* Клад X в. с обрезанными куфическими монетами из Железногорского района Курской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Спецвыпуск «Русь Домонгольская». Вып. 11 / Ред. Д.В. Гулецкий, В.В. Зайцев, Г.А. Титов. Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2022. С. 26–38.
3. *Гоглов С.А., Лебедев В.П.* Денежно-вещевой клад с обрезанными куфическими монетами последней четверти X в. из Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Зайцев. СПб.: Контраст, 2020. С. 10–38.
4. *Гребенникова И.В., Шпилев А.Г.* Денежно-вещевой клад третьей четверти X в. из с. 2-я Воробьевка Курской области // Верхнее Подонье: Археология. История / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 34–44.
5. *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.
6. *Енуков В.В.* Круглые вырезки из дирхемов в денежном обращении X в.: историко-археологический антураж // КСИА. 2023. № 270. С. 84–98.
7. *Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П.* Шуклинский клад дирхамов X века и его археологический контекст // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 14–36.
8. *Енуков В.В., Лебедев В.П.* Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из Курского Посемья // РА. 2010. № 1. С. 94–103.
9. *Енуков В.В., Лебедев В.П.* Клад дирхемов с городища Кудеярова гора // Stratum plus. 2011. № 6. С. 49–58.
10. *Лебедев В.П.* Обрезанные в круг куфические дирхемы (ветвь Радимичи-Киев) времени княжения Святослава Игоревича и его сына Ярополка – предтеча чекана сребреников Владимира Святославича // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Спецвыпуск «Русь Домонгольская». Вып. 13 / Ред. Д.В. Гулецкий, В.В. Зайцев, Г.А. Титов. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2023. С. 57–69.
11. *Лебедев В.П., Марков Д.Б.* Клад обрезанных в круг дирхемов с Жерновецкого селища Курской области // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 22-24 апреля 2016 года. Материалы докладов и сообщений / Отв. ред. Н.С. Моисеенко. СПб.: Знакъ, 2016. С. 118–133.
12. *Лебедев В.П., Сотников А.В., Шпилев А.Г.* Клад арабских и византийских монет 70-х годов X в. из деревни 1-е Красниково Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Зайцев. М.: Древлехранилище, 2009. С. 6–16.

13. Лебедев В.П., Стародубцев Г.Ю. Кошелек с Северянскими резанами X в. из Курской области // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 397–402.

14. Kolosov I.A., Kalinin V.A. Catalogue of Samanid Dirhams 279–394 A.H. SPb.-M.: Контраст, 2022. 466 с.

Информация об авторах:

Енуков Владимир Васильевич, доктор исторических наук, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курский государственный университет (г. Курск, Россия); vyenukov@gmail.com

Гоглов Сергей Александрович, независимый исследователь (г. Ковров, Владимирская обл., Россия); goglov@mail.ru

HOARD OF DIRHAMS FROM THE 10TH CENTURY ON THE RIVER TUSKAR IN THE KURSK REGION

V.V. Enukov, S.A. Goglov

The article introduces into scientific circulation the hoard of the clipped Kufic dirhams found in the 1970s in the upper reaches of the river Tuskar, Kursk region. From its composition, the Kursk Regional Museum of Local Lore received 60 clipped coins, most of them made from Samanid coins. The complex dates back to the 2nd half of the 980s. Chronological distribution and metrology revealed its belonging to the final stage of specific monetary circulation, which became widespread in one of the regions of the Severskaya land – "Posemye".

Key words: Kursk region, 10th century, dirhams cut in a circle, metrology, Romny culture, Seversk land, "Posemye".

REFERENCES

1. Golemikhov, A. V. 2016. In Moiseenko, N. S. (ed.). *III Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII–XI vv.» (III The International Numismatic Conference "The Viking Era in Eastern Europe and Numismatic Objects of the 8th –11th Centuries")*. Saint Petersburg: Staraia Ladoga Historical-Architectural and Archaeological National Park, 461–473 (in Russian).

2. Goglov, S. A. 2022. In Guletskiy, D. V., Zaytsev, V. V., Titov, G. A. (eds.). *Rus', Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki. Spetsvypusk «Rus' Domongol'-skaya» (Rus, Lithuania, the Horde in the monuments of numismatics and sphragistics. Special edition of "Pre-Mongol Russia")* 11. Minsk: "RIFTUR PRINT" Publ., 26–38 (in Russian).

3. Goglov, S. A., Lebedev, V. P. 2020. In Zaitsev V. V. (ed.). *Srednevekovaia numizmatika Vostochnoi Evropy (Medieval Numismatics of Eastern Europe)* 8. Saint Petersburg: "Kontrast" Publ., 10–38 (in Russian).

4. Grebennikova, I. V., Shpilev, A. G. 2009. In Naumov, A. N. (ed.). *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya (Upper Don region: Archaeology. History).* Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 34–44 (in Russian).

5. Enukov, V. V. 2005. *Slaviane do Riurikovichei (The Slavs before the Rurik Dynasty)*. Kursk: "Uchitel'" Publ. (in Russian).

6. Enukov, V. V. 2023. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 270, 84–98 (in Russian).

7. Enukov, V. V., Enukova, O. N., Lebedev, V. P. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6. 14–36 (in Russian).

8. Enukov, V. V., Lebedev, V. P. 2010. In *Rossiyskaya arkheologiya* (*Russian Archaeology*) (1), 94–103 (in Russian).

9. Enukov, V. V., Lebedev, V. P. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 67–90 (in Russian).

10. Lebedev, V. P. 2023. In Guletskiy, D. V., Zaytsev, V. V., Titov, G. A. (eds.). *Rus', Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki. Spetsvypusk «Rus' Domongol'-skaya» (Rus, Lithuania, the Horde in the monuments of numismatics and sphragistics. Special edition of "Pre-Mongol Russia")* 13. Vil'nyus: Evropeyskiy gumanitarnyy universitet Publ., 57–69 (in Russian).

11. Lebedev, V. P., Markov, D. B. 2016. In Moiseenko, N. S. (ed.). *III Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII–XI vv.» (III The International Numismatic Conference "The Viking Era in Eastern Europe and Numismatic Objects of the 8th –11th Centuries")*. Saint Petersburg: Staraia Ladoga Historical-Architectural and Archaeological National Park, 118–133 (in Russian).

12. Lebedev, V. P., Sotnikov, A. V., Shpilev, A. G. 2009. In Zaitsev V. V. (ed.). *Srednevekovaia numizmatika Vostochnoi Evropy (Medieval Numismatics of Eastern Europe)* 3. Moscow: "Drevlekhranilishche" Publ., 6–16 (in Russian).

13. Lebedev, V. P., Starodubtsev, G. Yu. 2014. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik (Upper Don Archaeological Collection).* 6. Lipetsk: LGPU, 397–402 (in Russian).
14. Kolosov, I. A., Kalinin, V. A. 2022. Catalogue of Samanid Dirhams 279–394 A.H. SPb.-M.: "Kontrast" (in Russian).

About the Authors:

Enukov Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Director of the Research Institute of Archeology of South-East Rus'. Kursk State University. Radishcheva St., 33, Kursk, 305000, Russian Federation; vyenukov@gmail.com

Goglov Sergey A. independent researcher (Kovrov, Russia); goglov@mail.ru

Приложение

Тускарьский клад. Описание монет

Сокращения: Обр. – обрезано вкруг; В – вес, Д –размеры; Ц. – центр; К – край; КК – Kolosov, Kalinin, 2022; КОКМ – Курский областной краеведческий музей (с указанием инвентарного номера).

Аббасиды (1)

1. Ар-Ради + Абу-л-Фадл. (322–329 гг.х.). КОКМ 74807. Обр. В=1,23 г. Д=14,94–15,13 мм. Ц.

Бувейхиды (1)

2. Рукн ад-даула Абу Али. (332–366 гг.х.). КОКМ 74815. Обр. В=0,44 г. Д=11,04–12,98 мм. К.

Саманиды (50)

Наср б. Ахмад (9)

3. Андараба, 308 г. х. КОКМ 74841. Обр. В=0,75 г. Д=14,55–15,15 мм. Ц.

4. Халиф ал-Кахир (?). (320–322 гг. х.). КОКМ 74835. Обр. В=0,66 г, Д=13,04–13,96 мм. Ц.

5. Аш-Шаш, (301–310 гг. х.). КОКМ 74822. Обр. В=0,57 г. Д=12,10–12,31 мм. К.

6–9. Халиф ар-Ради. (Аш-Шаш, 322–329 гг. х). КОКМ 74824, 74785, 74803, 74789. Обр. В=0,92; 0,75; 0,68; 0,59 г. Д=11,61–12,27; 13,19–13,43; 13,39–13,92; 11,98–12,51 мм. К, Ц (3).

10. Халиф ар-Ради. (322–329 гг. х). КОКМ 74818. Об. В=0,80 г. Д=11,82–12,50 мм. Ц.

11. (301–331 гг.х.). КОКМ 74786. Обр. В=0,40 г. Д=10,57–11,22 мм. К.

Наср б. Ахмад или Нух б. Наср (1)

12. Халиф ал-Муттаки. Афганская чеканка (?), (329–333 гг. х.). КОКМ 74812. Обр. В=0,69 г. Д=13,10–13,37 мм. Ц.

Нух б. Наср (6)

13. 333 (?) г. х. КОКМ 74821. Обр. В=0,67 г. Д=13,60–14,81 мм. К.

14. 33(7/9) г. х. КОКМ 74814. Обр. В=0,89 г. Д=13,20–14,20 мм. К.

15. Самарканд, (331–343 гг. х.). КОКМ 74784. Обр. В=0,56 г. Д=12,01–12,65 мм. К.

16, 17. Халиф ал-Мустакфи. Самарканд, (333–343 гг. х.). КОКМ 74793, 74801. Обр. В=0,81; 0,68 г. Д=12,99–13,74; 13,50–13,91 мм. Ц (2).

18. Аш-Шаш, (333–343 гг. х.). КОКМ 74805. Обр. В=0,61 г. Д=14,10–14,83 мм. К.

Нух б. Наср или Абд ал-Малик б. Нух (1)

19. 34х г. х. КОКМ 74820. Обр. В=0,40 г. Д=11,33–12,08 мм. К.

Абд ал-Малик б. Нух (4)

20. (Самарканд), 34х г. х. КОКМ 74796. Обр. В=0,91 г. Д=14,22–14,86 мм. К.

21. (Аш-Шаш), 34х г. х. КОКМ 74794. Обр. В=0,93 г. Д=14,15–14,40 мм. К.

22. (343–350 гг. х.). КОКМ 74811. Обр. В=0,33 г. Д=11,02–11,18 мм. К.

23. (Абд ал-Малик б. Нух?). Аш-Шаш, (343–350 гг. х.). КОКМ 74832. Обр. В=0,37 г. Д=10,75–11,41 мм. К.

Абд ал-Малик б. Нух или Мансур б. Нух (1)

24. (350–365 гг. х.). КОКМ 74829. Обр. В=0,34 г. Д=11,50–11,90 мм. К.

Мансур б. Нух (19)

25. Балх, 352 (?) г. х. КОКМ 74791. Обр. В=0,65 г. Д=12,92–13,80 мм. К.

26. Аш-Шаш, (353–355 гг. х.). КОКМ 74831. Обр. В=0,44 г. Д=11,37–11,80 мм. К.

27. + Бугра-бег. Бухара, 355 г. х. *Kolosov I.A.*, *Kalinin V.A.*, 2022. Bu.355.2. КОКМ 74795. Обр. В=0,71 г. Д=12,83–13,50 мм. К.

28. + Бугра-бег. Бухара, 357 (?) г. х. КОКМ 74813. Обр. В=0,56 г. Д=12,58–12,83 мм. К.

29. (Аш-Шаш), 357 г. х. КОКМ 74837. Обр. В=0,52 г. Д=11,73–12,90 мм. К.

30. + Бугра-бег. (Бухара, 350-е гг. х.). КОКМ 74819. Обр. В=0,57 г. Д=12,53–13,23 мм. К.

31. 35х г. х. КОКМ 74797. Обр. В=0,54 г. Д=13,72–14,02 мм. К.

32. (350–359 г. х.). КОКМ 74792. Обр. В=0,57 г. Д=12,25–13,60 мм. К.

33, 34. + Фаик. (Аш-Шаш), 35х г. х. КОКМ 74834, 74833. Обр. В=0,60; 0,35 г. Д=12,57–13,46; 9,79–11,26 мм. К (2).

35. + Фаик. (Аш-Шаш, 353–360 гг. х.). КОКМ 74790. Обр. В=0,41 г. Д=11,07–12,07 мм. К.

36, 37. Аш-Шаш, (353–365 гг. х.). КОКМ 74804, 74809. Обр., 1 отв. (№37). В=0,87; 0,58 г. Д=13,04–13,76; 12,40–14,51 мм. К (2).

38, 39. + Али. (Рашт, 358–366 гг. х.). КОКМ 74806, 74840. Обр., 1 отв. (№39). В=0,73; 0,45 г. Д=13,17–14,17; 11,95–12,47 мм. К (2).

40. (Рашт?), 363 г. х. КОКМ 74817. Обр. В=0,45 г. Д=11,91–13,30 мм. К.

41. + Фаик. Аш-Шаш, 363 (?) г. х. КОКМ 74839. Обр. В=0,53 г. Д=13,17–13,57 мм. К.

42, 43. (Аш-Шаш, 361–366 гг. х.). КОКМ 74800, 74808. Обр. В=0,62; 0,39 г. Д=13,06–14,14; 10,92–11,16 мм. К (2).

Время Нуха б. Насра – Мансура б. Нуха (2)

44. Аш-Шаш, (331–365 гг. х.). КОКМ 74842. Обр. В=0,64 г. Д=12,57–13,68 мм. К.

45. (331–365 гг.х.). КОКМ 74798. Обр. В=0,67 г. Д=13,85–14,28 мм. К.

Мансур б. Нух или Нух б. Мансур (5)

46/16. (Аш-Шаш, 350–369 гг. х.). КОКМ 74799. Обр. В=0,67 г. Д=13,55–14,37 мм. К.

47. (Самарканд, 353–387 гг. х.). КОКМ 74810. Обр. В=0,51 г. Д=13,08–13,77 мм. К.

48, 49. (353–387 гг. х.). КОКМ 74823, 74802. Обр. В=0,59; 0,38 г. Д=12,50–12,86; 10,90–11,50 г. К (2).

50. Афганская чеканка, (365–387 гг. х.?). КОКМ 74788. Обр. В=0,86 г. Д=13,58–14,98 мм. К.

Нух б. Мансур (1)

51. 36х г. х. КОКМ 74815. Обр. В=0,41 г. Д=10,70–11,14 мм. К.

Саманиды? (1)

52. (Нух б. Мансур?). 37(5/8) г. х.=t.p.q. КОКМ 74827. Обр. В=0,37 г. Д=11,06–11,25 мм. К.

Неопределимые дирхемы (6)

53–58. КОКМ 74825, 74830, 74827, 74843, 74826, 74787. Обр., 1 отв. (№53). В=1,00; 0,79; 0,75; 0,51; 0,49; 0,42. Д=14,96–15,86; 11,82–12,61; 13,07–13,77; 11,50–12,54; 10,91–11,06; 10,87–12,46 мм. Ц (?), К (5).

Не отчеканенные пластины (2)

59, 60. КОКМ 74836, 74838. Обр. В=1,20; 0,48 мм. Д=13,29–14,00; 10,93–11,92 мм. Ц (?), К.

Статья принята в номер 15.02.2024 г.

Список сокращений

АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
БУ РА НМРА – Бюджетное учреждение Республики Алтай Национальный музей Республики Алтай
ВА – Вестник антропологии
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМВ – Государственный музей Востока
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора
ДД – Донские древности
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ЗСО ИРГО – Западно-Сибирский отдел императорского русского географического общества
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
КалмГУ – Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института археологии материальной культуры
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева

ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья
МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
МНК – Международная нумизматическая конференция
МЮТАКЭ – Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – научно-исследовательский институт
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
РА – Российская археология (Москва)
РАН – Российская академия наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РГО – Русское географическое общество
РИЦ – редакционно-издательский центр
РНФ – Российский научный фонд
РСМ – Раннеславянский мир
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СГПИ – Ставропольский государственный педагогический институт
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья
СО АН СССР – Сибирское отделение академии наук СССР
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
СПб – Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СУАК – Ставропольская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/

Сроки приема материалов

№ 1 (март) – не позднее 1 декабря
№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года
№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года
№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 24.06.2025 г. Формат 70×108 1/16
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20

16+